PP
74842

915
В29

Возвратите книгу
не позже
означенного здесь срока.

74842-РФ

ОЧЕРКИ ЯПОНІИ

ЭК-15

М. Венюкова.

Съ картою.

21
2

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1869.

91(59)
В-298
915
В29

ОЧЕРКИ ЯПОНІИ

М. Венюкова.

Съ картою.

РЯЗАНСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ.
ПРОВЕРЕНО 1954 г.
Абонемент

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1869.

Всѣ права на изданіе сохраняются, и потому каждое воспроизведеніе будетъ преслѣдуемо.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Значительная часть предлагаемыхъ «Очерковъ» въ настоящемъ своемъ видѣ вовсе не предназначалась къ печати. При долговременныхъ странствованіяхъ на Востокѣ и Западѣ, усвоивъ привычку предварительно ознакомляться съ страной, которую посѣтить собирался, я писалъ ихъ для себя, какъ руководство при осмотрѣ Японіи. Разумѣется, въ это время они были изложены въ самой сжатой, отрывочной формѣ, и пребываніе въ краѣ въ теченіе *нѣсколькихъ мѣсяцевъ* предназначалось именно для того, чтобы оживить ихъ наглядностью и пополнить, гдѣ было нужно. Къ сожалѣнію планъ мой далеко неудался. Изъ восьми мѣсяцевъ, которые были въ моемъ распоряженіи, два пропали безплодно на поѣзку въ Сибирь, откуда пришлось вернуться, не попавъ даже въ Монголію, ибо для этого оказалось мало разрѣшенія свыше, заграничнаго паспорта и подорожной..... И хотя я хлопоталъ о продолженіи моего пребыванія на Востокѣ; но посланныя съ этою цѣлью бумаги въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ недостигли тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе дѣла. Такимъ образомъ у меня осталось небольше полгода: время слишкомъ недостаточное, чтобы совершить далекую поѣздку и внимательнымъ личнымъ обозрѣніемъ пополнить пробѣлы, которые открылись по мѣрѣ разработки матеріаловъ. Отъ самостоятельнаго труда, разумѣется, пришлось отказаться, и затѣмъ единственнымъ результатомъ довольно долгой работы и затраченныхъ на нее средствъ могла выйдти только предлагаемая книга, которой

содержаніе я старался впрочемъ сдѣлать повозможности точнымъ.

Прошу читателя не отказать во вниманіи къ этой замѣткѣ при чтеніи «Очерковъ.» Ихъ появленіе я позволяю себѣ оправдывать только тѣмъ, что при общемъ интересѣ, возбуждаемомъ нынѣ Японіей, у насъ нѣтъ ни одного сочиненія, которое бы знакомило съ современнымъ ея состояніемъ Душевно желаю, чтобы лица, болѣе меня свѣдущія, поспѣшили подарить намъ что-нибудь лучшее, и ежели кто-нибудь изъ нихъ удостоитъ мою книгу своими печатными отзывами, то мнѣ останется только пожалѣть, что я не въ состояніи буду присоединить отзывы эти къ изданію.

Находящаяся при сочиненіи карта заключаетъ въ себѣ сводку новѣйшихъ европейскихъ картографическихъ работъ, сличенныхъ съ оригинальными японскими картами. Берега Кореи, Сахалина, многихъ частей Нипона являются тутъ изображенными значительно ближе къ истинѣ, чѣмъ напримѣръ на картахъ Бергхауза, Бента, Киперта, Вайльда. Японское море, сколько мнѣ извѣстно, еще никогда не было очерчено *во всемъ его объемѣ* такъ, какъ это оказалось возможнымъ сдѣлать при настоящемъ случаѣ.

Въ заключеніе не могу отказать себѣ въ удовольствіи замѣтить, что сдѣланный мною намѣренный пропускъ одной главы книги, о правительственномъ устройствѣ Японіи, отчасти вознагражденъ уже для русской публики запискою г-на Е. Б. которой существованіе сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ лишь тогда, когда «Очерки» были оканчиваемы печатаніемъ. Любопытные найдутъ статью г-на Е. Б. въ № 7 Извѣстій Русскаго Географическаго Общества за 1868 г., только что появившемся въ свѣтъ.

Декабрь 1868. М. В.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Рязанскаго Благороднаго Собранія.
Отдѣлъ VII № 55
Шкафъ 3 Полка 1 Рядъ 2

ОЧЕРКИ

ВВЕДЕНІЕ.

О средствахъ къ ознакомленію съ Японіей.

Въ наше время путешествія совершенно утратили тотъ характеръ, который онѣ имѣли въ XV, XVI и даже XVIII вѣкѣ. Тогдашніе путешественники пускались большею частію на-угадъ, въ страны, никому невѣдомыя и которыя они собирались открыть. Приставъ къ далекому берегу, познакомясь, иногда очень поверхностно, съ новой страной, они возвращались домой съ увѣренностью, что всякая мелочь, ими подмѣченная и описанная, займетъ общее любопытство. Самая идея далекихъ странствованій была привлекательна, потому что путешествія надолго удаляли отъ обыденныхъ предметовъ и нерѣдко сопровождались многими романическими подробностями, а иногда и немалыми трудностями, которыя преодолѣть способна была только сильная воля, руководимая высшимъ умомъ или горячимъ воображеніемъ. Еще въ началѣ нашего вѣка кругосвѣтныя плаванія длились по годамъ, хотя географическія

открытія стали ужъ рѣдкостью; а въ XVIII-мъ Кукъ, Ванкуверъ, Лаперузъ и многіе другіе отважные мореходцы оставляли европейскіе берега на очень долгое время. Они переносились изъ одного полушарія въ другое, знакомились съ новыми частями свѣта, съ цѣлыми архипелагами острововъ, съ ихъ природой, жителями и проч., и эта смѣна впечатлѣній непосредственныхъ, цѣльныхъ, вносила въ ихъ душу живыя картины, которыхъ прелесть передать было нетрудно, оставаясь на чисто повѣствовательной почвѣ.

Совсѣмъ не то въ наше время. Теперь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Африки, Австраліи и мѣстъ, сосѣднихъ полюсамъ, нѣтъ странъ невѣдомыхъ, неизслѣдованныхъ, болѣе или менѣе, топографами, естествоиспытателями, этнографами и даже филологами и историками. Въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ не найдется клочка земли пространствомъ больше Германіи, о которомъ бы хоть чего-либо не было писано, или природа котораго намъ была бы вполнѣ неизвѣстна. Запасъ свѣдѣній растетъ съ быстротой, истинно изумительной, и немногіе лишь спеціалисты-географы въ состояніи слѣдить за его накопленіемъ. Отъ самыхъ путешественниковъ теперь требуется совсѣмъ инаго, чѣмъ было въ XVI вѣкѣ, и ихъ описанія изъ сферы повѣствовательной переходятъ почти сполна въ дидактическую. Всякій нынѣ желаетъ — и справедливо — отъ авторовъ поменьше подробностей о ходѣ самаго странствованія и побольше точныхъ данныхъ о посѣщенной странѣ. Путешественнику притомъ ставятъ въ укоръ, если онъ

не былъ подробно знакомъ съ краемъ прежде, чѣмъ поѣхалъ въ него, развѣ край этотъ — средина Африки или Новой Голландіи. И такое знакомство должно неограничиваться изученіемъ какого-либо одного сочиненія, хотя бы самаго полнаго, но по возможности охватывать всю литтературу предмета и даже содержать критическій взглядъ на нее. А если произведенія страны уже собраны въ музеяхъ или ученыхъ коллекціяхъ, то и знакомство съ ними составляетъ какъ бы нравственную обязанность путешественника, хотя оно и влечетъ за собою потерю времени и значительныхъ средствъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ дарованія путешественника могутъ замѣнить недостатокъ этой предварительной подготовки; но и тогда обыкновенно бываетъ замѣтна или неполнота, или односторонность его труда, отнимающая часть достоинстъ его. Современное «путешествіе», если можно такъ выразиться, должно быть итогомъ того, что сдѣлано цѣлою фалангою людей, трудившихся прежде, и на личной отвѣтственности автора лежитъ только вѣрность изложенныхъ данныхъ, ихъ современность и занимательность изложенія.

Насколько такія требованія разрушаютъ очарованіе путешествія, нетрудно понять. Прелесть новизны, непосредственность впечатлѣнія страны пропадаютъ почти совсѣмъ. Впечатлѣніе это дробится на множество представленій, изъ которыхъ однѣ почерпнуты прямо изъ природы, другія изъ книгъ и музеевъ. Эти разнородныя представленія нерѣдко борятся между собою, оставляютъ въ душѣ сомнѣнія, и въ результатѣ выходитъ не-

ясность общаго созерцанія, неясность, которой можно избѣжать только долговременнымъ пребываніемъ въ краѣ и повѣркою, по возможности, всего, что вынесено изъ предварительныхъ изученій. Счастливъ тотъ путешественникъ, которому удается, не смотря на эту борьбу, вынести отчетливый очеркъ видѣнной имъ картины. Его не подавляетъ масса авторитетовъ, его странствованія становятся, по крайней мѣрѣ для него самаго, одною поэмою, стройною и художественною, и онъ не бываетъ вынужденъ впадать въ противорѣчія съ самимъ собою, подобно напр. нашему мореходцу Головнину, который хотѣлъ описывать только то, что самъ видѣлъ въ Японіи, и которому однако пришлось существеннѣйшую, но заимствованную, часть картины страны отдѣлить въ особое цѣлое, независимое отъ разсказа о его приключеніяхъ.

Я не имѣю никакого притязанія приравнивать мой настоящій трудъ къ «путешествіямъ» или «описаніямъ» ученыхъ испытателей природы, мореходцевъ, этнографовъ и проч. Это просто географическіе очерки, назначенные для первоначальнаго ознакомленія съ Японіей тѣхъ, которые поинтересуются этой страной, такъ близкой къ русскимъ предѣламъ и переживающей столь знаменательную эпоху своей исторіи. Поэтому было бы для меня легче не писать вовсе этого введенія, не входить въ изложенныя сейчасъ соображенія, не исчислять трудовъ, которые служили моими опорами, и не утомлять вниманія читателя сухимъ перечнемъ предметовъ, которые ему и безъ того будутъ извѣстны, какъ только

онъ вздумаетъ серьезно заняться Японіей. Но съ одной стороны обязанность моя — отдать должное тѣмъ, у кого я заимствовалъ, — а съ другой простая историческая послѣдовательность самаго хода моихъ занятій, побуждаютъ меня войдти здѣсь въ нѣкоторыя подробности о матеріалахъ, бывшихъ у меня при составленіи книги. Постараюсь быть яснымъ, немногословнымъ и точнымъ.

Японія, какъ извѣстно, до послѣдняго времени (1854 г.) принадлежала къ числу странъ, наименѣе знаемыхъ европейцами. Благодаря ея двухвѣковому отчужденію отъ всего остальнаго свѣта, о ней забыто было даже и то, что собрано въ XVI и XVII вѣкѣ. Самые недалекіе по времени труды, напр. Тунберга, Фишера, Деффа, были знакомы только спеціалистамъ *), и исключеніе оставалось развѣ за Зибольдомъ, о которомъ впрочемъ большею частію судили лишь по наслышкѣ и по многочисленнымъ рисункамъ, приложеннымъ къ его неоконченному изданію. Тѣмъ не менѣе, географиче-

*) Да и то не вездѣ. Собираясь въ поѣздку, я имѣлъ случай неоднократно *впервые* разрѣзывать книги о Японіи, хранящіеся въ Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Многихъ сочиненій, даже Кемфера, нельзя было найдти въ лучшихъ петербургскихъ книгохранилищахъ, за исключеніемъ Императорскаго. Въ магазинахъ не было Гаукса, Алькока и другихъ, весьма извѣстныхъ книгъ. Въ Сибири лица, которыхъ самое общественное положеніе вызываетъ на изученіе сосѣднихъ странъ, не знали ничего о Кемферѣ, Тунбергѣ, и т. п.

ская литтература о Японіи довольно обширна, и если ее нельзя поставить въ рядъ съ необъятнымъ собраніемъ сочиненій о Китаѣ и Индіи; то все-таки содержаніе ея настолько богато и разнообразно, что и донынѣ можно прибавить немного къ нему. Изслѣдователи прежняго времени коснулись почти всего, что способно интересовать путешественника и иностранца, собирающагося посѣтить японское государство, а медленность историческаго развитія этого государства сохранила за ихъ трудами достоинство (относительной) свѣжести. Назову здѣсь главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ.

Первое по времени сочиненіе составляютъ письма іезуитовъ-миссіонеровъ, проникшихъ въ Японію одновременно съ ея открывателями (1543 — 49 г.). Онѣ носятъ названіе *Epistolae Japonicae* и составляютъ нѣсколько серій, изданныхъ разновременно. Самая ранняя относится къ 1569 году и составляетъ два тома, публикованныхъ въ Лувенѣ. Затѣмъ слѣдовала вторая, обыкновенно носящая имя издателя своего, *Маффеи*, и вышедшая въ Парижѣ въ годъ варѳоломеевской ночи (1572). Въ 1605 году сюда присоединилось новое собраніе, составленное *Іоанномъ Гайю*, собраніе очень богатое разнаго рода подробностями и потому весьма занимательное. Всѣ эти сочиненія, хотя и имѣли по нѣсколькуизданій, составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость и даже въ XVII вѣкѣ, въ библіотекѣ богатаго любителя путешествій, Ганса Слоана, находилися не вполнѣ. Само собою разумѣется, что Epistolae Japonicae, бывшія собственно отчетами іезуитовъ генералу ихъ ордена въ

Римѣ, имѣли въ виду прежде всего интересы вѣроученія, ими пропагандированнаго; но онѣ богаты и разными другими данными, особливо о государственномъ устройствѣ, религіи, бытѣ, культурѣ страны и пр. Въ наше время эти сочиненія могли бы служить точкою отправленія для сравнительнаго изученія общихъ успѣховъ японцевъ въ цивилизаціи; но ихъ іезуитская окраска отталкиваетъ читателя.

За іезуитскими письмами и даже наровнѣ съ ними слѣдуетъ поставить: 1) «Реляцію о посольствѣ японцевъ въ Римъ», *Гвальтіери*, 1586 г.; реляція эта содержитъ, между прочимъ, описаніе Японіи*); 2) «Шестнадцать книгъ исторіи Индіи», упомянутаго уже *Маффеи*, 1590.; 3) *Толозенову* «Исторію замѣчательностей Остъ-Индіи и другихъ странъ, открытыхъ португальцами», 1608 — 11 г.; 4) «Путешествія» Фернанда Мендеза *Пинто*, коихъ португальскій подлинникъ явился въ 1614 г.; 5) «Странствованія» *Пюрчаза*, 1617 г.; 6) «Письма о путешествіи въ Индію», англичанина *Адамса*, который былъ лоцманомъ на корабляхъ голландцевъ, — и 7) «Правдивое описаніе Японіи», *Ф. Карона*, капитана голландскаго флота, 1622 — 29 г. г. Это послѣднее сочиненіе было особенно популярно въ теченіе долгаго времени. Оно составлено авторомъ въ

*) Другое изданіе по поводу того же посольства, подъ названіемъ «De missione legatorum Japonensim», 1590, было напечатано по-латыни и по-японски и содержало описаніе Европы — для японцевъ.

отвѣтъ на вопросы, предложенные главнымъ директоромъ нидерландской Остъ-Индской компаніи, Лукисомъ, и, будучи дополнено, при разныхъ изданіяхъ, примѣчаніями многихъ авторовъ — Гагенера, Гисберга, Крammера, Мерклина и др., долго служило какъ бы энциклопедіею европейскихъ свѣдѣній объ Японіи. Если не ошибаюсь, оно было переведено даже на русскій языкъ по приказанію Петра Великаго. — Изъ голландцевъ, которые, послѣ португальцевъ, были первыми европейцами, проникшими въ Японскій архипелагъ, можно еще назвать *Линсхотена*, который составилъ короткое описаніе страны по распросамъ въ Гоа. Но говоря вообще, до самаго изгнанія христіанъ изъ Японіи, въ 1638 г., главные о ней труды принадлежали тогдашнимъ передовымъ дѣятелямъ европейскаго знанія — іезуитамъ, и къ помянутымъ уже сочиненіямъ ихъ можно прибавить: «Церковную исторію Японіи», *Солье*, 1627 г.; «Исторію того, что произошло въ Японіи», *Петра Морена**), 1625 г.; «Торжествующее въ Японіи христіанство», *Трио*; «Извѣстія о провинціи Японіи», *Кардима*, и нѣсколько другихъ, менѣе замѣчательныхъ. Іезуиты, правда, не руководствовались высокою цѣлью собственно научнаго, всесторонняго и безпристрастнаго изученія новооткрытой страны; но они неутомимо собирали разныя свѣдѣнія о ней, изучали ея устройство, вѣру, языкъ**) естествоисторическія и математическія

*) Которымъ впервые описанъ Мацмай.

**) Первые словарь и грамматика японскаго языка соста-

познанія японцевъ и проч., пока не постигла ихъ катасфора, ими же подготовленная и стоившая жизни многимъ тысячамъ христіанъ-японцевъ и европейцевъ.

Съ половины семнадцатаго вѣка, т. е. съ изгнанія португальцевъ и англичанъ изъ Японіи, начинается второй періодъ европейской литературы относительно этой страны. Значительная часть сочиненій, появившихся съ этого времени, не имѣла уже характера самобытности, а принадлежала къ разряду компиляцій, болѣе или менѣе полныхъ, но не подвигавшихъ впередъ нашего знанія. Труды эти конечно имѣли свое достоинство, потому что въ сжатой, систематической формѣ предлагали читателямъ то, что было разбросано въ разныхъ прежнихъ извѣстіяхъ; но все-таки они не могли удовлетворить любопытству европейцевъ, которыхъ понятія, тѣмъ временемъ, по сверженіи узъ схоластики и классицизма, быстро разширялись во всѣхъ направленіяхъ. Изъ числа этихъ компиляцій назову здѣсь во-первыхъ сочиненіе знаменитаго географа *Бернгарда Вареніуса:* «Описаніе Японскаго государства», которое появилось въ 1649 году, т. е. въ такое время, когда главные дѣятели по изученію Японіи еще были живы, и труды ихъ были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Сочиненіе Вареніуса невелико, но обстоятельно. Другой, болѣе обширный компилятивный трудъ составляетъ книга *Мёрса:* «Замѣчательныя посольства къ японско-

---

влены іезуитомъ *Колладо* въ 1612 г.; наиболѣе полное сочиненіе о грамматикѣ принадлежитъ іезуиту же *Родригесу.*

му императору», гдѣ изложены многія подробности о бытѣ японцевъ и о сношеніяхъ ихъ въ XVI и XVII вѣкѣ съ европейскими націями. Книга эта, обогащенная многими рисунками въ текстѣ, вышла въ 1690 году и, какъ великолѣпное по тому времени изданіе, посвящена королю Людовину XIV; но научныхъ достоинствъ она не имѣетъ; въ ней даже много фальшиваго. Послѣ того изрѣдка стали появляться сочиненія членовъ голландской факторіи въ Децимѣ, преимущественно начальниковъ ея и врачей, и имъ то наука обязана какъ повѣркою многихъ изъ прежнихъ свѣдѣній, такъ особенно разработкою данныхъ о естественной производительности страны *). Выше всѣхъ писателей этого времени нужно поставить *Энгельберта Кемфера*, котораго трудъ: «Исторію Японіи естественную, гражданскую и церковную» можно назвать классическимъ. Кемферъ былъ врачъ, по окончаніи пребыванія въ Японіи получившій мѣсто придворнаго медика при одномъ изъ многочисленныхъ германскихъ князей того времени. По своимъ занятіямъ онъ болѣе всего принадлежалъ къ разряду ботаниковъ, но его обширныя свѣдѣнія простирались на всѣ отрасли знанія описаннаго имъ края. Сочиненію его однако грозила участь остаться въ неизвѣстности, такъ какъ по недостатку средствъ и за смертію онъ не успѣлъ издать его; но тутъ явился на

*) Естественная исторія Японіи впервые служила предметомъ изслѣдованія для Клейфа и Тенъ-Рина, медиковъ голландской факторіи.

помощь богатый англійскій любитель наукъ, Гансъ Слоанъ, и спасъ «Исторію Японіи» отъ забвенія. Первое изданіе этого высоко-занимательнаго сочиненія явилось въ Лондонѣ, въ 1728 году, на англійскомъ языкѣ; затѣмъ французскій переводъ вышелъ въ Парижѣ въ 1732 году. Первая его часть содержитъ географическое описаніе Японской имперіи и частію свѣдѣнія о странахъ, посѣщенныхъ предъ тѣмъ сочинителемъ; во второй разсматривается политическое устройство и состояніе Японіи; въ третьей — ея религія, въ четвертой — обычаи и законы, а пятая содержитъ описаніе двухъ путешествій изъ Нагасаки въ Іеддо. Кромѣ того при книгѣ есть пять дополненій, трактующихъ о чаѣ, бумагѣ и пр., и приложено много картъ и рисунковъ. Собственно ботаническія изслѣдованія и открытія автора помѣщены въ другомъ его трудѣ: «Amoenitates exoticae»; но и въ Исторіи Японіи отведено довольно мѣста обзору естественныхъ богатствъ страны, какъ растительныхъ, такъ животныхъ и минеральныхъ. По разнообразію содержанія, точности, простотѣ и ясности изложенія ни одно изъ извѣстныхъ доселѣ сочиненій о Японіи, даже новѣйшихъ, не можетъ стать въ уровень съ кемферовымъ, и исключеніе осталось бы развѣ за Зибольдомъ, если бы трудъ его былъ оконченъ. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать Исторіи Японіи, это — наивность автора, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываетъ улыбку, какъ напр. при изложеніи имъ теоріи происхожденія японцевъ изъ западной Азіи. Къ современнымъ Кемферу или недале-

кимъ отъ него по времени изданіямъ относительно Японіи нужно отнести еще: великолѣпный «Японскій Атласъ» *Арнольда Монтануса* — изданіе впрочемъ не научное; *Валентинову* «Восточную Индію» и «Исторію Японіи» *Шарлевуа*. Въ сочиненіи Валентина — 5 томовъ in-folio, 1724—26 г. — разсматриваются вообще открытія, сдѣланныя голландцами въ юговосточной Азіи и описываются успѣхи нидерландской Ость-Индской компаніи. Тутъ нашли себѣ мѣсто извѣстія о всѣхъ первыхъ голландскихъ мореходцахъ, посѣщавшихъ Японію: Адамсѣ, Гагенерѣ, Квекернесѣ, Зандфортѣ, Твистѣ и проч. — Шарлевуа — 1736 г. 4 тома in-quarto — стоитъ на плечахъ католическихъ миссіонеровъ, и сочиненіе его подробно разсматриваетъ ихъ дѣятельность. Но кромѣ того у него находится дѣльное и точное описаніе самой Японіи, которое донынѣ не лишено цѣны. Обзоръ дѣятельности португальцевъ въ Японіи сдѣланъ *Лаффито* въ его «Исторіи открытій и завоеваній» этой націи, и его книга, вмѣстѣ съ сочиненіями Валентина и Шарлевуа, принадлежитъ къ числу главныхъ матеріаловъ для исторіи перваго періода сношеній европейскихъ народовъ съ японцами.

Почти все XVIII столѣтіе прошло безъ пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній о Японскомъ архипелагѣ. За прекращеніемъ почти всякихъ сношеній съ этой страною, европейское общество какъ бы забыло о ней или, со словъ озлобленныхъ католическихъ монаховъ, поминало ее не добромъ. Между тѣмъ она обращала на себя

вниманіе если не государственныхъ и практическихъ людей, то естествоиспытателей, которые знали изъ Кемфера, что Японія содержитъ многочисленные виды животныхъ, растеній и ископаемыхъ, но которые не могли довольствоваться его извѣстіями, такъ какъ требованія науки возрасли въ теченіе вѣка съ неимовѣрною быстротою. Шведскій ботаникъ *Тунбергъ*, ученикъ Линнея, далъ отвѣтъ на эту потребность, принявъ на себя должность врача при голландской факторіи и издавъ, по возвращеніи оттуда, «Флору Японіи» и «Путешествіе» въ эту страну. «Флора» есть собственно каталогъ растеній, съ краткими описаніями и нѣсколькими рисунками растеній, которыя ботаникъ успѣлъ собрать въ короткій мѣсячный срокъ гербаризаціи вокругъ Нагасаки и по пути въ Іеддо; поэтому она не больше, какъ матеріалъ для будущаго изслѣдователя, но не полное описаніе растительности страны. «Путешествіе» же Тунберга принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ трудовъ о Японіи и о нѣкоторыхъ другихъ странахъ, посѣщенныхъ авторомъ по пути туда. Оно вышло сначала, въ 1789—93 г., на шведскомъ языкѣ, въ 4-хъ томахъ in-folio, потомъ въ 1796 г. на французскомъ, съ примѣчаніями Ланглеса и Ламарка. Собственно до Японіи относится только 3-я книга и небольшія части 2-й и 4-й; первая же и большая половина 2-й и 4-й посвящены Мысу Доброй Надежды, Цейлону и Явѣ. Но и при небольшомъ объемѣ тунбергово описаніе Японіи довольно богато данными. Имъ произведены первыя метеорологическія наблюденія въ

Нагасаки, собранъ небольшой словарь японскаго языка съ нѣсколькими грамматическими замѣчаніями къ нему, изложены любопытныя свѣдѣнія о торговлѣ голландцевъ и китайцевъ, о монетахъ въ Японіи, о производительности ея и промыслахъ, о полиціи и общественныхъ развлеченіяхъ. Сочинитель вообще восхваляетъ японскіе нравы, подобно многимъ своимъ предшественникамъ и послѣдователямъ, напр. нашему Головнину; но его хваленія искренни и не заключаютъ въ себѣ ничего сантиментальнаго, какъ то встрѣчается у многихъ писателей XVIII столѣтія. За тунберговыми трудами слѣдуютъ путешествія *Броутона* и *Крузенштерна*, изъ которыхъ первый впрочемъ ограничился лишь описью береговъ и краткими географическими извѣстіями, а второй хотя и даетъ нѣсколько интересныхъ главъ о Японіи, но преимущественно о сѣверныхъ ея островахъ, занятыхъ аинами, и о Нагасаки, довольно уже извѣстномъ и прежде. Крузенштерну впрочемъ принадлежитъ честь самаго обстоятельнаго опредѣленія многихъ астрономическихъ точекъ въ Японскомъ архипелагѣ, такъ что и понынѣ его данныя принимаются всѣми. Великолѣпный атласъ, сопровождающій «Путешествіе», содержитъ нѣсколько любопытныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ натуралистомъ экспедиціи, *Тилезіусомъ*, и относящихся до этнографіи и зоологіи Японскаго архипелага. Тамъ же находится карта Японскаго моря, долго служившая основою всѣхъ прочихъ, и къ самому «Путешествію» приложены довольно многочисленныя наблюденія *Горнера* надъ теплотою и со-

леностію морей, сосѣднихъ Японіи, и надъ теченіями въ нихъ. Кромѣ того путешествію русскихъ наука обязана наблюденіями *Лангсдорфа*, издавшаго свои труды особо. Крузенштернъ въ Нагасаки встрѣтился съ *Деффомъ*, тогдашнимъ начальникомъ голландской факторіи, не совсѣмъ благосклонно смотрѣвшимъ на появленіе русскихъ въ японскихъ водахъ и позднѣе издавшимъ свое сочиненіе о Японіи подъ названіемъ: «Herinneringen wit Japan». Одновременно съ Деффомъ, Японія, въ первой четверти нашего вѣка, стала предметомъ изслѣдованій съ одной стороны невольнаго странствователя по ней, плѣнника японцевъ, *Головнина*, а съ другой знаменитаго лингвиста *Клапрота*. Головнинъ около двухъ лѣтъ провелъ между японцами въ Мацмаѣ и Хакодате. Однажды онъ бѣжалъ изъ своего заключенія и скитался нѣсколько дней по югозападной части острова Іезо; но это не познакомило его достаточно съ природой страны, и въ его «Запискахъ» объ этой послѣдней говорится меньше всего. За то нѣкоторыя черты быта японцевъ и аиновъ разсказаны имъ съ безпристрастіемъ и правдивостью. Головнинъ къ описанію своихъ приключеній присоединилъ и систематическое описаніе японскаго государства — единственное оригинальное сочиненіе на русскомъ языкѣ; но оно даетъ мало новаго тѣмъ, кто читалъ прежнихъ европейскихъ писателей. Клапротъ самъ въ Японіи не былъ; но работая по китайскимъ источникамъ, проникшимъ въ Европу, и по матеріаламъ, собраннымъ европейскими путешественниками, сдѣлалъ извѣстными

нѣкоторыя не маловажныя подробности изъ географіи и исторіи Японіи. Онъ также первый старался опредѣлить мѣсто японцевъ въ ряду другихъ азіатскихъ народовъ. И хотя метода его, исключительно лингвистическая, т. е. основанная на сравненіи словарей, не можетъ назваться удачною; но онъ не оставилъ сомнѣнія въ томъ, что японскій языкъ совершенно отличенъ отъ другихъ, между прочимъ и отъ китайскаго, съ которымъ его сближали, такъ какъ у японцевъ нѣкоторые письменные знаки сходны съ китайскими, и въ составъ рѣчи вошло много китайскихъ словъ.

Упомянувъ о Деффѣ, мы коснулись группы голландскихъ писателей, которымъ европейскія этнографія, статистика и исторія Японіи много обязаны своими успѣхами и которые подготовили возможность обширной работы Зибольда. Изъ числа этихъ писателей назовемъ здѣсь во-первыхъ *Тицинга*, подробно изобразившаго нѣкоторыя стороны домашняго и общественнаго быта японцевъ въ сочиненіи «Церемоніи, употребляемыя въ Японіи», 1819 г., и давшаго прочныя основы разработкѣ исторіи этой страны «Лѣтописями японскихъ императоровъ», переведенными и извлеченными изъ японскихъ источниковъ. Смерть помѣшала этому трудолюбивому собирателю издать многіе другіе матеріалы для изученія Японіи, добытые не безъ большаго труда. За Тицингомъ, кромѣ Деффа, слѣдуетъ *Фишеръ*, съ великолѣпно-изданными «Матеріалами для изученія Японской имперіи», или, точнѣе, довольно подробнымъ ея описаніемъ (I томъ in 4°, 1833 года), и англича-

нинъ *Рёндаль* съ «Записками» о той же имперіи. Это послѣднее изданіе есть впрочемъ только сборникъ старинныхъ извѣстій о Японіи, напечатанный на счетъ Гаклюйтова Общества въ Лондонѣ и редактированный Рендалемъ. Наконецъ съ 1839 года начали выходить въ свѣтъ «Архивы» *Зибольда*, главное изъ всѣхъ существующихъ сочиненій о Японіи, хотя къ сожалѣнію неоконченное. Фридрихъ Зибольдъ, нѣмецъ, врачъ голландской факторіи въ Децимѣ и хорошій натуралистъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Японіи, внимательно изучилъ ее лично и по источникамъ, а потому задумалъ изобразить ее во всѣхъ отношеніяхъ, то-есть описать какъ природу страны, такъ и жителей, ихъ исторію, бытъ, государственное и общественное устройство, литературу, знанія, и т. д. Обнародованная программа труда изумляетъ своею обширностью *), и при щедрости

*) Она помѣщена въ 1-мъ выпускѣ и показываетъ, что все сочиненіе должно было состоять изъ девяти слѣдующихъ отдѣловъ: I. Математическая и физическая географія съ географическимъ атласомъ, гидрографическими и геологическими картами, планами, видами и пр. II. Народъ и государство — этнографія и статистика. III. Миѳологія, исторія, археологія, нумизматика. IV. Искусства, науки, языкъ, литература съ образцами письменъ и рисунками божествъ, храмовъ, жрецовъ и т. п. V. Промышленность, земледѣліе, торговля, съ рисунками домашнихъ животныхъ, утвари, орудій и пр. VI. Описаніе сосѣднихъ Японіи странъ: Кореи, Сахалина, Ликейскихъ острововъ, по японскимъ источникамъ. VII. Образцы словесныхъ произведеній и письменъ, старыхъ и новыхъ. VIII. Разныя примѣчанія. Изъ этой программы мно-

голландскаго правительства, которое помогало автору въ изданіи, особенно дорогихъ многочисленныхъ иллюстрацій, вѣроятно могла быть исполнена, если бы не смерть автора, послѣдовавшая въ 1856 году. Изъ огромнаго предпріятія Зибольда вышли въ печати нѣсколько выпусковъ текста и большое число рисунковъ съ поясненіями, гдѣ представлены типы японскихъ физіономій, одежды, утвари, построекъ и пр., а также карты, снятыя японскими учеными и добытыя Зибольдомъ черезъ одного изъ нихъ, заплатившаго за то жизнію. Самъ Зибольдъ, по поводу открытія этого пріобрѣтенія и вообще за слишкомъ большую любознательность, былъ высланъ японцами изъ ихъ государства, и тогда-то, по возвращеніи въ Европу, началъ свой трудъ, который могъ бы походить на «Voyage aux régions équinoxiales de l'Amérique» Гумбольдта, если бы былъ менѣе сухъ и изданъ съ большимъ единствомъ въ редакціи. При обработкѣ свѣдѣній Зибольду много помогалъ *Гофманъ*, знатокъ японскаго языка и исторіи, а также *Цуккарини*, ботаникъ, *Темминкъ*, *Шлегель* и *Хаанъ*, зоологи, труды которыхъ хотя и публикованы не на нѣмецкомъ, а на французскомъ и латинскомъ языкахъ,

---

гіе отдѣлы уже исполнены, хотя невполнѣ. Къ числу интереснѣйшихъ статей принадлежатъ: японскій пантеонъ, о торговлѣ, о буддизмѣ (Гофмана), о чаѣ, о времясчисленіи, путешествіе изъ Нагасаки въ Іеддо, описаніе Кореи, путешествіе японца Маміо Ринзо на Сахалинъ и въ сѣверовосточную Маньчжурію, и пр. Многіе рисунки великолѣпны. Флора и фауна также изданы превосходно.

но составляютъ части изданія Зибольда. Общая часть сочиненія переведена также на французскій языкъ, но съ опущеніемъ нѣкоторыхъ главъ, напр. литтературы предмета. Для большинства читателей эта книга, редактированная де-Монтри и Фрейсине, и извѣстна подъ названіемъ «Путешествія Зибольда». Въ передѣлкѣ и извлеченіи издано «Путешествіе» и на русскомъ языкѣ, Плюшаромъ и Строевымъ.

Зибольдомъ оканчивается второй циклъ европейскихъ писателей о Японіи, который можно назвать голландскимъ; ибо всѣ почти труды этого времени—съ 1650 по 1850 г. совершены членами голландской факторіи въ Дециме. Конечно, кромѣ самихъ голландцевъ, въ числѣ этихъ дѣятелей были и нѣмцы, шведы, англичане, русскіе; но вообще говоря, главные заслуги въ собираніи данныхъ и обнародованіи ихъ принадлежатъ нидерландскому обществу и правительству. Другія націи популяризировали изданные труды, но онѣ мало внесли оригинальнаго въ географическую литтературу о Японіи. Съ половины нашего вѣка начинается третій періодъ изученія далекаго архипелага восточной Азіи, дотолѣ замкнутаго своими законами отъ всѣхъ иностранцевъ; и вотъ, едва сѣверо-американцы замыслили экспедицію съ цѣлью добиться открытія японскихъ портовъ для торговли, — какъ въ англійской литтературѣ появилась книга *Макъ-Ферлина*: «Японія географическая и историческая», 1852 г., гдѣ по всѣмъ прежнимъ авторитетамъ, въ самой общедоступной формѣ, излагаются извѣстныя въ то время свѣдѣнія о японскомъ государствѣ, особенно

о сношеніяхъ его съ европейцами. Макъ-Ферлинъ раздѣлилъ свой трудъ на одиннадцать частей, изъ которыхъ въ первой описываетъ довольно подробно европейскія сношенія и открытія, остальныя же посвящены: географіи, этнографіи и исторіи, религіи, правленію и законамъ, минеральнымъ богатствамъ, растительности, животному царству, мануфактурамъ, искусствамъ и мореплаванію, народнымъ увеселеніямъ и обычаямъ, языку, литературѣ и музыкѣ. Книга Макъ-Ферлина довольно извѣстна въ Англіи и до настоящаго времени, хотя теперь англійская литература представляетъ цѣлый рядъ сочиненій болѣе современныхъ, а, главное, самостоятельныхъ. Въ главѣ этихъ сочиненій, конечно, слѣдуетъ поставить *Гаукса* «Повѣствованіе объ американской экспедиціи въ Японію», совершенной подъ начальствомъ Перри. Гаксъ былъ однимъ изъ спутниковъ Перри, пользовался его содѣйствіемъ при составленіи сочиненія, и самая книга его, скрѣпленная Перри относительно вѣрности фактовъ, составляетъ оффиціальный отчетъ посланника своему правительству. «Повѣствованіе» есть образецъ того, какъ могутъ быть нынѣ издаваемы путешествія въ далекія и мало извѣстныя страны. Оно начинается обширнымъ введеніемъ, гдѣ описывается Японія во всѣхъ отношеніяхъ и гдѣ особенно подробенъ обзоръ сношеній западныхъ народовъ съ японцами; потомъ слѣдуетъ изложеніе хода американскаго посольства и наконецъ самое «Путешествіе», въ 23 главахъ, изъ которыхъ до Японіи собственно относятся лишь послѣд-

нія тринадцать. Книга украшена картами Японскаго архипелага, теченія Куро-Сиво и др., и многочисленными рисунками, частію гравированными на стали, частію политипажными. Всѣ онѣ исполнены добросовѣстно и съ талантомъ рисовальщикомъ экспедиціи Гейне, и даютъ вѣрное понятіе о многихъ сторонахъ японскаго быта. Самый разсказъ о сношеніяхъ американцевъ съ японскими властями и жителями изложенъ въ высшей степени занимательно, и если въ чемъ можно упрекнуть Гаукса, то это въ нѣсколько небрежныхъ отзывахъ на счетъ другихъ иностранцевъ въ Японіи. Въ прибавленіяхъ нашли мѣсто статьи о нѣкоторыхъ предметахъ физической географіи и кораблевожденія. Тому, кто, желая познакомиться съ Японіею, не имѣетъ однако возможности обладать библіотекою, нельзя не рекомендовать этого сочиненія, хотя конечно оно уже нынѣ немного отстало отъ современности, ибо издано въ 1856 году. Объ американской экспедиціи есть на англійскомъ языкѣ еще книги *Саундерса* и *Пальмера* — обѣ второстепеннаго интереса. Къ Перри и Гауксу примыкаетъ трудъ *Олифанта*, секретаря лорда Ельджина, англійскаго посла въ Японіи и Китаѣ. Сочиненіе его: «Mission to China and Japan» принадлежитъ къ числу наилучше изложенныхъ, хотя конечно далеко уступаетъ труду американскаго автора. Въ немъ много занимательныхъ подробностей объ Японіи и особенно любопытны рисунки, взятые съ японскихъ оригиналовъ и воспроизведенные отчасти красками. Подобные же труды принадлежатъ *Корнваллису* (Two journeys to Japan),

два раза бывшему въ Японіи, и *Тиллею* (Japan, the Amoor and the Pacific); а чего не достаетъ имъ обоимъ, то съ избыткомъ вознаграждается для англійской словесности сочиненіемъ *Алькока:* «Столица тайкуна», 2 тома, 1863 г. Алькокъ, постоянный дипломатическій представитель Англіи въ Японіи, провелъ тамъ три года, сдѣлалъ путешествіе изъ Нагасаки въ Іеддо и присмотрѣлся внимательно къ быту японцевъ. Кромѣ того, какъ государственный человѣкъ, онъ изучалъ устройство Японіи, доходы ея князей и исторію послѣднихъ сношеній японцевъ съ европейскими націями. Чтобы ближе узнать страну, онъ выучился японскому языку, и сочиненіе свое украсилъ многочисленными рисунками, заимствованными у японцевъ или снятыми съ натуры. Книга его должна находиться во всякой библіотекѣ вмѣстѣ съ гауксовой, ибо она даетъ средство и служитъ точкою отправленія для изученія всей современной исторіи японскаго государства. Только необходимо имѣть въ виду, что авторъ не просто разсказчикъ, а дѣятельный участникъ въ событіяхъ, вносившій въ нихъ свои взгляды и убѣжденія. Иначе можно быть увлеченнымъ его изложеніемъ и, напримѣръ, прировнять Японію, по ея политическому устройству, къ Андоррѣ, обвинить японцевъ въ крайнемъ недоброжелательствѣ и коварствѣ по отношенію къ европейцамъ и пр.

Англійская литтература, какъ мы видимъ, есть самая богатая капитальными сочиненіями о современной Японіи. Широкое распространеніе коммерческихъ сно-

шеній англичанъ и сѣверо-американцевъ конечно тому причиною. Но и въ усидчивой Германіи вышло въ послѣдніе годы не мало любопытныхъ трудовъ объ японскомъ архипелагѣ. Здѣсь назовемъ во-первыхъ небольшую книжку *Мейлана* объ «Исторіи торговли европейцевъ въ Японіи», 1 томъ 1860 года. Сочиненіе это разсматриваетъ послѣдовательно торговлю португальцевъ и англичанъ, попытки русскихъ и долговременную торговлю голландцевъ, — послѣднюю весьма обстоятельно. Затѣмъ можно указать на «Путешествіе въ Японію» *Гейне*, спутника Перри, книгу любопытную, но большею частію повторяющую лишь то, что есть у Гаукса; — на историко-критическій трудъ его же Гейне объ европейскихъ изслѣдователяхъ Японіи; на нѣкоторыя главы*) извѣстнаго сочиненія *Неймана* объ «Исторіи восточной Азіи со времени нанкинскаго мира», и проч. Но самое важное произведеніе нѣмецкой литтературы относительно Японіи есть неоконченная еще изданіемъ «Прусская Экспедиція» въ эту страну, гдѣ собраны труды нѣсколькихъ ученыхъ и художниковъ, обогатившихъ естествознаніе, исторію и этнографію Японскаго архипелага. Все изданіе «Прусской Экспе-

*) Именно, въ главахъ 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 35 и 36-й разбираются современныя отношенія Японіи къ Китаю, Голландіи, Россіи и Соединеннымъ Штатамъ, при чемъ дается краткій очеркъ этой страны, ея литтературы, религіи, правленія, населенности и пр., а также излагаются виды на дальнѣйшія (съ 1861 года) отношенія европейцевъ къ японцамъ.

диціи» распадается на три отдѣла: историческій, гдѣ даются общія свѣдѣнія о Японіи и разсказывается ходъ прусскаго предпріятія, собственно научный — труды Мартенса, Вихуры, Вагнера, Рихтгофена, — и художественный — атласъ рисунковъ, исполненныхъ хромолитографически. Французы менѣе богаты дѣльными сочиненіями о Японіи. Не упоминая о компиляціяхъ: *Бретона* — «Нравы и обычаи Японіи», и *Фрейсине* — «Современная Японія», 1857, — назовемъ трудъ *Эме Гюмбера*, бывшаго посланникомъ Швейцаріи въ Іеддо; книжку *Лэндо* «Путешествіе вокругъ Японіи», любопытную по свѣдѣніямъ о событіяхъ 1859—62 годовъ, изложеннымъ добросовѣстно, и сочиненіе *Руссена* «Кампанія въ Японіи», которое какъ бы продолжаетъ Лэндо, но съ крайнимъ пристрастіемъ къ той политикѣ, которую Франція преслѣдовала въ 1860—65 годахъ. Небольшая статья въ Revue des Deux Mondes 1868 г., подъ названіемъ: «Le Japon en 1867», принадлежащая *Лерлю*, также заслуживаетъ вниманія по умѣренности своего изложенія и правдивости содержанія. Мелкія и второстепенныя сочиненія о Японіи въ послѣдніе десять лѣтъ вообще весьма многочисленны, и тутъ можно припомнить еще: *Штейнмеца* «Японію и ея народъ» — англійскую компиляцію въ родѣ Макъ-Ферлиновой, но по свѣдѣніямъ до 1859 года; *Людорфа* «Восемь мѣсяцевъ въ Японіи» — журналъ американскаго шкипера за 1855 — 6 г. г.; *Гильдрехта* «Японію какъ она была и какъ есть»; *Осборна* «Крейсированье по Японскимъ водамъ»; адмирала *Путятина*

«Отчетъ о плаваніи судовъ», ему ввѣренныхъ въ 1853 — 4 годахъ; *де-Можа* «Воспоминанія о посольствѣ» барона Гро; *Цвѣткова* «Записки китайца о Нагасаки» — переводъ помѣщенный въ Трудахъ Пекинской Миссіи, и т. д. *). О газетныхъ статьяхъ здѣсь не говорится, потому что исчисленіе ихъ невозможно. Довольно сказать, что самыя дѣльныя корреспонденціи изъ Японіи помѣщаются въ China-Mail, Times, Journal des Débats, Temps и въ нѣкоторыхъ американскихъ газетахъ. Русскіе журналы, даже изданія Географическаго Общества, не даютъ ничего, и исключеніе остается за Морскимъ Сборникомъ.

Здѣсь я кончу это, для многихъ конечно утомительное, перечисленіе тѣхъ книжныхъ трудовъ о Японіи, которые были у меня на виду. Да не посѣтуетъ на меня читатель за такое начало «Очерковъ», а лица, знакомыя съ предметомъ во всей обширности, пусть не упрекнутъ въ упущеніяхъ, которыхъ избѣжать, по кратковременности моихъ занятій, я вовсе и нерасчитывалъ. Полагая за симъ, что тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые интересуется Востокомъ, но по обстоятельстамъ посѣщаютъ только Западъ, будетъ неизлишне узнать, гдѣ находятся замѣчательныя японскія коллекціи, я скажу еще слѣдующее. Самыя близкія къ намъ собранія японскихъ этнографическихъ предметовъ

*) На русскомъ языкѣ въ концѣ 1868 г. появилась не лишенная занимательности брошюра о Японіи г. Бартошевскаго; но сверхъ краткости изложенія фактовъ, она представляетъ нѣкоторыя неточности.

находятся въ Берлинѣ и Готѣ Первое изъ нихъ, составляющее часть извѣстнаго всеобщаго музея, впрочемъ невелико и не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, а о второмъ я ничего не могу сказать, потому что не видѣлъ его. Въ Берлинѣ есть также хорошая зоологическая коллекція, въ тамошнемъ кабинетѣ. Затѣмъ слѣдуетъ знаменитое собраніе Зибольда, нѣкогда бывшее въ Лейденѣ, а теперь перешедшее въ Мюнхенъ. Это—энциклопедія Японіи во всемъ, что касается ежедневнаго быта, культуры, ремеслъ, искусствъ, даже религіи и науки. Три огромныя залы тѣсно наполнены предметами, собранными неутомимымъ ученымъ и отчасти другими лицами по смерти его. Тутъ есть модели храмовъ, домовъ, кораблей, подлинные образцы одежды, тканей, домашней утвари, изящныхъ бездѣлокъ, бронзовой, лакированной и фарфоровой посуды, музыкальныхъ и всякихъ другихъ орудій, хирургическихъ и математическихъ инструментовъ, лекарствъ, оружія, дѣтскихъ игрушекъ, жреческихъ и театральныхъ костюмовъ и всѣхъ принадлежностей капищъ, отъ курильницъ до идоловъ. Не забыты книги, карты, рисунки, обои, принадлежности типографій, образцы бумаги и письменности, изображенія растеній, животныхъ, боговъ героевъ и историческихъ лицъ, разныя монеты и пр. Нѣкоторые предметы такъ хороши, что и теперь, при общедоступности Японіи, трудно было бы найдти лучшіе. Въ томъ же родѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще полнѣе, правительственный музей въ Гагѣ, гдѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе манекены, модели домовъ и

собранья монетъ, оружія, фарфора и лакированныхъ издѣлій. Коллекціи естествоисторическія, кромѣ Берлина, находятся къ Гагѣ, Лондонѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Прекрасное собраніе живыхъ японскихъ растеній представляетъ намъ ботаническій садъ въ Петербургѣ; впрочемъ онъ уступаетъ великолѣпному парку и оранжереямъ въ Кью, въ Англіи. Мнѣ неизвѣстно, есть ли что-нибудь, относящееся до Японіи, въ Вѣнѣ; но кажется, что въ послѣднее время и туда доставленъ запасъ произведеній этой страны.

Наконецъ я рѣшаюсь въ этомъ введеніи упомянуть о способахъ путешествія изъ Россіи въ Японію. Ближайшимъ, по картѣ, представляется путь чрезъ Амуръ; но въ дѣйствительности онъ вовсе не существуетъ, ибо изъ Николаевска отправляется въ японскія воды одинъ, рѣдко два корабля въ годъ, и то военные, которые могутъ отказать въ пріемѣ на бортъ частнаго путешественника. На иностранныя же суда расчитывать вовсе не должно. Потомъ слѣдуетъ дорога чрезъ Кяхту, Пекинъ и Шанхай. Она представляется довольно удобною и дѣйствительно удобна въ части отъ Шанхая до Нагасаки и Іокогамы, гдѣ есть европейскія сообщенія; но необходимо имѣть предписаніе изъ Петербурга или хоть изъ Иркутска къ кяхтинскому пограничному коммиссэру объ отправленіи изъ Россіи въ Пекинъ по почтѣ; иначе предстоитъ ѣхать черезъ Монголію, 1,400 вестъ, на волахъ, 70 дней. Да и при почтовомъ переѣздѣ есть одно важное неудобство на этомъ пути: приходится имѣть дѣло съ мандаринами, давать имъ на

станціяхъ поощрительные подарки и, что̀ еще хуже, быть въ непрерывной отъ нихъ зависимости, такъ какъ азіатская бюрократическая canaille любитъ, чтобы ей кланялись, и европейское вліяніе не стерло еще ея привычекъ. Можно изъ Кяхты ѣхать съ купцами; но надобенъ случай. Затѣмъ удобнѣйшимъ путемъ служатъ пароходныя линіи изъ Одессы въ Египетъ, а оттуда чрезъ Суэзъ и Сингапуръ въ Іокогаму. Эта дорога въ высшей степени интересна, потому что пароходы дѣлаютъ остановки въ Константинополѣ, Александріи, Аденѣ, Цейлонѣ, Сингапурѣ, Гонъ-Конгѣ, Шанхаѣ; но она дорога̀, по трудно объяснимой причинѣ, вѣроятно просто отъ произвола иностранныхъ пароходныхъ компаній, которыхъ впрочемъ нѣсколько (Messageries Impériales, Peninsular and Oriental Company, и др.). Путешествіе черезъ Тріестъ и Марсель и потомъ той же дорогой черезъ Суэзъ, естественно, стоитъ еще дороже, хотя бываетъ нѣсколькими днями короче, чѣмъ чрезъ Одессу. Наконецъ есть еще дорога, очень далекая, но едва ли не самая выгодная въ денежномъ отношеніи: изъ сѣверной Германіи, Франціи или Англіи въ Нью-Іоркъ и оттуда чрезъ Панаму и Санъ-Франциско въ Іокогаму, Осаку и Нагасаки. Этотъ переѣздъ, конечно, требуетъ болѣе времени, чѣмъ предыдущій (изъ Петербурга 60 дней вмѣсто 45-ти), но совершается съ полнымъ удобствомъ на пароходахъ Сѣверогерманскаго Лойда, Гамбургскаго пароходнаго Общества, французской Транзатлантической Компаніи, множества англійскихъ пароходовъ и наконецъ американской Pacific Mail

Steam Ship Company. Благодаря конкурренціи пароходныхъ обществъ и умѣренности американцевъ, этотъ путь дешевле всѣхъ прочихъ *) и наиболѣе гарантируетъ нравственное спокойствіе путешественника, а также цѣлость его инструментовъ и другаго имущества. Мало того, онъ легко можетъ доставить знакомство знающихъ Японію американцевъ, которыхъ содѣйствіе окажется очень полезнымъ и въ частномъ смыслѣ, и въ оффиціальномъ, ибо русскихъ дипломатическихъ агентовъ нѣтъ ни въ Осакѣ, ни въ Іокогамѣ. Только слѣдуетъ избѣгать осеннихъ и зимнихъ плаваній чрезъ океаны.

Что касается до самаго пребыванія въ Японіи, то необходимо прежде всего имѣть въ виду, что по договорамъ съ европейцами далеко не вся страна открыта ихъ любопытству. Напротивъ, они стѣснены предѣлами двадцативерстнаго разстоянія вокругъ тѣхъ городовъ, гдѣ имъ позволено жить. Къ сторонѣ Іеддо и Кіото, считая отъ Іокогамы, Осаки и Хіого, эти разстоянія еще меньше. И хотя, по условіямъ, Іеддо уже съ 1862 года долженствовалъ быть совершенно доступнымъ для иностранцевъ; но ходъ событій сдѣлалъ то, что и въ 1868 туда ѣздили только по особымъ разрѣшеніямъ дипломатическихъ представителей и съ японскимъ конвоемъ. Одно время обстоятельства даже совсѣмъ замкнули Іокогаму, которая стала во многомъ напоми-

*) Съ окончаніемъ желѣзной дороги отъ береговъ Миссисипи къ Тихому Океану, онъ и по времени не будетъ много длиннѣе дороги чрезъ Сингапуръ.

нать Дециму, только въ большомъ размѣрѣ и съ нѣкоторыми удобствами. Политическіе агенты, консулы и посланники, одни могутъ путешествовать по Японіи во всѣхъ направленіяхъ; но и тутъ мы видимъ, что обстоятельства сдѣлали все, чтобы ограничить число такихъ путешествій. Оффиціально извѣстенъ одинъ примѣръ — поѣздка Алькока изъ Нагасаки въ Іеддо; да частные слухи говорятъ о путешествіи одного консула изъ Хакодате въ Іеддо. Вотъ почему можно сказать, что подробное личное ознакомленіе съ Японіею въ наше время невозможно, и приходится ограничиваться тѣмъ, что успѣли собрать европейцы и американцы, живущіе или жившіе въ странѣ по нѣсколько лѣтъ. Будемъ ждать бо̀льшаго отъ консуловъ и другихъ оффиціальныхъ агентовъ, которые, по заведеннымъ уже въ нѣкоторыхъ странахъ обычаямъ, должны представлять своимъ правительствамъ отчеты не только о политическихъ событіяхъ, но и торговлѣ, производительности страны, состояніи въ ней образованія и пр., отчеты, подлежащіе обнародованію.

Пароходъ Qeen Ocean, 1868.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Математическое положеніе и пространство Японіи.

Японскій архипелагъ лежитъ въ однѣхъ широтахъ съ Италіей и сѣверной Африкой. Южная оконечность Кіусіу, мысъ Сатаноми или Чичаговъ, находится подъ 30°57′ с. ш., то-есть почти на одной параллели съ Александріей въ Египтѣ; мысъ Сойя, самый сѣверный на Мацмаѣ (45°31′), немногимъ далѣе отъ экватора, чѣмъ Миланъ и устья Дуная. Сосѣднія Японіи моря не замерзаютъ и, слѣдовательно, постоянно доступны для плаванія. За всѣмъ тѣмъ болѣе двухъ столѣтій со времени открытія европейцами Японскій архипелагъ не имѣлъ порядочной карты, по которой бы можно было съ точностью опредѣлить размѣры его и положеніе на земной поверхности. Для доказательства стоитъ взглянуть нетолько на чертежъ, приложенный къ сочиненію Кемфера, но и на карты второй половины XVIII столѣтія. Вездѣ на нихъ главный островъ архипелага, Нипонъ, обезображенъ разширеніемъ его отъ востока на западъ и неточностями въ очертаніи береговъ; меньшіе острова также нанесены невѣрно, а на оконечностяхъ страны или въ сосѣдствѣ съ нею изображены мѣстности совершенно гипотетическія, которыхъ и подобія нельзя оты-

скать въ дѣйствительности. Главною причиною такой неудовлетворительности картографіи XVII и XVIII столѣтій, конечно, служилъ недостатокъ хорошихъ астрономическихъ опредѣленій мѣстъ, особливо по долготѣ. Кромѣ того географы обыкновенно не отличали на картахъ свѣдѣній распросныхъ отъ основанныхъ на съёмкахъ и описяхъ. Отъ того напр. сѣверозападный берегъ Японскаго моря даже у Д'Анвиля нанесенъ пятью градусами восточнѣе настоящаго; островъ Сахалинъ сдѣланъ менѣе, чѣмъ онъ есть, и т. п. Японцы же того времени были настолько еще несвѣдущи въ геодезіи, что ихъ чертежи могли служить развѣ лишь вспомогательнымъ матеріаломъ для составленія хорошихъ картъ, но вовсе не главною основою ихъ. Даже въ XIX вѣкѣ мы видимъ, что ученѣйшіе изъ нихъ, напримѣръ извѣстный путешественникъ Маміо-Ринзо, умѣли опредѣлять только широты, да и то лишь по меридіональнымъ высотамъ свѣтилъ; о способахъ же опредѣленія долготъ они только слыхали, но не знали ихъ сами. Любознательный Маміо-Ринзо именно требовалъ отъ Головнина, чтобы тотъ научилъ его вычислять долготы по разстояніямъ лупы отъ солнца и звѣздъ; но какъ для этой цѣли нужны были таблицы, которыхъ не нашлось въ библіотекѣ плѣнниковъ и у самихъ японцевъ, то и желаніе Ринзо осталося неисполненнымъ, къ большому его огорченію. Только въ теченіе послѣднихъ 40—45 лѣтъ японцы сдѣлали успѣхи въ геодезіи, и тогда составили карту своей страны, во многомъ напоминающую европейскія «спеціальныя» карты.

Топографическіе планы, или, точнѣе, землемѣрныя съемки, были однакоже у японцевъ съ давняго времени. Этого требовало и экономическое устройство ихъ государства, такъ какъ подати съ земли опредѣляются по производительности каждаго участка, а этого сдѣлать нельзя безъ точнаго знанія границъ всѣхъ участковъ. Но разумѣется, что изъ этихъ частныхъ плановъ общую карту могъ составить только искусный геодезистъ, который бы имѣлъ въ распоряженіи порядочное количество астрономическихъ данныхъ. А этихъ то послѣднихъ, какъ я уже замѣтилъ, не доставало, или они были невѣрны. Крузенштернъ не безъ основанія отвергъ, при составленіи своей карты Японіи, большую часть пунктовъ, опредѣленныхъ португальскими и голландскими мореплавателями, и отъ того его карта есть первая, удовлетворительно представляющая общія очертанія края. Съ нею не можетъ быть сравненъ даже чертежъ Д'Анвиля, основанный на китайскихъ и европейскихъ источникахъ, бывшихъ извѣстными въ половинѣ XVIII столѣтія, и помѣщенный въ «Атласѣ Китайской Имперіи», хотя для внутренности страны онъ богаче подробностями, чѣмъ карта русскаго мореплавателя.

По Крузенштерну и Д'Анвилю начертана въ 1843 году карта Бергхауза, составляющая, вмѣстѣ съ картой Китая, второй листъ его Атласа Азіи. Знаменитый географъ только прибавилъ тутъ названія японскихъ волкановъ, взятыя имъ у Клапрота; но трудъ его всетаки изъ лучшихъ въ своемъ родѣ, особенно по обстоятельности отдѣлки. Затѣмъ карты, публикованныя Зибольд-

домъ, привели математическую географію Японіи въ такую ясность, что можно было довольно точно опредѣлить поверхность страны и установить подробности очертанія береговъ и рѣкъ. Эти карты, произведеніе новыхъ японскихъ съемщиковъ, сведены были въ небольшіе чертежи самимъ Зибольдомъ и потомъ американскими морскими офицерами, Мори и Силасомъ-Бентомъ. Наконецъ карта англійскаго адмиралтейства «Japan and part of the Corea», 1867 года, и «Японія» Вайльда, 1868, даютъ самыя современныя и точныя понятія объ очертаніяхъ Японскаго архипелага, и въ соединеніи съ большою японскою картою (непереведенною на европейскіе языки) могутъ послужить основаніемъ для будущихъ, болѣе совершенныхъ картографическихъ изданій относительно японской островной группы. Вайльдова карта, наиболѣе популярная, грѣшитъ однако нѣкоторыми ошибками въ очертаніи береговъ, грубостью и неполнотою отдѣлки горъ и, особенно, неточностью правописанія нѣкоторыхъ названій; но всетаки она необходима для занимающихся географіей Японіи или чтеніемъ путешествій по ней. Изъ двухъ англійскихъ картъ она полнѣе адмиралтейской въ томъ смыслѣ, что на ней есть Мацмай, нарисованный по японскимъ источникамъ, пути главныхъ мореплавателей по японскимъ водамъ и рѣки, дороги и населенные пункты внутри страны. Съ другой стороны, однако, адмиралтейская карта даетъ глубины сосѣднихъ морей и склоненія компаса въ восьми точкахъ, чего нѣтъ у Вайльда. Я предпочелъ для очертанія береговъ послѣднюю, а для вну-

тренности страны вайльдову, дополнивъ и исправивъ ее по Бергхаузу, Зибольду, Силасу Бенту и большой японской картѣ, которой экземпляръ, съ переводомъ нѣкоторыхъ названій на нѣмецкій языкъ, былъ у меня въ распоряженіи нѣсколько времени. Мацмай взятъ мною у Вайльда, а Сахалинъ съ русскихъ картъ*), причемъ окрестности залива Анивы исправлены по съемкамъ 1865—67 годовъ.

Общее число астрономически опредѣленныхъ въ Японіи пунктовъ, по «Tables of positions» Репера, достигаетъ 136, не считая Сахалина. Всѣ эти точки прибрежныя. Внутренность же Японскаго архипелага доселѣ лишь въ немногихъ мѣстахъ была посѣщена европейцами и потому нуждается въ правильныхъ геодезическихъ съемкахъ. Впрочемъ и вдоль береговъ предстоятъ ему мѣстами немаловажныя перемѣны. Такъ на островѣ Садо, въ Японскомъ морѣ, слѣдуетъ точнѣе опредѣлить долготы его оконечностей, сѣверной и южной, безъ чего положеніе его на картахъ довольно шатко, и его растягиваютъ то прямо по меридіану, то отъ С.В. на Ю.З. Сѣверо-западный и восточный берега Нипона и Мацмай также невполнѣ точно очерчены, и тутъ для географовъ есть еще довольно работы.

Зибольдъ первый далъ подробныя цифры пространства Японіи и разныхъ ея частей, руководствуясь картами, вошедшими въ атласъ его «Путешествія». Не

*) Генеральнаго Штаба Вост. Сиб. Шварца и Шебунина, изъ которыхъ съ первой взяты только названія, такъ какъ очертанія сдѣланы на ней довольно небрежно.

смотря на нѣкоторую устарѣлость этихъ данныхъ, приходится все-таки употреблять ихъ въ дѣло, когда идетъ рѣчь о протяженіи отдѣльныхъ острововъ и провинцій Японіи. Притомъ цифры Зибольда и въ общемъ итогѣ немного разнятся отъ новѣйшихъ, принятыхъ Клоденомъ и Энгельгардтомъ. Разность во всякомъ случаѣ далеко не такова, какъ между цифрами Зибольда и прежнихъ географовъ, напр. Мальтъ-Брёна, полагавшаго поверхность Японскаго архипелага въ 16.000 кв. миль, то-есть слишкомъ вдвое болѣе истинной. Слѣдующія подробности заимствованы изъ «Путешествія» Зибольда, при чемъ противу нихъ поставлены данныя Энгельгардта, которыя впрочемъ все еще нельзя назвать окончательными, впредь до составленія тригонометрической сѣти Японіи.

	По Зибольду.	По Энгельгардту.
Нипонъ	4081.7 —	4248 кв. м.
Садо, Оки, Авадзи, Фацизіо и пр.	41.0 —	
Сикокфъ съ мелкими остров.	419.5 —	328 »
Кіусіу	688.4 —	812 »
Цусима, Готто, Танегасима и пр.	47.0 —	
Мацмай съ мелкими островами.	1295.1 —	1465 »
Курильскіе острова: Кунаширъ, Итурупъ и мелк.	75.5 —	174 »
Бонинъ-сима	5.7 —	5.7 »
Ликейскіе острова.	125.0 —	38 »
Итого	6833.5 —	7072.7 »
Разность . . .	239.2	

Такой размѣръ Японскаго архипелага даетъ ему мѣсто въ ряду самыхъ большихъ островныхъ группъ цѣлаго свѣта. И если достаточная обширность территоріи есть залогъ самостоятельнаго развитія государства, а напротивъ излишняя его растянутость, безъ достаточнаго числа естественныхъ путей сообщенія, — препона къ преуспѣянію края; то нужно признаться, что на земномъ шарѣ немного странъ, сложенныхъ геометрически такъ же хорошо, какъ Японія. Вспомнимъ при этомъ, что она лежитъ въ тепло-умѣренномъ поясѣ, среди Великаго океана и въ сосѣдствѣ съ богатѣйшими частями восточной Азіи: это такія условія, какихъ не представляетъ даже Великобританія, не смотря на сходство обѣихъ островныхъ группъ, замѣченное еще Кемферомъ. Общее число острововъ, составляющихъ Японію, простирается до 3850-ти; но большинство ихъ суть мелкія скалы, разсѣянныя особливо между берегами Нипона и двухъ большихъ южныхъ острововъ, Кіусіу и Сикокфа. Число Ликейскихъ острововъ, начиная отъ Куцино-симы на сѣверѣ и кончая островкомъ Куми на югозападѣ, простирается до 57-ми, а архипелагъ Бонинъ-сима имѣетъ всего 15 острововъ, очень скалистыхъ, почти лишенныхъ растительности и потому не обитаемыхъ. Съ двумя этими островными группами предѣлы Японіи на востокѣ и югѣ суть: 160-й градусъ восточнѣе Ферро и 24-я параллель.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строеніе почвы. Вулканы, землетрясенія.

Когда путешественникъ приближается къ берегамъ Нипона въ широтѣ 35°, они представляютъ ему любопытную игру противоположностей. Съ одной стороны видишь край гористый, видишь береговые утесы, круто ниспадающіе къ морю; съ другой повсюду, гдѣ только глазъ можетъ проникнуть при помощи телескопа, между этими горами, на отклонахъ и у подвшвы ихъ, стелется зелень, то неувядающая цѣлый годъ, то переходящая въ желтизну спѣлыхъ нивъ, среди которыхъ сады и деревни представляютъ тѣнистые острова. Если бы съ чѣмъ можно было сравнивать напр. страну на югозападѣ отъ Іеддо, то это съ юговосточнымъ прибрежьемъ Мраморнаго моря, съ Греціей и средней Италіей, отъ Флоренціи до Ливорно, особенно, съ первою мѣстностью. Но небо Эллады и Тосканы чище, дожди увлажаютъ тамъ почву рѣже, и потому южные скаты горъ, гораздо пустыннѣе, чѣмъ на Японскомъ архипелагѣ. И это общее впечатлѣніе сохраняется почти повсемѣстно, видоизмѣняясь впрочемъ соотвѣтственно тому, куда двинешся — къ сѣверу или къ югозападу

отъ столицы тайкуна. Къ сторонѣ Кіусіу ландшафтъ постепенно переходитъ въ сицилійскій, а на Мацмаѣ мы имѣемъ природу Шотландіи и даже Норвегіи. Противоположности на востокѣ Азіи (какъ и Америки) сближены болѣе между собою, чѣмъ на западѣ Европы и Африки, ибо тутъ на пятнадцати градусахъ широты видишь то же, что можно найдти въ приатлантическихъ странахъ Стараго свѣта не менѣе какъ на 24-хъ или на 25-ти.

Ненужно впрочемъ забывать, что сѣверозападная часть Нинона и Мацмай намъ очень мало извѣстны и что, слѣдовательно, заключенія наши о природѣ всей Японіи по одному тому, что бо́льшая часть путешественниковъ видитъ между Іеддо и Нагасаки, или же въ окрестностяхъ Хакодате, нѣсколько односторонни. По всей вѣроятности, природа сѣверозападнаго склона болѣе сходна съ усурійскою, чѣмъ съ южно-японскою. Частые туманы, дожди, холодные вѣтры здѣсь также обыкновенны, какъ и въ Усурійскомъ краю, и если нѣтъ обширныхъ, сплошныхъ лѣсовъ, какіе мы видимъ въ русской Маньчжуріи; то есть столько же условій къ умѣренію теплоты солнечныхъ лучей, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ приданію всему ландшафту характера большей серьезности и однообразія. Сѣверозападная часть Нинона притомъ не представляетъ такого числа глубоко врѣзанныхъ, обставленныхъ горами заливовъ, какъ юго-восточная: — это еще одно изъ условій однообразнаго впечатлѣнія.

Но одинъ этотъ общій взглядъ на физіономію Япон-

скаго архипелага не даетъ еще достаточно ясной идеи о природѣ и физическомъ устройствѣ его. Поэтому я войду здѣсь въ нѣкоторыя топографическія подробности. Основная черта устройства главнаго изъ четырехъ большихъ острововъ Японіи — Нифона или Нипона состоитъ въ томъ, что посреди его, во всю длину, отъ сѣверо-востока на юго-западъ, проходитъ горный хребетъ, то высоко-поднимающійся надъ всею страною, то падающій до размѣра второстепенныхъ и отлогихъ холмовъ. Наиболѣе высокій массивъ этого кряжа, такъ сказать сплошной валъ, длиною въ 460—500 верстъ, извѣстный подъ названіемъ *Тагасуры* и *Ораски*, лежитъ на сѣверѣ острова, отъ Сангарскаго пролива почти прямо, по меридіану 157½° в. Ф., на югъ. Намъ неизвѣстны высоты главныхъ точекъ его; но судя по тому, что онъ видѣнъ съ обѣихъ прибрежій и даже съ судовъ, плывущихъ какъ въ океанѣ, такъ и въ Японскомъ морѣ, нужно полагать, что средняя высота хребта достигаетъ 5—6 тыс. фут. надъ моремъ. Уже въ Сангарскомъ проливѣ, т. е. у самой оконечности цѣпи, гора Яки-яма возвышается на 3.200 футовъ; далѣе же къ югу Тасагура становится все выше и выше. Отклоны хребта въ этой мѣстности, до 37-й параллели, представляютъ также рядъ вершинъ, круто возвышающихся надъ почвою. Суть ли это исключительно вулканы, поднятые подземными силами, или только предгорія, подобныя Оберланду въ Швейцаріи и Чернымъ горамъ на Кавказѣ, — трудно сказать; но вѣроятно — и то, и другое. Нѣкоторыя вершины впрочемъ, безъ сомнѣнія,

волканы, хотя и недѣйствующіе теперь, какъ напр. пикъ Тилезіуса или *Ивоки-сима*, покрытый нынѣ нетающимъ снѣгомъ, но въ древности извергавшій огонь, какъ свидѣтельствуютъ японскія лѣтописи.

За 37½ параллелью водораздѣлъ между притоками океана и Японскаго моря постепенно склоняется къ югозападу, но впрочемъ не по прямой или кривой линіи, а по ломаной. Концомъ его можно считать тѣ горы, которыя наполняютъ провинцію Тоотоми, между заливомъ Овари и рѣкой Оингавой, а высшія точки вѣроятно находятся въ широтѣ 36°, гдѣ берутъ начало многія рѣки, текущія на сѣверъ, востокъ и югъ. Здѣсь лежитъ, между прочимъ, высокая гора *Азама-яма*, которая считается волканомъ, наиболѣе удаленнымъ отъ моря изъ всѣхъ японскихъ. Къ юго-востоку отъ этой цѣпи, верстахъ въ 60-ти отъ нея, стоитъ отдѣльный пикъ *Фузи-яма* (12.450 ф.), а далѣе за нимъ тянутся второстепенныя вершины провинціи Идзу, высотою иногда въ 4.700 ф., а быть можетъ и болѣе, ибо черезъ нихъ существуетъ всего одинъ удобный проходъ изъ Іеддо на западъ. На сѣверозападѣ отъ главной цѣпи, во всю длину ея, отъ 38° до залива Овари, проходятъ долины рѣкъ Киссагавы и Синаногавы, которыхъ источники очень близки между собою и, кажется, даже соединены каналомъ, продолжающимся и къ сѣверу, вдоль русла Синаногавы. За Киссогавою горы извилистымъ хребтомъ направляются уже къ западу, а не къ югу, и здѣсь, на границахъ провинцій Фиды и Каги, снова становятся очень высокими, такъ что мѣстами

переходятъ за снѣжную линію. Такова напр. гора *Сирояма*, потухшій волканъ, подъ 36°5, въ провинціи Кагѣ, считаемый не ниже Фузи-ямы. Провинціи Ооми и Ямазійро составляютъ котловины среди разбросанныхъ массивовъ средней Японіи, и здѣсь то, между прочимъ, находятся долины Кіото и озера Бивы (Оица). Западнѣе меридіана 154° в. Ф. нѣтъ снѣжныхъ вершинъ на Нипонѣ; но горы и тутъ покрываютъ иногда цѣлыя провинціи, напр. Хариму, Танбу, Мимазаку, Танго и проч. Ось хребта, идущаго отъ востока на западъ, круто упирается въ море горою *Хино-яма* и высотами, окружающими городъ Симоносаки.

На Сикокорѣ горы идутъ отъ с.в. къ ю.з., ближе къ сѣверозападному берегу острова, который поэтому круто спускается въ море; напротивъ, островъ Кіусіу разрѣзывается подковообразнымъ кряжемъ по самой срединѣ. Сѣверная часть этого кряжа параллельна экватору, а южная почти-что меридіану. Въ числѣ горъ на Кіусіу есть много волкановъ, какъ дѣйствующихъ, такъ и угасшихъ, между прочимъ великолѣпный пикъ Горнеръ (Каймоно), представляющій самую правильную фигуру усѣченнаго конуса.

Орографія Мацмая извѣстна менѣе, чѣмъ прочихъ частей Японской имперіи; но безъ сомнѣнія онъ принадлежитъ къ числу очень гористыхъ странъ. У береговъ давно извѣстны горы: *Палласъ* (Мэніе), *Усугатаке*, *Сенкень-пикъ* и пр.; но конечно главныя вершины лежатъ внутри страны, гдѣ видны съ прибрежья снѣжные пики. Положеніе ихъ и направленіе кряжей

впрочемъ неизвѣстно, потому что съемки японцевъ не даютъ ситуаціи для внутренней части острова. Вѣроятно, что главный кряжъ здѣсь проходитъ не отъ сѣвера къ югу, а отъ запада на востокъ; но кромѣ его должны быть и поперечные кряжи, служащіе промежуточнымъ звѣномъ горъ Сахалина и Нипона. Гора Палласъ повидимому принадлежитъ къ одному изъ такихъ кряжей, тянущемуся вдоль западнаго берега острова. Югозападная часть Мацмая, для которой карты даютъ достаточныя орографическія подробности, содержитъ не менѣе 3-хъ огнедышащихъ горъ; на востокѣ, у зал. Аткиса, показывается четвертая.

Если сообразить общее пространство горныхъ частей Японіи, то можно сказать, что девять десятыхъ этой страны заняты высотами, болѣе или менѣе круто падающими къ морю или въ долины. Число послѣднихъ весьма невелико и онѣ притомъ не обширны. Самая большая лежитъ въ окрестностяхъ Іеддо, между сѣверо-восточными отрогами Фузи-ямы и горою Туокуба, отъ истоковъ Тоды и Нокагавы до моря. Но и среди ея, а также по окраинамъ, встрѣчаются отдѣльныя высоты, довольно значительныя. Затѣмъ другія равнины тянутся: на сѣверѣ отъ залива Осаки, вдоль стока озера Бивы, и на сѣверѣ же отъ залива Овари, по рѣкамъ Отогавѣ и Киссогавѣ. Это лучшія части Японіи, богато орошенныя, въ высшей степени плодоносныя и потому населенныя весьма густо. На западной сторонѣ Нипона наиболѣе ровныя мѣста встрѣчаются въ провинціи Іетцинго, а на сѣверо-востокѣ —

въ Муцу, гдѣ пролегаетъ долина рѣки Фигама-гавы. Все прочее пространство Нипона, а также Сикокфа и и Кіусіу представляетъ группы холмовъ и неправильныхъ кряжей, часто ниспадающихъ почти отвѣсно въ долины и къ морю. Особенность Японіи, какъ страны волканической, именно въ томъ и состоитъ, что скаты главнаго ея хребта и подножія ихъ усѣяны отдѣльными пиками.

Мелкіе острова японскіе всѣ принадлежатъ къ числу высокихъ, а иногда даже очень скалисты и круто падаютъ къ морю. Таковъ напр. одѣтый густою зеленью Папенбергъ при входѣ въ заливъ Нагасаки, таковы Фацизіо, Огосима, Цусима, Садо и пр. Чтобы нагляднѣе представить степень возвышенія этихъ горныхъ массивовъ, приведу здѣсь слѣдующую табличку:

Названія.	Высота.	Шир. основ.	Замѣчанія.
Южн. о-въ Цусимы. .	2,120 ф.	12 вер.	
Огосима (Vries)	2,556 »	9 »	
Сувазесима	2,630 »	7 »	
Фацизіо.	2,846 »	6 »	О-въ почти неприступенъ.
Оки	3,000 »	15 »	
Яки-яма	3,200 »	12 »	
Вунценъ	3,856 »	15 »	
Верш. о-ва Садо . . .	4,500 »	» »	
Нирай-яма	4,700 »	» »	
Пикъ де-Лангль	5,352 »	12 »	
Фузи-яма	12,450 »	болѣе 20 »	выше Тенериф. пика.

Геологическое устройство Японіи изслѣдовано мало; за исключеніемъ острова Кіусіу, можно сказать, со-

всѣмъ не изслѣдовано. Если о чемъ и собраны довольно подробныя свѣдѣнія, такъ это о волканахъ; но свѣдѣнія эти не всегда сходны одно съ другимъ. Такъ Клапротъ и Зибольдъ не согласны между собою даже относительно самаго числа огнедышащихъ горъ, хотя оба черпали свои свѣдѣнія изъ японскихъ источниковъ. Впрочемъ Зибольдъ противорѣчитъ и самому себѣ. Такъ въ своемъ «Путешествіи» онъ упоминаетъ о десяти волканахъ; а въ особой статьѣ, изготовленной имъ для Гумбольдтова «Космоса» въ 1852 году, онъ считаетъ ихъ всего восемь. Такъ какъ эти послѣдніе суть уже безспорно огнедышащія жерла, то приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ.

Островъ Кіусіу представляетъ намъ четыре волкана: 1, *Митаке* въ провинціи Сацумѣ, подъ 31°33′ с. ш. Скалистая вершина его поднимается прямо изъ водъ залива Кагосимы, въ видѣ острова; 2, *Кири-сама* въ провинціи Фіуго (31°45′ ш.), къ сѣверу отъ предыдущаго въ 45 верстахъ; 3, *Асо-яма*—въ провинціи Фиго (32°50′); и 4, *Вунценъ*—на полуостровѣ Симабарѣ (32°44′), высотою 3856 фун., —котораго знаменитое изверженіе 1793 года подробно описано Зибольдомъ.

На Нипонѣ есть два волкана: 5, *Фузи-яма*, въ 20 верстахъ отъ залива Суруги, на границѣ провинціи Суруги и Каи, подъ 35°18′ шир. О поднятіи этого величественнаго пика (12,450 ф.) въ 286 году до Р. Х. сохранилось историческое извѣстіе; сильнѣйшія же изверженія были въ 799, 800, 863, 937, 1023, 1083 и 1707 годахъ, а съ тѣхъ поръ очагъ спокоенъ и поч-

ти круглый годъ бываетъ закрытъ снѣгами. Многочисленные перевороты и потрясенія не помѣшали сохранить Фузи-ямѣ и понынѣ великолѣпную конусообразную форму. — 6, *Азама-яма*, самый отдаленный отъ моря дѣйствующій волканъ Японіи (100 вер.), въ провинціи Синано (36°22′). Уже подъ 864 годомъ исторически извѣстно его изверженіе; но самое сильное и опустошительное происходило въ 1783 году, и съ тѣхъ поръ гора непрерывно извергаетъ пламя и дымъ.

Островъ *Ивогазима*, на югѣ отъ Кіусіу (30°43′), представляетъ собою 7-й волканъ, непрерывно дѣйствующій, подобно Стромболи, къ которому подходитъ и высотою. Уже Линсхотенъ упоминаетъ о немъ, какъ объ огнедышащей, сѣрной горѣ; позднѣе его видѣли, также въ дѣйствіи, въ 1804 г. Крузенштернъ, въ 1838 г. Блэкъ и въ 1846 г. Делярошъ-Понсьё. По наблюденіямъ послѣдняго высота его 2218 ф., а англійская адмиралтейская карта даетъ ему 2350 футовъ: стало-быть это хорошій маякъ для окрестнаго бурнаго моря. — Островъ *Огосима* (de Vries), находящійся на югѣ отъ залива Іеддо, есть также дѣйствующій (8-й) волканъ. Въ 1797 году, Броутонъ видѣлъ здѣсь дымъ, выходившій изъ кратера, и незадолго предъ тѣмъ происходило сильное изверженіе. Нынѣ онъ также дымится. Отъ этого острова къ югу тянется рядъ небольшихъ волканическихъ островковъ до самаго Фацизіо.

Но кромѣ этихъ восьми безспорныхъ волкановъ въ Японіи находится множество горъ, которымъ несомнѣнно слѣдуетъ приписать волканическое происхожденіе

по ихъ фигурѣ, строенію и составу горныхъ породъ. Таковы напримѣръ: гора *Цурами-яма*, которую самъ Зибольдъ причислилъ къ волканамъ въ своемъ «Путешествіи»; пикъ *Горнеръ* или гора *Каймонъ* въ южной части того же острова, при входѣ въ заливъ Кагозиму; гора *Кифузи* на о-вѣ Сикокфѣ; на берегу Внутренняго моря, въ провинціи Іо; гора *Сиро-яма* (Бѣлая), въ провинціи Кагѣ, имѣвшая исторически извѣстныя изверженія въ 1279 и 1554 годахъ; *Ціо-кайсанъ* въ провинціи Девѣ, *Яки-сима* въ пров. Іециго; *Иваки-сима* (пикъ Тилезіуса) и *Яке-сима* въ пров. Намбю — всѣ пять на островѣ Нипонѣ. Служащіе продолженіемъ японской гряды острова: Якуни-сима, Танега-сима, Сувазесима (2630 ф), Тори-сима (Сѣрный, по Базилю Галлу) и вообще Ликейскіе всѣ суть волканическаго происхожденія и составляютъ переходную цѣпь къ волканамъ Формозы. *Сувазе-сима* дѣйствуетъ и понынѣ. — На Мацмаѣ, то-есть къ сторонѣ курильской волканической гряды, извѣстны горы: *Уши-уру-яма*, *Кіака* и много другихъ. Пикъ де-Лангль также безъ сомнѣнія былъ огнедышащею горою. Но на Сахалинѣ дѣйствующихъ волкановъ нѣтъ, а также и преданій объ волканическихъ изверженіяхъ до насъ недошло. Сѣдалище подземнаго огня съ Мацмая поворачиваетъ къ Камчаткѣ, оставляя болѣе близкій Сахалинъ въ сторонѣ, какъ бы въ доказательство, что одного сосѣдства моря и гористой страны недостаточно, чтобы сдѣлать послѣднюю волканическою.

Землетрясенія, столь обыкновенныя вездѣ, гдѣ есть

огнедышающія горы, едва ли не чаще другихъ мѣстностей случаются въ архипелагѣ Японскомъ. По крайней мѣрѣ, благодаря давнишней образованности страны, о нихъ сохранилось наиболѣе свѣдѣній. Японцы справедливо считаютъ землетрясенія и изверженія волкановъ главными бичами своей страны, и потому принимаютъ всѣ мѣры, чтобы предохранить себя отъ гибельныхъ ихъ послѣдствій. Землетрясеніямъ Японія обязана тѣмъ, что въ ней всѣ дома деревянные. И онѣ столь часты, что напримѣръ въ Нагасаки ощущаются почти ежегодно. По крайней мѣрѣ изъ трехъ путешественниковъ, Кемфера, Тунберга и Зибольда, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго десятками лѣтъ, ни одинъ не провелъ своей жизни въ Дециме безъ того, чтобы не быть свидѣтелемъ хотя одного потрясенія почвы. «10 декабря 1825 года, говоритъ Зибольдъ, насъ вдругъ разбудилъ ударъ, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ 23 и 24 чиселъ того же мѣсяца. Самыя же мощныя сотрясенія мы чувствовали 26 мая 1828 года. Первое изъ нихъ продолжалось цѣлую минуту и было такъ сильно, что мы думали: всѣ дома развалятся. И въ самомъ дѣлѣ, стѣна, окружавшая Дециму, довольно плохая, треснула во многихъ мѣстахъ. Испуганныя птицы вертѣлись въ воздухѣ, хлопая крыльями; но жалобные ихъ крики одни прерывали мрачное молчаніе природы. При каждомъ землетрясеніи въ Японіи, замѣчаетъ Зибольдъ, мы наблюдали особенное спокойствіе, сухость, воздуха и ясное небо. Грязный каналъ, отдѣляющій Дециму отъ города, испарялъ міазмовъ болѣе, чѣмъ

обыкновенно; но это нужно приписать не развитію подземныхъ газовъ, а болотистымъ испареніямъ, которыя были подняты потрясеніемъ со дна самаго канала. Во время ночи случилось также нѣсколько колебаній. Землетрясеніе было еще чувствительнѣе на островѣ Амакусѣ, въ 55 верстахъ на югозападъ отъ насъ, и тамъ видѣли феноменъ, похожій на подводный волканъ. Въ то же время провалились угольныя копи на островѣ Такарасимѣ, въ 280 верстахъ отъ Нагасаки, а въ 30 верстахъ отъ насъ, на мысѣ Номо, каменный идолъ скатился съ холма въ равнину. Волканъ Вунценъ то же не оставался спокойнымъ; лѣтомъ, когда возобновились землетрясенія, онъ нѣсколько разъ извергалъ пламя; такія же сильныя изверженія видны были на Азо и на Митаке. Жители острова Нипона, даже отдаленнаго Іеддо, въ свою очередь чувствовали легкія колебанія почвы. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить въ 5 градусовъ широты и 10 долготы пространство, на которомъ дѣйствовалъ подземный огонь. Оно оказалось бы еще обширнѣе, еслибъ мы знали больше подробностей».

Насколько основательно замѣчаніе, сдѣланное японскими наблюдателями и приводимое Зибольдомъ, что отъ времени начала землетрясенія зависятъ послѣдующія перемѣны погоды, трудно сказать, хотя отвергать его безусловно, по-видимому, не слѣдуетъ. Геологія наша, правда, не признаетъ періодичности волканическихъ явленій и связи ихъ съ воздушными перемѣнами; но, быть можетъ, когда-нибудь такая связь и отыщется.

Во всякомъ случаѣ выдѣленіе волканическихъ водя
ныхъ паровъ можетъ находиться въ нѣкоторой зависи
мости отъ барометрическаго давленія и влажност
воздуха, и на оборотъ, перемѣны во влажности ат
мосферы могутъ зависѣть отъ того, когда нарушен
ея равновѣсіе. Что касается до распространенія волкани
ческихъ дѣйствій на капельно жидкій элементъ, вод
то мы имѣемъ столько примѣровъ колебаній ея во вре
мя землетрясеній, что сомнѣніямъ тутъ нѣтъ никаког
мѣста. Начиная отъ лиссабонской катастрофы 1755 го
да до землетрясенія въ Чили 1821 г. и до современ
ныхъ намъ событій въ южной Америкѣ, можно приве
сти десятки примѣровъ, гдѣ волканическія сотрясен
передавались водѣ. Японія не составляетъ въ этом
случаѣ исключенія, и землетрясеніе 11 декабря 1854 г
тому доказательство. Русскій фрегатъ «Діану» разбил
именно потому, что огромныя волны образовались в
заливѣ Симоды и быстро ходили по немъ. Высота их
была столь значительна, что онѣ залили весь городок
а сила такова, что, когда вода отхлынула, то изъ город
ка почти ничего не осталось. Замѣчательно, что мѣ
стные жители приписываютъ нѣсколькимъ мѣстамъ в
Японіи*) свободу отъ потрясеній почвы, какъ о том
сообщалъ еще Кемферъ. Представляютъ ли такія мѣ
ста тѣ же геологическія особенности, какъ подобны
мосты въ южной Америкѣ, о томъ ничего нельзя ска

*) Острову Садо, острову Сипубусимѣ, горѣ Каязан
близъ Міако, и пр.

зать положительнаго. Ни Кемферъ, ни Гумбольдтъ, которые упоминаютъ о фактахъ, не даютъ ничего для ихъ поясненія.

Японскія лѣтописи сохранили множество извѣстій о землетрясеніяхъ, бывшихъ въ самыя отдаленныя отъ насъ времена. Къ началу III вѣка до Р. Х., именно къ 286 году, относится ими то великое геологическое событіе, которое подняло гору Фузи и образовало озеро Оицъ, самое обширное изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Японіи. Это озеро въ томъ видѣ, какъ оно представляется нынѣ, имѣетъ до 600 кв. верстъ протяженія и, по словамъ японскихъ историковъ, образовалося *въ одну ночь*. Хотя трудно допустить, чтобы въ столь короткое время упала изъ атмосферы или вытекла изъ подъ земли вся масса воды, содержащейся нынѣ въ озерѣ; но какъ мы не знаемъ ни какихъ послѣдующихъ разширеній Оица, то приходится вѣрить факту такъ, какъ онъ представленъ намъ лѣтописями, а для объясненія обширности залитаго пространства допустить малую глубину и первоначальную замкнутость водоема, имѣющаго теперь свой стокъ. Впрочемъ, и всѣ другія озера Японіи несомнѣнно волканическаго образованія; таковы напр. Сува, Инабазиро и др., обставленныя горами, подобно Лахернскому близъ Андернаха. Уже на памяти европейцевъ, во время ужаснаго землетрясенія 1586 года, въ провинціи Мито образовалось озеро на мѣстѣ провалившейся крѣпости.

Волканическій характеръ почвы въ Японіи служитъ причиною нахожденія многочисленныхъ теплыхъ клю-

чей. Особенно много ихъ на островѣ Кіусіу, въ провинціяхъ Фиго и Фиценѣ. Западный отклонъ горы Вунценъ обладаетъ разнообразными минеральными источниками, подобно отклонамъ Машука на Кавказѣ. Монахи, которые владѣютъ ими, прописываютъ употребленіе водъ, особенно купанье, многочисленнымъ больнымъ, приходящимъ суда, собирая эа это хорошія деньги. Но температура и химическій составъ японскихъ минеральныхъ источниковъ не изслѣдованы еще съ точностью. Извѣстно только, что многіе изъ нихъ сѣрные.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Моря, окружающія Японію. Озера, рѣки.

Берега Японіи и окружающія ее моря описаны многими мореплавателями; но нельзя не замѣтить, что описи эти не приведены еще къ полному соглашенію между собою и мѣстами противорѣчатъ одна другой на довольно значительныхъ разстояніяхъ*). Наилучше изслѣдованы южные и западные предѣлы архипелага, гдѣ торговое движеніе очень дѣятельно въ настоящее время; хуже всего — Мацмай. Не трудно, изъ сравненія картъ, убѣдиться, на сколько ушла впередъ гидрографія со времени плаванія первыхъ голландцевъ и португальцевъ до нашей эпохи, и здѣсь, описывая окружающія Японію воды, я буду держаться англійской адмиралтейской карты 1867 года. Карта эта впрочемъ не есть результатъ какой-либо одной систематической описи, а только сводъ всѣхъ прежде сдѣланныхъ, и потому необходимо упомянуть, какіе главные труды служили ей основаніемъ. Старинныя работы португальскихъ, англійскихъ и голландскихъ мореплавателей конечно

*) Напримѣръ у сѣверовосточныхъ береговъ Нипона отъ 38 до 41° ширины.

были отброшены. Затѣмъ приняты во вниманіе описи: Кинга, Лаперуза, Кольнета, Браутона, Крузенштерна, Базиля-Галла, Путятина и разныхъ новыхъ мореходцевъ — американскихъ, французскихъ и англійскихъ. Ближе всего къ современной картѣ Японскаго архипелага подходитъ Крузенштернова карта 1807 г., находящаяся въ атласѣ его «Путешествія». Знаменитый мореплаватель, конечно, воспользовался трудами всѣхъ своихъ предшественниковъ; но его собственныя изслѣдованія далеко оставили за собою эти предшествовавшія работы. Такъ изъ 98-ми астрономическихъ точекъ, служившихъ къ начертанію карты, 94 опредѣлены имъ самимъ или спутникомъ его Горнеромъ. Къ труду Крузенштерна были присоединены данныя японской картографіи, находящіяся у Зибольда, для начертанія небольшой карты Японскаго архипелага, Мори и Бента, приложенной къ «Путешествію» Перри. Карта эта собственно не есть морская; но она сдѣлана столь тщательно, что даетъ весьма точное понятіе о конфигураціи береговъ Японіи, а также и о теченіяхъ въ сосѣднихъ съ нею моряхъ. Острова Ликейскіе и Бонинъ-сима равнымъ образомъ изображены американцами съ возможною правильностью. Въ свою очередь русскія, французскія и англійскія описи 1853—57 годовъ совершенно измѣнили прежнія очертанія сѣверозападныхъ береговъ Японскаго моря, отъ залива Де-Кастри до южныхъ частей Кореи. Работы русскихъ гидрографовъ особенно можно назвать капитальными, и онѣ принимаются нынѣ за основныя для всего прибрежья

Кореи и Усурійскаго края отъ 35 до 45 и отъ 49 до 53° широты. Пробѣлъ остается только между бухтой Джигитъ и Императорской гаванью, гдѣ береговыхъ съемокъ также не было. Затѣмъ Сахалинъ и Мацмай, за исключеніемъ нѣсколькихъ бухтъ, наносятся съ Крузенштерновой карты и съ сухопутныхъ съемокъ, а Курильскіе острова съ картъ Головнина и японскихъ. Въ югозападной части Японіи многія описи сдѣланы Вардомъ, Буллокомъ, Бельчеромъ, Вайльдомъ и другими англійскими морскими офицерами, которыхъ работы связаны между собою астрономическими данными Крузенштерна, Ричардса, Варда и американской экспедиціи Перри. Свѣдѣнія о физическихъ свойствахъ морей, окружающихъ Японію, разбросаны у всѣхъ мореходцевъ, плававшихъ по этимъ водамъ, но предпочтительно въ «Путешествіяхъ» Крузенштерна и Перри, за которыми я послѣдую.

Внутреннее или средиземное, собственно Японское, море, омывающее Нипонъ съ сѣверо-запада, а Корею и русскую Маньчжурію съ юговостока, не смотря на частые въ немъ туманы, довольно безопасно для плаванія. Скалъ, за исключеніемъ прибрежныхъ, въ немъ почти не встрѣчается, отмелей также нѣтъ, и дно довольно ровно падаетъ отъ сѣвера и юга къ срединѣ, гдѣ, подъ широтами 39 и 40°, наибольшія глубины достигаютъ 110 — 115 морскихъ саженей (660 — 800 фут.). Сѣверные берега моря притомъ очень приглубы, и уже Лаперузъ замѣтилъ, что около нихъ въ ясную погоду плыть вполнѣ безопасно. Наши съемки

и промѣры 1857—61 года совершенно убѣдили въ этомъ, и нельзя довольно нахвалиться прекрасными гаванями: Новгородской, Славянской, Владивостокомъ, Америкой, Находкой, Ольгой, Владиміромъ и другими, которыя врѣзались въ почву Усурійскаго края. Но если сѣверозападный берегъ Японскаго моря глубокъ и удобенъ для плаванія, то и юговосточный, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изслѣдованъ, не менѣе выгоденъ. Въ проливахъ, отдѣляющихъ Японію отъ Кореи, глубина измѣняется отъ 60 до 80 сажень, въ Сангарскомъ, который лежитъ между Нипономъ и Іеддо, — отъ 75 до 100 и болѣе сажень. Только на сѣверѣ, въ Татарскомъ проливѣ, глубина болѣе и болѣе уменьшается; но и тутъ около мысовъ Муравьева и Лазарева, то есть въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, суда всякаго размѣра плаваютъ безпрепятственно, хотя по довольно узкому фарватеру. Мелкія мѣста Амурскаго лимана, съ 12—13 футами воды, лежатъ сѣвернѣе, внѣ предѣловъ Японскаго моря.

Общую величину водной поверхности, разстилающейся между Нипономъ и восточными берегами Азіи можно опредѣлить въ 20,000 кв. геогр. миль. И такъ, это средиземное море въ два съ половиною раза больше Каспійскаго или Чернаго. Зеленоватая вода его темнѣе Балтійскаго моря, но не достигаетъ синевы не только Архипелага, но даже Адріатическаго моря, хотя лежитъ въ однѣхъ широтахъ съ послѣднимъ. Соленость водъ его была опредѣлена еще Горнеромъ, въ пространствѣ между Мацмаемъ и берегами азіатскаго континента, и тогда найдено было, что она меньше,

чѣмъ въ океанѣ на $^1/_3$ долю (0,0034 : 0,0026). Такое явленіе совершенно понятно. Японское море лежитъ въ странѣ, чрезвычайно обильной дождями. Кто изъ нашихъ соотечественниковъ бывалъ въ усурійскомъ краю, тотъ опытомъ знаетъ, что такое эти холодные, продолжительные потоки атмосферной воды. Неизмѣримая поверхность Великаго океана служитъ источникомъ ихъ, насыщая воздухъ парами, а сѣверовосточные вѣтры, холодные, несущіеся съ Охотскаго моря, охлаждаютъ эти пары и производятъ дождь, туманъ или снѣгъ. Ни одно прибрежье Европы, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ частей Норвегіи, Португаліи и Ирландіи, не имѣетъ столько дождя, какъ берега Японскаго моря. Въ Татарскомъ проливѣ поверхность воды ежегодно покрывается льдомъ на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ. Также и всѣ бухты на материкѣ до 41° широты замерзаютъ зимою на 1, 2 и даже 5 мѣсяцевъ. Императорская гавань (49°), столь удобная для стоянки судовъ въ теченіе лѣта, именно потому и не годится для порта, что замерзаетъ почти полгода, и даже лучшія изъ русскихъ гаваней — Владивостокъ и Новгородская — стоятъ подо льдомъ весь январь, а иногда и долѣе. Закрытыя бухты на Сахалинѣ и даже на Мацмаѣ представляютъ то же явленіе.

Приливъ замѣтенъ въ Японскомъ морѣ, но онъ не великъ, потому что приливная волна отовсюду встрѣчаетъ сопротивленіе при входѣ во внутреній водоемъ. Въ портѣ Чу-санъ, наиболѣе открытомъ къ югу, высота сизигійнаго прилива 7 футовъ, въ Сангарскомъ проливѣ лишь

5, а у острова Садо не болѣе 2-хъ. О русскихъ берегахъ Японскаго моря я не имѣю свѣдѣній; но когда въ іюлѣ 1858 года я былъ на нихъ самъ, то не замѣтилъ измѣненія въ уровнѣ водъ болѣе 18 дюймовъ, хотя стоялъ у вершины открытой бухты. Приливный валъ приходитъ въ Японію почти прямо съ востока, и отъ того въ Хакодате приливъ на два часа раньше чѣмъ на прибрежьѣ Кореи. Въ множествѣ закрытыхъ, обставленыхъ скалами бухтъ ждутъ обыкновенно прилива, чтобы спустить на воду лодки, которыя въ другое время лежатъ на землѣ. Тамъ, гдѣ берега отмелы, желанный часъ есть напротивъ время отлива: тогда прибрежные жители собираютъ морскую капусту, раковъ, устрицъ и пр. Большихъ отмелей у японскихъ береговъ впрочемъ почти нѣтъ. Самая обширная принадлежитъ острову Саза-симѣ, во Внутреннемъ морѣ, на югъ отъ Нипона, т. е. внѣ разсматриваемаго бассейна.

Общихъ теченій неизвѣстно въ Японскомъ морѣ *) но въ проливахъ, соединяющихъ его съ океаномъ, стремленіе воды въ ту или въ другую сторону повсемѣстно замѣтно. Именно, на югѣ, чрезъ оба Корейскіе пролива, восточнѣе и западнѣе Цусимы, идетъ отрасль общаго океаническаго потока, направляющагося къ сѣверо востоку. Теченіе это впрочемъ довольно слабо. Гораздо сильнѣе токъ въ Сангарскомъ проливѣ, обыкновенно направленный къ западу и достигающій скорости 4 миль

*) Хотя на нѣкоторыхъ физическихъ картахъ и изображается таковое съ сѣвера на югъ.

(7 верстъ) въ часъ. Но теченіе это непостоянно въ своемъ направленіи и зависитъ очевидно отъ конфигураціи береговъ и вѣтра, подобно тому, какъ въ Босфорѣ. Симоносакскій проливъ, между Кіусіу и Нипономъ, представляетъ еще болѣе рѣзкій примѣръ этого непостоянства: тамъ теченіе измѣняется по нѣскольку разъ въ день, находясь въ связи съ вѣтрами и приливами.

Шесть проливовъ соединяютъ Японское море съ самымъ обширнымъ изъ всѣхъ океановъ, Восточнымъ. Шумно разбиваются высокія волны его о скалистые берега Японіи, изрѣзанные бухтами и заливами. Благодаря этимъ заливамъ, Японскій архипелагъ есть самая счастливая для морской торговли мѣстность на всемъ пространствѣ отъ Калифорніи до Китая и отъ Новой Голландіи до Берингова пролива. Даже въ другихъ частяхъ свѣта трудно найти страну, которой бы положеніе относительно моря, этой всемірной дороги международныхъ сношеній, было болѣе выгодно, и исключеніе остается за Британскими островами. Число всѣхъ заливовъ и бухтъ на четырехъ большихъ островахъ и множествѣ малыхъ чрезвычайно велико. Какъ болѣе извѣстные, назову: бухту Аткисъ, зал. Доброй Надежды, Вулканъ-бай, съ гаванью Эндермо, заливы Сухтелена и Строгонова и бухту Румянцева на Мацмаѣ, имѣющемъ, кромѣ того, прекрасные небольшіе порты въ Хакодате, бухтѣ Кутузова и многихъ другихъ мѣстахъ. На Нипонѣ больше всего обращаетъ на себя вниманіе великолѣпный заливъ Іеддо съ обширнымъ рейдомъ, на которомъ находятъ себѣ безопасную стоянку суда всѣхъ

размѣровъ. Лучшія якорныя мѣста для европейскихъ кораблей встрѣчаются близъ Ураги и Іокогамы, къ сторонѣ же Іеддо берегъ отмелъ версты на четыре.—Затѣмъ по южному береегу Нипона слѣдуютъ заливы: Одовари, Суруга, Овари и пять бассейновъ Внутренняго морца, которые носятъ названія Идзуми, Харима-, Бинго-, Иво- и Суво-нада. Все это морцо удобно для плаванія по своей глубинѣ (20-30 саж.): но оно чрезвычайно богато мелкими островами и скалами, которыя ни съ чѣмъ нельзя сравнить, какъ съ финляндскими шхерами. Доступу на осакскій рейдъ, лежащій въ первомъ изъ бассейновъ, эти скалы еще не мѣшаютъ: но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ онѣ становятся многочисленнѣе, а фарватеръ извилистѣе. Суда, плавающія изъ Іокогамы въ Шанхай, только потому предпочитаютъ эту дорогу, что она безопасна отъ бурь и касается открытыхъ иностранцамъ портовъ. — Мелкихъ бухтъ на Нипонѣ такъ много, и онѣ столь мало еще изслѣдованы, что перечисленіе ихъ ни къ чему бы не повело. Упомяну о Симодѣ, Хедѣ, Эноурѣ, Арари, Таго, лежащихъ на *одномъ* маленькомъ полуостровѣ Идзу, о болѣе обширной Хаманѣ и пр. — Два обширные залива, Сендай и Авамори, врѣзываются въ восточную и сѣверную части острова, а бухты Ваказа, Тойяма, Мацуэ и др. въ сѣверозападную.

На о. Кіусу лежитъ знаменитый Нагасакскій рейдъ, и кромѣ того берега его изрѣзаны многими большими заливами: Симабарскимъ, Удо, Кагозима, Узуми, Омура и пр. Рейдъ Кагозимы столь же удобенъ, какъ и въ Іеддо, даже лучше его, ибо глубокъ; а какъ онъ ближе

къ Китаю и Европѣ на 500 морскихъ миль и лежитъ среди богатыхъ областей Сацумы и Озуми, то ему можно предсказать блестящую будущность, какъ только японцы откроютъ его для европейскихъ судовъ. — Сикокфъ бѣднѣе прочихъ гаванями; но европейцы еще почти не знаютъ его. Въ архипелагѣ мелкихъ острововъ, на западѣ отъ Кіусіу и Нипона, уже издавна извѣстны порты въ Фирандо, Готто, Ики, Цусимѣ и пр., этихъ Цикладахъ японскаго міра.

Великій океанъ вблизи Японіи конечно не замерзаетъ нигдѣ, имѣетъ вездѣ значительную глубину (15—20 саж. въ разстояніи мили отъ берега) и правильные приливы. Такъ какъ приливная волна ничѣмъ не задерживается, то прикладной часъ почти вездѣ одинаковъ (6), и исключеніе остается за портами, лежащими въ длинныхъ и узкихъ заливахъ (Нагасаки 8) или проливахъ (Симоносаки 8½). Высота прилива у Огосимы, т. е. въ открытомъ морѣ, 5 футовъ, въ Іеддо 6½, въ Цусимѣ и Симоносаки по 8; а въ Нагасаки даже 9.

Великій океанъ къ югу отъ Японіи и вблизи береговъ ея (30—50 миль южнѣе) имѣетъ замѣчательное теченіе. Это *Куро-Сиво*, который справедливо сравнивается съ Гольфъ-Стримомъ Атлантики. Широкій потокъ этотъ начинается у южнаго конца Формозы (22° шир.) вслѣдствіе отлива водъ, нагоняемыхъ общимъ экваторіальнымъ теченіемъ Тихаго океана въ Китайское море. Направленіе его, какъ и Гольфъ-Стрима, съ югозапада на сѣверовостокъ, и послѣдніе слѣды замѣтны еще у береговъ бывшей русской Америки, которой

климатъ, благодаря этому приливу теплой воды, гораздо мягче, чѣмъ соотвѣтственныхъ береговъ Азіи. Сѣверозападный предѣлъ Куро-Сиво, въ части, сосѣдней съ Японіею, хорошо замѣтенъ и даже ночью можетъ быть отличенъ помощью термометра, такъ какъ теплота потока (24°Р.) на 5-9 градусовъ выше, чѣмъ сосѣдняго океана. Но другія его очертанія съ точностью еще неизвѣстны, особенно южное, гдѣ переходъ отъ потока къ неподвижному морю весьма постепененъ. Средняя скорость теченія около 40 мор. миль, т. е. 70 верстъ, въ сутки; но бывали случаи, что на меридіанѣ Іеддо замѣчали скорость вдвое большую, т. е. 80 миль въ сутки. Для судовъ, идущихъ въ Японію изъ Индѣйскаго океана, это большое подспорье, и вотъ почему онѣ совершаютъ свое плаваніе 2-3 днями скорѣе, чѣмъ идя обратно въ южно-Китайское море. Густо-синій цвѣтъ воды въ потокѣ гораздо темнѣе, чѣмъ въ океанѣ, и это служило причиной его названія, ибо Куро-Сиво по японски значитъ черный потокъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ разводимое въ немъ волненіе бываетъ чрезвычайно-велико, и какъ волны, не смотря на вышину, выходятъ короче, чѣмъ въ океанѣ, то качка бываетъ ужасная.

Южнѣе Кіусіу Куро-Сиво повидимому отдѣляетъ небольшую вѣтвь въ Японское море, которая и проникаетъ Корейскимъ проливомъ; но подробностей объ этомъ побочномъ теченіи у насъ неимѣется. Что же касается до предположенія нѣкоторыхъ писателей, что толчекъ, сообщаемый Куро-Сиво водамъ океана, служитъ причи-

ной теченія въ Сангарскомъ проливѣ; то этого доказать невозможно. Равнымъ образомъ и о возвратномъ потокѣ отъ сѣвера къ югу *подъ днемъ* Куро-Сиво, мы ничего не знаемъ; ибо плавающихъ ледяныхъ горъ, которыя напр. въ Атлантическомъ океанѣ даже подъ широтою 40° с. показываютъ существованіе полярнаго тока, нѣтъ въ океанѣ Восточномъ. Вблизи сѣверныхъ острововъ Японіи, т. е. Мацмая и Итурупа, а отчасти Нипона, можно иногда замѣтить *поверхностное* теченіе съ сѣвера, даже при противныхъ вѣтрахъ; но есть ли это *вознаграждающій* токъ, о томъ ничего нельзя сказать положительнаго. Глубина Куро-Сиво также намъ неизвѣстна.

Великій океанъ на югъ отъ Японіи, до острововъ Филиппинскихъ и береговъ Китая знаменитъ смерчами или тифонами, которые уже со временъ Горсбурга обращали на себя вниманіе мореплавателей, посѣщавшихъ эти воды. Тифоны, распространяющіеся иногда на обширное разстояніе, во многомъ напоминаютъ антильскіе орканы по своей опустошительности; но нерѣдко они имѣютъ размѣры простаго столба, въ которомъ воздухъ и даже вода вращаются съ чрезвычейною быстротою, какъ въ вихрѣ. Полной теоріи образованія китайскихъ тифоновъ однако же нѣтъ. Вѣроятно, она та же, что предложена Ридомъ для урагановъ Атлантическаго и Индѣйскаго океановъ. По крайней мѣрѣ, руководствуясь ею, то-есть признавая тифоны вихрями, вертящимися отъ сѣвера черезъ западъ къ югу около точки, въ свою очередь подвигающейся къ сѣверо-во-

стоку, моряки иногда выходили удачно изъ центра бури въ болѣе безопасныя мѣстности. Тифоны извѣстны только на югѣ отъ Кіусіу и Нипона; у сѣверныхъ же предѣловъ Японіи ихъ нѣтъ; но тамъ большую опасность представляютъ обыкновенныя бури, дующія съ страшною силою изъ за всѣхъ мысовъ, напр. Сои, Ториви-саки и пр.

Богатая развѣтвленіями сосѣдняго моря, глубоко проникающими въ почву ея, Японія, въ замѣнъ того лишена большихъ внутреннихъ водовмѣстилищъ. Всѣ ея рѣки суть второстепенные потоки, недостигающіе даже размѣра рѣкъ, орошающихъ Швейцарію. На Нипонѣ нѣтъ ни одной, которая бы была длиннѣе 175 верстъ; на Кіусіу и Сикокфѣ тѣмъ болѣе. Только на Мацмаѣ есть рѣки (*Изикари* и еще одна или двѣ), которыя переходятъ за 200 верстъ; но онѣ, подобно прочимъ, имѣютъ свойства горныхъ потоковъ, т. е. слишкомъ быстры и обильны водою во время дождей и маловодны въ сухое время года. Для судоходства годны въ Японіи только низовья *Кокогавы*, *Тоды* и *Никогавы*, текущихъ въ заливъ Іеддо, *Отогавы* и *Киссогавы*, притоковъ залива Овари, и *Синаногавы*, которая впадаетъ въ Японское море. Послѣдняя даже канализирована, чтобы вода не разбивалася на протоки. Рѣка *Іедогава* стокъ озера Бивы, также носитъ небольшія суда. Затѣмъ всѣ остальныя рѣки не только не служатъ для сообщеній, но нерѣдко препятствуютъ имъ. При первыхъ дождяхъ онѣ прибываютъ и несутся съ огромною быстротою. Внезапность прибыли и сила теченія слу-

жатъ причиною, что въ Японіи мало мостовъ на значительныхъ рѣкахъ, а вездѣ устроены переправы на лодкахъ или даже въ бродъ, при чемъ, по странной особенности японскихъ законовъ, перевозчики отвѣчаютъ головою за несчастіе съ перевозимымъ лицомъ. Рѣка *Оингава*, въ Тоотоми, уже давно прославлена европейцами, путешествовавшими изъ Нагасаки въ Іеддо, какъ одна изъ типическихъ въ этомъ родѣ. На одной изъ рѣкъ провинціи Микавы есть впрочемъ мостъ длиною до 180 сажень, — самый длинный въ Японіи. Рукава Іедогавы въ Осакѣ и Тоды въ Іеддо также пересѣчены многочисленными мостами, изъ коихъ Нипонъбасъ, въ столицѣ тайкуновъ, служитъ точкою, отъ которой считаются разстоянія во всемъ государствѣ. Многія мелкія рѣки въ Японіи распущены по канавамъ для орошенья полей. — Изъ озеръ, кромѣ названнаго уже *Оица* или *Бивы*, можно упомянуть только объ *Инабазиро*, въ пров. Муцу, и о нѣсколькихъ другихъ на Мацмаѣ. Всѣ онѣ суть альпійскія, обставлены горами и невелики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Климатъ и произведенія Японіи.

«Японія, замѣтилъ одинъ миссіонеръ еще въ XVI вѣкѣ, расположена почти въ томъ же климатѣ, какъ Испанія и Италія. Здѣсь собираютъ двѣ жатвы въ годъ». Такова, въ короткихъ словахъ, характеристика климата и производительности если не всего Японскаго архипелага, то по крайней мѣрѣ южныхъ частей его. Болѣе близкое ознакомленіе съ дѣломъ только развиваетъ мысль іезуита. Дѣйствительно, если прибавить къ его словамъ, что климатъ Японіи болѣе влаженъ, чѣмъ итальянскій, то получимъ все, чѣмъ и понынѣ можемъ характеризовать погоду, господствующую въ восточно-азійской островной группѣ. Но впрочемъ численныя величины для выраженія качествъ климата имѣются у насъ только для двухъ-трехъ мѣстностей; да и тутъ выводы не вполнѣ еще точны, потому что наблюденія обнимаютъ короткіе періоды времени. Особенно влажность воздуха, количество падающихъ дождей, число бурь и грозъ, зависимость высоты барометра и термометра отъ вѣтровъ требуютъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Правда, еще Тунбергъ, пытался сдѣлать нѣкоторыя

замѣчанія по этимъ предметамъ; но эти замѣчанія относятся къ одному Нагасаки, т. е. къ пункту, лежащему на крайнемъ югозападѣ всей страны. Климатическія свойства Сикокфа, Нипона чрезъ это не выясняются. Приведемъ здѣсь выводы Тунберга.

«Наибольшая жара въ Нагасаки бываетъ въ августѣ и достигаетъ + 30° Р.; наибольшій холодъ въ генварѣ, + 1° Р. Иногда выпадаетъ снѣгъ; но онъ быстро растаяваетъ».

«Лѣтомъ южный вѣтеръ, обыкновенно довольно свѣжій, дуетъ почти постоянно около полудня, ночью же и утромъ его смѣняетъ восточный». Это, стало быть, бризы, столь обыкновенные во всѣхъ приморскихъ странахъ; и притомъ тотъ изъ нихъ, который долженъ дуть съ запада, отклоняется къ югу подъ вліяніемъ восточныхъ муссоновъ.

«Ежели вечеромъ стелется туманъ или собираются облака, то непремѣнно ночью пойдетъ дождь; но въ случаѣ, если прояснится къ утру, то слѣдующій день будетъ хорошій».

«Зимою, ежели небо покрывается облаками на востокѣ и югѣ, то это значитъ, что будетъ дождь и вѣтеръ; движеніе же воздуха съ сѣвера и запада ведетъ за собою ведро».

Это послѣднее замѣчаніе легко получаетъ смыслъ и оправданіе, если вспомнимъ, что Нагасаки лежитъ въ сосѣдствѣ съ Кореею и вообще съ материкомъ азіатскимъ. Въ противоположность тому, что мы видимъ напр. въ Петербургѣ, гдѣ западный вѣтеръ зимою всег-

да приноситъ снѣгъ, — здѣсь онъ служитъ къ проясненію воздуха, а сухіе у насъ юго-восточные вѣтры здѣсь являются влажными.

Что касается до общаго вывода о климатѣ Нагасаки, то необходимо замѣтить, что средняя годовая температура этого города, лежащаго подъ 32° 45′ шир., встрѣчается въ западной Европѣ лишь шестью градусами сѣвернѣе. Именно, Лиссабонъ, подъ 38° 42′ ш., пользуется какъ разъ тѣмъ же среднимъ годовымъ теплomъ, + 13,°1 Реом., что̀ Нагасаки. При сравненіи съ прибрежьями Средиземнаго моря разность выходитъ еще ощутительнѣе, ибо тамъ Катанья подъ 37° 30′ имѣетъ + 15,°7 Р. Даже на восточномъ берегу Америки Саванна, находящаяся на одной параллели съ Нагасаки, теплѣе его (+ 14,°1 Р.). Соображая при этомъ, что чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ ощутительнѣе должно быть замѣтно вліяніе Охотскаго моря и сосѣднихъ частей холодной восточной Азіи, необходимо допустить, что вообще Японія не наслаждается тою степенью теплоты, которая могла бы быть свойственна ей по математическому ея положенію. По крайней мѣрѣ это можно сказать про западный склонъ Нипона, про весь Мацмай, и климатъ Хакодате тому доказательство. Городъ этотъ лежитъ подъ одной широтой съ Барцелоною, а между тѣмъ его средняя годовая температура (по наблюденіямъ въ русскомъ консульствѣ, + 7,°9 Р.) ниже средней температуры (+ 8° Р.) шести зимнихъ мѣсяцевъ въ столицѣ Каталоніи и на цѣлые 7°,8 Р. менѣе годовой температуры ея. Болѣе 40 дней въ году идетъ

здѣсь снѣгъ, и холодные вѣтры очень обыкновенны. О Сахалинѣ и говорить нечего: здѣсь въ маѣ зелень только-что распускается, и въ сосѣднемъ Николаевскѣ (53° 8′ ш.) средняя годовая температура равна 2°05 Р. Что до юговосточныхъ частей Японіи, напримѣръ до окрестностей Іеддо, то онѣ имѣютъ климатъ свѣжѣе нагасакскаго *), и сѣверные вѣтры приносятъ тутъ снѣгъ разъ пять въ году. Самый теплый вѣтеръ въ Іеддо югозападный; но онъ постоянно влажный, что отчасти зависитъ отъ теплоты Куро-Сиво, снабжающаго воздухъ парами въ избыткѣ. Движеніе атмосферы съ сѣверо-запада приноситъ въ Іокогаму такую же хорошую погоду, какъ въ Нагасаки. Теплые южные вѣтры и покатость страны на полдень причиною того, что снѣжная линія на горахъ въ сосѣдствѣ Іеддо держится очень высоко, почти какъ подъ тропиками. Именно пикъ Фузи (35° 20′ шир.) бываетъ нѣкоторое время свободенъ отъ снѣга, не смотря на то, что его высота равна 12.450 футамъ надъ моремъ.

Мѣсяцы іюнь и іюль извѣстны во всей Японіи за дождливые, а ноябрь, декабрь и генварь суть времябурь, если не на сушѣ, то на сосѣднихъ моряхъ. Среднее число дней дождливыхъ или снѣжныхъ во всей Японіи можно считать 110, а дней облачныхъ болѣе половины года. Не смотря на то, тамъ случаются засухи, какъ напр. было въ 733, 1082 и 1558 годахъ. Грозы

*) По наблюденіямъ американскаго миссіонера Гипбурна средняя температура Іокогамы + 10°,9 Р.

очень обыкновенны въ Японскомъ архипелагѣ, но ихъ время не въ срединѣ лѣта, а осенью, весной и даже зимой. Въ проливахъ, раздѣляющихъ главные острова, часто появляются внезапные шквалы, достигающіе до степени урагановъ, что особенно замѣчено въ Хакодате.

Таковы краткія замѣчанія, которыя можно сдѣлать о климатическихъ условіяхъ Японіи. Переходя затѣмъ отъ нихъ къ обзору ея производительности, мы должны бы прежде всего предположить, что страна столь отдѣльная по своему географическому положенію имѣетъ совершенно самостоятельную фауну. Однако, какъ замѣтилъ Темминкъ, это предположеніе не совсѣмъ оправдывается, по крайней мѣрѣ относительно высшихъ животныхъ. Собственныхъ *родовъ* млекопитающихся Японскій архипелагъ не имѣетъ, и почти всѣ его *виды* встрѣчаются въ другихъ странахъ, даже въ Европѣ. Число звѣрей притомъ невелико. Одинъ видъ обезьяны, медвѣдь одной породы съ водящимся въ Индіи, лисица, волкъ, олень, антилопа съ длинною шерстью, сходная съ суматрскою (Ant. crispa), дикая свинья, монгольскій заяцъ, крысы и мыши суть немногіе дикіе представители класса млекопитающихся. Къ нимъ могутъ быть присоединены домашнія животныя: кошки и собаки, разводимыя въ большемъ числѣ, и лошади, коровы и буйволы мелкой породы, весьма немногочисленные. Овецъ и козъ нѣтъ совсѣмъ, такъ что японцы до послѣдняго времени не знали шерстяной одежды. Большіе виды рода Felix, какъ то тигры, ирбизы, также

неизвѣстны, хотя они встрѣчаются въ сосѣднихъ странахъ, Маньчжуріи и Кореѣ. У береговъ Японіи водится еще довольно китовъ, которыхъ бьютъ гарпунами для извлеченія изъ нихъ спермацета и амбры. Бѣдняки, употребляютъ китовое мясо и въ пищу, не смотря на то, что оно отвратительно.

Птицы также немного отличаются отъ европейскихъ и азіатскихъ. За то онѣ многочисленны. Темминкъ насчиталъ уже 228 видовъ; теперь ихъ извѣстно больше, такъ что можно сказать, что $^1/_{16}$ часть птицъ земнаго шара встрѣчается на пространствѣ Японіи, которое равно едва $^1/_{130}$ части всей земной поверхности. Между птицами преобладающія по числу особей породы-водяныя, какъ оно и естественно въ странѣ, окруженной моремъ и обильно орошаемой потоками. Уже Тунбергъ замѣтилъ на Іедогавѣ многочисленныхъ пеликановъ, дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ, которыя гнѣзда свои вили на соснахъ, посаженныхъ вдоль дороги, такъ какъ мѣста низменныя до самой рѣки были обработаны. Альбатросы, разныя чайки, бакланы, гренландскіе голуби и другіе рыболовы въ множествѣ обитаютъ по берегамъ морскимъ. Красивый видъ цапли обыкновенно разгуливаетъ по полямъ, когда ихъ пашутъ, истребляя червей и земныхъ насѣкомыхъ: птица эта пользуется уваженіемъ народа и никто ее не трогаетъ. Дикіе гуси и утки, чирки, снигири, перепелки, голуби, галки, вороны, воробьи встрѣчаются какъ и въ Европѣ; первые охотно живутъ между мелкими прибрежными островами, гдѣ они безопасны отъ охотниковъ. Домашнюю

птицу составляютъ куры, утки и гуси, содержимые въ довольно большомъ числѣ главнымъ образомъ для яйцъ, до которыхъ японцы большіе охотники. Водятся великолѣпные фазаны, а для охоты японцы содержатъ копчиковъ и соколовъ, изъ которыхъ первые ловятъ и рыбу. Соловьи составляютъ любимыхъ пѣвцовъ, и за лучшихъ изъ нихъ платятся большія суммы, напр. рублей по пятисотъ на наши деньги.

Гады малочисленны, что безъ сомнѣнія надобно приписать давней обработкѣ страны, также какъ и малое число звѣрей. Встрѣчаются большія черепахи, нѣсколько змѣй, близкихъ по породѣ къ змѣямъ Усурійскаго края, и огромная прѣсноводная ящерица, Triton japonicus, съ чрезвычайно широкою головою, плоскимъ тѣломъ и коротким лапами, отличительная для Японіи.

За то рыбы представляютъ такое богатство формъ и особей, какое рѣдко повторяется въ другихъ частяхъ земнаго шара. Не перечисляя здѣсь прочихъ, назовемъ однѣхъ тѣхъ, которыя употребляются въ пищу. Это суть окуни, сельди, сазаны, лососи, сомы, гнюсы, игла-рыба, рогатки, чебаки и угри, очень красивые. Японцы, какъ извѣстно, настоящіе ихтіофаги, кормящіеся рыбою предпочтительно предъ всѣми другими питательными веществами. Они ловятъ ее и неводами, и вершами, и острогами. Послѣдняя ловля, производимая вечеромъ, при огнѣ, чрезвычайно любопытна. Въ тихую погоду сотни лодокъ разсыпаются по закрытымъ частямъ моря и ищутъ рыбу при свѣтѣ факеловъ. Заливъ или бухта тогда представляются какъ бы иллюминованными. — Японцы

добываютъ и употребляютъ въ пищу икру нѣкоторыхъ рыбъ, а жиръ ихъ служитъ для освѣщенія.

Изъ низшихъ животныхъ, характеризующихъ японскую фауну, надобно прежде всего назвать многочисленныхъ раковъ, изъ которыхъ одинъ, Maja Kaempferi, имѣетъ въ окружности нѣсколько футовъ и клешни въ полтора аршина длиною. Прекрасный экземпляръ этого рака можно видѣть въ берлинскомъ зоологическомъ кабинетѣ. — За раками слѣдуютъ слизняки, изъ которыхъ многіе, напр. устрицы, употребляются въ пищу. Японцы ѣдятъ также каракатицъ, столь любимыхъ въ Китаѣ. У береговъ залива Овари они ловятъ жемчужныхъ раковинъ. Насѣкомыя, особенно жесткокрылыя, многочисленны въ странѣ и нерѣдко отличаются яркими цвѣтами крыльевъ и тѣла. Самое полезное изъ нихъ-шелковичный червь, дающій столь первосходный шелкъ, что нынѣ его считаютъ изъ первыхъ въ свѣтѣ. Пчелы также разводятся японцами, но не въ большомъ количествѣ. Шпанскія мухи водятся въ Японіи, но употребленіе ихъ тамъ неизвѣстно. Есть тысяченожки и мокрицы, опасныя своимъ укушеніемъ, и бѣлые муравьи, столь прожорливые, что они поѣдаютъ все, попадающееся имъ на встрѣчу. Эти послѣдніе составляютъ бичь хозяйства японцевъ. — Кораллы разныхъ видовъ — розовые, красные и проч., встрѣчаются у многихъ береговъ Японіи, хотя не строютъ здѣсь рифовъ.

Растительное царство особенно разнообразно въ Японскомъ архипелагѣ и отличается пышностію развитія, густотою зелени и сочностью всѣхъ частей раститель-

ныхъ тканей. Благодаря довольно рѣзкому переходу отъ свѣже-умѣреннаго климата къ теплому, какъ въ горизонтальномъ направленіи, отъ сѣверо-востока къ юго-западу, такъ и въ вертикальномъ, по отклонамъ горъ, японская растительность представляетъ нерѣдко въ близкомъ сосѣдствѣ формы средне-европейскія и породы чисто тропическія. Изъ видовъ, напоминающихъ *тропики*, замѣчательны: бананы, впрочемъ достигающіе здѣсь сѣвернаго предѣла и неприносящіе зрѣлыхъ плодовъ; многіе виды бамбука; лавры, изъ которыхъ особенно замѣчательно камфарное дерево; хлопчатникъ; саговикъ тессіо; шишконосная пальма, дающая саго; малорослая пальма Chamerops excelsa, растущая впрочемъ и въ южной Европѣ; волторашникъ-дерево съ большими широкими кистьями, напоминающими сирень, и съ цвѣточными пирамидами въ родѣ каштановыхъ; далѣе: мирты, гранатники, апельсинныя, миндальныя деревья, чайный кустъ и проч. Кромѣ того можно назвать: великолѣпныя японскія розы или камеліи, вѣчно украшенныя своими блестящими плотными листьями; золотое дерево, съ широкими кожистыми листьями темнозеленаго цвѣта съ пятнами; каки или китайскую хурму, дерево средняго роста, очень вѣтвистое, съ желтоватыми мясистыми плодами, похожими на сливу, и съ густою листвой. Напротивъ того, бирючина, бузина, ясень, деренъ, каштанъ, самшитъ, жимолость, бересклетъ, барбарисъ, кленъ, сливы, вишни, яблони, груши, кизыльникъ, боярышникъ, розовые кусты и др. напоминаютъ *среднюю и южную Европу* и западную

половину Кавказа, а береза, сосна, дубъ, липа составляютъ формы, свойственныя и *холодно-умѣренному климату приволжскихъ частей Россіи.* Между травянистыми растеніями такое же родство съ европейскою флорою обнаруживаютъ: шалфей, розмаринъ, баранчики, фіалки, земляника, морковь, гвоздика, молочай, подорожникъ, различныя породы картофеля и табаку, колокольчики, сложноцвѣтныя, лютики, наперстянки и проч. Лиліи, столь многочисленныя въ Маньчжуріи, изобильно растутъ и здѣсь. Благодаря обработкѣ въ садахъ, онѣ представляютъ болѣе ста породъ (varietas), точно такъ же какъ розы, число которыхъ еще значительнѣе. Культурныя растенія Японіи также представляютъ переходъ отъ европейскихъ къ тропическимъ. Такъ рядомъ съ смоквами, виноградомъ, гранатами, хлопчатникомъ, рисомъ, мы видимъ пшеницу, кукурузу, ячмень, овесъ, картофель, спаржу, рѣдьку, салатъ, огурцы, дыни, горохъ, цикорій. Къ европейскому климату подходятъ также: квай-камышъ съ съѣдобными корнями; ава-видъ проса; квокуза-злакъ съ лапчатымъ колосомъ; чилимъ; огненная лилія, луковицы которой употребляются въ пищу, и японскій картофель, Dioscorea japonica, вьющееся растеніе съ мучнистыми корнями. На это послѣднее растеніе было уже не разъ указываемо какъ на способное замѣнить нашъ выродившійся европейско-американскій картофель.

Въ ботанической географіи Японскій архипелагъ принято называть царствомъ Тунберга или царствомъ камелій и целеастровыхъ, которыя составляютъ исклю-

чительную принадлежность Японіи. Представителями перваго типа этихъ растеній служатъ два вида камелій и чайное деревцо; а вторыхъ особые виды бересклета и другихъ краснопузырниковыхъ, виды крушины и юоба. Кромѣ того Японіи свойственны и многія другія растенія, не встрѣчающіяся внѣ ея, напр. гингко-хвойное дерево съ иглами, переходящими въ листья. Но эта отличительность, можетъ быть и рѣзкая въ то время, когда Японскій архипелагъ былъ страною дѣвственною, нынѣ, такъ сказать, почти стерлась. Уже Зибольдъ замѣтилъ, что изъ 500 растеній, служащихъ въ Японіи на пользу или для украшенія садовъ, навѣрное половина вывезена изъ сосѣднихъ странъ. Ригель, сравнивая въ 1860 году японскую флору съ усурійскою, нашелъ, что изъ 600 видовъ, описанныхъ Максимовичемъ на Усури, не менѣе 70-ти свойственны Японіи; а съ изученіемъ растительности сѣверной половины Японскаго архипелага можно надѣяться на отысканіе большаго числа породъ, общихъ архипелагу и сосѣднему материку, особенно же, если въ область изученія войдетъ Корея.

Чтобы заключить этотъ краткій очеркъ растительнаго царства въ Японіи, напомнимъ здѣсь названія тѣхъ породъ растеній, изъ которыхъ человѣкъ извлекаетъ наибольшую пользу. Это будутъ:

А. *Деревья.*

1. Шелковичное, Morus alba, которое водится вездѣ къ югу отъ 41° широты, особенно въ сѣверной половинѣ Нипона.

2. Бумажное, Brussonetia papirifera, изъ коры котораго, собираемой къ декабрѣ, дѣлаютъ бумагу.

3. Лаковое, Rhus vernix, растущее впрочемъ и дико. Млековидный сокъ его даетъ знаменитый японскій лакъ.

4. Камфарное, Laurus camphora, дающее камфору и особенно разводимое на островахъ Гото и въ провинціи Сацумѣ.

5. Чайное деревцо, Thea bohea, воздѣлываемое вездѣ въ южной части архипелага, но дающее чай хуже китайскаго.

6. Восковое дерево, Rhus succedonea, изъ котораго приготовляютъ воскъ на свѣчи, замѣняющія японцамъ наши стеариновыя.

7. Смоковницы, каштаны, орѣшникъ, груши, фисташки, апельсины, лимоны, сливы, абрикосы, — разводимые для плодовъ.

8. Сосна, кедръ, береза, дубъ, кипарисъ — главныя строевыя деревья Японіи, которая впрочемъ имѣетъ и тековое дерево.

Б. Другія растенія.

9. Хлопчатникъ, свойственный всей южной половинѣ архипелага и пересаживаемый ежегодно.

10. Конопля, дающая обыкновенный матеріалъ для грубыхъ тканей. Но веревки дѣлаются не изъ нея, а изъ крапивы и изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ.

11. Рисъ — важнѣйшее произведеніе Японіи, которое составляетъ главную пищу народа. Онъ родится на всемъ архипелагѣ, кромѣ Мацмая, но особенно знаме-

питы плодородіемъ области: Изіе, Ооми, Мино, Ямазійро, Ямато, Сима, Тоотоми, Суруга, Каи, Мюзази, Харима, Бицю, Идзумо, Оозуми и Муцу, то-есть части Нипона, сосѣднія заливамъ Овари и Осака и лежащія въ западной половинѣ острова, между Японскимъ и Внутреннимъ моремъ.

12. Пшеница, рожь, ячмень, овесъ, сахарное просо (сорго) и другіе полевые злаки, произрастающіе вездѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ по двѣ жатвы въ годъ.

13. Капуста, рѣдька, горохъ, бататы, морковь, хрѣнъ и множество другихъ травянистыхъ породъ составляютъ огородные овощи.

14. Кунжутъ, рѣпа, камфарное дерево, египетскій гороховикъ и нѣкоторыя другія растенія даютъ масла для привравы пищи и для ночниковъ.

15. Марена и спорынь — краски красную и синюю.

16 Сады, столь изящно содержимые японцами, наполнены обыкновенно азаліями, нандинами, вишнями, померанцами, барбарисомъ, аукубою, магноліями, бархатцами, китайскими астрами, піонами, маточной травой, ноготками, бальзаминами, колокольчиками, лиліями и розами.

17. Морская капуста, конечно, не обработывается, но добывается японцами въ огромномъ количествѣ для пропитанія бѣдняковъ.

18. Наконецъ въ хозяйствѣ японскомъ играютъ важную роль грибы, усердно собираемые и служащіе приправою къ разнымъ подливкамъ и соусамъ.

Особенность японскаго растительнаго ландшафта со-

стоитъ въ томъ, что онъ образуется почти исключительно культурными растеніями. Рѣдко, и то лишь на крутыхъ, каменистыхъ отклонахъ горъ, можно встрѣтить породу, необработанную или не насажденную рукой человѣка. «Я предполагалъ найдти, замѣтилъ еще Тунбергъ, огромныя ботаническія богатства на японскихъ поляхъ и въ селеніяхъ; но неутомимая дѣятельность народа обманула мои ожиданія. Ни одной сорной травки, ни одного растительнаго паразита нѣтъ на этихъ поляхъ. Если бы и появились, то ихъ немедленно вырвали бы». Это можетъ дать поводъ думать, что сельскій видъ въ Японіи очень однообразенъ и напоминаетъ или наши русскія поля, или обширныя низменности Китая, засѣянныя рисомъ. Но на самомъ дѣлѣ не то, и японскій ландшафтъ обыкновенно отличается пестротою и разнообразіемъ. Горы и холмы то одѣты зеленью небольшихъ рощъ, садовъ и аллей, то, на покатостяхъ, представляютъ желтѣющія поля пшеницы и ячменя. Въ долинахъ господствуетъ рисъ, хлопчатникъ, огородныя овощи; но все это перемѣшано съ зеленью деревьевъ, которыя во множествѣ растутъ по межамъ, у дорогъ или возлѣ жилищъ. Я не умѣю ни съ чѣмъ болѣе сравнить общаго вида южной Японіи, какъ съ ландшафтомъ нѣкоторыхъ частей средней и южной Италіи. Здѣсь, какъ и тамъ, удивленный житель сѣвера встрѣчаетъ на одной и той же почвѣ готовую жатву, деревца средняго роста, обремененныя цвѣтами или плодами, и высокіе стволы строевыхъ деревьевъ, которыхъ густолиственныя вер-

шины даютъ тѣнь тому, что растетъ ниже и могло бы быть выжжено солнцемъ.

Минеральное царство, по самому геологическому устройству Японіи, очень разнообразно; но его произведенія наименѣе намъ извѣстны, потому что геологическія и минералогическія изысканія въ Японскомъ архипелагѣ почти что не начинались. Золото и серебро столь изобильны, что голландцы и португальцы вывозили нѣкогда цѣлые грузы ихъ. Про португальцевъ именно сохранилось преданіе, что они ежегодно добывали изъ Японіи до 500 боченковъ одного золота. Хотя же съ изгнаніемъ иностранцевъ въ XVII вѣкѣ запрещено было разработывать большую часть рудниковъ и пріисковъ обоихъ металловъ; тѣмъ не менѣе количество ихъ, оставшееся въ оборотѣ, и доселѣ очень значительно. Золото особенно изобильно, и его цѣна была до послѣдняго времени ниже европейской (1 : 12 или 13 вмѣсто 1 : 15). Всѣ рудники принадлежатъ или императору, или князьямъ, но послѣднимъ подъ условіемъ вносить двѣ трети добытаго металла въ императорскую казну. Самыя богатыя золотыя жилы находятся на островѣ Садо, къ с.-з. отъ Нипона; потомъ слѣдуютъ суругскія. Очень богатые пріиски встрѣчаются также въ Сацумѣ и Цикунго (на Кіусіу), въ горахъ провинціи Муцу (39° ш.), на сосѣднихъ ей островкахъ: Кинъ-касимѣ, Ази-симѣ и Амакузѣ, и наконецъ въ руслѣ рѣки Тендигавы, въ провинціи Тоотоми (на Нипонѣ). Серебра меньше; самыя извѣстныя мѣсторожденія его находятся въ области Бунго. Мѣдь,

слава Японіи, очень обыкновенна на всемъ протяженіи острововъ, но особенно въ провинціяхъ Суругѣ, Ацингано, Киньокуни и Сацумѣ, изъ которыхъ въ первой она содержитъ золото. Олова и цинка нѣтъ, и первое цѣнилось долгое время наравнѣ съ серебромъ; но свинецъ очень обыкновененъ, особенно въ Бунго. Желѣзныя руды, дающія столь превосходную сталь и желѣзныя вещи, долгое время разработывались лишь въ немногихъ мѣстахъ — въ Бицю, въ Биценѣ, въ Мимасакѣ; но въ послѣднее время японцы все свое вниманіе устремили на разширеніе производства этого полезнаго металла. Каменный уголь, этотъ двигатель современной заводской промышленности, издавна добывался въ Цикузенѣ; но теперь его разработываютъ во многихъ мѣстахъ, особливо на сѣверѣ государства и даже, какъ говорятъ, на Мацмаѣ. Предварительно употребленія на топливо его обращаютъ въ коксъ; но для пароходовъ онъ не годенъ по малому содержанію углерода. Нефть выходитъ изъ земли въ провинціи Іецинго. Сѣра встрѣчается во многихъ мѣстахъ, преимущественно же въ области Сацумѣ, на о-вѣ Ивогасимѣ. Соль добывается японцами изъ морской воды, подобно какъ во Франціи и въ Китаѣ; но соловарни японскія отличаются отъ европейскихъ тѣмъ, что въ нихъ для сгущенія разсола употребляютъ не градирни изъ хворосту, а кучи дресвы, которыя поливаются водою пока въ ямахъ около нихъ не соберется достаточно разсола, годнаго уже къ вываріванью на огнѣ. Изъ полезныхъ металловъ и минераловъ въ Японіи неизвѣстны сурьма,

нашатырь и бура: ихъ привозятъ изъ Китая и другихъ странъ. За то Японія богата сердоликами и яшмой, изъ которыхъ выдѣлываются многія изящныя бездѣлки, азбестомъ, фарфоровой глиной (въ Фиценѣ, Суругѣ и др. мѣстахъ), и всякаго рода строительнымъ камнемъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Этнографія Японіи. Анны. Ликейцы.

Этнографія Японскаго архипелага до сихъ поръ разработана слабо. Было время, когда, за введеніемъ въ науку системы Блуменбаха, японцевъ безусловно причисляли къ такъ-названной этимъ ученымъ желтой или монгольской расѣ. Многіе даже были убѣждены въ происхожденіи ихъ отъ китайцевъ, чему подтвержденіемъ служило преданіе о китайской колоніи и сходство нѣкоторыхъ письменныхъ знаковъ, употребляемыхъ обоими народами. Самый языкъ, который выражается этими письменами, былъ неизвѣстенъ или забытъ, а потому заключеніе о сходствѣ ни кѣмъ не опровергалося, хотя походило на то, что финны одноплеменны съ итальянцами на томъ основаніи, что у нихъ многія буквы сходны между собою. Первый, указавшій на заблужденіе, былъ Клапротъ. Онъ доказалъ, что японскій и китайскій языки не имѣютъ ничего общаго ни въ лексикологическомъ отношеніи, ни въ строеніи рѣчи. Если иногда японцы и употребляютъ китайскія слова, то дѣлаютъ это какъ всякій другой народъ, принявшій тѣ или другіе чужеземные звуки для обозначенія предме-

товъ, прежде ему неизвѣстныхъ. Постройка предложеній остается все же японскою, подобно тому, какъ мы, славяне, можемъ сказать: «формы цивилизаціи не идентичны у разныхъ націй», не опасаясь стать французами или римлянами отъ такого употребленія словъ романскаго корня, даже если бы сказанное предложеніе было написано польскими, т. е. латинскими буквами. Мнѣніе Клапрота принято нынѣ всѣми; но оно, какъ чисто отрицательное, не рѣшаетъ еще вопроса о сродствѣ японцевъ съ другими народами земнаго шара, сродствѣ которое однакоже необходимо существуетъ, если мы признаемъ такъ называемое единство человѣческаго рода. Не входя въ разборъ слишкомъ уже наивной гипотезы Кемфера о путешествіи предковъ японцевъ изъ вѣтхозавѣтной Месопотаміи, послѣ вавилонскаго разсѣянія языковъ, можно собрать немало мнѣній людей, занимавшихся дѣломъ и все-таки не пришедшихъ ни къ чему положительному. Головнинъ, жившій два года въ Японіи и научившійся, при помощи курильскаго переводчика, нѣсколько говорить по-японски, полагалъ, что японцы и курильцы принадлежатъ къ одной расѣ. Свидѣтельства японскихъ лѣтописей о разширеніи японской имперіи какъ будто оправдываютъ такое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, туземцы сѣверной половины Нипона, которыхъ не безъ основанія можно считать соплеменниками аиносовъ и курильцевъ, такъ легко слились съ побѣдившими ихъ жителями южной Японіи, что трудно допустить коренное различіе въ ихъ происхожденіи. Ни языкъ, ни наружность не даютъ теперь повода от-

дѣлять сѣверныхъ японцевъ отъ южныхъ; а между тѣмъ мы знаемъ, что антропологическіе признаки очень прочны, такъ что, будь японцы разноплеменны съ айнами, своеобразный типъ послѣднихъ сохранился бы на Нипонѣ во многихъ особяхъ. Къ сожалѣнію, исторія Японіи и мѣстныя нарѣчія ея такъ мало извѣстны, что нельзя рѣшительно высказаться въ пользу мнѣнія Головнина. Другіе спеціалисты, съ своей стороны, представляютъ не менѣе вѣроятныя гипотезы. Такъ Пикерингъ сближаетъ японцевъ съ малайцами, населяющими всѣ мелкіе острова сѣверной части Великаго океана, и свое заключеніе основываетъ на сравненіи японскаго языка съ діалектомъ Сандвичевыхъ острововъ. Лэтгемъ указываетъ на сходство японскаго простонародья съ обитателями Формозы. И всѣ эти соображенія имѣютъ свою цѣну, свою степень вѣроятности; а потому, при настоящемъ состояніи науки, можно сказать, что *вопросъ о происхожденіи японскаго народа еще не рѣшенъ.*

Зибольдъ отличалъ на Кіусіу два типа, свойственные жителямъ этого острова. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ прибрежнымъ мореходамъ и рыбакамъ, другой жителямъ внутренности страны, какъ бы горцамъ. Первые гораздо смуглѣе вторыхъ, имѣютъ нерѣдко, при маломъ личномъ углѣ, вьющіеся черные волосы и носъ, хотя небольшой, но орлиный. Ростъ ихъ весьма невеликъ: 2 аршина и 2-3 вершка. Жители внутреннихъ областей Кіусіу гораздо ихъ выше. Они притомъ отличаются широкимъ, приплюснутымъ лицомъ, толстымъ, придавленнымъ носомъ, волосами,

имѣющими нерѣдко рыжеватый оттѣнокъ, и цвѣтомъ кожи, гораздо менѣе смуглымъ. У женщинъ кожа даже просто бѣлая, какъ въ Европѣ, и румянецъ играетъ на щекахъ, какъ будто онѣ были итальянки или француженки. Нравственно эти горцы, будучи воздержены, набожны и гостепріимны, отличаются слишкомъ большой церемонностью въ обращеніи. Но обозначивъ эти различія, Зибольдъ не указалъ на зависимость ихъ отъ происхожденія жителей Кіусіу изъ разныхъ странъ. Отъ того этнографъ можетъ сомнѣваться, дѣйствительно ли предъ нимъ потомки двухъ расъ, или же различіе типовъ произошло просто отъ рода занятій, наслѣдственно усвоеннаго обитателями прибрежья и горцами, отъ климата, качества пищи, воспитанія и т. д.

Впрочемъ, вопросъ о классификаціи племенъ утратилъ почти всю важность со времени утвержденія въ наукѣ теоріи Дарвина. Выраженія: монгольская порода, малайская порода потеряли теперь значеніе. Можно почти безошибочно сказать, что переливы или переходы расъ изъ одной въ другую столь постепенны, что установить строгія границы между ними невозможно. Мы видимъ этому примѣры и у себя въ Европѣ, гдѣ однакоже племена издавна обособились. Жители острововъ Балеарскихъ и Сардиніи занимаютъ средину между итальянцами и испанцами, русины въ Люблинской губерніи и въ Галиціи средину между малороссами и поляками. На западѣ Азіи наука открыла переходы отъ племенъ туранскихъ къ семитическимъ и индогерманскимъ въ народахъ древней Мидіи и Ассиріи. Равно и

на востокѣ отъ монгола невеликъ переходъ къ солону, гольду, орочону на Усури и, вѣроятно, къ древнимъ обитателямъ верхне-усурійской и суйфунской долинъ. Отсюда то же сходство типовъ поведетъ насъ, черезъ корейцевъ, съ одной стороны, по мнѣнію Каллери, къ народамъ Инду-Китая, Тибета и Индустана, а съ другой къ ликейцамъ, японцамъ и курильцамъ, хоторыхъ сходство и донынѣ нетрудно замѣтить. Встрѣчающееся по временамъ различіе нарѣчій въ этомъ случаѣ неважное дѣло, ибо доказанная вещь, что въ южной Америкѣ, въ Африкѣ многія несомнѣнно однородныя племена говорятъ разными языками, и это различіе другой разъ происходитъ на нашихъ глазахъ, такъ что внуки однихъ и тѣхъ же лицъ не понимаютъ другъ друга, ибо создали каждый свое нарѣчіе. Только у образованныхъ народовъ языкъ есть прочный признакъ: дикари же не имѣютъ установившихся діалектовъ, если только невышли уже изъ первоначальной формы быта—бродяжничества отдѣльными семьями. А изъ названныхъ выше племенъ многія и до сихъ поръ ведутъ этотъ образъ жизни и по справедливости могутъ быть причислены къ самымъ типическимъ дикарямъ. Въ свое время ту же форму быта проходили конечно и обитатели Нипона, Кіусіу и т. д.

Въ виду однакоже, достаточной опредѣлительности отличительныхъ признаковъ, можно подраздѣлить все на селеніе Японской имперіи на три главныя племени: господствующее, безъ сравненія многочисленнѣйшее другихъ — *японцы*, и второстепенныя по числу — *анны*

и *ликейцы*. Три эти породы занимаютъ и три различныя географическія области. Японцы живутъ въ срединѣ, отъ 30 до $42^1/_2^\circ$ сѣв. широты, на островахъ Нипонѣ, Сикокфѣ, Кіусіу, и на всѣхъ мелкихъ, къ нимъ прилегающихъ, а также въ южной части Мацмая. Аины составляютъ населеніе большой части послѣдняго острова, и переходятъ отсюдя на Сахалинъ и на Курильскіе острова, гдѣ уже носятъ названье курильцевъ и нѣсколько отличаются отъ аиновъ собственно. Ликейцы суть жители ряда небольшихъ острововъ, который тянется на югъ отъ Японіи къ сторонѣ Формозы. Разсмотримъ характерическія черты каждаго изъ этихъ племенъ.

Японецъ невеликъ, обыкновенно вершковъ 35—37 ростомъ (женщина 32—34), пропорціанально сложенъ, скорѣе худощавъ, чѣмъ толстъ, но имѣетъ хорошо обозначенные мускулы, чего нѣтъ напр. у нѣкоторыхъ тунгузскихъ племенъ. Онъ гибокъ, ловокъ и, благодаря воспитанію и привычкѣ, чуждъ движеній рѣзкихъ и грубыхъ. Физіономія его привѣтлива. Глаза черные смотрятъ чрезвычайно оживленно, внимательно и видимо выражаютъ хорошія умственныя способности. Голова японца, не смотря на его небольшой ростъ, не менѣе европейской, отъ чего она кажется даже очень большою. Отношеніе вертикальнаго и горизонтальнаго ея поперечниковъ то же, что и у насъ; личной уголъ не менѣе европейскаго. Черепъ округлый, изрѣдка впрочемъ приподнятый у макушки. Уши, носъ, ротъ не представляютъ ничего рѣзкаго или грубаго, и только взаимное разстояніе глазъ да нѣкоторая наклонность ихъ внутрь

и ширина скулъ выдаютъ азіатца. Замѣтимъ, что вся эта физіономія обыкновенно скрашена улыбкой, добродушной у большинства, слегка ироническої у высшихъ сословій, гдѣ также нерѣдки лица, выражающія спокойную въ себѣ увѣренность, безъ надменности, и привычку повелѣвать. Цвѣтъ лица японца ближе всего подходитъ къ цвѣту нашего малоросса или итальянца; но впрочемъ это зависитъ отъ климата и условій общественной жизни. У женщинъ нѣжная кожа представляетъ тѣ же оттѣнки бѣлизны и румянца, какъ въ средней и южной Европѣ, дѣлая различіе только съ рыжеватыми особями скандинавской и англосаксонской породъ.

Японцы имѣютъ густые черные или темнорусые волосы; борода и усы ихъ, когда отпущены, столь же густы, какъ европейскіе, что замѣтно отличаетъ ихъ отъ китайцевъ и всѣхъ малайскихъ и тунгузскихъ племенъ. На груди, рукахъ и ногахъ волосы встрѣчаются рѣдко. По принятому обыкновенію японцы брѣютъ усы, бороду и переднюю часть головы; но во время траура отъ этого правила дѣлается отступленіе. Нѣкоторые старики носятъ бороду постоянно, и тогда она постепенно принимаетъ всѣ оттѣнки сѣдины.

Образъ жизни японцевъ — въ существѣ умѣренный, ибо они почти не знаютъ крайностей пьянства и каторжно-утомительныхъ фабричныхъ работъ европейцевъ — дѣлаетъ ихъ довольно долговѣчными, не смотря на умѣренность пищи. Старики въ 70 — 80 лѣтъ не рѣдкость. Но женщины, рано начинающія исполнять половое назначеніе, обыкновенно старѣютъ быстро.

Въ 60 лѣтъ старуха уже совершенная развалина; сорокалѣтняя женщина смотритъ, какъ шестидесяти-лѣтняя въ Европѣ.—Впрочемъ о долговѣчности японцевъ нѣтъ ни какихъ точныхъ свѣдѣній, да и не можетъ быть, потому что статистика въ Японіи не сдѣлана еще на столько успѣховъ.

О языкѣ японцевъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ будетъ сказано особо, а потому здѣсь замѣтимъ только, что первый, т. е. языкъ, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ формами и словами. Въ противоположность китайскому, онъ имѣетъ не только тѣ флексіи, которыя вызываются склоненіями и спряженіями, но и много другихъ, обозначающихъ оттѣнки мысли и состояніе словъ. По свидѣтельству Головнина грамматика японская однако же не очень трудна, потому что измѣненія словъ при склоненіяхъ и спряженіяхъ малочисленны. Перемѣны падежей обозначаются окончаніями, перемѣны временъ глаголовъ также; и какъ глаголы японскіе не имѣютъ ни родовъ, ни чиселъ, ни наклоненій, а только однѣ времена, то это очень упрощаетъ ихъ изученіе. Для точнѣйшаго обозначенія эпохи событія употребляются японцами нарѣчія; напр. я ѣду въ городъ завтра, послѣ завтра, утромъ, вечеромъ, днемъ; это случилось давно, не такъ давно, и т. п. Предлоги ставятся послѣ словъ, къ которымъ относятся; союзы также иногда слѣдуютъ за словами, которыя связываютъ. Но если грамматика не особенно трудна, то лексикографическое богатство японскаго языка изумительно. Синонимы, увеличительныя, уменьшительныя,

ласкательныя слова здѣсь самое обыкновенное дѣло; значеніе и употребленіе личныхъ мѣстоимѣній такъ своеобразно что, по замѣчанію Алькока, достается съ трудомъ. И все это богатство необходимо для того, чтобы выразить точнѣе оттѣнки мысли, взаимныя отношенія разговаривающихъ лицъ, состояніе духа говорящаго, характеръ разсказываемаго событія, качества описываемаго предмета и т. д. Въ этомъ смыслѣ японскій языкъ, кажется, есть самый богатый на всемъ земномъ шарѣ и служитъ къ подтвержденію той извѣстной въ филологіи истины, что чѣмъ діалектъ самостоятельнѣе, независимѣе отъ другихъ развивался, тѣмъ болѣе находилъ онъ въ самомъ себѣ силы, гибкости и изящества. При обиліи гласныхъ въ словахъ, рѣчь японская весьма музыкальна и нѣсколько напоминаетъ итальянскій языкъ.

Отъ этого краткаго антропологическаго изображенія японцевъ-собственно перейдемъ теперь къ племенамъ инороднымъ, о которыхъ упомянули выше, т. е. къ аинамъ и ликейцамъ, и здѣсь уже войдемъ въ нѣкоторыя подробности объ ихъ обычаяхъ, образѣ жизни и проч. Аины, жители острововъ Мацмая, Сахалина и сосѣднихъ имъ, долгое время были почти неизвѣстны европейскимъ ученымъ. За исключеніемъ стариннаго, забытаго всѣми Петра Морена, Лаперузъ былъ первый изъ путешественниковъ, который посѣтилъ ихъ берега, сдѣлалъ имъ описаніе и даже собралъ небольшой словарь ихъ языка. Это случилось въ 1787 году, когда на сѣверѣ отъ Мацмая открытъ проливъ, названный именемъ французскаго мореплавателя. Суда Лаперуза

стояли нѣкоторое время у западнаго берега Сахалина и у южной его оконечности. Здѣсь французы нашли въ туземцахъ, тогда еще не имѣвшихъ среди себя японскихъ колоній, но уже сносившихся съ Японіей, людей крѣпкихъ, хорошо сложенныхъ и напоминающихъ чертами лица скорѣе европейскую, чѣмъ монгольскую расу. Цвѣтъ ихъ кожи былъ темный; но они имѣли густые волосы на головѣ и на бородѣ; даже ихъ руки, шея и спина были покрыты волосами. Одежда ихъ состояла изъ тканей, жилища были красивы; въ домахъ находилось не мало японской утвари, даже посуды подъ лакомъ. Эти островитяне были отважные охотники, ходившіе на медвѣдей со стрѣлами и палицами. Они занимались также рыболовствомъ и употребляли для этого лодки, выдолбленныя изъ цѣльныхъ деревьевъ. Богатство ихъ составлялъ жиръ морскихъ животныхъ, который Лаперузу показался исключительно китовымъ: его они вымѣнивали японцамъ на привозимыя ими издѣлія. Землю свою они называли Щока, почему Лаперузъ и далъ это названіе всему Сахалину, хотя оно, вѣроятно, относилось только къ какой либо мѣстности близъ залива Де-Лангль. Они знали островъ Іезо (Мацмай) и называли его Чиха; въ собственной землѣ имъ были извѣстны названія селеній по западному берегу; но они ничего не знали о восточномъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Лаперуза посѣтили тѣ же мѣста Крузенштернъ и Головнинъ и не только дополнили свѣдѣнія, собранныя французскимъ мореплавателемъ, но дали такія подробности объ айнахъ, что

и доселѣ немного можно прибавить къ нимъ. Въ то время на Сахалинѣ уже были японскія населенія, равно какъ и въ сѣверной части Мацмая. Крузенштернъ, посѣтивъ въ 1805 году обѣ стороны Лаперузова пролива, убѣдился прежде всего, что населяющіе ихъ люди составляютъ одинъ народъ. Народъ этотъ самъ себя называлъ *аино*, т. е. люди вообще, подобно тому, какъ это часто случалось встрѣчать и на другихъ островахъ Великаго океана. Онъ же занимаетъ, кромѣ Мацмая и Сахалина, бо́льшую часть Курильскихъ острововъ, гдѣ извѣстенъ у русскихъ подъ именемъ мохнатыхъ курильцевъ. Словарь, приложенный къ «Путешествію» Крузенштерна и собранный преимущественно Давыдовымъ на о. Сахалинѣ, служитъ къ подтвержденію этого замѣчанія о географическомъ распространеніи племени. Аины — рыболовы по преимуществу и добываютъ такое множество рыбы, что большими массами продаютъ ее японцамъ въ сушеномъ видѣ. Главное средоточіе этой торговли было въ 1805 году въ заливѣ Анива, при японской факторіи подъ 46° 36′ шир., гдѣ разбросано было до ста аинскихъ хижинъ. Тутъ до 400 человѣкъ было ежедневно занято чищеньемъ рыбы, которую, между прочимъ, собирали даже корзинами на берегу, во время отлива. Японцы, сверхъ того, занимались здѣсь китоловнымъ промысломъ. За мысомъ Терпѣнія встрѣчались опять аины, но уже видимо менѣе сближенные съ японцами, потому что носили одежду исключительно изъ моржевыхъ и сивучьихъ кожъ и мѣховъ, а не изъ японскихъ тканей. Всѣ аины, по свидѣ-

тельству Крузенштерна, подтверждаемому и позднѣйшими изслѣдователями, очень небольшаго роста, не болѣе 2 арш. 3 вер., и почти всѣ однорострки. Они очень смуглы, имѣютъ густыя длинныя бороды и черты лица пріятнѣе, чѣмъ напр. у камчадаловъ. Мнѣніе, что они покрыты сплошь волосами, есть басня. У женщинъ косы очень длинны; лицомъ онѣ также смуглы. Губы красятъ въ синюю краску, руки татуируютъ. Они услужливы и откровенны. Одѣваются по большей части въ мѣха и кожи; но не прочь надѣть подъ нихъ и японскую бумажную или холстинную одежду. Употребляютъ также грубыя ткани собственнаго приготовленія изъ древесной коры. Мущины носятъ мѣдныя серьги. Каждый домохозяинъ непремѣнно держитъ медвѣженка, которому даетъ уголъ въ избѣ, и нѣтъ возможности убѣдить аина продать подобнаго медвѣженка. Женщины (по свидѣтельству Лаперуза и Броутона, отвергаемому впрочемъ Крузенштерномъ, но подтверждаемому Головнинымъ) кормятъ этихъ медвѣжатъ грудью, «вѣроятно, какъ замѣтилъ потомъ Головнинъ, чтобы полакомиться кусочкомъ сладкаго мяса». У аиновъ нѣтъ и слѣдовъ земледѣлія и скотоводства. Они употребляютъ для ѣзды только собакъ, и ѣздятъ на нихъ зимою въ санкахъ, а лѣтомъ на бичевѣ, вдоль рѣкъ. Управленіе у нихъ патріархальное, т. е. черезъ старѣйшихъ въ родѣ или въ селеніи. Аины не имѣютъ храмовъ; но у нихъ есть божество, называемое *камои;* въ честь его они жгутъ на берегу и на горахъ огромные костры, и въ этомъ состоитъ все ихъ богослуженіе.

Головнинъ, въ 1813 году, подтверждая разсказы Лаперуза и Крузенштерна, прибавляетъ еще слѣдующія интересныя подробности, которыя тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что собраны уже на Мацмаѣ, т. е. въ предѣлахъ собственно японскихъ. Курильцы и аины Сахалина и Іезо, говоритъ онъ, несомнѣнно одинъ народъ; исключеніе изъ нихъ составляютъ развѣ нѣкоторые обитатели южной половины Мацмая, которые отчасти стали особымъ народомъ. Какъ въ Курильскомъ архипелагѣ, такъ и на Іезо они называютъ себя просто *аино*, что значитъ человѣкъ, а для отличія жителей разныхъ острововъ къ этому наименованію придаютъ названіе острова, напр. кунашири-аино, итурупъ-аино и пр. Всѣ они говорятъ однимъ языкомъ. Что же касается до южныхъ мацмайцевъ, то хотя въ языкъ ихъ уже вошло много японскихъ словъ, но несомнѣнно, что онъ въ существѣ курильскій. Бывшій съ Головнинымъ въ плѣну «курилецъ Алексѣй часто разговаривалъ съ южно-мацмайцами и, хотя по большей части съ трудомъ, понималъ ихъ разговоръ; но когда встрѣчалось, что онъ не могъ чего либо разумѣть, то, по нѣкоторомъ разъясненіи, скоро узнавалъ ихъ мысли. Словомъ, между языкомъ жителей Мацмая и Курильскихъ острововъ гораздо болѣе сходства, нежели между русскимъ и польскимъ. Наружный видъ всѣхъ аино доказываетъ то же самое; только разность состоитъ въ томъ, что мацмайцы, питающіеся болѣе обильною и разнообразною пищею, половчѣе, повиднѣе и поздоровѣе».

«Японцы, продолжаетъ потомъ Головнинъ, подчинивъ

себѣ айновъ *), оставили имъ важнѣйшія ихъ права: свободу поклоняться богамъ ихъ предковъ, судиться въ дѣлахъ между собою по старинамъ ихъ обычаямъ и собственными старшинами; въ одеждѣ и общежитіи слѣдовать своимъ обыкновеніямъ и жить въ особыхъ селеніяхъ, подъ управленіемъ самими ими выбранныхъ и японскими чиновниками утвержденныхъ начальниковъ. Правительство постановило закономъ, чтобы айны ничего недѣлали для японцевъ безъ платы; казна сама платитъ имъ за работы, и всякой работѣ цѣна опредѣлена. Только они недовольны ею и говорятъ, что вознагражденіе не соотвѣтствуетъ ихъ трудамъ. Многоженство имъ дозволено, и потому они имѣютъ по двѣ и по три жены, а старшины и болѣе. Если случится, что такой старшина управляетъ многими селеніями, то во всякомъ изъ нихъ имѣетъ жену, на случай пріѣзда. Дѣтей своихъ они ничему не учатъ, кромѣ звѣриной и рыбной ловли, искусства стрѣлять изъ луковъ и нужной домашней работы. Грамоты, слѣдовательно и законовъ писанныхъ, у нихъ нѣтъ, а все передается изустно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Живутъ между собою чрезвычайно согласно и вообще миролюбивы и добросердечны; къ иностранцамъ ласковы, услужливы, весьма учтивы и почтительны. Обыкновенное привѣтствіе ихъ

*) Наружный признакъ подданства айновъ Японіи состоитъ въ ежегодныхъ поклоненіяхъ и дарахъ, которые приносятся айнскими старшинами, получающими впрочемъ при этомъ отдарки. Прежде эта церемонія дѣлалась въ Іеддо, теперь въ Хакодате или Мацмаѣ.

состоитъ не въ поклонахъ; но они поднимаютъ обѣ руки съ распростертыми пальцами къ лицу, потомъ опускаютъ ихъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы гладя ее, до самаго живота, и въ то же время немного наклоняютъ голову, смотря пристально въ глаза тому, кого привѣтствуютъ; и это къ почтенной особѣ повторяется два или три раза. Недостатокъ бранныхъ или ругательныхъ словъ на ихъ языкѣ свидѣтельствуетъ о кротости ихъ нравовъ. Русскіе курильцы сказывали, что у нихъ обыкновенная брань, когда они на кого разсердятся, заключается въ словахъ: непроворный или неловкій; когда же кого хотятъ выбранить болѣе, то называютъ дуракомъ, а настоящему бездѣльнику даютъ имя собаки. Садятся они такимъ же образомъ, какъ и японцы, поджавъ ноги или сложа ихъ накрестъ, какъ наши портные. До табаку и до крѣпкихъ напитковъ они великіе охотники; перваго японцы продаютъ имъ сколько угодно; но послѣднимъ положена мѣра, и никто не смѣетъ доставлять имъ болѣе опредѣленнаго количества, чтобы вредные напитки не произвели между ними болѣзней и не подали повода къ ссорамъ и преступленіямъ. Японское правительство не дозволяетъ своимъ аинамъ держать порохъ и употреблять огнестрѣльное оружіе, а потому ихъ оружіе состоитъ въ сабляхъ, копьяхъ и стрѣлахъ; послѣднія иногда намазываютъ они ядовитымъ сокомъ извѣстнаго растенія, называемаго лютикомъ, дѣйствіе котораго по большей части бываетъ смертоносно. Аины не имѣютъ слишкомъ веселой, живой наружности, но кажутся болѣе скучными и ра-

болѣпными; однакожъ любятъ пѣсни и пляску: первыя очень непріятны для слуха, а пляска ихъ состоитъ въ однихъ кривляньяхъ. Солнце и луну признаютъ они божествами: но не имѣютъ обрядовъ поклоненія; у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни священнослужителей, ниже какого духовнаго закона; они вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злому; присутствіе перваго призываютъ посредствомъ пучка стружекъ вмѣстѣ связанныхъ, который выставляютъ на своихъ жилищахъ. Они такъ мало заботятся о вѣрѣ и богопоклоненіи, что японцы, познакомившись съ ними, долго не могли узнать, вѣруютъ ли они въ какое-нибудь божество.»

Къ этимъ подробностямъ, собраннымъ полвѣка назадъ, можно прибавить лишь нѣсколько словъ, чтобы изобразить состояніе аиновъ въ наше время. Пятнадцатилѣтнія наблюденія, сдѣланныя на Сахалинѣ, и извѣстія о Мацмаѣ, относящіяся къ 1863 году, убѣждаютъ, что въ существѣ народъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ при Крузенштернѣ и Головнинѣ; но что, съ другой стороны, и внѣшнее вліяніе отразилось на немъ съ замѣтною силою. Аины теперь, даже на Сахалинѣ (въ южной части) впали въ полную экономическую зависимость отъ японцевъ, не могутъ жить безъ ихъ одежды, отчасти и безъ ихъ продовольствія. Они разселены на этомъ островѣ деревнями вдоль берега; на Мацмаѣ же, напротивъ, во многихъ мѣстахъ отрѣзаны отъ него японцами. Звѣриная и рыбная ловля и нынѣ составляетъ главный ихъ промыселъ; но они уже несовсѣмъ чуждаются земледѣлія, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ у

себя огороды. Число ихъ, безъ сомнѣнія, убываетъ, такъ какъ въ 1862 г. оставалось на Мацмаѣ не болѣе 50,000 аиновъ противу 120,000 японцевъ; на Кунаширѣ же и Итурупѣ пропорція еще менѣе. Здѣсь можно еще замѣтить, что при постепенномъ сближеніи съ туземцами Сахалина, русскіе стали мало по малу различать между ними двѣ породы: аиновъ собственно и курильцевъ. Это различіе внесено даже на оффиціальную карту Восточной Сибири, такъ какъ аины и курильцы живутъ въ разныхъ селеніяхъ. Такимъ образомъ вопросъ о разнородности аинскаго племени опять можетъ возникнуть, если только племя это, вообще малочисленное, не будетъ окончательно поглощено болѣе образованными народностями.

Населеніе Ликейскихъ острововъ, числомъ, по Гауксу, отъ 150 до 200 тысячъ душъ, представляетъ любопытный примѣръ племени, въ которомъ этнографическіе признаки различныхъ расъ такъ перемѣшались, что этнографы долгое время не знали, куда ихъ причислить. Несомнѣнно, что они болѣе всего сходны съ японцами по росту, по складу головы и по языку; но, по свидѣтельству Базиля-Галла, Макъ-Леода и мн. др., въ нихъ столько родственнаго съ корейцами и малайцами, что они составляютъ именно переходное звѣно отъ такъ-называемой монгольской расы къ малайской. Небольшіе ростомъ (2 ар. 1 вер.), сходные выраженіемъ лица съ японцами, они также мало смуглы, какъ жители Нипона, не смотря на положеніе ихъ острововъ вблизи тропика. Волосы и глаза у нихъ черные; по-

слѣдніе широки и имѣютъ едва лишь замѣтную наклонность вѣкъ къ сторонѣ носа. Губы тонкія, лице овальное, носъ не приплюснутый, хотя небольшой, ноздри тонкія, но не вздернутыя. Большіе черные борода и усы также отличаютъ ихъ отъ китайцецъ, какъ и жителей Нипона; только они не брѣютъ ихъ подобно послѣднимъ. — Языкъ ихъ почти тождественъ съ японскимъ, но очевидно заключаетъ и постороннія примѣси, напр. китайскую и тагальскую. Нужно замѣтить, что съ одной стороны ликейцы находились нѣкоторое время въ прямой и исключителепой зависимости отъ Небесной имперіи и приняли въ свою среду многихъ колонистовъ китайскихъ; а съ другой религія ихъ, буддизмъ, проникла къ нимъ вѣроятно изъ Индіи, какъ полагаетъ то Фасъ.—Ликейцы народъ осѣдлый, почти исключительно земледѣльческій и чрезвычайно кроткій. Они привѣтливы къ иностранцамъ, живутъ въ совершенномъ мирѣ между собою. Два значительные городка, Напа и Шуи, нѣсколько десятковъ большихъ селеній и множество мелкихъ разбросаны по отклонамъ ихъ холмовъ, большею частію среди густой зелени. Напа, на югозадной сторонѣ Большаго острова, есть главный портъ страны, съ 3.000 жителей, посѣщаемый японскими джонками, а Шуи — столица архипелага, гдѣ живетъ владѣтель его. Дома ликейцевъ деревянные, легкой постройки, обыкновенно открытые, помощью широкихъ просвѣтовъ въ стѣнахъ, съ одной, а иногда и съ трехъ сторонъ, такъ что вѣтеръ свободно въ нихъ ходитъ, не производя однакоже безпорядковъ, потому что хижина всегда окружена густою древесною

зеленью. Крыши соломенныя, бамбуковыя или черепичныя, съ нѣкоторымъ погибомъ, напоминающимъ китайскія кровли. Полъ обыкновенно нѣсколько поднятъ надъ горизонтомъ земли и устланъ, по японски, циновками. — Одежда ихъ состоитъ: у мущинъ — изъ рубашки, широкихъ панталонъ и халатовъ съ широкими рукавами, почти такихъ же, какъ японскіе, но нѣсколько покороче и преимущественно изъ легкихъ матерій; — у женщинъ — изъ короткой юбки, сверхъ которой также надѣвается широкій халатъ. Матеріалы для тканей тѣ же, что въ Японіи, т. е. хлопчатая бумага и шелкъ. Обыкновенно они ходятъ съ непокрытою головою; но во время дурной погоды, а чиновники и вообще на службѣ, надѣваютъ легкія шапки, нѣчто среднее между феской и шотландскою шапкою. Волосъ на головѣ ликейцы не брѣютъ, а собираютъ въ одинъ пучекъ на макушкѣ, предварительно намазавъ ихъ растительнымъ масломъ и тщательно вычесавъ. Пучекъ удерживаетъ свое положеніе и форму помощью двухъ колецъ, на него надѣваемыхъ, обыкновенно изъ мѣди, а то и изъ золота. Шапки цвѣтомъ своимъ напоминаютъ разряды чиновниковъ, при чемъ фіолетовый принадлежитъ исключительно семьѣ государя.

Ликейское общество имѣетъ аристократическій строй, то-есть въ немъ есть дворянство, чиновничество и простонародье. Всѣ они подвластны одному владѣльцу, который носитъ титулъ *кунъ-кя* и есть государь неограниченный, хотя состоящій въ вассальной зависимости не только отъ Японіи, но даже отъ Китая, которому

уплачиваетъ ежегодную дань. Впрочемъ неограниченность его власти вообще очень условна, потому что Ликейскіе острова постоянно содержатъ японскіе гарнизоны. Гарнизоны эти состоятъ изъ солдатъ сацумскаго князя, который есть прямой сюзеренъ ликейскаго кунъка. Двадцать или тридцать японскихъ джонокъ ежегодно посѣщаютъ архипелагъ и развозятъ по немъ японскіе товары: ткани, лаковыя, металлическія и другія издѣлія; въ замѣнъ они вывозятъ сырые продукты. Собственныя мануфактурныя произведенія ликейцевъ уступаютъ японскимъ и даже китайскимъ. Образованіе народа ниже, чѣмъ въ Японіи; но высшіе классы совершенно усвоили китайскую и японскую ученость. Они послѣдователи конфуціевскаго раціонализма и потому скептики въ дѣлѣ вѣры, между тѣмъ какъ народъ довольно усердно преданъ буддизму, что доказывается почетнымъ положеніемъ среди его бонзъ. Христіанство не прививается на Ликейскихъ островахъ, не смотря на усердіе многихъ миссіонеровъ, напр. Бетльгейма. Народъ бѣжитъ отъ проповѣдниковъ, едва они начинаютъ о вѣрѣ, хотя, съ другой стороны, миссіонеровъ никто не преслѣдуетъ. Одно ли вліяніе жрецовъ тутъ дѣйствуетъ, или присоединяются преданія о судьбахъ христіанства въ Японіи и Китаѣ, — трудно сказать. Всѣ ликейцы оказываютъ большое уваженіе къ покойникамъ и носятъ по умершимъ роднымъ долговременный трауръ. Любопытно, что ликейцы, будучи обитателями острововъ, почти во все не занимаются мореплаваніемъ и торговлею.

Много любопытныхъ этнографическихъ замѣтокъ о

Ликейскомъ архипелагѣ находится у Гейне и Гаукса, а также у нѣкоторыхъ русскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эти мѣстности. Общій тонъ этихъ разсказовъ — нѣкоторое увлеченіе прекрасною природою края и счастливымъ характеромъ его обитателей; но нужно признаться, что подробной этнографіи его мы не имѣемъ, вѣроятно потому, что ученые путешественники и наблюдатели рѣдко останавливаются тамъ на долгое время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Важнѣйшіе населенные пункты Японіи.

Благодаря густотѣ населенія и издавна развившимся ремесленности и торговлѣ, Японія обладаетъ большимъ числомъ очень многолюдныхъ городовъ. Довольно назвать Іеддо, Осаку и Кіото, которыхъ совокупная населенность составляетъ неменѣе трехъ милліоновъ душъ, чтобы составить себѣ понятіе о развитіи городской жизни въ Японскомъ архипелагѣ. Мы можемъ прибавить къ этимъ большимъ центрамъ еще слѣдующіе пункты, которыхъ краткое описаніе и составитъ предметъ настоящей главы: Хіого, Кагозиму, Симоносаки, Нагасаки, Хакодате и Іокогаму. О нѣкоторыхъ другихъ городахъ упомянемъ вскользь, на сколько представится надобность.

Іеддо, подъ 35°39′ м. и 157°29′ в. д. Ф., административный центръ Японіи до 1865 года и вторая столица ея по оффиціальному объявленію 1868 года, есть конечно одинъ отъ самыхъ большихъ городовъ цѣлаго свѣта. По японскимъ планамъ, точность которыхъ нынѣ дознана европейцами, онъ занимаетъ неменѣе 83 квадратныхъ верстъ, то-есть превосходитъ Петербургъ со всѣми островами, Выборгскою стороною и Охтой. И

слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ Іеддо нѣтъ такихъ обширныхъ площадей, эспланадъ, рощъ и пустырей, какъ въ чертѣ Петербурга. Включая предмѣстья, которыя непосредственно примыкаютъ къ городу, можно сказать, что вторая столица Японіи столь же обширна, какъ Лондонъ. Мѣсто, ею занятое, у сѣверозападнаго берега Іеддоскаго залива, есть обширная равнина, нѣсколько впрочемъ всхолмленная и разсѣкаемая многочисленными каналами и рѣками. Изъ послѣднихъ та, которая отдѣляетъ восточную часть города, Хонжо, отъ прочихъ, и носитъ названіе Большой рѣки (Огавы), есть довольно широкій потокъ, составляющій главное устье рѣки Тоды. Большая рѣка соединена нѣсколькими поперечными каналами съ другою, текущею на восточной сторонѣ города и называемою Никогавою; западнѣе же Огавы впадаетъ въ море нѣсколькими устьями потокъ, который не имѣетъ однаго общаго названія, но котораго развѣтвленія охватываютъ многія части города, между прочимъ обширный кварталъ, въ четыре квадратныя версты, занимаемый тайкуновымъ дворцомъ и составляющій островъ, котораго берега обращены въ укрѣпленія. Іеддо, построенный вообще очень неправильно, по характеру господствующихъ зданій и населенія въ разныхъ его частяхъ, принято раздѣлять на четыре обширные отдѣла: кварталъ богачей, Хонжо, къ востоку отъ Огавы, Сиро—дворецъ тайкуна съ пристройками и садами, на островѣ, Сото-Сиро—части города, сосѣднія дворцу, и Мици—собственно городъ, все, что не относится къ предыдущимъ кварталамъ.

Хонжо лежитъ между двумя рѣками, соединяющимъ ихъ рукавомъ и моремъ. Поверхность его простирается до 11 квадратныхъ верстъ, т. е. больше Васильевскаго острова, и разрѣзана двумя продольными и тремя поперечными каналами на восемь меньшихъ кварталовъ, почти прямоугольныхъ по фигурѣ. Это есть часть города, занятая дворцами и садами князей и богатыхъ купцовъ, храмами и разными казенными складами; она постепенно переходитъ на сѣверовостокѣ въ дачи и окружающія ихъ поля; на югѣ же, у морскаго берега, содержитъ нѣсколько домовъ, занятыхъ ремесленниками и рыбаками. Улицы Хонжо почти пустынны, хотя содержатся въ образцовой чистотѣ и отличаются шириною. Изрѣдка на нихъ виднѣются кортежи аристократовъ, отправляющихся куда-нибудь по дѣламъ изъ дома, да отдѣльные пѣшеходы изъ свиты и прислуги князей. Набережная Огавы составляетъ самую живописную часть Хонжо и служитъ лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ въ Іеддо. Четыре деревянные моста черезъ Большую рѣку связываютъ этотъ кварталъ съ главною частью города; мосты эти простой, но прочной работы, и самый большой изъ нихъ имѣетъ до 150 саженей въ длину. Рѣка всегда покрыта лодками и предѣтавляетъ поэтому видъ весьма оживленный, въ противоположность самому Хонжо.

Сиро, резиденція тайкуновъ, занимаетъ средину Іеддо; высокія и толстыя стѣны дѣлаютъ изъ него родъ крѣпости до восьми верстъ въ окружности. Кромѣ дворца сіогуна, здѣсь находятся дворцы его наслѣдника, трехъ фамилій гозанке, т. е. князей рода Іеяса, до двадцати

княжескихъ замковъ, жилища членовъ государственнаго совѣта, городское управленіе и домъ іеддоскаго губернатора. Дворцы тайкуна и его наслѣдника отдѣлены отъ прочихъ особой оградой и двумя рвами, черезъ которые ведутъ 18 мостовъ. Доступъ къ нимъ всегда охранялся многочисленною стражею, и только самыя важныя лица могли проникать во внутреннюю ограду въ носилкахъ; остальные же посѣтители вступали туда пѣшкомъ. Дворецъ тайкуна, не смотря на его обширность, не отличается великолѣпіемъ ни снаружи, ни даже внутри. Это есть низкое, по нашему, одно этажное зданіе, какъ всѣ дома въ Японіи, украшенное впрочемъ нѣсколькими многоярусными башнями, рѣзными карнизами и колоннами, превосходно отдѣланными, и крытое черепицею. Полы устланы циновками, очень тонкими, перегородки въ залахъ оклеены богатой бумагой; поддерживающіе потолокъ столбы раззолочены и тщательно лакированы; но нѣтъ ни какой мебели, какъ во всѣхъ японскихъ жилищахъ. Самая обширная комната дворца, служащая пріемною, носитъ названіе *залы ста циновокъ* (сенъ-сіо-сики) ибо дѣйствительно полъ ея устланъ ста циновками. Зная что японскіе законы даютъ опредѣленную мѣру этимъ подстилкамъ, именно, около шести нашихъ футовъ въ длину и трехъ въ ширину, нетрудно вычислить, что поверхность этой залы достигаетъ 360 квадратныхъ сажень, т. е, равняется обширнѣйшимъ заламъ европейскихъ дворцовъ. Резиденція тайкуна окружена паркомъ, въ которомъ тѣнистыя аллеи содержатся съ необыкновенною чистотою; въ окружающемъ

же паркъ водяномъ рвѣ живетъ множество лебедей и другихъ водяныхъ птицъ, которыхъ убивать строго запрещено. — Въ чертѣ квартала Сиро лежатъ два холма незастроенные: съ нихъ открываются обширные виды на городъ, заливъ и окрестности, и тутъ то путешественникъ получаетъ правильное понятіе объ Іеддо, который представляется необозримо-обширнымъ селомъ, потонувшимъ въ зелени. Деревья, растущіе у домовъ и среди маленькихъ садиковъ, которые находятся на каждомъ японскомъ дворѣ, образуютъ фонъ картины, а черепичныя крыши и бѣлыя стѣны невысокихъ деревянныхъ домовъ проглядываютъ на этомъ фонѣ подобно частямъ узора Во многихъ мѣстахъ надъ этой массой построекъ и зелени возвышаются башни, карнизы и крыши храмовъ, раскрашеными яркими красками. Въ иномъ мѣстѣ лучь зрѣнія совпадаетъ съ направленіемъ улицы, и тутъ виднѣется перспектива домовъ, теряющаяся вдали. На юго-востокѣ заливъ, вѣчно покрытый множествомъ судовъ, стоящихъ на якорѣ, и рыбачихъ лодокъ, которыя снуютъ взадъ и впередъ подъ парусами и веслами. Пять каменныхъ фортовъ, построенныхъ среди воды, виднѣются прямо на югѣ, а за ними въ туманѣ теряется западный берегъ залива, почти сплошь обстроенный домами и дачами

Сиро окруженъ тою частью Іеддо, которую мы назвали выше Сото-Сиро и которая также имѣетъ овальную форму и окружена со всѣхъ сторонъ водою рѣкъ и каналовъ. На востокѣ она примыкаетъ къ Огавѣ, а, черезъ нее, къ Хонжо; съ прочихъ же сторонъ къ Мици, т. е, къ

мѣщанскому городу. Тридцать два моста соединяютъ ее съ послѣднимъ, и между ними находится знаменитый Нипонъ-баши, истинный центръ Японіи, подобно тому, какъ нѣкогда Pont-Neuf въ Парижѣ былъ центромъ Франціи. Отъ Нипонъ-баши считаются всѣ разстоянія въ Японіи; тутъ же всегда тѣснится много пѣшеходовъ, жадныхъ до зрѣлищъ и многолюдныхъ собраній. Нѣсколько балагановъ или лавочекъ украшаютъ, между прочимъ, Нипонъ-баши, и тутъ сладострастные японцы любуются извѣстнаго рода европейскими фотографическими карточками, которыя для рельефности разсматриваются въ стереоскопы. Въ кварталѣ Сото-Сиро болѣе половины пространства занято дворцами князей, а потому и здѣсь какъ въ Хонжо, многія улицы пустынны; но за то часть, застроенная домами купцовъ и мѣщанъ, есть важнѣйшая во всемъ Іеддо по оживленности движенія и множеству торговыхъ заведеній всякаго рода. Эта часть лежитъ на востокѣ отъ резиденціи тайкуновъ и прорѣзывается съ юго-запада на сѣверо-востокъ широкою улицею Токаидо, которая, начавшись на южномъ концѣ Іеддо, проходитъ его насквозь и продолжается за городомъ большою дорогою въ сѣверныя части Нипона. Токаидо — это Невскій проспектъ Іеддо, его Корсо, Липы, Бульвары, Бродвей *). Въ части Сото-Сиро, которая прорѣзывается Токаидо, поперечныя улицы очень правильны, и потому это мѣсто болѣе всѣхъ прочихъ частей Іеддо напоминаетъ европейскіе города. Здѣсь нѣтъ

*) Главныя улицы Рима, Берлина, Парижа и Нью-Іорка.

ни храмовъ, ни дворцовъ князей; но почти всѣ постройки каменныя, ибо купцы имѣютъ тутъ свои магазины. Сото-Сиро содержитъ впрочемъ нѣсколько большихъ храмовъ, и между ними особенно извѣстны синтосскій Санно и буддійскій Мондсеки.

Мици, западная половина Іеддо и притомъ большая, есть собственно жилище іеддоскихъ горожанъ и жрецовъ, въ противоположность Сиро, административному центру, и восточной части Сото-Сиро, коммерческому его средоточію. Пространство, занятое Мици, вдвое превосходитъ протяженіе остальныхъ частей Іеддо и, за исключеніемъ торговаго квартала, онъ застроенъ всѣхъ гуще. Множество храмовъ*) высится среди частныхъ домовъ, и изъ нихъ особенною извѣстностью пользуется мавзолей тайкуновъ, окруженный обширнымъ садомъ и тридцатью восьмью другими капищами. Храмы эти расположены въ части города, лежащей на сѣверѣ отъ Сиро, т. е. тайкунова дворца; тѣ же кварталы Мици, гдѣ преобладаютъ дома аристократіи и простонародья, тянутся на юго-западъ отъ Сото-Сиро. По сосѣдству съ храмомъ Конфуція, въ сѣверной части Мици, находятся многочисленныя зданія, въ которыхъ помѣщается высшее іеддосское училище, нѣчто въ родѣ университета или академіи. Около другаго храма, Кванона или Акацы, лежащаго среди парка и вблизи сѣвернаго моста чрезъ Огаву, разбросаны, напротивъ,

*) Число всѣхъ храмовъ въ цѣломъ Іеддо равно 1483; изъ нихъ 1201 буддійскихъ и 282 синтосскихъ.

чайные дома, т. е. мѣста развлеченія японцевъ, и многочисленныя лавки для продажи книгъ, картинъ, статуй, рѣдкихъ животныхъ, растеній и пр. Самый храмъ Акацы замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ, среди другихъ изображеній божествъ, находятся портреты многихъ куртизанокъ, прославившихся между посѣтителями чайныхъ домовъ привлекательною наружностью и.... состраданіемъ къ бѣднымъ!... Въ той же части города находится одинъ изъ обширнѣйшихъ его театровъ, Оки-шибайя, и цѣлый кварталъ изъ домовъ развлеченія подъ названіемъ *іошивара*, столь же часто посѣщаемый японцами, какъ предмѣстье Синогава, на югѣ Іеддо. Прямо къ западу отъ тайкунова дворца, пройдя Сото-Сиро, мы выходимъ въ ту часть Мици, которая отчасти напоминаетъ Хонжо, потому что около трехъ четвертей ея заняты дворцами, храмами и монастырями, а затѣмъ, повернувъ на югъ, вступаемъ въ остальной кварталъ Іеддо, примыкающій на востокѣ къ морю, а на югъ къ предмѣстью Синогавѣ, и тянущійся по обѣимъ сторонамъ южной половины Токаидо. Это есть часть города, гдѣ нѣкоторое время имѣли пребываніе европейскія миссіи и гдѣ находится знаменитый холмъ Готенъ-яма, нѣкогда служившій для встрѣчъ сіогуномъ посланниковъ микадо и важнѣйшихъ князей имперіи. Изъ замѣчательностей этой, крайней къ югу части Іеддо назовемъ дворецъ князя Сацумы, самый богатый въ городѣ, древній мавзолей тайкуновъ — великолѣпный храмъ съ высокими башнями, — и нѣсколько другихъ храмовъ: Тодензи, Саикаидзи, Дзенфузи и др., гдѣ жи-

ли европейскія миссіи прежде, чѣмъ водвориться въ постоянныхъ домахъ около Готенъ-ямы.

Іеддо примыкаетъ къ морю по меньшей мѣрѣ на протяженіи двѣнадцати верстъ; но берега залива почти вездѣ очень мелки, и потому суда не пристаютъ къ берегу, за исключеніемъ барокъ, приходящихъ по рѣкамъ и каналамъ, и мелкихъ лодокъ, прибывающихъ съ кораблей для выгрузки и нагрузки товаровъ. Во время отлива многія части иловатаго плоскаго берега обнажаются столь далеко, что корабли становятся на якорь лишь верстахъ въ четырехъ и пяти отъ города. Съ точки зрѣнія торговли это, конечно, невыгодно; но зато подобное свойство берега составляетъ лучшую гарантію для Іеддо отъ бомбардированія съ моря такъ что форты, лежащіе въ полутора верстѣ отъ жилыхъ зданій, составляютъ лишь вспомогательное средство при оборонѣ.

Городъ Іеддо отовсюду окруженъ предмѣстьями, изъ которыхъ европейцамъ больше другихъ извѣстно южное, Синогава. Это есть тоже городъ или мѣстечко, расположенное на Токаидо и примыкающее къ заливу. Его славу составляютъ многочисленные чайные дома, гдѣ большинство іеддоской молодежи, проводитъ вечера и ночи въ обществѣ пѣвицъ, танцовщицъ и другихъ куртизанокъ. Здѣсь нѣтъ чиновъ и званій, а потому гордая знать посѣщаетъ этотъ кварталъ инкогнито, безъ пышныхъ кортежей, и часто натыкается на сцены, оканчивающіяся либо кровопролитіемъ, либо простою дракою. — Иностранцы, когда бываютъ въ Іеддо, обыкновенно торопятся проѣзжать это

буйное предмѣстье, и нигдѣ японскій конвой не оказывается столь нужнымъ для нихъ, какъ здѣсь. Трудно опредѣлить, какъ велико число чайныхъ домовъ въ Синогавѣ и число молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, обитающихъ въ нихъ; но послѣднее во всякомъ случаѣ доходитъ до многихъ тысячъ, потому что есть заведенія, вмѣщающія по нѣскольку сотъ поклонницъ Киприды сразу.

Мы не знаемъ точной цифры населенія Іеддо, и даже приблизительныя счисленія такъ мало сходятся одно съ другимъ, что трудно выбрать изъ нихъ наиболѣе вѣроятное. Не говоря уже про свидѣтельство Головнина, основанное на разсказахъ японскихъ чиновниковъ, что будто Іеддо имѣетъ не менѣе четырехъ милліоновъ жителей, нельзя дать вѣры и многимъ другимъ показаніямъ, сильно преувеличивающимъ людность столицы тайкуновъ. Какъ ни велико движеніе народа на многихъ улицахъ, особенно на Токаидо въ торговой и мѣщанской частяхъ города, все же можно съ увѣренностью сказать, что іеддоское населеніе менѣе лондонскаго, вѣроятно даже парижскаго. Причинами такого заключенія будутъ: во 1-хъ протяженіе Іеддо, который менѣе Лондона, во 2-хъ множество мелкихъ пространствъ, занятыхъ дворами и садами, и 3-хъ, самое главное, малая вмѣстимость японскихъ жилыхъ построекъ, которыя рѣдко бываютъ въ два этажа, а по большой части въ одинъ. Однако же не нужно упускать изъ виду, — какъ это по-видимому сдѣлано въ Almanach de Paris, гдѣ для Іеддо дается 730.000 жителей, — что по оффиціаль-

ной переписи 1858 года однихъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ считалась 572.848 душъ; а мѣщанское населеніе во всякомъ случаѣ уступаетъ совокупности жреческаго, чиновничьяго и дворянскаго. Послѣднее, въ эпоху тайкуновъ, было особенно многочисленно, ибо семейства всей японской знати обязательно проживали въ Іеддо, да кромѣ того тамъ всегда можно было найти половину самихъ князей съ многочисленными ихъ свитами. Лэндо, который подробнѣе всѣхъ вникъ въ вопросъ о населенности Іеддо, опредѣлялъ общій итогъ для 1862 года въ 1.700.000 душъ, и это изчисленіе для избранной имъ эпохи долженствовало быть недалекимъ отъ истины. Въ самомъ дѣлѣ дворецъ тайкуна со всѣми пристройками и жилищами солдатъ, чиновниковъ и прислуги содержалъ не менѣе 180.000 душъ. Затѣмъ число жрецовъ и монаховъ разнаго рода простиралась до 200.000 *), да столько же всегда можно было найдти въ городѣ лодей, приходившихъ на поклоненіе въ храмы. Прибавляя сюда до 50.000 нищихъ, кожевниковъ и другихъ паріевъ Японіи, получимъ цифру 1.200.000 душъ, не считая населенія княжескихъ дворцовъ. Это же послѣднее едва ли было менѣе полумилліона, такъ какъ число князей простирается до нѣсколькихъ сотъ, и многіе изъ нихъ содержали дворню въ нѣсколько тысячъ душъ. — Въ 1868 году цифра

---

* Эта цифра очень вѣроятна, ибо число храмовъ разныхъ сектъ въ Іеддо простирается до полутора тысячи, а пространство ими занимаемое составляетъ неменѣе 19 кв. верстъ

населенія Іеддо конечно уступала вычисленной Лэндо, потому что князья большею частію оставили городъ съ подчиненными имъ лицами; но тѣмъ не менѣе Іеддо все еще остался многолюднымъ городомъ, который, ежели и опустѣетъ со временемъ, то лишь до извѣстной степени, подобно Москвѣ послѣ основаніи Петербурга. Счастливое положеніе среди самыхъ богатыхъ частей Японіи и у великолѣпнаго залива ручается, что будущность столицы тайкуновъ вовсе не такъ мрачна, какъ многіе европейцы склонны думать послѣ событій 1865-68 годовъ.

Особеннымъ многолюдствомъ, какъ замѣчено выше, отличается часть города, служащая средоточіемъ торговли, т. е. восточная половина Сото-Сиро, по обѣимъ сторонамъ Токаидо. Иностранецъ, впервые проникшій въ Іеддо, бываетъ болѣе всего пораженъ разнородностью состава и численностью собравшейся тутъ публики, а также своеобразіемъ занятій ея. Тутъ рабочіе, люди здороваго тѣлосложенія, почти нагіе, но съ кожею татуированою, загорѣвшею на солнцѣ и потому не очень бросающеюся въ глаза, перевозятъ тяжелыя телѣжки, нагруженныя товарами, и, подвигаясь медленно, испускаютъ по временамъ пронзительные крики, чтобы очистить легкія отъ спершагося въ нихъ воздуха. Тамъ бродячіе торгаши и фокусники разставляютъ по улицамъ походныя лавочки и хвастаются во все горло добротою своихъ товаровъ или остроуміемъ и ловкостью показываемыхъ штукъ. Въ другомъ мѣстѣ виднѣются продавцы миніатюрныхъ деревьевъ, цвѣтовъ, пѣвчихъ птицъ,

обезьянъ и пр., или пристанища волтижеровъ, борцовъ, разкащиковъ приключеній и новостей, пѣвцовъ, владѣльцевъ картинъ, изображающихъ громко-объясняемые пожаръ, убійство или сраженіе, — и всюду толпа, жадная до зрѣлищъ подобнаго рода. Около лавокъ, гдѣ продаются ткани и уборы, тѣснятся массы кокетливо одѣтыхъ женщинъ и кучки молодежи, посматривающей на нихъ. Иногда толпу раздвигаютъ, громкими восклицаніями, люди, слѣдующіе въ главѣ многочисленнаго кортежа; тогда все, что не можетъ спрятаться по домамъ и въ лавки, падаетъ ницъ, ибо кортежъ сопровождаетъ одного изъ дайміосовъ или князей. Повременамъ слышатся громкіе крики какого нибудь монаха или богомольца: Амида! Амида! и т. п. Въ боковыхъ улицахъ всегда можно встрѣтить кучи дѣтей, за которыми никто не смотритъ и которые спятъ, ѣдятъ, играютъ или работаютъ подъ открытымъ небомъ, возвращаясь домой только вечеромъ. При хорошемъ вѣтрѣ эта молодежь съ увлеченіемъ занимается пусканіемъ бумажныхъ змѣевъ, и, что не лишено занимательности, нерѣдко люди взрослые подражаютъ ей въ этомъ.

Къ вечеру уличный шумъ въ Сото-Сиро стихаетъ; но за то возникаетъ новый, въ частяхъ города, содержащихъ чайные дома, и особенно въ Синогавѣ. Музыка и красивыя женщины у воротъ призываютъ туда посѣтителей; съ началомъ сумерокъ зажигаются многочисленные огни въ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонаряхъ, развѣшанныхъ по корнизамъ, периламъ, заборамъ. Молодежь изъ цѣлаго города, а съ нею часто и пожилые

люди спѣшатъ въ дома утѣхи и развлеченія. Чтобы не быть узнанными или не наткнуться на соперниковъ, они по большей части завѣшиваютъ лицо платкомъ и, держась рукой за кинжалъ, проходятъ скорыми шагами по улицамъ, отдѣляющимъ ихъ отъ цѣли странствованій. Когда дома наполнятся посѣтителями, тогда прохожій слышитъ внутри ихъ музыку, пѣніе, говоръ, смѣхъ и шумъ, по временамъ переходящій даже въ неистовый крикъ. Заглянувъ, гдѣ можно, черезъ рѣшетку двора, онъ видитъ въ глубинѣ, подъ навѣсами, при полусвѣтѣ иллюминаціи, пышно разодѣтыхъ ночныхъ красавицъ, которые развлекаютъ гостей игрою на самишенѣ (гитарѣ), пѣніемъ или танцами. Часамъ къ 11-ти и къ полуночи шумъ однако мало по малу стихаетъ, улицы по большей части запираются рѣшетчатыми воротами, городъ погружается въ сонъ, и лишь изрѣдка въ какомъ нибудь чайномъ домѣ слышится кутежъ разгулявшейся молодежи.

Но не проходитъ почти ночи, чтобы тишина въ той или въ другой части города не была нарушена набатомъ, внезапно раздающимся съ высоты какой-нибудь башенки, какихъ много при храмахъ и другихъ болѣе высокихъ зданіяхъ и въ какихъ обыкновенно помѣщаются ночные сторожа. Этотъ набатъ означаетъ пожаръ. Тогда быстро все поднимается на ноги и спѣшитъ спасать имущество или отстаивать зданія. Благодаря постройкѣ домовъ изъ дерева и употребленію на перегородки бумаги, пожары въ японскимъ городахъ распространяются вообще съ чрезвычайною быстротою, а въ Іед-

до больше чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что онъ неправильно и тѣсно построенъ. Если есть возможность, то-есть не препятствуетъ вѣтеръ, то стараются прежде всего сломать сосѣднія зданія, чтобы остановить распространеніе пламени; затѣмъ дѣйствуютъ изъ многочисленныхъ ручныхъ насосовъ, при которыхъ команду составляютъ ремесленники и вообще жители низшихъ классовъ, организованные полиціею въ особые отряды и обученные дѣлу. Не помогаетъ это, — оставляютъ цѣлые кварталы на жертву огню и разламываютъ дома и заборы вдали отъ мѣста пожара на большое растояніе, чтобы быть увѣреннымъ, что огонь дальше не распространится. — При первомъ же ударѣ колокола хозяева и хозяйки сосѣднихъ домовъ спѣшатъ обыкновенно болѣе цѣнныя вѣщи домашняго обихода перенести въ каменные магазины, находящіеся въ саду или на дворѣ. Эти магазины, будучи обмурованы со всѣхъ сторонъ глиною, обыкновенно остаются цѣлы при пожарахъ и потому служатъ убѣжищами довольно надежными. Затѣмъ дѣтей и что можно захватить съ собою, относятъ на сосѣднюю площадь или въ каменную ограду храма, дворца и т. п., и здѣсь оставляютъ подъ надзоромъ женщинъ и стариковъ. Большинство же мужской половины населенія отправляется на пожаръ, частію помогать тушить, частію, чтобы по принятому обычаю изъявить сожалѣніе потерпѣвшимъ несчастіе знакомымъ, а частію и просто, чтобъ поглазѣть.

Намъ неразъ придется еще обращаться къ сценамъ іеддоской жизни, когда пойдетъ рѣчь о бытѣ японцевъ,

промыслахъ, увеселеніяхъ, зрѣлищахъ и пр.; а потому оставимъ теперь этотъ городъ и познакомимся съ его окрестностями, особливо же съ Іокогамою, этимъ оригинальнымъ мѣстечкомъ, гдѣ европейская жизнь привилась на японской почвѣ и гдѣ, въ свою очередь, довольно многочисленная колонія людей Запада усвоила не мало привычекъ Востока. Выйдя изъ Іеддо на югъ, по Токаидо, и миновавъ Синогаву, путешественникъ встрѣчаетъ направо отъ дороги небольшую площадь, на половину заросшую травою и украшенную каменнымъ идоломъ будды: это мѣсто казней, которыя довольно часты въ Іеддо, хотя и несопровождаются такою ужасною обстановкою, какъ въ Пекинѣ, другой столицѣ Востока. Затѣмъ передъ взоромъ раскрывается цѣлый рядъ деревень и дачъ, окруженныхъ садами и сопровождающихъ почти непрырывно Токаидо до самой Канагавы, гдѣ наконецъ эта дорога отклоняется отъ моря и уходитъ на западъ. Ширина дороги, исправность, въ которой она содержится, изящество домовъ и прилегающихъ къ нимъ садовъ, множество прохожихъ, идущихъ въ Іеддо и обратно, дѣятельная мелочная торговля въ безчисленныхъ лавочкахъ и чайныхъ домахъ, все производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Къ этому нужно присовокупить, что въ окрестностяхъ Синагавы открывается удивительный видъ, съ одной стороны на заливъ и городъ, а съ другой на горы Ханкони (Факоне), тянущіеся вдоль полуострова Идзу, съ юга на сѣверъ, и на конусообразную вершину Фузи-ямы, которая хотя и отстоитъ отъ Іеддо на 105 верстъ, но виднѣется отсюда

во всемъ своемъ несравненномъ величіи. Постепенно минуя Омори, Кавазаки, съ любопытнымъ близъ него храмомъ Даизи, и нѣсколько меньшихъ селеній, путешественникъ достигаетъ наконецъ, на 31 верстѣ отъ Іеддо, Канагавы, и отсюда черезъ бухту видитъ предъ собой *Іокогаму*.

Недалѣе 1859 года это была жалкая рыбачья деревушка, разбросанная по болотистой лужайкѣ у подножія холмовъ, которые полукруглымъ амфитеатромъ замыкаютъ ее съ юга и запада. Японское правительство, обязанное трактатами открыть для иностранцевъ канагавскую гавань, приказало, еще прежде прибытія ихъ, поставить въ Іокогамѣ нѣсколько бараковъ и магазиновъ, чтобы съ одной стороны дать пріютъ европейцамъ на первое время, а съ другой удалить ихъ отъ Канагавы-собственно, гдѣ по большой дорогѣ часто проходятъ кортежи дайміосовъ и вообще происходитъ большое движеніе путешественниковъ японцевъ. Консулы европейскіе и американскій сначала было противились такому небуквальному исполненію договоровъ японскимъ правительствомъ; но скоро согласились на водвореніе иностранной колоніи въ Іокогамѣ по просьбѣ самихъ же пришельцевъ, которые считали себя безопаснѣе вдали отъ людnаго городка Канагавы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почва въ долинѣ была осушена, у подошвы холмовъ проведенъ широкій каналъ, среди образовавшагося такимъ образомъ острова вырыты еще другіе, меньшихъ размѣровъ, каналы, и часть низменности непосредственно примыкающей къ морю, сплошь застрое-

на зданіями торговцевъ японскихъ и европейскихъ. Теперь Іокогама есть городокъ съ нѣсколькими тысячами жителей, по большей части, конечно, японцевъ, но между которыми есть и нѣсколько сотъ иностранцевъ, предпочтительно американцевъ и англичанъ. Иностранцы занимаютъ юго-восточную часть Іокогамы, гдѣ дома ихъ, то европейской архитектуры, то такъ-называемой колоніальной *), раскинуты вдоль правильныхъ улицъ до таможни, составляющей центръ всего городка. Таможня есть большее четыреугольное каменное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ, и имѣетъ фасадъ на сѣверо-востокъ, къ морю, въ которое отъ нея идутъ два мола, служащіе для выгрузки и нагрузки товаровъ. Непосредственно на западѣ за нею начинается японская часть города, еще болѣе правильная, чѣмъ европейская, состоящая изъ трехъ параллельныхъ берегу улицъ и нѣсколькихъ перпендикулярныхъ къ нему. Крайняя сѣверо-западная оконечность острова, образующая низменную косу, обращена отчасти въ садъ, съ прудомъ; а у отмелаго берега и частію въ сосѣднемъ каналѣ всегда лежатъ во множествѣ лодки іокогамскихъ японцевъ. Черезъ каналъ въ западной сторонѣ японскаго города перекинуть мостъ, по которому проходитъ дорога, ве-

*) Дома европейскаго вида, каменные въ два этажа, нынѣ нерѣдкость въ Іокогамѣ; но чаще встрѣчаются колоніальные, т. е. такіе, у которыхъ одинъ нижній этажъ каменный, а верхній деревянный, и около перваго со всѣхъ сторонъ сдѣланъ балконъ съ навѣсомъ, называемый верандою.

дущая въ Бентанъ *) и въ Канагаву; такой же мостъ соединяетъ и европейскую часть города, съ материкомъ Нипона на югѣ города. Вблизи канала, на равнинѣ, которая осушена не безъ большихъ издержекъ, находится мѣсто для скачекъ, а потомъ и знаменитый Янкиро, кварталъ чайныхъ домовъ, устроенный для европейцевъ и снабженный всегда нѣсколькими сотнями молодыхъ японокъ. Янкиро есть самая любопытная часть Іокогамы, можно бы сказать, ея нравственный центръ, если бы мы не желали оскорблять съ одной стороны немногихъ европейскихъ дамъ, проживающихъ въ городѣ, а съ другой и самаго мужскаго европейскаго общества, которое впрочемъ охотно сознается, что японскіе нравы, вызвавшіе устройство Янкиро, *очень удобны*. Весь кварталъ чайныхъ домовъ возникъ собственно для иностранцевъ и притомъ по оффиціальному ходатайству консуловъ, которые видѣли въ этомъ единственное средство «локализировать» буйство матросовъ и предотвратить многочисленныя столкновенія ихъ съ японцами. Когда въ 1861 году «заведеніе» было окончено и снабжено не менѣе какъ девятью стами обитательницъ, европейцы вообще и консулы въ частности получили циркулярное о томъ увѣдомленіе въ видѣ чайной чашки и вѣера (афиши), на которомъ былъ нарисованъ видъ Янкиро à vol d'oiseau и сдѣлана надпись по-англійски: «это мѣсто назначено для удовольствія иностран-

*) Бентанъ — деревня, гдѣ находится резиденція голландскаго консула.

цевъ.» Въ Янкиро, разумѣется, есть разныя подраздѣленія, приспособленныя къ потребностямъ и зажиточности посѣтителей, и можно сказать, что японскіе учредители съумѣли въ этомъ случаѣ повести дѣло къ полному удовольствію своихъ западныхъ посѣтителей.

Іокогама особенно любопытна для путешественника именно тѣмъ, что въ ней лицомъ къ лицу или бокъ-о-бокъ стоятъ представители двухъ цивилизацій, восточной и западной. Поэтому стоитъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о составѣ тамошняго общества. Самую многочисленную его часть въ европейской половинѣ города составляютъ англичане и американцы, по большей части прикащики и повѣренные большихъ торговыхъ домовъ изъ Шанхая, Гонъ-Конга, Санъ-Франциско и Нью-Іорка. Англійскій языкъ поэтому есть господствующій въ Іокогамѣ; значительная часть этого коммерческаго населенія состоитъ изъ молодежи, отъ 20 до 30 лѣтъ, и предпочтительно изъ людей холостыхъ. Но впрочемъ и семейные дома нынѣ не составляютъ рѣдкости, такъ-какъ многія миссъ и мистриссъ удобно акклиматизировались въ Іокогамѣ и полюбили ее. Къ этому постоянному контингенту европейцевъ присоединяется перемѣняющееся въ составѣ общество сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, капитановъ кораблей, временно пребывающихъ коммерческихъ агентовъ и наконецъ солдатъ и матросовъ съ судовъ. Образъ жизни этой европейской общины, — какъ вездѣ въ отдаленныхъ колоніяхъ: утромъ усиленно трудятся, пишутъ торговыя бумаги, ведутъ счеты, торгуютъ съ японцами, нагру-

жаютъ и выгружаютъ товары, разсылаютъ прикащиковъ по банкирскимъ конторамъ, въ таможню и на суда, толкуютъ при встрѣчахъ о приходѣ и отходѣ послѣднихъ и проч. Многіе европейцы, чтобы выиграть время и не слишкомъ устать при этомъ суетливомъ движеніи, ѣздятъ верхомъ, и всегда рысью, не смотря на то, что Іокогама невелика. Вечеромъ часть публики собирается у знакомыхъ, подъ тѣнью навѣса окружающаго домъ, передать содержаніе полученныхъ изъ Европы или Америки писемъ, сообщить свѣдѣнія о далекихъ друзьяхъ, потолковать о политикѣ, поиграть въ вистъ или въ штоссъ. Другая часть общества, преимущественно холостая, отправляется въ Янкиро и тамъ проводитъ время до поздней ночи, а иногда и до зари, заставляя пѣть и плясать обитательницъ этаго іошивара*). Чтобы пульсъ бился при этихъ посѣщеніяхъ чаще нормальнаго, много пьютъ и ѣдятъ японскихъ и европейскихъ кушаній, приготовленныхъ японскими поварами. Иные — и большинство такъ называемыхъ порядочныхъ людей — уводятъ красавицъ къ себѣ по домамъ, если только не обзавелись уже постоянными подругами жизни на все время пребыванія въ Іокогамѣ или на мѣсяцъ, на два, смотря по капризу минуты и состоянью финансовъ.**)

*) Іошивара — кварталъ чайныхъ домовъ: общее названіе этого рода кварталовъ во всей Японіи.

**) Не могу при настоящемъ случаѣ не вспомнить японскихъ картинокъ, изображающихъ іокогамскихъ европейцевъ. На одной напр. изображены мужъ и жена, англичане: онъ съ рыжими бакенбардами, въ пиджакѣ, *съ газетой* въ

Опустѣлые на вечеръ дома отсутствующихъ остаются подъ надзоромъ прислуги, которая вся состоитъ изъ японцевъ и отчасти малайцевъ, китайцевъ и даже негровъ. Китайцы впрочемъ, составляютъ аристократическую часть іокогамской дворни; это по большей части счетчики, разсыльные по торговымъ дѣламъ, дворецкіе, обыкновеную же прислугу, кухарокъ, поваровъ, дворниковъ, конюховъ, лакеевъ и пр. держутъ большею частію изъ японцевъ, такъ какъ они всегда находятся подъ руками въ большомъ числѣ да и служатъ за плату баснословно-низкую Мѣстныя названія различныхъ чиновъ этой лакейской іерархіи суть: *компрадоръ* — старшій въ домѣ слуга, *коцкой* — камердинеръ, *мамба* — дворникъ или ночной сторожъ, *сиинда* — лодочникъ, если хозяинъ дома имѣетъ лодку, и наконецъ *бетто* или конюхъ, а вмѣстѣ и грумъ. Бетто составляютъ одну изъ особенностей іокогамской обстановки европейцевъ; эти молодые люди вездѣ сопровождаютъ своихъ господъ при переѣздахъ верхомъ и держутъ при томъ лошадей за поводья, не смотря на то, какимъ аллюромъ слѣдуютъ онѣ по воли сѣдоковъ, шагомъ или въ галопъ. Слѣзъ господинъ съ сѣдла, — бетто остается караулить

одной рукѣ и *съ бокаломъ* въ другой; она — въ широчайшемъ кринолинѣ, жеманно изогнувшись передъ зеркаломъ и съ коробочкою серегъ въ рукахъ. Другая картина изображаетъ двухъ холостяковъ, ожидающихъ пріятелей на пирушку: въ комнатѣ уставленый *бутылками* столъ и *хозяйка* въ японскомъ платьѣ, и проч. Типы схвачены мѣтко.

лошадь до новаго переѣзда. Дома онъ помогаетъ дворнику, повару и во многихъ случаяхъ употребляется за разсыльнаго.

Собственно японское іокогамское общество, то есть не прислуга у европейцевъ, а совокупность самостоятельныхъ обитателей японской части города, представляетъ смѣсь мелкаго чиновничества, солдатъ, купцовъ, ремесленниковъ, поденщиковъ, рыбаковъ и проч. По японской общественной классификаціи это, стало быть, собраніе очень «небольшихъ» людей, нѣчто въ родѣ того, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ мелкихъ уѣздныхъ городахъ недворянскихъ губерній. Высшій слой составляютъ полицейскіе и таможенные чиновники и солдаты, едва ли впрочемъ не штрафные изъ цѣлой Японіи, потому что не пользуются уваженіемъ своихъ соотечественниковъ. Правитель Іокогамы, имѣющій титулъ буніо, т. е. губернатора, есть чиновникъ очень небольшаго ранга, въ родѣ нашего городничаго, и имѣетъ всего двухъ помощниковъ, которыхъ можно сравнить съ квартальными. Сами японцы признаются въ тихомолку, что онъ — неважная птица; тѣмъ не менѣе они обязаны ему кланяться въ землю, ибо правительство желаетъ сохранить за своимъ буніо prestige передъ иностранцами. Никакого важнаго шага, ни какого самостоятельнаго распоряженія онъ сдѣлать не можетъ и на все получаетъ инструкціи свыше. Его главнѣйшее дѣло смотрѣть за порядкомъ на улицахъ, разбирать мелкія жалобы, захватывать преступниковъ для отсылки ихъ въ Іеддо, или куда будетъ нужно, и

объявлять распоряженіи правительства. Для послѣдней цѣли есть особенная эстрада.

Окрестности Іокогамы довольно живописны, особенно тѣ, которыя лежатъ къ югозападу отъ города. Прежде, когда европейцы были встрѣчаемы японцами съ распростертыми объятіями, они свободно проникали въ эти счастливыя своимъ положеніемъ мѣстности, чтобы наслаждаться красотами природы; но теперь не то. Хотя и говорятъ про прогулки въ Каназаву, на островъ Иносиму, въ Камакуру и пр.; но рѣдко кто предпринимаетъ ихъ даже въ сообществѣ многихъ товарищей. Каназава впрочемъ видна съ моря, когда входишь въ заливъ Іеддо. Островъ Иносима есть любопытный волканическій холмъ, лежащій въ заливѣ Сагами и связанный съ берегомъ песчаною отмелью. Онъ покрытъ множествомъ храмовъ и монастырей, что придаетъ ему весьма живописный видъ. Небольшой городокъ Камакура, на дорогѣ изъ Каназавы въ Иносиму, лежитъ также въ очень красивой долинѣ и извѣстенъ еще какъ бывшая резиденція Іоритомо, основателя могущества сіогуновъ.

Направляясь къ западу отъ Іеддоскаго залива въ Осаку, какъ ближайшій изъ портовъ, открытыхъ для европейцевъ, упомянемъ здѣсь о *Симодѣ*, городкѣ, получившемъ нѣкоторую извѣстность со времени первыхъ договоровъ европейцевъ и американцевъ съ японцами. Симода лежитъ на юговосточной сторонѣ полуострова Идзу, въ долинѣ небольшой рѣчки, которая впадаетъ въ великолѣпную, хотя необширную Симодскую бухту.

Окружающія ее крутыя горы одѣты густою зеленью, среди которой виднѣются дачи и отдѣльные домики. Городокъ не разъ терпѣлъ отъ землетрясеній и, между прочимъ, былъ почти разрушенъ въ 1854 году; но онъ снова обстраивался и теперь по прежнему имѣетъ живописный видъ, хотя не можетъ уже расчитывать на блестящую будущность современи основаніи Іокогамы.

Осака, 34°42′ ш. 153°10′ в. д. Ф., третій городъ имперіи по числу жителей, но первый по коммерческому значенію, лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу залива Изуми-нада, образующаго почти со всѣхъ сторонъ замкнутый великолѣпный бассейнъ. Собственно городъ расположенъ на рѣкѣ Іедогавѣ и многочисленныхъ рукавахъ, на которые она развѣтвляется при впаденіи въ море; но портъ лежитъ у моря. Съ давняго времени европейцы считали, что осакскій рейдъ мелокъ и потому неудобенъ для стоянки большихъ судовъ; но адмиралъ Путятинъ показалъ, что это было не больше, какъ заблужденіе. Правда, Осака не имѣетъ моловъ, вдающихся въ море и окружающихъ замкнутые бассейны; но самый заливъ Изуми-нада такъ замкнутъ, что въ немъ, какъ въ озерѣ, не можетъ быть волненія, опаснаго для большихъ кораблей; и притомъ корабли эти въ состояніи бросать якорь недалѣе, какъ въ 2-2½ верстахъ отъ берега. Ежели для кого осакскій рейдъ неудобенъ, такъ это для японскихъ джонокъ, столь валкихъ по своей коснтрукціи и потому нуждающихся въ совершенно закрытыхъ стоянкахъ. Для нихъ то и былъ

особенно важенъ Хіого съ его каменною плотиною. Осаку прежніе европейскіе путешественники обыкновонно сравнивали съ Парижемъ по множеству развлеченій, которыя она представляетъ своимъ обитателямъ; а сэръ Рутефордъ Алькокъ прибавилъ съ своей стороны сравненіе съ Венеціею, по многочисленности каналовъ, которые пересѣкаютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ. Но оба эти уподобленія не точны. Топографическое положеніе Осаки скорѣе напоминаетъ Петербургъ, чѣмъ Венецію, ибо она вовсе не окружена моремъ, и каналы ея суть развѣтвленія одной рѣки, имѣющія теченіе. А что до эстетическаго и коммерческаго значеній, то Осака можетъ быть названа Парижемъ лишь въ томъ смыслѣ, что она есть самый оживленный, веселый городъ Японіи. Каналы придаютъ очень своеобразный видъ Осакѣ, потому что разрѣзываютъ ее на множество острововъ и служатъ для сообщенія столько же, какъ и самыя улицы. Берега ихъ обложены камнемъ въ видѣ ступенекъ, такъ что набережная представляетъ родъ лѣстницы, помощью которой можно выходить изъ лодки въ любомъ мѣстѣ берега. Затѣмъ улицы, довольно узкія, совершенно прямы и пересѣкаются одна съ другою подъ прямыми углами. Тамъ, гдѣ онѣ разрѣзываются каналами, на послѣднихъ устроены мосты, числомъ не менѣе ста. Три изъ нихъ особенно великолѣпны по своимъ размѣрамъ и по рѣзнымъ и металлическимъ украшеніямъ на перилахъ: они перекинуты чрезъ самую Іедогаву, или, точнѣе, чрезъ главный рукавъ ея, который входитъ въ городъ съ сѣвера и направляется по-

перегъ его къ югозападу. Главная часть Осаки лежитъ на южномъ берегу Іедогавы; но и на сѣверѣ отъ нея заселенное пространство значительно. Дома въ городѣ деревянные, какъ въ Іеддо, одно-и дву-этажные, но съ болѣе плоскими крышами и гуще построены. Они тщательно обмазаны глиною и выбѣлены известкой. Наружность ихъ всегда чрезвычайно опрятна и даже щеголевата. Главный фасадъ въ большей части случаевъ представляетъ впрочемъ широкую дверь, чрезъ которую входятъ въ лавку или въ мастерскую ремесленника. Сзади домъ окруженъ, по обычаю японцевъ, садикомъ съ искуственными холмиками, озерцами, каскадами и т. п. Главныя замѣчательности Осаки суть: замокъ тайкуновъ или цитадель, ботаническій садъ, гдѣ собраны *всѣ* растенія Японіи, собраніе птицъ и другихъ животныхъ, театры, чайные дома, обширные литейные заводы и храмы. Театры осакскіе считаются первыми въ Японіи по богатству украшеній, и то же можно сказать про чайные дома, такъ какъ мѣстная коммерческая молодежь и множество путешественниковъ оплачиваютъ щедрою рукою ихъ издержки. Зала главнаго театра вмѣщаетъ нѣсколько тысячь зрителей и состоитъ изъ партера безъ стульевъ и трехъ рядовъ ложъ, великолѣпно украшенныхъ рѣзьбою подъ лакомъ и позолотою. Чайные дома содержатъ лучшихъ красавицъ Японіи, которыхъ доставляютъ сюда окрестности Кіото, издавна знаменитыя своими женщинами и..... мальчиками..... Изъ храмовъ наиболѣе извѣстенъ Дайбуцъ, котораго постройка стоила до 750,000 рублей,

не смотря на то, что онъ деревянный. Колоссальный идолъ, помѣщенный внутри и отлитый изъ бронзы, столь великъ, что четыре человѣка могутъ сидѣть на ладони его. Неменѣе извѣстенъ и храмъ Канвона, гдѣ собрано множество идоловъ также очень большихъ размѣровъ. Замокъ тайкуновъ или цитадель находится на восточной сторонѣ города, внѣ черты домовъ, и представляетъ группу построекъ, окруженную со всѣхъ сторонъ стѣнами и водянымъ рвомъ. Онъ очень обширенъ, такъ что для обхода его нужно не менѣе часа, и считается одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Японіи, хотя лежитъ на равнинѣ. Укрѣпленія расположены въ три ряда, и самыя внутреннія ограждаютъ собственно жилище сіогуновъ, украшенное высокими башнями. Знаменитый въ исторіи Японіи Тайко-сама воздвигъ эту твердыню, и съ тѣхъ поръ она служила резиденціей сіогуновъ всякій разъ, когда они пребывали въ Осакѣ, между прочимъ съ 1865 по 1867 годъ.

Населеніе Осаки простирается не менѣе какъ до 500.000 душъ; но впрочемъ точная цифра его намъ неизвѣстна. Жители города увѣряли еще Кемфера, что они могутъ выставить 80.000 армію; но конечно подъ этимъ нужно разумѣть поголовное ополченіе всѣхъ способныхъ носить оружіе, то-есть $^1/_6$ или $^1/_7$ часть всего населенія, а не одну только молодежь. Главнѣйшіе обитатели Осаки суть купцы и ремесленники; дворяне же составляютъ здѣсь исключеніе, въ противоположность Іеддо. Духовенство довольно многочисленно; однако не въ такой степени, какъ въ двухъ другихъ важнѣйшихъ

городахъ государства, Кіото и Іеддо. Весьма видную по числу часть населенія Осаки составляютъ также актеры, фокусники, волтижеры и другіе искусники забавлять публику; но съ другой стороны не мало и нищихъ, напоминающихъ, что въ городѣ собраны не однѣ богатства и радости. Рыбаки и судорабочіе довершаютъ пестроту городской толпы.

Опасность осакскаго рейда для японскихъ джонокъ послужила поводомъ къ усиленію значенія сосѣднихъ съ нимъ городовъ, Сакаи и Хіого, которые впрочемъ никогда не имѣли самостоятельнаго значенія и служили лишь гаванями Осаки. *Хіого* особенно знаменитъ своимъ плоскимъ каменнымъ валомъ, который стоилъ огромныхъ суммъ и погибели большаго числа рабочихъ, но за то сдѣлалъ гавань города вполнѣ безопасною. Городъ этотъ имѣетъ до 150.000 жителей и потому принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ Японіи. Рейдъ его всегда вмѣщаетъ большое число судовъ и по договорамъ съ европейцами онъ открытъ для иностранныхъ кораблей наровнѣ съ Осакою.

Кіото (35° 1′ ш., 153° 32′ в. д. Ф), обыкновенно называемый Міако, т. е. столицею, лежитъ въ 45 верстахъ отъ Осаки на сѣверо-востокъ, въ небольшой долинѣ между горами и въ растояніи не болѣе 15 верстъ отъ озера Оицъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно выпускаетъ рѣку Іедогаву. Планъ, который читатель найдетъ на клапанѣ нашей карты,*) показываетъ, что это одинъ изъ са-

*) Всѣ эти планы сняты съ японскихъ, но не инструментами, а отъ-руки.

мыхъ правильныхъ городовъ въ свѣтѣ, ибо улицы его всѣ прямыя и пересѣкаются подъ прямыми углами. Небольшая рѣка обтекаетъ городъ съ востока, а притокъ ея съ юго-запада, такъ что Міако выходитъ лежащимъ на полуостровѣ. Незначительный ручей протекаетъ даже внутри города, снабжая водою центральные кварталы его. Изъ зданій замѣчательны въ Кіото: дворецъ микадо или точнѣе цѣлый городокъ, занятый даири, т. е. дворомъ императора; замокъ тайкуна — самое обширное зданіе въ Кіото, и многочисленные храмы, изъ которыхъ многіе впрочемъ лежатъ за городомъ, на окружающихъ высотахъ. Дворецъ микадо съ своими пристройками занимаетъ сѣверо-восточную часть города и обнесенъ стѣною и рвомъ. Нѣсколько многоэтажныхъ башень украшаютъ его и дѣлаютъ видимымъ издалека; но впрочемъ внутренность остается доступною лишь немногимъ приближеннымъ ко двору лицамъ. Среди ограды находятся сады, лужайки, пруды и множество зданій жилыхъ, но съ виду похожихъ на наши риги или сараи, по своей длинѣ и по способу постройки. Дворецъ тайкуна также обнесенъ рвомъ и валомъ. Частные дома въ Кіото, вообще говоря, узки и длинны; построены они, какъ вездѣ, изъ дерева, съ дополненіемъ глины и извести; но отличаются тѣмъ, что почти всѣ имѣютъ два этажа. Это обстоятельство служитъ причиною того, что Кіото, хотя и содержитъ болѣе полумилліона жителей, невеликъ по пространству, именно верстъ 6 въ длину и версты $3\frac{1}{2}$ въ ширину. Міако есть центръ мануфактурной промышленности въ Японіи, главное депо товаровъ

ея, а вмѣстѣ и умственное средоточіе; ибо въ немъ множество ученыхъ учрежденій, книжныхъ магазиновъ, типографій и проч. Торговля здѣсь такъ развита, что едва ли есть домъ, въ которомъ бы чего-нибудь не продавали или не покупали. Лучшія мѣдиплавальни, монетный дворъ, типографіи, фабрики золотыхъ и серебряныхъ вещей, шелковыхъ матерій, затканныхъ золотомъ, музыкальныхъ инструментовъ, лаковыхъ издѣлій и проч. находятся здѣсь въ изобиліи. Всѣ эти произведенія приготовляются съ совершенствомъ, неизвѣстнымъ въ другихъ городахъ Японіи, и продаются сравнительно дешево; поэтому онѣ распространяются по всей странѣ подобно такъ называемымъ articles de Paris въ Европѣ.

Кіото знаменитъ своими храмами и монастырями. Въ одномъ изъ послѣднихъ, примыкающемъ ко дворцу императора, есть тридцать семь храмовъ, и одинъ изъ нихъ содержитъ таблицу именъ микадо, написанныхъ золотыми буквами. Храмъ Жибона также окруженъ неменѣе какъ тридцатью меньшими, какъ бы часовнями или придѣлами. Храмъ Кіомица знаменитъ высокою башнею и огромнымъ зеркаломъ, которое составляетъ единственную принадлежность его внутренности. Храмъ Дайбудзы, подобно предъидущему прислоненный къ горѣ, есть самый обширный въ Міако и представляетъ высокую двойную крышу, опертую на 94 колосальныхъ столба. Полъ его изъ мрамора, а внутренность заключаетъ огромнаго вызолоченнаго идола съ мушкой на лбу. — Канвонъ, одно изъ популярнѣйшихъ божествъ въ Японіи, имѣетъ также свой храмъ въ Кіото, отли-

чающійся обширностью и особенно длиною. Внутренность этого капища наполнена столь большимъ числомъ статуй, что самое зданіе называется храмомъ 33.333 идоловъ.

Для Міако у насъ есть любопытныя данныя о населенности и числѣ разнаго рода зданій, которыя стоитъ здѣсь привести, чтобы нагляднѣе охарактеризовать резиденцію микадо. Хотя эти данныя и относятся къ XVII столѣтію, но конечно, въ общихъ чертахъ, недалеки отъ истины и теперь, ибо Міако, подобно Петербургу, имѣетъ такъ-сказать штатное населеніе. По переписи, приводимой Кемферомъ, было:

Буддійскихъ храмовъ (тира), большихъ и малыхъ, т. е. часовенъ .	3,893
Синтосскихъ храмовъ (міа)	2,127
Дворцовъ князей и вельможъ	137
Частныхъ домовъ	13,879
Улицъ	1858
Мостовъ	87
Свѣтскихъ храмослужителей синту . .	9003
Ямабасовъ, т. е. монаховъ синтосскихъ	6073
Буддійскихъ жрецовъ	37,083
Свѣтскихъ жителей города различныхъ сектъ*)	477,547

*) Изъ нихъ самая многочисленная, Сіо-Дозу, имѣла 159.113 послѣдователей, секта Фокке-Суи—97.728, Фогасъ-Фонгакъ

Такъ какъ населеніе дворцовъ микадо и тайкуна не вошло въ эту перепись, то можно безъ большой ошибки опредѣлить населеніе всего Кіото въ 550,000 душъ.

Ниата, укрѣпленный городъ при устьяхъ Синаногавы, на сѣверо-западной сторонѣ Нипона, только-что открытъ для европейцевъ съ лѣта 1868 года, а потому почти неизвѣстенъ. Окрестности его славятся шелководствомъ.

Симоносаки, большой городъ при проливѣ того же имени, отдѣляющемъ Нипонъ отъ Кіусіу, въ провинціи Нагато. Счастливое географическое положеніе, привлекательность окрестныхъ видовъ и значительная населенность давно сдѣлали этотъ городъ извѣстнымъ европейскимъ мореходцамъ, и нужно удивляться, что дипломаты при заключеніи трактатовъ упустили внести его въ число тѣхъ, которые должны быть открыты иностраннымъ судамъ. До 1863 года доступъ къ Симоносаки съ моря былъ защищенъ многочисленными береговыми батареями; но съ того времени японцы лишились*) права ставить укрѣпленія на нипонскомъ берегу пролива, хотя городъ остался по прежнему закрытымъ для иностранной торговли. Обширный рейдъ его, лежащій на востокъ отъ самаго узкаго мѣста пролива, бываетъ иногда сплошь уставленъ японскими джонками, какъ проходящими мимо, изъ Внутренняго моря въ Японское и обратно, такъ и грузящимися непосредственно у городскихъ пристаней. — Симоносаки пос-

99.016, п. т. д. до Дай-Нембудзу, т. е. поклонниковъ злаго божества Амиды, которыхъ всего было 289 человѣкъ.

*) Вслѣдствія бомбардированія иностранцами.

троенъ очень правильно, хотя и растянутъ, благодаря незначительной ширинѣ береговой долины, на которой стоятъ. Почти прямо противу него, на островѣ Кіусіу, лежитъ портъ Кокура.

Нагасаки (32° 44′ ш., 149°, 56′ в. д. ф.), давно знакомый европейцамъ городъ на западномъ берегу Кіусіу, при обширной, глубоко врѣзавшейся въ материкъ бухтѣ, которой онъ занимаетъ восточный берегъ, — есть одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ городовъ Японіи. Онъ описанъ множествомъ путешественниковъ и потому извѣстенъ до мельчайшихъ подробностей. До десяти тычячъ домовъ, вмѣщающихъ 75.000 жителей, разбросаны на покатостяхъ довольно крутыхъ высотъ, которыми обставлена и вся Нагасакская бухта. Улицы между ними правильны и содержатся въ обычной чистотѣ, но нерѣдко пересѣкаются мостиками или ступеньками, которыя ведутъ изъ верхнихъ кварталовъ въ нижніе. Окружающіе городъ холмы усѣяны храмами, живописно разбросанными среди садовъ, а вершины болѣе отдаленныхъ горъ увѣнчаны вѣковыми лѣсами. Внизу, у берега, виднѣется островокъ Децима, столь знаменитый по долговременному пребыванію на немъ нидерландской факторіи и нынѣ застроенный голландцами же, но уже на европейскій манеръ. На западъ и югъ простирается обширный рейдъ, замыкаемый почти при самомъ выходѣ въ море высокимъ, лѣсистымъ островкомъ Папенбергомъ. Рейдъ глубокъ и совершенно безопасенъ для всякаго рода судовъ. Длина его болѣе пяти верстъ, а ширина около двухъ и

менѣе. Берега бухты усѣяны деревеньками, храмами, хижинами рыбаковъ и довольно большимъ числомъ батарей, дѣлающихъ подступъ къ городу съ моря весьма затруднительнымъ. Въ сѣверный конецъ ея впадаетъ небольшая рѣчка, которой долина сплошь занята земледѣльческими селеніями и потому превосходно воздѣлана. Съ востока также бѣжитъ ручей, который отъ главной массы города отдѣляетъ кварталъ, занятый европейцами, предпочтительно англичанами и американцами, и обстроенный довольно красивыми домами колоніальной архитектуры; кварталъ этотъ носитъ названье Оору. Какъ и въ другихъ японскихъ городахъ, въ Нагасаки есть мѣстность, занятая чайными домами и называемая здѣсь Кезіемацъ; она лежитъ между Дециміою и Оорой, обстроена лучшими въ городѣ зданіями и содержитъ нѣсколько тысячъ женщинъ. Въ сѣверной части Нагасаки, по близости многочисленныхъ храмовъ, расположены резиденціи губернаторовъ, а нѣсколько на юго-востокъ отъ нихъ тюрьма.

Нагасаки — городъ весьма оживленный и нѣсколько отличающійся отъ другихъ городовъ Японіи въ томъ смыслѣ, что долговременныя сношенія съ иностранцами положили особую печать на его населеніе. Оно болѣе развязно съ европейцами, менѣе нерасположено къ нимъ, чѣмъ въ Іеддо, и болѣе свѣдуще въ торговыхъ европейскихъ обычаяхъ. Между купцами въ Нагасаки есть не мало самостоятельныхъ торговцевъ, но встрѣчаются и коммиссары богатыхъ торговыхъ домовъ изъ Осаки. Въ городѣ многіе говорятъ по голландски и да-

же по-англійски, и хотя тамъ нѣтъ, какъ въ Іеддо, какого-либо высшаго учебнаго заведенія, но есть много людей свѣдущихъ въ математикѣ, медицинѣ и проч. На улицахъ Нагасаки нерѣдки и китайцы, которые продолжаютъ еще здѣсь небольшую торговлю. Коммерческое значеніе Нагасакскаго порта нынѣ вообще второстепенное, и обороты его вдвое и болѣе уступаютъ оборотамъ Іокогамы, хотя послѣдняя болѣе отдалена отъ Европы.

Изъ нагасакскихъ окрестностей стоитъ назвать здѣсь двѣ деревни, лежащія на западѣ отъ города, по другую сторону бухты. Одна изъ этихъ деревень называется Инасси и замѣчательна тѣмъ, что при ней расположено небольшое поселеніе русскихъ; въ другой, Акунорѣ, японское правительство имѣетъ пароходный заводъ. Русская колонія отличается отъ всѣхъ европейскихъ учрежденій этого рода на японской почвѣ тѣмъ, что она не содержитъ въ себѣ купцовъ, а только консульскаго агента и временно пребывающихъ моряковъ. Жизнь ихъ, благодаря невмѣшательству въ политическіе и торговые интересы страны, проходитъ весьма тихо и правильно. Каждый имѣетъ свой домъ и хозяйку изъ японокъ, временно приглашенную и раздѣляющую утѣхи любви. Днемъ проводятъ время на службѣ и въ занятіяхъ; вечеромъ даютъ балы и пикники на японскій ладъ. Акунора, сосѣдняя съ Инасси на югѣ, представляетъ собою нѣчто въ родѣ европейскаго фабричнаго городка, съ высокими кирпичными трубами. Японцы, при помощи голландскихъ офицеровъ и меха-

никовъ основали тутъ еще въ 1850-хъ годахъ заводъ для приготовленія желѣзныхъ частей пароходовъ. Заводъ этотъ вмѣстѣ служилъ и школою для образованія туземныхъ мастеровъ машиннаго дѣла, нынѣ уже довольно многочисленныхъ и нерѣдко весьма искусныхъ.

Островъ Кіусіу, на которомъ лежитъ Нагасаки, содержитъ еще множество великолѣпныхъ портовъ. Изъ нихъ назовемъ здѣсь особенно *Кагозиму*, главный городъ области Сацумы, расположенный на западномъ берегу залива, который глубоко вдается въ южную часть острова. Кагозима имѣетъ до 150.000 жителей и лежитъ въ узкой береговой долинѣ, противу волканическаго острова Сакуры. Отдѣляющій ее отъ острова проливъ служитъ гаванью и столь глубокъ, что суда большихъ размѣровъ останавливаются прямо у берега. Область Сацума издавна славится своими металлическими богатствами и роскошью своей растительности, а потому можно жалѣть, что кагозимскій портъ остается закрытымъ для иностранцевъ, благодаря политикѣ центральнаго японскаго правительства, которое хочетъ допускать чужеземцевъ только въ императорскіе порты, а не въ города, принадлежащіе удѣльнымъ князьямъ.

Хакодате, послѣдній изъ городовъ, о которомъ упомяну я здѣсь, лежитъ на южной сторонѣ Мацмая, почти въ серединѣ Сангарскаго пролива. Небольшой, но высокій полуостровъ выдается тутъ къ югу и западу отъ главной массы земель Іезо, и на сѣверной сторонѣ этого то полуострова, при превосходной, почти ото-

всюду закрытой бухтѣ, лежитъ городъ, тянущійся неширокою полосою съ востока на западъ, по отклонамъ холмовъ. Рейдъ обставленъ отовсюду горами, изъ которыхъ самая высокая (3170 ф.) лежитъ на сѣверѣ и носитъ названье Сѣдла, потому что вершина ея двурога и имѣетъ по срединѣ впадину. На югѣ, то есть на полуостровѣ, поднимается также довольно смѣло очерченный пикъ, высотою въ 1130 футовъ. Наиболѣе вдавшаяся въ материкъ часть бухты обращена въ портъ для джонокъ постройкою искусственной пристани на песчаной косѣ. Городъ Хакодате построенъ амфитеатромъ и состоитъ изъ ряда продольныхъ улицъ, пересѣченныхъ прямоугольно гораздо меньшими поперечными. Видъ его довольно бѣденъ въ сравненіи съ большими городами южной Японіи, хотя онъ имѣетъ нѣсколько красивыхъ храмовъ. Дома жителей низки, и на крышахъ часто виднѣются камни, которыми мелкія доски и черепица сдерживаются отъ сильныхъ вѣтровъ, часто здѣсь дующихъ; улицы нестоль чисты, какъ въ Нагасаки или въ Іеддо. Почти въ каждомъ домѣ есть лавка для продажи предметовъ первой необходимости какъ самихъ японцевъ, такъ и айновъ. Есть и чайные дома. Внѣшняя торговля въ Хакодате почти ничтожна, ибо изъ иностранныхъ судовъ посѣщаютъ его только одни китобои да частію русскіе военные пароходы. Причина — отдаленность города отъ главныхъ путей торговли и сильныя бури, господствующія нерѣдко въ Сангарскомъ проливѣ. Русское консульство, построенное на высокомъ холмѣ, командуетъ мѣстностью и даетъ

прекрасный видъ на окрестныя горы и море. Другія же европейскія и американское консульства расположены ниже и узнаются только по развѣвающимся на нихъ флагамъ. Вообще городъ скучноватъ и оживленъ гораздо менѣе, чѣмъ другіе открытые для иностранцевъ порты.

Населеніе Хакодате довольно разнообразно и своеобразно. Оно состоитъ по большей части изъ искателей приключеній, изъ лицъ, удалившихся изъ Японіи по случаю непріятныхъ исторій, изъ мелкихъ чиновниковъ, изъ торговцевъ и ремесленниковъ второй руки и т. п. По временамъ, особенно въ торговые дни, встрѣчаются аины, а при стоянкѣ на рейдѣ иностранныхъ судовъ бродитъ по улицамъ немало матросовъ. Нигдѣ, можетъ быть, послѣдніе не предаются большему разврату и пьянству, какъ въ Хакодате.

Этими немногими подробностями я заключу очеркъ важнѣйшихъ городовъ Японіи, имѣющій цѣлію познакомить съ физіономіею этого рода населенныхъ мѣстностей Японскаго архипелага. Что до деревень, то о нихъ можно сказать немного. Обыкновенно, это рядъ бѣдныхъ, маленькихъ домовъ, тянущихся по сторонамъ дороги. Въ нихъ всегда можно найдти чайные дома, если не въ смыслѣ городскихъ, то въ смыслѣ постоялыхъ дворовъ. Поля примыкаютъ непосредственно къ садамъ, и видъ деревень могъ бы отчасти напоминать наши южно-русскія селенія съ ихъ выбѣленными мазанками и кущами зелени, если бы не горы, которыхъ недостаетъ Малороссіи и которыя дѣлаютъ

многія японскія селенія весьма живописными. По густотѣ населенія Японіи нерѣдко бываетъ, что одна деревня непосредственно сливается съ другою, и тогда дорога кажется улицею одного большаго, но бѣднаго города.

Что касается до замковъ феодальныхъ князей, то они обыкновенно стоятъ отдѣльно отъ городовъ и селеній, гдѣ-нибудь на холмѣ или вообще въ мѣстности живописной и сильной природою. Замки обносятся стѣнами, внутри которыхъ, кромѣ собственно жилища князя, есть много построекъ для жительства свиты или гарнизона, магазины, сады и проч. По угламъ ограды возвышаются башни, сложенныя, какъ и самыя стѣны, изъ камня на глинѣ и извести. Наружность замковъ, какъ видимъ, напоминаетъ европейскіе средневѣковыя постройки этого рода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Промышленность въ Японіи.

Японія долгое время жила совершенно отдѣльною экономическою жизнію. Она почти ничего не получала отъ иностранцевъ и очень мало давала имъ. Это, слѣдовательно, страна, которая представляетъ рѣдкій, если не единственный примѣръ того, какъ цѣлый народъ существовалъ своими, только своими средствами, и народъ не дикій, а хорошо образованный и привыкшій къ удобствамъ цивилизаціи. Начиная отъ насущнаго хлѣба и кончая утонченнѣйшими произведеніями ремеслъ и искусствъ, японцы все должны были, въ теченіе двухъ вѣковъ добывать своимъ трудомъ. А какъ извѣстно, что страна ихъ въ это время матеріально благоденствовала, то можно сказать, что она достигала экономическаго равновѣсія, какого тщетно было бы искать въ самыхъ цвѣтущихъ государствахъ Европы, гдѣ то не достаетъ рукъ для разработки естественныхъ богатствъ края, то ощущается недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, которыя приходится доставлять изъ чужихъ краевъ. Принимая притомъ во вниманіе, что, за исключеніемъ Мацмая, не оставалось уже въ

Японіи земель невоздѣланныхъ, что обработка почвы достигала совершеннѣйшаго развитія въ пріемахъ и что, слѣдовательно, земледѣльческая производительность страны доведена была до того предѣла, за которымъ умноженіе населенія почти невозможно, — мы должны еще сказать, что японская островная группа представляетъ намъ любопытный примѣръ того отношенія между числомъ квадратныхъ миль земной поверхности и количествомъ населенія, которое для странъ съ тѣмъ же климатомъ можно признать предѣльнымъ и которое стоило бы съ точностію опредѣлить. Японію въ этомъ смыслѣ нужно предпочесть многимъ европейскимъ государствамъ, напр. Франціи, Бельгіи, Англіи, потому, что она избытка своего населенія почти не высылала въ колоніи, и всю массу рождавшихся кормила и содержала своими средствами, не прибавляя къ нимъ ничего извнѣ. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ, да конечно и никогда не будетъ, достаточныхъ матеріаловъ, чтобы изобразить экономическое состояніе Японіи именно съ этихъ точекъ зрѣнія. Нетолько мы не можемъ выразить числами производительность страны, какъ то сдѣлано во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, а приблизительно и во многихъ другихъ странахъ; но мы даже не знаемъ точнаго числа жителей японской монархіи. Остается довольствоваться простымъ описаніемъ промысловъ, которые извѣстны японцамъ, и оцѣнкой степени совершенства, до которой доведена та или другая промышленность. Такъ мы и сдѣлаемъ.

Какъ во всякой странѣ съ нормальнымъ экономи-

ческимъ развитіемъ, въ Японіи земледѣліе было и есть главнымъ занятіемъ жителей. Не смотря на многочисленность городовъ и ихъ населенія, можно сказать, что не менѣе двухъ третей японцевъ занято обработкою почвы. И почва эта засѣвается ежегодно вся, сколько ея ни есть, безъ малѣйшаго упущенія. Если бы кто и оставилъ свой участокъ необработаннымъ, то его обработаютъ другіе, потому что правительство непремѣнно отберетъ землю, лежащую втунѣ, и отдастъ лицу, въ ней нуждающемуся. Изъ такого положенія дѣлъ ясно видно, что плодоперемѣнная система полеводства есть необходимая и давно извѣстная вещь у японцевъ, и что притомъ почва ихъ обрабатывается самымъ тщательнымъ образомъ.

Трудолюбіе японскихъ земледѣльцевъ въ самомъ дѣлѣ можно назвать изумительнымъ. Почти не имѣя рабочаго скота и вовсе не имѣя машинъ, они свои поля обрабатываютъ руками, помощію мотыги и заступа, или, точнѣе, лопаты. Почва при этомъ разрыхляется такъ, какъ у насъ на огородныхъ грядахъ. И какъ недостатокъ пастбищъ не позволяетъ имѣть скотскій пометъ для удобренія, то для этого послѣдняго служатъ человѣческія изверженія, подобно тому, какъ въ Китаѣ. Японцы тщательно собираютъ ихъ, разводятъ водою и поливаютъ этою жидкостью поля тотчасъ, какъ на нихъ обозначутся всходы. И поливаютъ не зря, а каждый взошедшій ростокъ, какъ только онъ достигъ четырехъ или пяти-вершковаго роста. Къ человѣческимъ изверженіямъ прибавляютъ помои и скотскій пометъ, гдѣ

можно его собрать по дорогамъ или въ стойлахъ скота. Конечно, этотъ способъ воздѣлыванія полей очень тягостенъ для земледѣльцевъ: за то какой же и видъ представляютъ ихъ нивы, когда посѣянное созрѣло! Ничего подобнаго нельзя найдти въ Европѣ, кромѣ развѣ Ломбардіи. Жатва густа, колосъ или другой плодъ увѣсистъ, ни одной сорной травки, ни одной части нивы, представляющей лысину. Японцы тщательно выполываютъ не только свои огороды, но и поля. Женщины и дѣти бываютъ этимъ заняты цѣлое лѣто, до самой уборки. Для устраненья засухъ почти всюду введено искуственное орошеніе помощью ирригаціонныхъ канавъ, нерѣдко проведенныхъ изъ дальныхъ мѣстностей. И эти канавы вырыты нетолько въ долинахъ, а и по скатамъ горъ, при чемъ послѣдніе обращены въ рядъ террасъ, на которыхъ дѣлаются посѣвы. Особенно рисовыя поля, главное земледѣльческое богатство японцевъ, разработаны и орошены самымъ тщательнымъ образомъ. Поля эти имѣютъ видъ огородовъ, съ грядами и бороздами; рисъ разсаженъ пучками вдоль грядъ, въ два ряда или какимъ инымъ способомъ, облегчающимъ выполываніе сорныхъ травъ. Почва подъ посѣвъ подготовляется указаннымъ уже образомъ отъ февраля до апрѣля, и если при этомъ весенніе воды мѣшаютъ ручной обработкѣ, то употребляютъ лошадей и воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Это единственный случай, когда японцамъ нуженъ рабочій скотъ. Для всѣхъ другихъ потребностей земледѣлія они имѣютъ слишкомъ достаточно дешевыхъ и опытныхъ рукъ

безземельнаго класса людей. Рисъ засѣвается густо, и когда взойдетъ, то бываетъ пересаживаемъ и поливаемъ для приведенія поля въ тотъ видъ, о которомъ сейчасъ упомянуто. Въ октябрѣ и ноябрѣ производится жатва. Срѣзываютъ пучки и, связавъ ихъ въ небольшія вязанки, перевозятъ на вьюкахъ или на телѣжкахъ во дворъ или въ магазинъ, гдѣ обмолачиваютъ. Молотьба риса очень легка, потому что достаточно поспѣвшіе колосья потрепать объ жердь или стѣну; но впрочемъ японцы для болѣе тщательнаго вымолота употребляютъ цѣпы. За то обдираніе зеренъ требуетъ времени и труда. Для этого обыкновенно употребляются ступы, въ которыхъ толкутъ зерно нѣсколькими пестами. Иногда ту же операцію производятъ топтаніемъ въ ящикахъ или въ корытахъ, причемъ зерно безпрестанно мѣшаютъ палкою. По отвѣяніи мякины зерно ссыпается въ соломенные мѣшки или кули, пуда по $4^1/_2$ вѣсомъ. Японскій рисъ принадлежитъ къ лучшимъ на всемъ земномъ шарѣ. Онъ бѣлъ, имѣетъ крупное зерно, тяжеловѣсенъ и очень питателенъ. Кемферъ, въ свое время оцѣнивалъ всю производительность японскихъ рисовыхъ полей приблизительно въ 45 милліоновъ четвертей *); но теперь

*) Собственно Кемферъ говоритъ о доходахъ императора и князей, которые онъ самъ оцѣниваетъ, по японскимъ источникамъ, среднимъ числомъ въ 23.000.000 кокфъ. (1 кокфъ = 0,83 четверти). Но извѣстно, что въ доходъ поступаетъ половина всего количества хлѣба въ 5 императорскихъ провинціяхъ и $^3/_5$ въ 63 княжескихъ. И такъ общая производительность всѣхъ провинцій будетъ около 50 мил. кокфъ, что и составляетъ до 45.000.000 четвертей.

она конечно болѣе. Принимая за основаніе цифры Алькока, заимствованныя имъ изъ японскихъ оффиціальныхъ источниковъ и выражающія доходы княжествъ въ 1861 году, нужно полагать, что общій урожай риса въ Японіи ежегодно простирается до 90.000.000 четвертей. И это довольно вѣроятно, потому что населеніе въ 35—40 милліоновъ все питается рисомъ, котораго каждый человѣкъ съѣдаетъ около двухъ четвертей, что даетъ для годоваго расхода 70—80 мил. четвертей. Остальное идетъ на посѣвъ, на выдѣлку водки и въ продажу аинамъ и европейцамъ. Цѣны на рисъ конечно зависятъ отъ урожая; но вообще онѣ возвысились, по крайней мѣрѣ въ Іеддо, со времени водворенія иностранцевъ вдвое и болѣе. Въ 1859 году мѣшокъ зерна стоилъ піастръ (1 р. 30 к. с.), теперь два піастра и болѣе.

Пшеницу сѣютъ въ Японіи осенью; жатва ея бываетъ въ маѣ или въ іюнѣ, смотря по погодѣ. Мука, приготовляемая изъ пшеничныхъ зеренъ, чрезвычайно нѣжна и употребляется преимущественно на пирожки, такъ какъ обыкновенный хлѣбъ замѣняется у японцевъ крутою рисовой кашей, которую рѣжутъ кусками.

Ячмень даетъ двѣ жатвы. Первоначальнно его сѣютъ осенью, и первую жатву собираютъ въ маѣ. Затѣмъ немедленно по уборкѣ сѣютъ на тѣхъ же поляхъ во второй разъ, но вмѣстѣ съ бобами, такъ что подъ ячмень попадаетъ свѣжая почва, а подъ бобы уже нѣсколько истощенная и неспособная дать обильнаго урожая злака. — Для пшеницы въ окрестностяхъ Іеддо

можно принять за хорошій урожайоколо самъ 30-ти, для ячменя въ обѣ жатвы самъ 35, а рисъ даетъ самъ-70 и самъ 100. Только невозможность засѣвать его на мѣстахъ высокихъ и слабо-орошаемыхъ объясняетъ нахожденіе другихъ хлѣбныхъ злаковъ въ Японіи.

Нельзя и приблизительно оцѣнить другихъ продуктовъ японскаго земледѣлія ни по объему ихъ, ни даже по разнообразію обработываемыхъ породъ. Мы исчислили главныя культурныя растенія въ главѣ объ естественныхъ произведеніяхъ края; прибавимъ, что ихъ обработка также тщательна, какъ и рисовыхъ полей. Для удобренія почвы подъ нѣкоторыя плантаціи привозятъ даже, съ Мацмая и другихъ острововъ, протухлую рыбу и рыбьи остатки, какъ въ Европѣ гуано. Собираемые продукты хранятся по большей части въ верхнихъ этажахъ домовъ или же въ каменныхъ амбарахъ, устроенныхъ особо отъ жилыхъ зданій.

Рисъ, главный хлѣбъ японцевъ, доставляетъ имъкромѣ зерна, еще солому, изъ которой приготовляются многія издѣлія самими деревенскими жителями. Таковы напр. циновки, постилаемыя на полъ*), мѣшки для хлѣба и сандаліи для людей и скота. Главный послѣ чая напитокъ японцевъ, сагги, приготовляется также изъ рису. Это есть нѣчто похожее на пиво, не вполнѣ выбродившее и запахомъ напоминающее знаменитую китайскую майгалу, которая впрочемъ безъ сравненія крѣпче. Напитокъ цвѣтомъ похожъ на бѣлое пиво и

*) Лучшія циновки приготовляются изъ бамбуковаго тростника

отъ времени отстаивается и становится довольно прозрачнымъ; но свѣжій мутноватъ. Его употребляютъ обыкновенно подогрѣтымъ.

Рѣдька, которая у насъ не пользуется особою популярностью, въ Японіи составляетъ очень обыкновенный продуктъ, и не огородничества, а полеводства. Ею бываютъ засѣяны цѣлыя нивы. Съѣдобный корень ея бываетъ весьма длиненъ, въ аршинъ, въ полтора, и вкусомъ не очень горекъ, а подходитъ къ рѣпѣ. Японцы очень любятъ соленую рѣдьку и употребляютъ ее вмѣсто соли при ѣдѣ супа или похлебокъ. Свѣжая она идетъ въ составъ похлебокъ какъ наша капуста. Изъ сѣмянъ выжимается масло.

Бобы, — сверхъ употребленія въ пищу въ цѣломъ видѣ, вареными и т. п, — служатъ для приготовленія извѣстной подливки—сои, для чего ихъ поджариваютъ, растираютъ, обращаютъ въ болтушку, квасятъ долгое время и пр.

Японцы сѣютъ много табаку, который во всеобщемъ употребленіи. Подобно тому какъ въ Китаѣ, онъ введенъ въ употребленіе европейцами въ XVI вѣкѣ и теперь сдѣлался насущной потребностію всего народа. Курятъ большіе и маленькіе, мущины и женщины. Лучшій табакъ родится на югѣ страны, въ Сацумѣ и вообще на о. Кіусіу; очень хорошій въ среднихъ частяхъ провинціи Муцу, худшій же въ окрестностяхъ Сангарскаго пролива и на Мацмаѣ. Хорошіе сорты табаку свѣтло-желтоватаго цвѣта, худшіе темнобураго. Японцы крошатъ табачныя листья такъ мелко, что европейскіе и даже

турецкіе фабриканты должны уступить имъ въ этомъ искутествѣ; и такая крошка необходима, потому что для куренія служитъ ганза, т. е. металлическая трубка емкостью меньше наперстка, которую набивать крупнымъ табакомъ было бы неудобно. Сигаръ не приготовляютъ, но въ послѣднее время тѣ изъ японцевъ, которые сблизились съ европейцами, курятъ сигары и папиросы, должно быть, привозныя. Нюхаютъ табакъ немногіе, одни старики, у которыхъ ослабло зрѣніе отъ письменныхъ занятій. Японскаго табаку почти не вывозятъ въ Европу; но онъ этого заслуживалъ бы. Головнинъ замѣтилъ, что, по разсказамъ японцевъ, для улучтенія качествъ табаку, его при крошкѣ смачиваютъ рисовой водкой, а потомъ въ картузы кладутъ подожженныя листья рѣдечной ботвы, которые мѣшаютъ ему высыхать. Какъ не курильщикъ я не интересовался этимъ предметомъ и ничего о немъ не могу сказать.

Чай составляетъ одно изъ главныхъ произведеній японской культуры и ежедневную потребность ея обитателей. Чайное деревцо разводится вездѣ по межамъ полей и по скатамъ горъ, обращеннымъ къ югу, до широты 36 или 37 градусовъ. Оно достигаетъ своего полнаго роста, т. е. 5—7 футовъ, въ шесть лѣтъ и даетъ тѣмъ болѣе листьевъ, чѣмъ позднѣе ихъ начнутъ собирать. Обыкновенно сборъ дѣлается три раза въ годъ: въ мартѣ, когда срываютъ молодые листки, дающіе напитокъ высшаго качества, потомъ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, когда сборы бываютъ хуже, хотя и обильнѣе. Срываніе листьевъ требуетъ навыка, и самый иску-

сный рабочій не можетъ собрать въ день болѣе 12 фунтовъ. Листья подпекаются, какъ и въ Китаѣ, но не въ котлахъ, а на плоскихъ жаровняхъ, причемъ ихъ свертываютъ, перетирая руками; потомъ сушатъ на циновкахъ и иногда повторяютъ эту операцію нѣсколько разъ. Японскій чай сдѣлался важною статьей вывозной иностранной торговли, и въ Санъ-Франциско, а также въ Нью-Іоркѣ, теперь есть цѣлые магазины, которые торгуютъ исключительно этимъ продуктомъ, предпочитаемымъ въ Америкѣ китайскому за его дешевизну. Цифра вывоза достигаетъ 150.000 пудовъ и цѣна измѣняется отъ 15 до 35 к. с. за фунтъ.

Японцы употребляютъ такое большое количество разнаго рода бумаги, что нетрудно понять обширное развитіе выдѣлки ея во всѣхъ частяхъ ихъ страны. Въ самомъ дѣлѣ бумага идетъ нетолько для письма, для печатанія книгъ для обертки вещей, но еще на ширмы, обои, носовые платки, даже на нѣкоторые предметы одежды. Выдѣлывается она не изъ тряпья, какъ у насъ, а изъ коры особаго дерева, Brussonetia papirifera, которое растетъ повсюду въ Японіи. Тунбергъ, далъ подробное описаніе бумажнаго производства, которое въ существѣ много сходствуетъ съ нашимъ. Разница состоитъ въ приготовленіи первоначальнаго матеріала, коры, и въ проклейкѣ массы не крахмаломъ, а рисовою водою. Кору съ молодыхъ сучьевъ бруссонеціи сдираютъ въ декабрѣ и притомъ не на деревѣ, а срубивъ предварительно вѣтви и вываривъ ихъ въ горячей водѣ. Потомъ ее распредѣляютъ по сортамъ, причемъ наи-

болѣе тонкая идетъ на приготовленіе лучшей бумаги. Сортированная кора кладется въ чаны и снова варится для одбѣлки, при чемъ ее безпрестанно помѣшиваютъ. Бѣлизна и плотность приготовленной бумаги зависятъ отъ времени этой выварки и составляютъ два условія, взаимно противоположныя, такъ что если кора станетъ слишкомъ бѣла, то она дастъ бумагу неплотную, и обратно. Когда кора разварилась достаточно, ее выбрасываютъ на большіе столы и здѣсь скалками и лопатками приводятъ въ состояніе однородной массы. Потомъ, разведя рисовою водою, поступаютъ почти какъ у насъ, т. е. выливаютъ на поверхность движущейся сѣтки, только не изъ мѣдной проволоки, а изъ тростника, выжимаютъ, сушатъ и пр. Бумага японская вообще хуже нашей, менѣе ея плотна, легко ломается и шаршавится, негодится для подскобокъ. О такихъ сортахъ, какъ Ватмана или почтовая бумага Морена, Варгунина, въ Японіи нечего и думать, такъ какъ эти сорты и въ Европѣ производятся немногими фабриками. Японцы вынуждены, благодаря своей бумагѣ, печатать книги по китайскому способу, въ каждомъ листѣ на одной сторонѣ, оставляя противоположную чистою. Для рисованія употребляется ими бумага болѣе плотная, на которой краски ложатся весьма хорошо. Главная же масса бумаги идетъ на обклейку стѣнъ и ширмъ или перегодокъ, которыя каждая хозяйка дома старается держать въ возможной опрятности и которыя однако скоро темнѣютъ отъ чада, распространяемаго очагами. Высшіе сорты японскихъ бумажныхъ обоевъ бле-

стятъ позолотой и красками, представляя почти всегда непросто однообразный узоръ, а картину или хоть изображеніе какого-нибудь предмета. Въ бумагу завертываютъ японцы всѣ ткани, пересылаемыя вещи и пр. какъ и мы, но всегда съ нѣкоторымъ кокетствомъ, пришпиливая напр. бантики изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ же лентъ. Особенно-плотная и провощенная бумага употребляется у нихъ на плащи отъ дождя и на верхнюю одежду стариковъ, для которыхъ она и служитъ отличіемъ, такъ какъ молодому человѣку считается неприличнымъ надѣть плащъ изъ бумаги. Картонъ приготовляется изъ коры же, но не одной бруссонеціи, а и нѣкоторыхъ другихъ растеній; также изъ соломы, пшеничной и рисовой.

Для освѣщенія въ Японіи, сверхъ рыбьяго жиру и растительныхъ маслъ, употребляются свѣчи изъ растительнаго воска. Матеріалъ этотъ нѣсколько походитъ на стеаринъ, но не даетъ при отливкѣ блестящей поверхности, а матовую, точно будто свѣча была оштукатурена известью. Японскія свѣчи — коническія, т. е. къ-низу тоньше, а къ-верху толще; длиною съ четверть аршина, а толщиною при верхнемъ концѣ какъ наши четвериковыя. Свѣтильня дѣлается не изъ шнурка, а изъ цилиндрической бумажной трубочки, сквозь которую воздухъ проходитъ по всей длинѣ. Свѣчи обыкновенно не вставляютъ, а насаживаютъ, на подсвѣчникъ, который для этого имѣетъ гвоздеобразное остріе. Производство свѣчей довольно обширно; но ихъ употребляютъ только люди зажиточные. Равнымъ образомъ и

мыло нераспространено въ Японіи, и сами японцы его вовсе не дѣлаютъ, а покупаютъ у иностранцевъ, что впрочемъ недолжно свидѣтельствовать о ихъ неопрятности, такъ какъ напротивъ они моются очень часто и почти ежедневно бываютъ въ банѣ.

Матеріалами для одежды и тканей вообще служатъ въ Японіи только хлопчатая бумага и шелкъ, такъ какъ шерсти страна совсѣмъ не имѣетъ. Количество хлопчатой бумаги, доставляемое ежегодно Нипономъ, Кіусіу и Сикокфомъ, трудно оцѣнить; но оно должно быть немало, потому что весь народъ одѣвается въ бумажныя ткани, и одежда эта дѣлается широкаго покроя. Предположивъ, что среднимъ числомъ японецъ носитъ три халата, изъ которыхъ на каждый идетъ до 10 квадр. аршинъ ткани, получимъ, что на одни халаты идетъ болѣе 1.000.000.000 кв. аршинъ ежегодно. А сюда нужно еще присовокупить подкладочныя ткани, вату для зимней одежды, для постелей и проч., такъ что общая производительность хлопчатой бумаги должна быть очень значительна. Шелкъ также весьма изобиленъ въ Японіи. Нѣтъ почти простолюдина, который бы не носилъ шелковой одежды по праздникамъ; богатые же люди, особливо женщины, надѣваютъ шелковое платье всякій разъ, какъ выходятъ изъ дому или принимаютъ гостей. Европейцы, со словъ японскихъ торговцевъ въ Іокогамѣ, оцѣниваютъ общую производительность страны въ 260.000 пудовъ, что равно количеству шелка, производимаго Италіей и Испаніей вмѣстѣ. Но вѣроятно оно больше, во-первыхъ потому, что японскіе

купцы имѣютъ разсчеть скрывать истину, а во-вторыхъ потому, что земледѣльцы со времени открытія портовъ иностранцамъ, значительно увеличили размѣры шелковичныхъ плантацій на счетъ полей и садовъ. Въ 1864 году, когда вывозъ яичекъ шелковичныхъ червей былъ впервые разрѣшенъ тайкуномъ, количество ихъ, доставленное на рынки въ Іокогаму и Нагасаки, было такъ велико, что въ два съ половиною раза превзошло самые смѣлые разсчеты европейцевъ, которые однако ожидали ста тысячъ картонокъ. Но и этотъ подвозъ былъ ничто въ сравненіи съ массой, которая куплена была въ слѣдующемъ году и простиралась до полутора милліоновъ картонокъ. — Нужно замѣтить, что, не смотря на давность обработки шелка, японцы умѣли сохранить породу шелковичныхъ червей отъ болѣзней, которые служатъ причиною гибели ихъ въ Европѣ. Отъ того теперь яички этихъ червей составляютъ столь отыскиваемый европейскими купцами предметъ. Лѣтомъ 1868 года, едва наступило время открытія порта Неѓаты, какъ итальянскіе и швейцарскіе торговцы спѣшили направиться въ этотъ городъ, чтобы тамъ покупать не что либо другое, а именно эти яички.—Шелкъ японскій не столь тонокъ, какъ китайскій или французскій; но онъ крѣпокъ и блестящъ, какъ лучшіе сорты итальянскаго и испанскаго. Европейцы его вывозятъ ежегодно, вмѣстѣ съ яичками, на сумму болѣе двадцати милліоновъ рублей, не смотря на то, что цѣны съ 1859 года удвоились и утроились.

Шелковыя матеріи выдѣлываются всѣхъ возможныхъ

видовъ, но предпочитаются прочимъ атласъ и тѣ сорты, которые затканы золотомъ. Эти послѣдніе составляютъ особенность и гордость Японіи. Крепоны, въ родѣ китайскихъ, также ткутся съ замѣчательнымъ искусствомъ, но въ небольшомъ числѣ. Легкія ткани, напротивъ, производятся въ изобиліи и притомъ такой нѣжности, что японская дама имѣетъ возможность надѣть на себя нѣсколько десятковъ платьевъ, не обременивъ стана и не обезобразивъ своей фигуры.—Замѣчательно, что тканье богатыхъ шелковыхъ матерій составляетъ работу, на которую осуждаются въ наказаніе провинившіяся знатныя лица. Ихъ ссылаютъ для этого на островъ Фацизіу, и тамъ, въ этой скалистой пустынѣ, они занимаются ремесломъ, приносящимъ императору, который продаетъ выдѣлываемый товаръ дорогою цѣною, хорошій доходъ; ибо фацизійскія издѣлія весьма уважаются. Значительная часть шелковой одежды вышивается шелками и золотомъ. О богатствѣ этого рода нарядовъ трудно судить, невидавши ихъ. Они часто отличаются и изяществомъ рисункокъ, хотя, вообще говоря, послѣдніе нѣсколько странны, изображая напр. птицъ, драконовъ и пр. —Главныя фабрики шелковыхъ матерій находятся въ Кіото, а рынки въ Іеддо и Осакѣ.

Лакированная японская посуда, деревянная, а иногда металлическая, издавна признана превосходною всѣми иностранцами, и въ самой странѣ служитъ предметомъ тщеславія, такъ что богачъ, дѣлая угощеніе, болѣе всего старается удивить собравшихся своими лаковыми вещами, Вопросъ гостей: сколько вамъ стоили эти бо-

гатства? есть верхъ удовольствія для хозяина. И въ самомъ дѣлѣ, въ Европѣ еще недостигли такого совершенства въ приготовленіи лакированныхъ вещей, какъ въ Японіи. Причиною тому качества матеріала, изъ котораго вываривается лакъ, и способъ покрыванія имъ издѣлій. Для послѣдней цѣли краску, обыкновенно черную или красную, разведенную лакомъ, тщательно растираютъ на мѣдной палитрѣ, и, когда она готова, покрываютъ ею готовыя вещи посредствомъ кисти, а потомъ даютъ высохнуть. Когда первый слой засохъ, накладываютъ второй, и т. д., до тѣхъ поръ, пока вся вещь не покроется довольно толстою корою по возможности однородною. Тогда, высушивъ ее окончательно, начинаютъ полировать на станкѣ или даже въ рукахъ бамбуковою тростинкою и полировальнымъ камнемъ. Получается поверхность совершенно гладкая и блестящая почти какъ эмаль. Если издѣліе хотятъ сдѣлать съ инкрустаціями, то работа усложняется вставкою послѣднихъ, по рисункамъ, заранѣе составленнымъ и которые работникъ имѣетъ предъ собою вмѣстѣ съ вставляемыми мелочами. Жемчугъ есть обычный матеріалъ для инкрустацій, и когда онъ разъ пристaлъ къ вещи, то держится очень прочно, что и составляетъ главное преимущество японскихъ издѣлій этого рода предъ европейскими. Другое вещество для инкрустацій есть порошокъ сусальнаго золота: имъ осыпаютъ преимущественно внутреннюю сторону издѣлій. Какъ прочна японская лакировка, видно изъ того, что ее употребляютъ не только при деревянныхъ и металлическихъ издѣ-

ліяхъ, но даже и при соломенныхъ или тростниковыхъ, которыя, будучи скрѣплены лакомъ, получаютъ твердость и непроницаемость papier maché, сохраняя въ то же время легкость свою. Множество чашекъ для питья, — а японцы всегда пьютъ что нибудь горячее, — приготовляется этимъ способомъ изъ соломы и бамбука и служитъ по долгу, если только не поломается отъ грубаго обращенія. Плоскія японскія шляпы, чрезвычайно удобныя отъ дождя (но не отъ вѣтра), также приготовляются изъ тростника и соломы и покрываются лакомъ, при чемъ обыкновенно лакируютъ только наружную сторону, а для внутренней ограничиваются шелковою подкладкою.

Японскія лаковыя издѣлія несостоятъ изъ однѣхъ мелочей, каковы напр. чашки, блюдца, дамскіе нессесеры, письменные приборы и проч. Нѣтъ, лакомъ покрываютъ все: коммоды, шкафы, сундуки, ширмы, притолки у дверей, самыя двери, даже карнизы у крышъ. Отъ того японская комната смотритъ такъ нарядно, такъ привѣтливо-чисто. Мебели, т. е. столовъ, диванов и стульевъ, какъ извѣстно, нѣтъ у японцевъ; но убранство ихъ жилищъ, благодаря врожденной опрятности, обоямъ, цвѣтамъ и лаку, производитъ самое пріятное впечатлѣніе даже на людей, присмотрѣвшихся къ роскоши европейскихъ салонныхъ мебелей. Лучшія лакированныя издѣлія приготовляются жителями провинцій Мюзази и Сагами, а также въ Осакѣ, въ Кіото и многихъ другихъ мѣстахъ. Въ наше время онѣ не составляютъ важной статьи вывоза за границу, потому что японскія вещи не соотвѣтствуютъ по своему устрой-

ству европейскимъ потребностямъ; но было время, когда ихъ жадно искали, и тогда существовали даже особые образцы «издѣлій для иностранцевъ,» а самыя вещи покупались дорогою цѣною.

Фарфоръ японскій долгое время славился своею доброкачественностью, т. е. бѣлизной, легкостью и прозрачностью при достаточной прочности. Но эти качества имъ утрачены, и въ наше время японцы приготовляютъ почти исключительно лишь такія издѣлія, которыя въ Европѣ годятся скорѣе для кухни и для людской, чѣмъ для гостиной или парадной столовой. По крайней мѣрѣ это можно сказать про массу продажнаго фарфора. Происходитъ ли это отъ того, что нѣтъ болѣе прежней превосходной по бѣлизнѣ и нѣжности глины, или отъ того, что утрачено искусство приготовленія глазури и массы,—трудно сказать. Японскій фарфоръ нынѣ почти не вывозится, хотя въ Кагозимѣ еще дѣлаютъ прекрасныя вещи. Многочисленные заводы фарфоровыхъ издѣлій существуютъ въ провинціяхъ Фиценѣ и Цикузенѣ, гдѣ находятся и запасы фарфоровой глины.

Японцы искусные литейщики и чеканщики. Бронзовыя ихъ издѣлія нерѣдко заставляютъ себѣ удивляться по однородности металла и тщательности отдѣлки. Нетолько такія мелкія вещи, какъ напр. подсвѣчники, лампы, чайники, вазы и проч. выходятъ очень красивы и прочны; но и пушки большихъ калибровъ отличаются тѣми же качествами. Причиною этихъ совершенствъ, ромѣ искусства мастеровъ, служитъ превосходное ка-

чество мѣди. Извѣстно, что голландцы, въ децимскія времена, больше всего вывозили изъ Японіи мѣдь въ необдѣланномъ видѣ. Свою славу она сохранила и донынѣ, хотя теперь ее почти не вывозятъ. Лучшіе мѣдиплавильные заводы находятся въ Осакѣ, а приготовленіе вазъ и другихъ чеканныхъ издѣлій производится въ Кіото и многихъ второстепенныхъ промышленныхъ центрахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ превосходны, что не уступаютъ ювелирнымъ работамъ по изяществу рисунковъ и чистотѣ исполненія.

Холодное оружіе японцевъ и матеріалъ, изъ котораго оно приготовляется, сталь, не имѣютъ себѣ подобныхъ. Великолѣпные клинки кинжаловъ и шашекъ такъ хороши, что перерубаютъ многія европейскія желѣзныя издѣлія безъ малѣйшаго поврежденія лезвея. Ихъ можно оттачивать какъ бритвы, не боясь потомъ вызубрить. Выдѣлка желѣза на древесномъ углѣ, въ малыхъ количествахъ и изъ хорошей руды, а также умѣнье закаливать издѣлія служатъ причиною этихъ достоинствъ. Но большихъ стальныхъ предметовъ, напр. валовъ, колесъ, пушекъ японцы еще не умѣютъ приготовлять изъ стали. Конечно, это происходитъ главнымъ образомъ отъ недавности ихъ ознакомленія съ европейскими заводскими производствами; но нужно узнать на опытѣ, такъ ли хорошо будетъ ихъ желѣзо въ крупныхъ вещахъ, какъ превосходно оно въ мелкихъ. Механическіе заводы только что возникаютъ—въ Іеддо, въ Осакѣ, въ Нагасаки, въ Кагосимѣ,—а потому должно подождать, пока обозначатся достоинства ихъ стальныхъ и желѣз-

ныхъ произведеній. До сихъ поръ, съ 1859 г., японцы свое ручное огнестрѣльное оружіе все покупали въ Европѣ и только теперь начинаютъ выдѣлывать сами.

Японцы давно уже дѣлаютъ сами часы, математическіе и хирургическіе инструменты. Рѣзчики и токари ихъ чрезвычайно искусны и столь же терпѣливы, какъ китайскіе. Вещь, приготовленная японскимъ артистомъ этого рода, сверхъ изящества рисунка, обыкновенно удивляетъ усидчивостью работы, и японскіе шахматы, вѣера, коробочки изъ слоновой кости и пр. справедливо пользуются всеобщей извѣстностью. Золотыхъ дѣлъ мастера въ Іеддо, Кіото, Осакѣ дѣлаютъ чудеса въ своемъ родѣ. Какая-нибудь булавка, для прикалыванья дамскихъ волосъ, представляетъ на концѣ, вмѣсто головки, золотую клѣтку линіи въ три длиною и въ ней соотвѣтственнаго размѣра птичку, все въ мельчайшихъ подробностяхъ и съ необыкновенною чистотою отдѣлки. Столяры японскіе не менѣе искусны въ приготовленіи разной мебели — туалетовъ, коммодовъ, письменныхъ нессесеровъ и проч., которые всѣ отличаются легкостью, прочностью и изяществомъ. Вообще Японія имѣетъ всѣ роды ремесленниковъ и притомъ весьма многочисленныхъ и смышленыхъ. Въ Іокогамѣ они обуваютъ и одѣваютъ европейцевъ по парижскимъ журналамъ, дѣлаютъ имъ европейскую мебель, и т. п.,— все хорошо и за дешевую плату.

Исчисленныя здѣсь отрасли промышленности суть главныя въ Японіи по обширности и цѣнности производствъ или по превосходству издѣлій. Но кромѣ ихъ

въ странѣ утвердилось множество другихъ промысловъ, доставляющихъ заработки населенію. Плотники, кузнецы, слесаря, каменьщики и проч. находятся въ изобиліи, и этою ихъ многочисленностью объясняется напр. возможность быстро воздвигать новыя зданія послѣ пожаровъ, столь частыхъ въ странѣ. Плата за трудъ ремесленникамъ, естественно, не можетъ быть высока при большой конкуренціи, и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что напр. плотникъ въ Іеддо заработываетъ въ день неболѣе 30-32 коп. на наши деньги, а простой рабочій—12 коп. и пищу или 20—22 коп. безъ продовольствія. Только при такой дешевизнѣ рабочей силы возможна и та дешевизна многихъ продуктовъ, которая удивляетъ иностранцевъ, особенно американцевъ или жителей главныхъ столицъ Европы. Европейцы въ Іокогамѣ обставлены многочисленною дворнею именно потому, что наемъ ея почти ничего не стоитъ. Восемь-десять цѣлковыхъ въ годъ, помѣщеніе и ѣда-вотъ всѣ требованія кокого-нибудь конюха или дворника отъ иностранца, состоятельность или даже богатство котораго ему хорошо извѣстны. Кухарка или прачка въ Іокогамѣ получаетъ неболѣе 7 рублей въ годъ; а между тѣмъ по другую сторону океана, въ Панамѣ, простому землекопу платятъ фунтъ стерлингъ въ день . . . . . Одно можно сказать про японскихъ поденщиковъ и другаго рода рабочихъ людей: будучи отъ природы не столь сильны, какъ европейцы, они часто прибѣгаютъ къ отдыху, и это выводитъ изъ терпѣнія иностранныхъ купцовъ, прикащиковъ и судохозяевъ.

Сосѣдство моря создало въ Японіи многочисленный классъ матросовъ и рыбаковъ. Промыселъ послѣднихъ чрезвычайно обширенъ; но, при многочисленности лицъ, имъ занимающихся, мало доходенъ, такъ что рыбаки едва ли не самые бѣдные люди въ странѣ. Къ счастію еще для нихъ японская администрація не научилась на столько отдѣлять свои выгоды отъ выгодъ народа, чтобы такую статью, какъ рыболовство, отдать на откупъ для обогащенія расходуемой чиновниками казны и нѣсколькихъ алчныхъ купцовъ. Матросы японскіе очень безстрашны и въ своемъ дѣлѣ весьма искусны. При работахъ, нетолько на своихъ джонкахъ, но и на пароходахъ, они оказываются гораздо смышленнѣе и расторопнѣе негровъ, китайцевъ и даже малайцевъ, этихъ записныхъ мореходовъ. Японскій военный флотъ не имѣетъ чужеземныхъ матросовъ, кочегаровъ и даже машинистовъ и лоцмановъ: всѣ они изъ природныхъ японцевъ. Отъ того и купеческіе суда не встрѣчаютъ затрудненія въ пополненіи своихъ экипажей, а число ихъ весьма велико. Гавани Іеддо, Осаки, Симоносаки и пр. иногда вмѣщаютъ по нѣсколько сотъ джонокъ заразъ, да и вездѣ по берегамъ можно встрѣтить большое число каботажныхъ судовъ. Постройка ихъ, а также заготовленіе снастей, даютъ пищу многимъ тысячамъ прибрежнаго населенія.

Японская торговля, по крайней мѣрѣ оптовая, вся совершается моремъ. Сухопутныя сообщенія служатъ только для подвоза мелкихъ партій товаровъ къ извѣстнымъ промышленнымъ центрамъ, перевозка же ихъ

гуртомъ невозможна на сушѣ по недостатку перевозочныхъ средствъ. Малочисленные вьючные быки и лошади или двуколесныя телѣжки, возимыя людьми, немного могутъ перевести большихъ тяжестей въ странѣ, гдѣ однакоже торговое движеніе очень обширно. Много мелкихъ вещей приносится на мѣстные рынки самими производителями на ихъ плечахъ, и конечно нельзя встрѣтить въ Японіи крестьянина, который бы ѣхалъ на базаръ парою лошадей, имѣя на продажу двухъ куръ, какъ то видалъ я въ Россіи и Польшѣ. Географическое положеніе Японіи сдѣлало для нея возможнымъ обходиться при транспортировкѣ товаровъ одною морскою дорогою, и, разумѣется, пока страна не ведетъ войны съ какою либо сильною морскою державою, она ничего не теряетъ отъ такой ограниченности средствъ сообщенія. Но за то при первомъ внѣшнемъ столкновеніи японская торговля должна уступить мѣсто на своихъ рынкахъ иностраннымъ купцамъ. Только одна взаимная зависть чужеземцевъ, посѣщающихъ Іокогаму, Осаки и Нагасаки, можетъ служить гарантіей для Японіи отъ подобной случайности.

Размѣры внутренней торговли въ Японіи совершенно намъ неизвѣсты, и, вообще, все, что мы знаемъ о ней—это положеніе главныхъ коммерческихъ центровъ какъ напр. Осаки, Іеддо, Кагозимы, Симоносаки и пр. Что же касается до внѣшней, то о ней публикуются даже числовыя данныя, хотя едва ли вполнѣ надежныя. Приведемъ ихъ здѣсь для того, чтобы дать приблизительное понятіе о размѣрахъ, которыхъ достигла японская

внѣшняя торговля семь лѣтъ спустя со времени своего начала:

	Привезено	Вывезено
Въ 1861 году было на	3.900.000 р. с. —	4.800.000 р. с.
— 1862	7.000.000 » » —	13.000.000 » »
— 1863	8.500.000 » » —	21.000.000 » »
— 1864	9.700.000 » » —	12.670.000 » »
— 1865	14.200.000 » » —	23.100.000 » »

Въ 1866 и 67 годахъ цифры возвысились до 25 милліоновъ рублей какъ по привозу, такъ и по вывозу, причемъ характеристическою чертою этихъ лѣтъ стало то, что привозъ нетолько уравновѣсился съ вывозомъ, но и перевѣсилъ его. Это показываетъ, что экономическое завоеваніе Японіи иностранцами стало наконецъ дѣломъ вполнѣ совершившимся. Конечно, въ названные годы много ввезено въ Японію оружія и машинъ, что составляетъ временную издержку для этой страны и можетъ не повториться въ послѣдствіи; но и мануфактурные товары составили итогъ больше прежняго. Къ удивленію, японцы стали покупать даже бумажныя ткани у англичанъ, хотя Англія не производитъ хлопчатой бумаги, а въ Японіи она изобильна. Дешевизна машинной выдѣлки служитъ тому причиною. Равнымъ образомъ сукна все больше дѣлаются потребностію японцевъ, вытѣсняя бумагу и шелкъ. Одно сформированіе регулярныхъ войскъ, одѣтыхъ по европейскому образцу, потребовало значительное количество ихъ. Производство шелка въ сыромъ видѣ, впрочемъ, не уменьшилось отъ этаго, и напротивъ шелковичныя плантаціи увеличились, какъ было сказано выше. — Главные предметы вывоза нынѣ соста-

вляютъ шелкъ и чай, изъ которыхъ стоимость перваго, вмѣстѣ съ яичками шелковичныхъ червей, превосходитъ 20.000.000 рублей, а стоимость втораго достигаетъ до 2-хъ милліоновъ. Первая цифра, превосходящая итоги 1863 — 4 годовъ, не выражаетъ впрочемъ дѣйствительнаго увеличенія количества вывозимаго шелка, а зависитъ отъ возвышенія цѣнъ на него.—Нѣкоторыя статьи японской внѣшней торговли, въ прежнее время занимавшія видное мѣсто, нынѣ почти изчезли, напр. мѣдь и фарфоръ по вывозу. Фарфоръ даже сдѣлался предметомъ недобросовѣстной спекуляціи: именно, въ одномъ изъ городовъ Голландіи (кажется, Маастрихтѣ) его поддѣлываютъ и потомъ, провезя два раза черезъ таможню, разсылаютъ по Европѣ для продажи за высокую цѣну, лишая послѣдней собственно-японскихъ производителей.

Открытіе портовъ Осаки, Хіого и Негаты, послѣдовавшее въ 1868 году, должно во многомъ измѣнить размѣры японской внѣшней торговли, особенно если раздирающее страну междоусобіе наконецъ прекратится. Японское правительство зорко слѣдитъ за экономическими выгодами своей страны, а потому можно надѣяться, что эксплуатація ея не возрастетъ при этомъ, а уменьшится по немногу, не смотря на возростаніе оборотовъ. Уже теперь иностранцамъ запрещено заниматься каботажной торговлей. Замиреніе страны, соединивъ разрозненныя силы ея, доставитъ возможность сдѣлать и другія значительныя сбереженія въ пользу народа, напр. прекратить уплату контрибуцій, нахально требуемыхъ теперь чужеземцами всякій разъ, когда случится

какое-нибудь кровавое столкновеніе, ими же большею частію затѣянное или вынужденное. Кромѣ того и военные расходы уменьшатся, а таможенный доходъ увеличится. Японское мореплаваніе можетъ также сдѣлать значительные успѣхи, и тогда внѣшняя торговля изъ пассивной станетъ активною, что много значитъ для экономическихъ успѣховъ страны.

Очертивъ такимъ образомъ въ краткихъ словахъ наиболѣе выдающіяся стороны промышленнаго состоянія Японіи, заключимъ эту главу замѣчаніями о современномъ распредѣленіи богатствъ въ государствѣ и объ основныхъ условіяхъ промышленности. Выше уже было упомянуто, что заработки простонародья тамъ весьма незначительны. Къ этому можно прибавать, что и вообще богатыхъ по европейски людей въ Японіи очень немного. Земледѣлецъ, имѣющій 300 — 400 рублей дохода въ годъ, считается уже человѣкомъ весьма зажиточнымъ; большинство же націи гораздо бѣднѣе. Только князья и купцы обладаютъ обширными состояніями; но у первыхъ онѣ по большей части разстроены или обременены долгами. Простонародью предстоитъ еще испытать въ скоромъ времени всѣ ужасы промышленной революціи, когда въ странѣ водворятся машинныя производства. Извѣстно, что доселѣ Японія, какъ и Китай, тщательно избѣгала употребленія машинъ. Въ 1820-хъ годахъ, когда голландское правительство подарило японцамъ механическую маслобойню, они спѣшили ее возвратить, замѣтивъ, что вещь хороша, но грозитъ многихъ оставить безъ заработковъ, т. е.

безъ хлѣба. Но такой взглядъ нынѣ измѣнился, и мало-по-малу машины войдутъ въ употребленіе, хотя бы для того, чтобы не отсылать на обработку въ чужія страны свои сырыя произведенія. Тогда рабочій кризисъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ незнакомѣе въ краѣ. Къ земледѣлію отъ мануфактуръ обратиться будетъ нельзя, ибо земля вся и безъ того обработана; колоній заводить негдѣ, кромѣ Мацмая. Въ добавокъ, густая населенность страны будетъ причиною огромнаго совмѣстничества работниковъ, а принадлежность земли въ собственность дворянству, а не самимъ земледѣльцамъ-работникамъ, доведетъ послѣднихъ до бѣдственнаго батрачества, подобнаго ирландскому, эстляндскому и пр.

Наличные крупные капиталы въ странѣ пока всѣ вовлечены въ торговлю и число ихъ незначительно Хотя издавна извѣстенъ разсказъ о купцѣ, у котораго склады товаровъ были одновременно въ пяти-шести городахъ и который торговалъ на такую широкую ногу, что товаръ, отпущенный имъ въ Іеддо, принимался назадъ въ Нагасаки съ возвращеніемъ денегъ; но самая извѣстность этого случая, какъ исключительнаго, показываетъ, что большіе капиталисты въ Японіи рѣдки. Отъ того процентъ при займахъ денегъ высокъ, особенно со времени водворенія иностранцевъ, что, нужно замѣтить, служитъ одной изъ причинъ народной къ нимъ ненависти. Прежде японскій купецъ волею-неволею отдавалъ свободныя деньги на кредитъ внутри страны за небольшіе проценты: теперь онъ пускаетъ ихъ въ выгодный оборотъ по иностранной торговлѣ, и

люди, нуждающіеся въ деньгахъ, не знаютъ, гдѣ ихъ найдти. Въ придачу къ этому правительство тайкуновъ искусственно возвысило цѣны на все тѣмъ, что обязало торгующихъ съ иностранцами вымѣнивать получаемые піастры на японскую монету низшей стоимости, что повело къ возмещенію купцами ихъ убытковъ на покупателяхъ и заемщикахъ. Вообще коммерческій переворотъ, происходящій въ Японіи со времени открытія иностранцамъ портовъ, пока отозвался несовсѣмъ благопріятно въ странѣ. Если имъ довольны немногіе купцы и хозяева шелковичныхъ платацій, то онъ возбуждаетъ ропотъ ремесленниковъ, мелкаго дворянства, чиновниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которыхъ доходы не могли возрасти столь же быстро, какъ возрасли расходы при возвышеніи цѣнъ на множество разнородныхъ предметовъ. Этихъ послѣдствій и нужно было ожидать при переворотѣ столь рѣзкомъ, какъ тотъ, который начался не далѣе 1858 года и оффиціально завершился въ прошедшую осень. Для слишкомъ бойкихъ фритредеровъ это урокъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Различные классы японскаго общества.*)

Давно уже извѣстно, что японское общество имѣетъ аристократическій строй, т. е. что въ немъ есть могущественные, наслѣдственные высшіе классы и потомъ цѣлый рядъ ступеней нисходящихъ. Это совершенно естественно потому, что Японія искони была государствомъ монархическимъ; а уже Монтескье замѣтилъ, что гдѣ есть монархія, тамъ есть и дворянство, и даже на оборотъ: только тамъ есть монархія, а не деспотія, гдѣ есть самостоятельное дворянство.— Но относительно числа общественныхъ ступеней и легкости перехода съ одной на другую писатели европейскіе часто несогласны между собою, да и отъ самихъ японцевъ трудно добиться истины. Головнинъ

*) Главѣ этой долженъ былъ предшествовать очеркъ японскаго государственнаго устройства; но онъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, опущенъ. Между прочимъ имѣлось въ виду то обстоятельство, что о прежнемъ государственномъ строѣ существовавшемъ до 1867 года, говорится съ главѣ о сношеніяхъ Японіи въ иностранцами, т. е. въ историческомъ отдѣлѣ сочиненія, а новый порядокъ еще не выработался при продолжающемся междуусобіи.

и Зибольдъ считали въ Японіи восемь разрядовъ жителей, рѣзко отличныхъ по своимъ правамъ и общественному положенію; но въ наше время Лэндо находитъ болѣе удобнымъ соединить ихъ въ три группы, прибавляя впрочемъ, что въ каждой изъ послѣднихъ есть многочисленные оттѣнки и переходы. Безъ долгаго, внимательнаго изученія дѣла на мѣстѣ и по оффиціальнымъ японскимъ источникамъ, нѣтъ возможности рѣшить, кто изъ нихъ правъ и кто ошибается. Съ большою вѣроятностью, конечно, можно предположить, что права различныхъ классовъ нынѣ тѣ же, что были при Головнинѣ и Зибольдѣ; но вѣрно ли ихъ подмѣтили русскій офицеръ, сидѣвшій въ оффиціальной тюрьмѣ, и нѣмецкій натуралистъ, большею частію также не выходившій изъ децимскаго заключенія, за это ручаться нельзя. Даже Алькокъ, болѣе всѣхъ имѣвшій случаевъ узнать японцевъ нашего времени и законодательство ихъ страны, не даетъ ничего прочнаго для рѣшенія сомнѣній, возникающихъ на каждомъ шагу. О іокогамскихъ же европейцахъ и говорить нечего: они заняты только пріобрѣтеніемъ денегъ и мало заботятся о внимательномъ изученіи страны, въ которой живутъ. Поэтому приходится, осторожно соглашая противорѣчія, держаться предпочтительно такихъ авторитетовъ, которые признаны всѣми, напримѣръ Тицинга, Головнина и Зибольда.

Но и самые эти писатели, столь близкіе одинъ отъ другаго по времени, не во всемъ согласны между собою. Правда, они единогласно признаютъ японское об-

щество состоящимъ изъ *восьми* классовъ или сословій; но сословія одного не вполнѣ соотвѣтствуютъ сословіямъ другаго. Головнинъ напр. говоритъ, что въ Японіи есть рабы (8-й классъ) изъ потомковъ военно-плѣнныхъ, а Зибольдъ вовсе не упоминаетъ о рабахъ, если только не разумѣть подъ ними кожевниковъ, поставленныхъ имъ внѣ классовъ (на 9-мъ мѣстѣ). Съ другой стороны Головнинъ умалчиваетъ именно объ этихъ паріяхъ японскаго общества, которые однако имѣютъ очень опредѣленное мѣсто на общественной лѣстницѣ. Онъ также оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о положеніи одного любопытнаго разряда людей: лекарей, ученыхъ не изъ дворянскаго званія и младшихъ сыновьяхъ дворянъ; голландскій же ученый всѣхъ ихъ причисляетъ къ пятому классу. Я послѣдую Зибольду въ его классификаціи; но въ исчисленіи правъ состоянія буду держаться Тицинга, Головнина и тѣхъ немногихъ новыхъ писателей, у которыхъ объ этомъ можно найдти кое-что.

Высшее сословіе, аристократію японскаго общества, составляютъ *князья*. Алькокъ заимствованъ изъ японскаго оффиціальнаго альманаха списокъ ихъ, относящійся къ 1861 году, и извлеченіе изъ этого списка мною помѣщено въ приложеніи къ настоящему очерку. Но чтобы понять его содержаніе, необходимо замѣтить что сама аристократія распадается на два разряда: древнюю, ведущую свои роды съ первыхъ вѣковъ японской исторіи, и новую, обязанную своимъ возвышеніемъ тайкунамъ и особенно Минамотоно-Іеясу.

Древнихъ княжескихъ родовъ всего восемнадцать, и представители ихъ одни имѣютъ законное право на титулъ даймiосовъ, хотя этотъ титулъ обыкновенно придается и всѣмъ прочимъ князьямъ. Они собственно владѣтельные государи въ смыслѣ, близкомъ къ членамъ теперешняго Сѣверогерманскаго союза. Остальные же титулованные аристократы — *гакамонъ*, *тосама*, *гофдаи* — суть уже «новые люди», вассалы бывшiе сiогуна, а не самаго микадо. Ихъ могущество, богатства и степень почета очень велики; но они все таки *саймiосы*, т. е. меньшiе по отношенiю къ древней японской знати. И политическiя права ихъ при сiогунахъ были гораздо меньше, чѣмъ даймiосовъ (*кокусю*). Съ этими послѣдними тайкуны состояли въ конституцiонной сдѣлкѣ, извѣстной подъ именемъ законовъ Гонгенсамы; саймiосы же были только наслѣдниками титуловъ и земель но ни какого органическаго закона за себя не имѣли. Число даймiосовъ ограничено и весьма невелико; до степени саймiо на памяти европейцевъ дослуживались многiе, какъ въ Англiи до званiя лорда и въ Испанiи гранда. Разумѣется, высокое положенiе обоихъ классовъ на общественной лѣстницѣ, ихъ служба при дворѣ, взаимное родство и общiя сословныя выгоды связали ихъ тѣсными узами; но тѣмъ не менѣе, различiе очевидно и сохранилось до нашего времени. Иккамоно-ками, напримѣръ, были наслѣдственными первыми министрами сiогуновъ, но они не были даймiосами.

Князья обоихъ разрядовъ суть наслѣдственные владѣльцы ихъ княжествъ, но поставленные въ зависимость

отъ центральнаго правительства, зависимость которая менѣе непосредственна опять таки лишь для 22-хъ дайміосовъ *). Земли ихъ разграничены, но впрочемъ удѣлы не совпадаютъ съ провинціями, которыя читатель найдетъ на картѣ. Дѣленіе на области — историческое, имѣвшее практическій смыслъ лишь въ отдаленной древности **); въ наше же время владѣнія князей распредѣлены совершенно иначе. Князю Сацумы напр. принадлежитъ не только вся эта область, но и сосѣдняя Фіуго, а также Ликейскіе острова; дайміосу Кангѣ (Кагѣ) большая часть провинціи Ното и самая Канга; князю Авы — область Ава (Асіу) и островъ Авадзи. Съ другой стороны, въ одной провинціи Муцу можно найдти нѣсколькихъ дайміосовъ: Намбу, Іетжу, Муцу, и то же явленіе повторяется въ другой обширной области, Девѣ. Вообще необходимо сознаться, что территоріальное раздѣленіе Японіи между различными владѣтельными особами въ наше время почти совсѣмъ неизвѣстно.

Князьямъ принадлежатъ многія важныя преимущества и права. Не говоря здѣсь о тѣхъ, которыми они были ограждены отъ самовластія сіогуновъ, упомянемъ о правѣ суда и расправы надъ всѣмъ населеніемъ ихъ

*) Двадцати-двухъ, а не восемнадцати, какъ сказано выше, потому что нѣкоторые князья признаны дайміосами послѣ принятія законовъ Гонгенсамы.

**) Раздѣленіе Японіи на 68 провинцій сдѣлано было императоромъ, или микадо, Тенъ-му, въ 681 г. по Р. Х.

владѣній. Губернаторъ императорскаго города, напр. Осаки, будь онъ самымъ важнымъ и довѣреннымъ лицомъ, не можетъ казнить смертью преступниковъ безъ утвержденія приговора суда верховнымъ совѣтомъ; а князья въ своихъ областяхъ распоряжаются жизнью своихъ вассаловъ безапелляціонно. Они имѣютъ также право сбора податей съ ихъ владѣній, даже право чеканки монеты и выпуска ассигнацій. Кромѣ того имъ присвоены многія внѣшнія отличія, недоступныя прочимъ сословіямъ; напримѣръ они одни могутъ являться во дворецъ, на новый годъ, въ китайскихъ костюмахъ; у однихъ ихъ лошади могутъ имѣть чепраки изъ тигровыхъ или бобровыхъ шкуръ, и т. д. Всѣ эти права переходятъ у нихъ по наслѣдству; но не къ старшему въ родѣ, какъ принято это напр. въ Англіи, а къ тому изъ сыновей или даже другихъ родственниковъ, котораго владѣтельный князь признаетъ наиболѣе способнымъ. «Отъ сего обыкновенія, замѣчаетъ Головнинъ, происходитъ то, что владѣтельные князья въ Японіи почти всегда бываютъ люди умные и способные къ дѣламъ государственнымъ, и потому они такъ страшны сіогуну, что власть его могутъ держать въ предѣлахъ умѣренности«. Младшіе сыновья владѣтельныхъ князей, или, правильнѣе, потомки ихъ, неполучившіе владѣнія княжествомъ, добываютъ себѣ отличія службою; но титула отцовъ не наслѣдуютъ.

Доходы многихъ князей очень значительны; напримѣръ дайміо Канга получаетъ около пяти милліоновъ рублей, дайміо Сацума болѣе трехъ, князь Овари два

съ половиной, дайміо Муцу также, и пр. Но не слѣдуетъ думать, что они составляютъ ихъ частную собственность, какъ то мы видимъ въ Европѣ у богатыхъ помѣщиковъ. Напротивъ, доходы эти росписаны по разнымъ статьямъ расходовъ и, до послѣднихъ событій, собирались подъ наблюденіемъ императорскихъ чиновниковъ, которые обязаны были давать подробные финансовые отчеты. Князья лично распоряжались конечно большими суммами, назначаемыми какъ на ихъ домашнія надобности, такъ и на общественныя потребности ихъ княжествъ; но напримѣръ содержаніе войскъ, дорогъ и другіе общегосударственные расходы почти отъ нихъ независѣли. Императорскій коммиссаръ расходовалъ нужныя для этого суммы, согласно бюджету каждаго княжества. Мало того, сіогуны, окруживъ князей шпіонами, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы заставить ихъ проживать всѣ ихъ доходы, безъ малѣйшихъ остатковъ, и по большей части успѣвали въ этомъ. Почти нѣтъ князя, который бы не былъ въ долгахъ богатымъ купцамъ и банкирамъ. Особенно дорого обходились имъ ежегодныя переселенія въ Іеддо и обратно въ свои владѣнія, когда приходилось содержать въ пути многочисленные конвои, нерѣдко достигавшіе 5 и 10.000 человѣкъ разнаго званія.

Второй классъ японскаго общества составляютъ дворяне, *хамададо* или *кининъ*, т. е. вассалы князей, а также и императора, если они живутъ въ провинціяхъ, непосредственно принадлежащихъ ему*). Это вла-

*) Такихъ есть пять: Ицуми, Каваце, Сецу, Ямато и Ямазійро.

дѣльцы помѣстій, обязанные службою своимъ сюзеренамъ. Число солдатъ, ими содержимыхъ, соразмѣряется съ протяженіемъ и богатствомъ ихъ земель. Въ провинціяхъ императорскихъ имѣется свыше 3.000 дворянъ, которые могутъ выставить въ поле 80.000 солдатъ. Дворяне, подобно князьямъ, пользуются важными личными преимуществами, недоступными прочимъ сословіямъ. Такъ одни они могутъ быть членами большаго совѣта при сіогунѣ: одни они могутъ занимать всѣ важныя государственныя должности, начальствовать войсками, быть губернаторами и пр. Каждая дворянская фамилія имѣетъ свои особые знаки отличія и право содержать приличную почетную стражу при главѣ семейства. Достоинство дворянское наслѣдственно, какъ и княжеское, и притомъ отецъ можетъ признать своимъ главнымъ наслѣдникомъ любаго изъ сыновей или даже посторонняго, въ случаѣ неспособности собственныхъ дѣтей,» отъ чего замѣчаетъ опять Головнинъ, у японцевъ въ дворянскомъ сословіи и встрѣчаются рѣдко дураки или негодяи.»

Многіе дворяне, послуживъ съ честью государству и достигнувъ высшихъ чиновъ, получаютъ отъ микадо титулъ *ками*, дѣлающій особы ихъ какъ бы священными въ глазахъ народныхъ массъ, ибо ками значитъ святой, божественный. Этотъ же титулъ имѣетъ большинство князей. Трудно найдти въ европейской общественной іерархіи званіе, подходящее по значенію своему къ ками; но необходимо имѣть въ виду, что званія этого добиваются всѣ служащіе дворяне, какъ самой почетной награды, приравнивающей ихъ къ князьямъ.

Третій классъ составляютъ *жрецы* и *монахи* синтосскіе и буддистскіе. Головнинъ коротко выражается о нихъ, что «сословіе это очень многочисленно и раздѣляется на разныя степени, по которымъ имѣетъ свои особыя преимущества, изъ коихъ однакоже самыя выгодныя тѣ, которыя хотя не означены закономъ, но по обстоятельствамъ и по важности, сопряженной съ духовнымъ саномъ, всегда принадлежали сему сословію у многихъ народовъ земнаго шара: я разумѣю праздность и удобство хорошо жить на счетъ другихъ.» Но такая характеристика, при всей ея образности, не исчерпываетъ дѣла. Необходимо присовокупить, что жрецы храмовъ получаютъ содержаніе частію отъ приношеній вѣрующихъ, но частію, и очень нерѣдко, отъ капиталовъ, принадлежащихъ самимъ храмамъ и завѣщанныхъ основателями и благотворителями. Эти капиталы иногда состоятъ изъ поземельныхъ участковъ, отдаваемыхъ въ наемъ, изъ зданій разнаго рода и проч. Мы знаемъ теперь, что многіе буддійскіе храмы въ Іеддо служили резиденціями европейскихъ посольствъ, и извѣстны также случаи, что тотъ или другой храмъ отдавался на время для пиршества или другаго увеселенія, конечно не даромъ. Нищенствующіе монашескіе ордена живутъ однимъ подаяніемъ.

Тѣ разряды духовенства, которые не входятъ въ составъ монашескихъ орденовъ, безусловно подчиняются свѣтскимъ властямъ и законамъ во всемъ, что выходитъ изъ предѣловъ ихъ духовныхъ обязанностей. Такъ, между прочимъ, за преступленія они судятся одною

свѣтскою властію. При Головнинѣ на Мацмаѣ былъ случай такого суда надъ жрецомъ, обвиненнымъ въ воровствѣ и побѣгѣ. Губернаторъ прежде всего велѣлъ посадить виновнаго въ тюрьму, а потомъ, по разборѣ дѣла, его казнили. На замѣчаніе русскаго капитана, что слѣдовало бы въ подобныхъ случаяхъ обращаться предварительно къ духовнымъ властямъ для лишенія провинившихся ихъ духовнаго сана, знакомые ему японцы со смѣхомъ отвѣчали, что» бездѣльники, изобличенные судомъ и караемые закономъ, сами собою лишаются преимуществъ своего званія вмѣстѣ съ головою, не смотря на то, хочетъ ли того духовная власть иль нѣтъ.»

Военное сословіе—самое многочисленное изъ тѣхъ, которымъ присвоено названіе *саймураи*, т. е. благородныхъ. Въ Европѣ, по нѣкоторымъ сбивчивымъ показаніямъ японцевъ, считаютъ, что это сословіе въ состояніи выставить до 800.000 ратниковъ. Но это показаніе очевидно преувеличено. Цифра 800.000 скорѣе относится ко всѣмъ взрослымъ мущинамъ военнаго званія, чѣмъ къ возможному эффективу арміи. Въ самомъ дѣлѣ, ежели Франція, гдѣ все населеніе страны подлежало конскрипціи, рѣдко въ состояніи была выставить 800.000 солдатъ, то въ Японіи, гдѣ военная повинность лежитъ только на одномъ, и притомъ не господствующемъ по числу, сословіи, едва ли можно допустить возможность поставленія на военную ногу болѣе 300.000 человѣкъ сразу. Свѣдѣнія тому подобныя, которые привелъ еще Кемферъ, что одинъ городъ Осака

можетъ дать 80.000 солдатъ, не заслуживаютъ внимания, и напротивъ, мы видимъ, что цифра 80.000 есть предѣлъ для цѣлой арміи тайкуна, собираемой въ пяти провинціяхъ и четырехъ большихъ городахъ: Іеддо, Осакѣ, Хіого и Нагасаки. Допуская затѣмъ, что 800,000 есть количество всего взрослаго мужскаго населенія, обязаннаго военною службою въ цѣлой странѣ, и принимая во вниманіе, что эта обязанность начинается для молодыхъ людей съ 15 лѣтъ, мы получимъ, по теоріи вѣроятности и на основаніи статистики европейскихъ государствъ, что вся числительность военнаго сословія въ Японіи достигаетъ двухъ съ половиною милліоновъ душъ обоего пола.

Такой выводъ все еще очень значителенъ, потому что цифра 2.500.000 превосходитъ напр общій итогъ казачьяго сословія въ Россійской имперіи, столь обширной по своему протяженію и вдвое многолюднѣйшей, чѣмъ Японія; но онъ, по крайней мѣрѣ, не парадоксаленъ. Конечно, въ послѣднее время японскія войска набираются усиленнымъ образомъ, и общая числительность вооруженныхъ и дѣйствующихъ отрядовъ можетъ и выйдти изъ цифры 300.000 человѣкъ; но не слѣдуетъ забывать, что долго достигать этого предѣла японская армія не можетъ, потому что наборы все-таки дѣлаются въ одномъ военномъ сословіи, съ присовокупленіемъ къ нему дворянскаго, которое даетъ офицеровъ. Исторія намъ свидѣтельствуетъ также, что въ большія войны, напр. при походѣ сіогуна Тайко-самы на Корею въ 1590-хъ годахъ, Японія не выставляла

болѣе 200.000 ратниковъ Не входя по этому въ дальнѣйшія соображенія о составѣ военнаго класса японскаго населенія, перейдетъ къ изложенію особенностей его положенія въ общественномъ строѣ націи.

Званіе нижнихъ военныхъ чиновъ, говоритъ Головнинъ, есть наслѣдственное. Каждый воинъ, какъ бы онъ старъ и слабъ ни былъ, не прежде получаетъ отставку, какъ по представленіи вмѣсто себя сына, со всѣмъ обученнаго должности солдата. Молодыхъ людей въ это званіе принимаютъ лѣтъ пятнадцати. Если солдатъ имѣетъ болѣе одного сына, то воленъ отдать всѣхъ ихъ въ службу или только одного, а прочихъ опредѣлить въ другое званіе. Кто не имѣетъ сыновей, тотъ можетъ усыновить пріемыша, воспитать и поставить вмѣсто себя. Законы дозволяютъ каждому японцу брать трехъ пріемышей, не превосходя впрочемъ это число въ случаѣ смерти воспитанниковъ; ибо это представлялось бы противнымъ волѣ боговъ, нежелающихъ данному лицу даровать потомство.

Солдаты въ Японіи пользуются большимъ уваженіемъ: простой народъ и даже купцы, разговаривая съ ними, придаютъ имъ титулъ *сама*, т. е. господинъ, и вообще оказываютъ всѣ знаки почтенія, а особенно солдатамъ самаго императора*). Немудрено было нѣкоторымъ ев-

*)Такъ вѣроятно и доселѣ случается въ отдаленныхъ провинціяхъ. Что до Іеддо, то тамъ народъ не обращаетъ никакого вниманія на солдатъ, развѣ они предшествуютъ какому нибудь важному чиновнику или князю. Равно и въ Іокогамѣ солдаты не пользуются ни какимъ почетомъ со стороны японскихъ купцовъ.

ропейцамъ XVII и XVIII столѣтій ошибкою принимать японскихъ солдатъ за чиновниковъ, когда они являлись къ нимъ въ богатыхъ шелковыхъ нарядахъ, съ гордой осанкой и съ двумя саблями на боку, этимъ признакомъ благородства въ Японіи. Головнинъ и его товарищи въ первые дни плѣна сами впали въ подобную ошибку, считая за офицеровъ простыхъ солдатъ князя Намбу. Лишеніе военнаго званія или чина есть важное наказаніе у японцевъ и опредѣляется только за большія преступленія. Такъ унтеръ-офицеръ, начальникъ того караула, изъ-подъ котораго Головнинъ бѣжалъ, бывъ разжалованъ въ работники, носилъ всѣ признаки глубокой печали: не брилъ головы, бороды, не стригъ ногтей и т. п. Японскіе воины отличаются самымъ щекотливымъ point d'honneur и потому при обидахъ нерѣдко выходятъ на поединокъ.

Въ мирное время солдаты несутъ полицейскія обязанности и для этого обыкновенно распредѣляются небольшими командами по городамъ и селеніямъ. Вмѣстѣ съ своими начальниками и вообще второстепенными чиновниками они носятъ у европейцевъ, живущихъ въ Японіи, названье *якуниновъ*, и это отличаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые служатъ, отъ тѣхъ, которые лишились мѣстъ. Послѣдніе суть уже *лонины*, то есть сверхштатные или отставные, и съ 1860 года сыскали себѣ большую извѣстность тѣмъ, что являлись орудіями патріотической партіи дворянства, желавшей удаленія иностранцевъ и потому употреблявшей всѣ мѣры, до кинжала и яда, чтобы устранить послѣднихъ и покро-

вительствовавшее имъ правительство тайкуна. Слово *лонинъ* часто встрѣчается въ современныхъ извѣстіяхъ изъ Японіи и въ сочиненіяхъ о ней: необходимо поэтому знать его смыслъ, а также имѣть въ виду, что принадлежность къ военному сословію даетъ этимъ людямъ право всегда носить двѣ сабли, то есть представлять собою вооруженную силу. Лонины, исполняя во многихъ случаяхъ приватную службу, вознаграждаются за нее тѣмъ больше, что не могуть конечно быть повышенными оффиціально.

Пятый классъ японскаго общества состоитъ по Головнину изъ купцовъ, а по Зибольду изъ *низшихъ чиновниковъ и лекарей*, которые, нужно замѣтить, въ Японіи весьма многочисленны. Принимая мнѣніе Зибольда, замѣтимъ, что лица, принадлежащія къ этому разряду, имѣютъ право носить одну саблю и даже панталоны, эти коренныя отличія высшихъ сословій. За заслуги они могутъ достигать и дворянскаго званія, и напримѣръ главный докторъ сіогуна бывалъ обыкновенно довольно важнымъ чиновникомъ, по рангу равнымъ губернатору Хакодате. Но профессія японскихъ лекарей въ сущности не оченъ почетна, и они скорѣе всего могутъ быть сравнены съ европейскими фельдшерами. Такъ изъ двухъ-сотъ врачей сіогунова двора только немногіе имѣли кругъ дѣятельности довольно видный, а большинство занималось бритьемъ головъ и подбираніемъ рисовыхъ зеренъ на кушанье сіогуну. — Землемѣры и писатели-недворяне также принадлежатъ къ пятому классу, который вообще

можно уподобить нашимъ почетнымъ гражданамъ, изъ небогатыхъ.

Шестое сословіе составляютъ *купцы*, наружно вообще презираемые, но во многихъ случаяхъ пользующіеся уваженіемъ и дружбою даже самыхъ гордыхъ аристократовъ, особенно когда даютъ имъ деньги взаймы. Головнинъ разсказываетъ, что ему былъ извѣстенъ сынъ одного богатаго купца, который успѣлъ поступить въ военную службу и тамъ пріобрѣсти званіе офицера, конечно за деньги. Это убѣждаетъ, что переходъ изъ неблагородныхъ сословій въ благородныя не очень труденъ въ Японіи, хотя высшіе классы общества и исполнены аристократической спѣси. Купцамъ не дозволено носить ни сабли, ни панталонъ, и, по замѣчанію Зибольда, первую они еще могутъ получить, записавшись въ слуги къ какому-нибудь знатному дворянину, но панталонъ никогда! Политически они совершенно ничтожны, и одинъ примѣръ 1863 года можетъ это доказать лучше всего. Лѣтомъ этого года правительство тайкуна вздумало было предписать японскимъ торговцамъ, живущимъ въ Іокогамѣ, выселиться изъ этого города въ продолженіе трехъ дней, и не встрѣтило ни малѣйшаго съ ихъ стороны противодѣйствія, не смотря на грозившіе имъ убытки и на то, что въ иностранной торговлѣ принимаютъ участіе важные капиталисты.

За купцами слѣдуютъ многочисленные *ремесленники*, въ число которыхъ японская классификація помѣщаетъ и всякаго рода художниковъ живописцевъ, скульпто

ровъ и т. п. Собственно говоря, общественное положеніе и права этого класса не ниже тѣхъ, которыя предоставлены законами предъидущему сословію; но степень богатства ставитъ ихъ ниже на общественной лѣстницѣ. Притомъ не всѣ ремесла одинаково почетны. Золотыхъ дѣлъ мастера конечно пользуются большимъ уваженіемъ, чѣмъ кузнецы и плотники, и если, по замѣчанію Зибольда, нѣтъ различія между малярами и живописцами, то это потому, что японская живопись сама по себѣ есть лишь ремесло, служащее къ украшенію мебелей и обоевъ.

Восьмой и послѣдній классъ составляютъ *поселяне, рыбаки* и *поденщики*. Многочисленность этого сословія, принадлежность земли въ собственность не ему, а князьямъ, недостатокъ свободной почвы для обработки и дешевизна труда дѣлаютъ положеніе принадлежащихъ къ нему людей весьма незавиднымъ; и если бы не привычка японцевъ къ умѣренному образу жизни на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, то они составляли бы совершенный пролетаріатъ по отношенію къ высшимъ сословіямъ. Впрочемъ нельзя смѣшивать крестьянина-землепашца съ городскимъ или сельскимъ работникомъ. У послѣдняго нѣтъ ничего, кромѣ собственныхъ мышцъ и бѣдной одежды; первый иногда бываетъ довольно зажиточенъ. Какъ только участокъ его на столько обширенъ, что въ состояніи давать избытки отъ продовольствія семьи, японецъ уже не работаетъ самъ, а нанимаетъ батрака, по большей части лишь за пріютъ, кормъ и одежду съ приплатою нѣсколькихъ

ичибу*). Рыбаки обыкновенно владѣютъ лишь тѣми хижинами, въ которыхъ живутъ, да небольшимъ пространствомъ береговъ, гдѣ сушатъ сѣти и чистятъ рыбу. Въ южной Японіи, гдѣ климатъ теплѣ, люди эти обыкновенно ходятъ нагіе, прикрывъ лишь поясомъ среднюю часть тѣла. Многіе изъ нихъ и изъ работниковъ татуируются, подобно жителямъ Полинезіи.

Нищіе и *кожевники* составляютъ поддонки японскаго общества, стоящіе какъ бы внѣ признанныхъ классовъ. Впрочемъ въ положеніи ихъ есть существенная разница. Нищій иногда пользуется своего рода уваженіемъ: случается, что онъ даже по происхожденію дворянинъ и вообще членъ высшихъ сословій: тогда никто не смѣетъ трогать его, нарушать то инкогнито, къ которому онъ прибѣгаетъ, надѣвая капишонъ или платокъ на голову, чтобы не быть узнаннымъ. Нищему есть пріютъ около храма, въ больницѣ, у воротъ или даже на дворѣ частнаго дома; съ нимъ не откажется, при нуждѣ, говорить каждый японецъ, не смотря на докучливый тонъ его припѣвовъ и даже на безобразныя раны, которыми иногда бываетъ покрыто тѣло его. Совсѣмъ не то бываетъ съ кожевниками. Они составляютъ отверженцевъ общества въ полномъ значеніи этого слова, считаются непрерывно нечистыми и находятся въ постоянномъ униженіи. Они должны жить въ особыхъ, жалчайшихъ селеніяхъ, не смѣшиваться съ другими сословіями ни бракомъ, ни какими другими

*) Монета стоимостью около 33 коп. серебромъ.

узами, не имѣть собственности и даже не быть свободными лично, а состоять у кого-либо въ услуженіи. Это странное угнетеніе произвело свое естественное послѣдствіе, именно: кожевники слабы физически, крайне мало развиты умственно и вообще скорѣе напоминаютъ рабочій скотъ, чѣмъ людей. Постепенно уменьшаясь въ числѣ, они конечно со временемъ выродятся, не оставивъ по себѣ ни какихъ слѣдовъ. Тогда, вѣроятно, и деревни ихъ, занятыя уже другими лицами, войдутъ въ общій счетъ японскихъ селеній: теперь же ихъ игнорируютъ, и даже часть дороги, проходящая мимо домовъ кожевниковъ, обыкновенно не считается при измѣреніи разстояній оффиціальными землемѣрами. Правительство обращается къ этимъ паріямъ только тогда, когда бываетъ нуженъ палачъ для производства публичной казни.

Вотъ краткія указанія на составъ японскаго общества, указанія, которыхъ къ сожалѣнію нельзя пополнить численными данными. Замѣтимъ еще разъ, что классы или сословія у японцевъ — не касты въ индѣйскомъ или древне-египетскомъ смыслѣ, а разряды общества въ смыслѣ, близкомъ къ нашему или къ европейскому до французской революціи. Переходъ изъ одного въ другой, высшій, какъ ни труденъ, все же возможенъ, особенно для людей, отличающихся умственнымъ превосходствомъ, заслугами или просто богатствомъ. Выше мы привели случай полученія купцомъ офицерскаго чина; теперь укажемъ на другой, гдѣ рыбакъ сдѣлался прямо дворяниномъ, то-есть перескочилъ

по общественной лѣстницѣ черезъ пять ступеней. Заслуга этого простолюдина состояла въ томъ, что онъ поднялъ затонувшій на нагасакскомъ рейдѣ корабль съ дорогимъ грузомъ помощью множества лодокъ, и князь Фиценъ поспѣшилъ отличить его двумя саблями. Былъ даже сіогунъ изъ крестьянъ и притомъ сіогунъ знаменитый, Тайко-сама. О переходѣ ремесленниковъ въ купцы и т. п. нечего и говорить: онъ составляетъ явленіе столь же обыкновенное, какъ въ Европѣ.

Замѣтимъ еще, что система браковъ сильно помогаетъ японскому обществу не распадаться на классы замкнутые въ себѣ. За исключеніемъ кожевниковъ, о которыхъ сказано, что они могутъ брачиться только между собою, всѣ прочія сословія свободны въ выборѣ супруговъ изъ всякаго званія. Разумѣется, что выгоды этой свободы принадлежатъ собственно мущинамъ; женщины же выходятъ за мужъ за людей, низшихъ себя происхожденіемъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда голосъ страсти заглушаетъ общественный предразсудокъ. Обычай брать женъ изъ чайныхъ домовъ, гдѣ конечно уже нѣтъ сословій, много помогаетъ также сближенію разныхъ классовъ японскаго общества, особенно въ городахъ. Аристократія въ дѣлѣ браковъ однакоже щекотлива, и князь всегда женится на княжнѣ, а чиновникъ на дочери чиновника, даже по возможности одного съ нимъ ранга. Любовь тутъ уступаетъ мѣсто голосу тщеславія или гордости, и если князю нравится плебейка, то онъ беретъ ее въ любовницы, открыто содержимыя въ домѣ, но все же не въ жены.

СПИСОКЪ

50 ВАЖНѢЙШИХЪ ПО БОГАТСТВУ И ЗНАЧЕНІЮ КНЯЗЕЙ ЯПОНІИ.

Фамиліи князей	Доходы съ княжествъ.
Канга или Кага, дайміо	4.850.000 р. сер.
Сацума, дайміо	3.043.000 »
Овари, гозанке	2 518.000 »
Муцу или Сендай, дайміо	2.504.000 »
Кусіу, гозанке	2.200.000 »
Іедзу или Фосокава, дайміо	2.160.000 »
Мино, дайміо	2.080.000 »
Аки, дайміо	1.744.000 »
Данзенъ, дайміо	1.476.000 »
Фиценъ, дайміо	1.427.000 »
Мито гозанке	1.400.000 »
Иккамоно-ками	1.400.000 »
Иго	1.320.000 »
Ицуми, дайміо	1.296.000 »
Іецизенъ, дайміо	1.280.000 »
Кура, дайміо	1.240.000 »
Ава, дайміо	1.000.000 »
Тоза, дайміо	968.000 »
Окуба	852.000 »
Гемба или Арима, дайміо	840.000 »
Окіо, дайміо	820.000 »
Намбу, дайміо	800.000 »
Дева, дайміо	720.000 »
Каи	600.000 »
Окино	600.000 »
Сакіо	600.000 »
Даніо, дайміо	600.000 »
Сикибу	600.000 »
Оото	600.000 »
Саку, дайміо	480.000 »
Ава	410.000 »

Фамиліи князей	Доходы съ княжествъ.
Симоза	400.000 р. сер.
Синано	400.000 »
Ietжу или Цугаръ, дайміо	400.000 »
Ваказа	400.000 »
Инаба, дайміо	400.000 »
Микава	400.000 »
Изенъ	400.000 »
Тоотоми	400.000 »
Цусима, дайміо	400.000 »
Ямазійро	316.000 »
Ицу	280.000 »
Буценъ	280.000 »
Ното	280.000 »
Хоки или Фоки	280.000 »
Ямато	272.000 »
Каваци	240.000 »
Тамба	240.000 »
Бицю	224.000 »
Ногато	200.000 »

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Домашній и общественный бытъ японцевъ.

Когда послѣ двухвѣковаго перерыва сношеній европейцы снова проникли въ Японію, ихъ поразили особенно двѣ вещи: необыкновенная опрятность японцевъ и чрезвычайная вѣжливость и привѣтливость ихъ, безъ различія классовъ общества. Правда, разсказы объ этомъ слышались и прежде второй половины нашего вѣка; ихъ повторяли Кемферъ, Тунбергъ, Головнинъ, Зибольдъ: но имъ какъ-будто недовѣряли, имѣя въ виду отзывы іезуитовъ XVI столѣтія и настойчивое, даже суровое преслѣдованіе японскимъ правительствомъ, разъ предположенной цѣли: не допускать европейцевъ на японскую почву. Первый, кто громко похвалилъ многія черты быта японцевъ и чей голосъ былъ услышанъ въ Европѣ, былъ Олифантъ. Весь его, впрочемъ строго-правдивый, разсказъ о пребываніи въ Японіи въ 1858 году дышетъ симпатіей къ островитянамъ крайняго востока Азіи, къ ихъ быту, простой, но изящной обстановкѣ жилищъ, манерамъ и проч. Затѣмъ художественными чертами охарактеризовалъ многія стороны японцевъ даровитый Лэндо. Сэръ Р. Алькокъ, Эме Гюмберъ,

Лэрль и многіе другіе новые путешественники также собрали немало данныхъ, доказывающихъ, что принадлежность всѣхъ истинно цивилизованныхъ націй — опрятность и вѣжливость — столь же свойственны японцамъ, какъ и наиболѣе просвѣщеннымъ народамъ европейскаго Запада.

«Справедливо считаютъ японцевъ народомъ, у котораго правила учтивости соблюдаются самымъ тщательнымъ образомъ, говоритъ Лэрль въ статьѣ, вѣроятно не безъ удовольствія прочитанной многими въ Revue des deux Mondes 1868. Два офицера, два купца, встрѣтившіеся на улицѣ, останавливаются другъ передъ другомъ и отдаютъ взаимно глубокіе поклоны прежде, чѣмъ продолжать свой путь. Нѣтъ слѣдовъ ни небрежности, ни чванства въ ихъ обоюдномъ привѣтствіи: это часто два друга, которые видятся ежедневно и которые однакоже остерегаются забыть эти внѣшніе знаки вѣжливости. У женщинъ церемоніалъ привѣтствія еще полнѣе, и любопытно видѣть послѣднюю мѣщанку, которая встрѣчаетъ свою подругу. Обѣ онѣ, сидя на колѣняхъ, неоднократно преклоняютъ свои головы до поверхности циновки, на которой сидятъ; ихъ смѣющіяся и одушевленныя лица выражаютъ счастье свиданія; если онѣ оказали другъ-другу какія либо услуги, то прежде всякаго начала бесѣды благодарятъ за нихъ по нѣскольку разъ.» Очень вамъ благодарны за вчерашнюю услугу и за всѣ другія,» повторяетъ все семейство, не исключая и маленькихъ. Хозяйка дома сама набиваетъ и раскуриваетъ трубку и подаетъ ее гостьѣ вмѣстѣ съ обычною

чашкою чая. Если отъ сношеній между равными, мы перейдемъ къ отношеніямъ слугъ и господъ, то найдемъ, при безспорности власти съ одной стороны и при очевидномъ послушаніи съ другой, фамиліярность, несогласимую на нашъ взглядъ съ чувствомъ іерархическаго превосходства. Тщетно мы стали бы искать въ нашемъ современномъ обществѣ сходства съ домашнимъ бытомъ японца: одна идея патріархальной жизни довольно близко подходитъ къ нему. У японцевъ слуга въ домѣ есть *свой человѣкъ*, который посвященъ во все, съ которымъ господа совѣтуются о многихъ предметахъ; самый законъ какъ бы приравниваетъ его къ сыну, ибо за убійство господина слуга наказывается какъ за отцеубійство — распятіемъ.»

«Нѣтъ ничего проще и въ то же время опрятнѣе мѣщанскаго домика въ Японіи. Внизу лавка, вверху жилище, сообщающіяся между собою лѣстницею, подъ ступеньками которой идетъ рядъ выдвижныхъ ящиковъ. Крыша дома тяжела, потому что состоитъ изъ массивной черепицы, которая давитъ на зданіе, но которая даетъ ему устойчивость во время землетрясеній. Столбы, которые ее поддерживаютъ, соединены снаружи легкими стѣнами, а внутри, гдѣ нужно, подвижными ширмами изъ бумаги. Подвижной полъ, изъ досокъ слегка лишь обструганныхъ, лежитъ на многочисленныхъ балкахъ; но толстыя циновки, плотно прилегающія одна къ другой, сплошь покрываютъ его и образуютъ какъ бы паркетъ, свѣжій и гибкій, служащій въ то же время постелью и стульями. Каждый приходящій оставляетъ за

дверью свои сандаліи и садится на полъ, подогнувъ ноги, какъ у насъ человѣкъ, стоящій на колѣняхъ. Вся жизнь семейства сосредоточивается около очага, четыреугольнаго ящика, занимающаго средину комнаты; на немъ ставятся желѣзные таганы для помѣщенія кухонной посуды; внутри его горитъ постоянно огонь древесныхъ углей, среди кучки золы, которую тщательно всякій день выгребаютъ. Около очага грѣются зимою, отдыхаютъ послѣ работы во всякое время года. Особенно женщины, болѣе домосѣдки чѣмъ мущины, предаются этой сладости отдыха, во время котораго мечта носится въ отдаленіи, а рука чертитъ, посредствомъ мѣдной палочки, фантастическіе узоры на поверхности золы. У стѣнъ комнаты видны только двѣ мебели: деревянный коммодъ съ металлическими наугольниками, заключающій, между прочимъ, ящики для дорогихъ вещицъ, и шкафъ высотою до потолка, заставленный бумажными ширмами, гдѣ хранятся кухонная посуда, метелки и вообще все, что нужно для поддержки чистоты въ домѣ. Въ верхнемъ этажѣ, если такой есть, хранятся толстыя одѣяла на ватѣ и маленькія деревянныя пирамидки съ выемкою для головы, служащія вмѣсто подушекъ, а также и для храненія ключей и денегъ, ибо вмѣщаютъ обыкновенно внутри себя небольшіе ящички. Ложась спать, японка покрываетъ эту пирамидку связкой бумаги или книгою, которой листы переворачиваются всякій вечеръ, чтобы лицо и особеннно громоздкая прическа покоились на чистой бумагѣ. Сверхъ этихъ необходимыхъ мебелей и гитары, висящей на стѣнѣ, въ

комнатахъ встрѣчаются еще развѣ клѣтки съ птицами и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами;*) вся же роскошь комнатнаго убранства состоитъ въ лакировкѣ деревянныхъ вещей и въ чистотѣ и свѣжести бумажныхъ обоевъ.»

«У женщинъ желаніе нравиться сильно развито во всѣхъ классахъ общества. Отъ того самая бѣдная мѣщанка проводитъ дни досуга и счастія въ покупкѣ уборовъ. Она задолго до праздника подготовляетъ туалетъ, которымъ намѣрена украсить себя; въ самый день торжества она встаетъ очень рано и съ нетерпѣніемъ ждетъ чесальщицу, которая нерѣдко проводитъ часы, чтобы изъ пышныхъ волосъ составить какую-нибудь прическу по модѣ. Черепаховыя и коралловыя булавки со стеклянными шариками, въ которыхъ налита подкрашенная жидкость, да креповыя ленты сдерживаютъ тогда зданіе изъ волосъ, тщательно напомаженныхъ.

---

*) *Эме-Гюмберъ* прибавляетъ: «Во всякомъ сколько-нибудь зажиточномъ семействѣ содержится непремѣнно акваріумъ, гдѣ встрѣчаются рыбки красныя, золотистыя, серебристыя, прозрачныя, однѣ круглыя какъ мячики, другія съ широкимъ и длиннымъ хвостомъ или длиневиднымъ плавникомъ, служащимъ вмѣсто руля и извивающимся подобно самому тонкому газу. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ домахъ устраиваются клѣтки изъ блестящихъ бамбуковыхъ пластинокъ, куда запираютъ, среди цвѣтовъ и зелени, большихъ бабочекъ и толстыхъ стрекозъ, пѣніе которыхъ, рѣзкое и монотонное, нравится японцамъ.» — Эме-Гюмберъ забылъ присовокупить, что мѣсто акваріума обыкновенно въ саду или передъ окнами, выходящими на улицу, въ полисадничкѣ.

Затѣмъ прибѣгаютъ къ множеству коробочекъ съ бѣлилами и румянами всевозможныхъ сортовъ; для шеи, для рукъ, для лица, для губъ,—къ чернымъ порошкамъ для зубовъ и бровей, если женщина замужняя, и т. д. Шелковое платье, обыкновенно темнаго цвѣта, надѣвается сверхъ креповой рубашки, красной или разноцвѣтной и въ такомъ случаѣ сшитой на переди изъ множества лоскуточковъ со вкусомъ подобранныхъ. Если на дворѣ зима, то надѣвается кацавейка или бурнусъ, на подкладкѣ, покроемъ сходные съ рясой православныхъ священниковъ, но длиной до колѣна. Самое платье длинно и скроено какъ халатъ, безъ перехвата въ таліи и очень свободно у плечъ; чтобы оно не распахивалась, его подпоясываютъ широкимъ кушакомъ, котораго бантъ спереди, ежели женщина замужняя, и сзади, если она еще въ дѣвушкахъ. Рукава широки какъ мѣшки и, будучи спереди немного зашиты, служатъ вмѣсто карамановъ. За поясомъ прячутся трубка и мѣшечекъ съ серебряными, костяными или деревянными палочками, которые замѣняютъ ложки и вилки: ибо у японцевъ каждый, собираясь обѣдать, даже въ гостяхъ, садится за столъ съ своимъ приборомъ, и чѣмъ этотъ приборъ богаче, тѣмъ больше почета оказывается хозяину дома. — Ноги остаются у японцевъ голыми большую часть года, и обувь состоитъ изъ сандалій соломенныхъ или деревянныхъ, къ которымъ зимою присоединяются бумажные чулки. Сандаліи придерживаются шнурочками поперегъ подъема и вдоль, между пальцами, и снимаются всякій разъ, когда входятъ въ комна-

ту. Въ дождь или слякоть ногу покрываютъ кожею или вощеной бумагой, которая остается у дверей дома вмѣстѣ съ сандаліей.»

«Дама, собравшаяся въ гости, мелкими шагами слѣдуетъ по улицѣ, сопровождаемая служанкою, дѣвочкою или старухою, которая несетъ зонтикъ и платокъ, гдѣ завернутъ какой-нибудь гостинецъ. Японцы относятся къ ней съ почтеніемъ, и за исключеніемъ какихъ-нибудь чернорабочихъ, отрепьевъ народа, иногда произносящихъ грубыя остроты на счетъ проходящихъ, никто не позволитъ себѣ сказать неприличнаго слова. Этотъ народъ съ *вольными* нравами имѣетъ какую-то врожденную стыдливость относительно уличнаго поведенія: разгульный въ кварталахъ чайныхъ домовъ, онъ становится скромнымъ на прочихъ городскихъ улицахъ. Когда гостья пришла, все собравшееся у хозяйки общество спѣшитъ дать ей мѣсто; съ своей стороны она строго исполняетъ относительно своихъ сосѣдокъ длинную церемонію земныхъ поклоновъ и комплиментовъ. Ей подаютъ трубку и чай. Бесѣда становится непринужденною; разсказываютъ новости, осматриваютъ наряды одна у другой, критикуютъ слегка мелочи туалета; однимъ словомъ ведутъ себя какъ женщины всѣхъ временъ и народовъ, какъ кумушки Шекспира и Лафонтена. Чайникъ, между тѣмъ непрерывно грѣется на очагѣ, а особая металлическая коробка содержитъ сарачинское пшено, или точнѣе крутую рисовую кашу: питье и ѣда, стало-быть, всегда на лицо. Немного погодя изъ внутреннихъ комнатъ дома приносятъ на ла-

ковомъ подносѣ рыбы, какого-нибудь пирожнаго, яблоковъ или винограду, и бесѣда продолжается, приправляемая ѣдою и лакомствами».

Къ этой небольшой выдержкѣ изъ статьи талантливаго французскаго моряка*) я прибавлю еще короткій разсказъ другаго путешественника, знакомящій насъ съ тѣмъ, какъ были принимаемы въ Японіи даже европейцы, въ первое время своего прибытія послѣ 1858 года, не смотря на сохранившіяся о нихъ преданія не слишкомъ лестнаго свойства. «Часто, говоритъ Лэндо, я одинъ совершалъ долгія прогулки вокругъ Нагасаки и никогда не забуду благодушнаго пріема, который находилъ въ крестьянскихъ домахъ. Едва бывало остановившся у какого-нибудь двора, чтобы попросить огня, какъ тотчасъ дѣвочки и мальчики принесутъ цѣлый очагъ съ углями. Войдешь по приглашенію хозяина въ домъ, и уже хозяйка, скромно поклонившись, подаетъ мнѣ чай. Цѣлая семья собирается вокругъ меня и подвергаетъ изслѣдованіямъ съ чисто дѣтскимъ любопытствомъ, которому я никогда не противился. Наиболѣе смѣлые ощупываютъ мою одежду, чтобы узнать изъ чего она сшита, маленькая дѣвочка дерзаетъ даже прикоснуться къ моимъ волосамъ и потомъ, смѣясь и конфузясь, убѣгаетъ отъ меня. Раздавъ нѣсколько металлическихъ пуговицъ, я дѣлаю всѣхъ дѣтей совершенно

*) Лэрль былъ долго начальникъ штаба французской эскадры въ Японіи, точно такъ, какъ Лэндо и понынѣ состоитъ дипломатическимъ агентомъ въ Іокогамѣ. Поэтому я ихъ цитирую охотнѣе, чѣмъ другихъ новыхъ писателей.

счастливыми. «Очень вамъ благодарны», повторяютъ они всѣ вмѣстѣ, становясь на колѣни, наклоняя свои прекрасныя головки и улыбаясь мнѣ съ граціей, которую удивительно встрѣтить у столь низкаго класса общества. Когда бывало уходишь отъ этихъ добродушныхъ людей, то всѣ они провожаютъ меня до дороги, и я уже почти теряю изъ виду гостепріимный домъ, какъ слышу еще за собой крики: «до свиданія завтра!»

Я съ намѣреніемъ привелъ эти двѣ выписки изъ французскихъ авторовъ, потому что онѣ вѣрно передаютъ общій тонъ того впечатлѣнія, которое производитъ на иностранца первый взглядъ на японское общество тѣхъ классовъ, которые наиболѣе легко наблюдать. Взглядъ этотъ нетрудно пріобрѣсти или провѣрить въ короткое время, потому что японцы живутъ, какъ говорится, на-стежъ. Къ сожалѣнію нужно прибавить, что разсказанное Лэндо было справедливо въ 1859 году, а въ наше время отзывается уже невозвратимой идиліей. Японцы стали недовѣрчивы къ европейцамъ, и если еще хранятъ обычную вѣжливость, то отъ нея вѣетъ холодностью Дома, въ своей семьѣ, при яркомъ свѣтѣ теплыхъ солнечныхъ лучей, которые свободно проникаютъ чрезъ открытыя окна во всю стѣну, японецъ по прежнему добродушенъ, почти-что по-дѣтски; онъ любитъ даже играть съ дѣтьми, смѣяться съ ними, шутить; но одинъ видъ чужеземца заставляетъ его принимать строгій, сдержанный видъ, какъ бы выражающій собою вопросъ: что вамъ угодно? зачѣмъ вы пришли? Только болѣе долговременныя сношенія съ нимъ, вѣж-

ливое и правдивое обхожденіе возвращаютъ ему ту привѣтливость и довѣрчивость, о которой съ восторгомъ говорили и старые путешественники, Кемферъ, Головнинъ, Тунбергъ, и новые европейцы, прибывшіе въ Японію по заключеніи договоровъ 1854—58 годовъ. Русскіе и американцы особенно легко могутъ дойдти до этихъ дружескихъ отношеній; но конечно не въ ближайшихъ окрестностяхъ Іокогамы, гдѣ уже о всѣхъ западныхъ людяхъ составилось далеко неутѣшительное понятіе.

Чтобы лучше напечатлѣть въ памяти главныя черты японскаго быта, прослѣдимъ образъ жизни японца отъ самаго его появленія въ свѣтъ до могилы. Когда женщинѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени, посылаютъ за бабушкой и потомъ новорожденнаго обмываютъ и кладутъ на мягкія одѣяла, но не пеленаютъ. Имя дается ему или самими родителями или, у людей набожныхъ, какою-нибудь особою духовнаго званія, что впрочемъ необязательно. Затѣмъ мать кормитъ ребенка, таская его почти повсемѣстно съ собою, но не на рукахъ, какъ у насъ, а за спиной, подъ одеждою, такъ что онъ не мѣшаетъ работать. Когда ребенокъ начинаетъ понимать слова, ползать и особливо ходить, то онъ, по крайней мѣрѣ въ семьяхъ, гдѣ нѣтъ стариковъ и старухъ, нерѣдко оставляется дома одинъ, съ маленькими своими братьями и сестрами. Устройство японскихъ домовъ, гдѣ полы мягки и нѣтъ мебелей, о которыя бы дитя могло ушибиться, допускаетъ подобную небрежность со стороны родителей. Лѣтъ до че-

тырехъ — пяти дѣти растутъ, играютъ и развиваются дома, часто даже привлекая въ свое веселое общество мать и отца, ибо веселость и дѣтское добродушіе суть отличительныя качества японцевъ всѣхъ возрастовъ. Нѣтъ сверстниковъ или товарищей для игры, — дитя возится съ кошкою или съ какими-нибудь игрушками: огромнымъ мячомъ, который катается по землѣ, бумажнымъ змѣемъ, обручемъ, юлою и т. п., совершенно какъ и у насъ. На пятомъ году, иногда и раньше, начинаютъ его учить грамотѣ, дома или въ училищѣ. Но наука и книга не представляются ребенку медвѣдемъ, какъ это нерѣдко бываетъ во всѣхъ европейскихъ, даже протестантскихъ странахъ; нѣтъ, съ нимъ обращаются до крайности терпѣливо, съ любовью, никогда не наказываютъ за медленность успѣховъ, а стараются развить способности такъ, чтобы онъ самъ началъ понимать и пользу ученія, и изучаемые предметы. Уже давно извѣстно замѣчаніе, что японскія дѣти почти никогда не плачутъ: это совершенно справедливо, потому что на японской землѣ нѣтъ мудрой пословицы: «корень ученія горекъ, а плоды его сладки», пословицы, за которою скрывается наша безсердечная мораль, унаслѣдованная отъ римлянъ и отъ среднихъ вѣковъ и легко примиримая съ знаменитыми принципами всеобщей любви, терпимости и т. д., которыми напримѣръ руководствовались католическіе инквизиторы, вырѣзывая ремни изъ спины еретиковъ или предавая ихъ смерти «милосердо, безъ пролитія крови» въ медленномъ пламени.... Японскій учитель, конечно, сдерживаетъ учениковъ отъ

шалостей, даже наказываетъ ихъ; но онъ не ставитъ въ этомъ своего призванія, подобно нѣкоторымъ другимъ педагогамъ, воспитаннымъ на герундіяхъ и супинахъ, а вмѣстѣ, по выраженію знаменитаго писателя, и на кожанныхъ канчукахъ, которыя потомъ кажутся имъ необходимою принадлежностью школьной скамейки.... Отъ того дѣти учатся охотно, и въ «варварской» Японіи нѣтъ ни одного безграмотнаго, тогда какъ въ многихъ «преуспѣвающихъ» европейскихъ государствахъ треть, половина, а иногда и девять десятыхъ ихъ обитателей не знаютъ аза-въ-глаза.

Дѣти до семи лѣтъ ходятъ въ училища безъ различія пола, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ. Главный предметъ ихъ занятій въ этомъ возрастѣ — азбука, чтеніе и отчасти письмо. Азбуку учатъ они съ голоса и притомъ сначала не въ видѣ отдѣльныхъ буквъ, а въ видѣ стиховъ, которые содержатъ всѣ сорокъ восемь японскихъ литеръ. «Ирова нивовéто циринуру уо; уагайіо дарéцо цунé караму. У уйи но окуйяма кефу койéте; азаки іумémизи эвимо сезу унъ», то-есть «цвѣтъ и запахъ исчезаютъ: что можетъ быть постояннаго въ нашемъ мірѣ? Сегодняшній день канулъ въ бездонныя пропасти ничтожества; то было непрочное подобіе сна; оно не оставило ни малѣйшаго безпокойства», — восклицаютъ они вслѣдъ за своимъ учителемъ и повторяютъ это четырехстишіе до тѣхъ поръ, пока не выучатъ твердо; тогда начинаютъ ихъ вниманіе обращать на значеніе отдѣльныхъ буквъ или звуковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель, чтобы заохотить учениковъ, передаетъ имъ наи-

болѣе занимательные эпизоды японской исторіи и показываетъ искусство писать. Любопытно видѣть, какими предметами питаютъ юный умъ; вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ:

«Важный сановникъ былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ и потому удалился отъ двора государя. Сдѣлавъ завѣщаніе, онъ пригласилъ къ себѣ, по обычаю, родныхъ и пріятелей и посреди ихъ торжественно лишилъ себя жизни. Друзья плакали и, въ числѣ тридцати пяти, положили отмстить оскорбителю. Ночью забрались они въ его замокъ, не смотря на сопротивленіе толпы служителей, добрались до него самого, казнили его и отрубленную голову положили на могилу усопшаго друга. А назавтра собрались они снова вокругъ этой самой могилы и, воздавъ долгія хвалы покойному, лишили себя жизни одинъ за другимъ. Такъ поступили вѣрные лонины».

Этотъ разсказъ коротокъ, простъ и на насъ не производитъ особаго впечатлѣнія, хотя содержитъ событіе, едва ли не болѣе трогательнѣе, чѣмъ знаменитая легенда о сиракузскихъ друзьяхъ, воспѣтыхъ Шиллеромъ. Но въ Японіи онъ электризуетъ молодежь подобно разсказамъ о Курціѣ и Муціѣ Сцеволѣ. Ребенокъ съ шестилѣтняго возраста научается ставить дружбу и честь выше всего на свѣтѣ и презирать жизнь, если она не приносится въ жертву идеямъ о нихъ.

На седьмомъ году мальчику даютъ новое имя, записываютъ его въ списки населенія и надѣваютъ на него плащъ, послѣ чего онъ можетъ посѣщать храмы. Обы-

чай мѣнять имена при каждомъ важномъ переворотѣ въ жизни, есть общій въ Японіи. Юноша, достигнувъ совершеннолѣтія, чиновникъ, будучи повышенъ по должности, перемѣняютъ свои имена. Знаменитый сіогунъ Іеяснъ носилъ имена Гонгена, Онгошіо и пр., прежде чѣмъ перешелъ въ исторію съ своимъ теперешнимъ именемъ. Микадо также мѣняютъ имена, когда начинаютъ царствовать: отъ того такъ трудно не сбиться въ изученіи японской исторіи.

Дѣти простолюдиновъ обыкновенно оканчиваютъ свое обученіе на чтеніи, письмѣ и знаніи основныхъ началъ счета и японской исторіи; но зажиточные родители стараются дать потомству своему болѣе обширный кругъ свѣдѣній. Отъ того время до пятнадцати лѣтъ проходитъ у японцевъ въ посѣщеніи образовательныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы потомъ или поступить на службу, или идти въ университетъ для довершенія своего умственнаго развитія. Высшія и среднія учебныя заведенія въ Японія до послѣдняго времени были преданы схоластической мудрости, и все время пребыванія въ нихъ главнѣйше посвящалось китайскому языку, разнымъ японскимъ азбукамъ, которыхъ пять, изученію цвѣтистаго стиля и конфуціевой философіи, совершенно какъ въ Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ господствовали латынь, Квинтиліанъ и Аристотель. Но едва японцы увидѣли въ очію превосходство надъ собой европейцевъ, какъ немедленно ввели въ свои университеты преподаваніе реальныхъ наукъ и отбросили на второй планъ китайскую грамматику и реторику. Этотъ пере-

воротъ, на первый взглядъ незамѣтный, есть едва ли не важнѣйшее послѣдствіе сближенія Японіи съ образованными народами Запада, и конечно онъ одинъ хоть нѣсколько уравновѣшиваетъ тѣ выгоды, которыя получили чужеземцы на счетъ японскаго государства.

Когда молодой человѣкъ окончитъ свое воспитаніе, онъ сбриваетъ хохолки, которые обыкновенно носятся имъ во время ученія на вискахъ и на темени, зачесываетъ волосы задней части головы въ пучекъ, какъ всѣ взрослые, и вторично мѣняетъ имя. Въ это время отъ вступающаго въ свѣтъ юноши требуется, сверхъ умственнаго и литературнаго образованія, умѣнье ловко держать себя, знать этикетъ и правила чести. Кодексъ японскихъ приличій, нужно сказать, многосложенъ и особенно тягостенъ тѣмъ, что научаетъ употреблять столько же тоновъ разговора, сколько есть оттѣнковъ въ состояніи членовъ общества. Въ Японіи житейски мудръ тотъ, кто съ лицомъ богатымъ говоритъ иначе, чѣмъ съ бѣднякомъ, съ придворнымъ сановникомъ иначе, чѣмъ съ мѣщаниномъ или купцомъ, съ офицеромъ иначе, чѣмъ съ рыбакомъ, кто умѣетъ употреблять при этомъ нужные эпитеты, ласкательныя и повелительныя слова и жесты и поклоны, подобающаго характера. Наше (европейское) равенство непонятно еще японцу, воспитанному въ духѣ іерархическихъ отличій, и вѣроятно долго понятнымъ не будетъ, потому что формы высшей цивилизаціи представлены въ его глазахъ такою негодною частью европейскаго населенія, что она, вмѣсто желанія подражать, возбуждаетъ одно отвращеніе.

Молодой человѣкъ, начавъ свѣтскую жизнь, нѣкоторое время, внѣ своихъ оффиціальныхъ обязанностей, предается разгулу въ чайныхъ домахъ, на многочисленныхъ праздникахъ, или мацури, и просто съ пріятелями. Но скоро онъ оставляетъ эти развлеченія, чтобы промѣнять ихъ на болѣе прочныя удовольствія брака. Высмотрѣвъ невѣсту, онъ либо проситъ кого-нибудь изъ близкихъ друзей или родственниковъ переговорить объ этомъ съ родителями дѣвушки, либо, не желая повѣрить тайны никому, самъ отправляется къ дому нравящейся особы и втыкаетъ въ ворота вѣтку растенія Celastrus alatus. Если послѣдняя назавтра изчезнетъ, то значитъ ее замѣтили, и предложеніе принято; если же она осталась по прежнему, — сватовство неудачно. Когда этотъ основной вопросъ разрѣшенъ, тогда друзья жениха и пріятельницы невѣсты ведутъ переговоры объ условіяхъ брака, о днѣ перваго оффиціальнаго свиданія жениха и невѣсты и наконецъ о времени самаго бракосочетанія. Нерѣдко матеріальная обстановка брачущихся бываетъ предметомъ письменнаго контракта. Затѣмъ женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки, по мѣрѣ своей зажиточности, и обычай требуетъ, чтобы невѣста въ свою очередь отдавала ихъ родителямъ, какъ бы въ признательность за свое воспитаніе. Ко дню свадьбы приготовляютъ невѣстѣ приданое, состоящее изъ нарядовъ и разнаго рода движимости: красивыхъ циновокъ для постилки въ комнатахъ, лакированныхъ туалетовъ, ящичковъ, разной посуды и проч.; даже находится мѣсто прялкѣ, какъ символу будущихъ обязанностей хо-

зяйки. Всѣ эти предметы въ день бракосочетанія перевозятся съ большою торжественностью въ домъ жениха и выставляются на показъ, совершенно какъ и у насъ въ былыя времена, а отчасти доселѣ. Отъ доброй воли брачущихся зависитъ освятить ихъ союзъ религіозною церемоніею въ храмѣ; но собственно въ жрецахъ не встрѣчается надобности при брачномъ церемоніалѣ: для этого достаточно однихъ родителей и близкихъ знакомыхъ жениха и невѣсты. Тицингъ перевелъ съ японскаго подробное описаніе всѣхъ обрядовъ, которые исполняются разными лицами, присутствующими при бракѣ. Изъ этого описанія видно, что одно изъ первенствующихъ мѣстъ принадлежитъ посреднику, по нашему свату, и подругамъ невѣсты, изъ которыхъ двѣ принимаютъ на себя обязанности нашихъ шаферовъ и носятъ названія мужской бабочки и женской бабочки. Брачное пиршество состоитъ въ томъ, что невѣсту, въ сопровожденіи ея пріятельницъ и общихъ друзей приносятъ въ норимонѣ къ жениху, который въ это время садится на почетномъ мѣстѣ, окруженный своими родными. Посреди комнаты, на красивомъ низенькомъ столѣ, бываютъ разставлены искусственные цвѣты и миніатюрныя растенія и животныя, именно сосна, черепаха, журавль, какъ символы долговѣчной и счастливой жизни, кротости женщины и силы мущины. Другой столъ въ то же время представляетъ все, что нужно для выпивки сакки, замѣняющаго наше шампанское. Когда невѣста, покрытая до того бѣлой фатой, усѣлась на предложенное ей мѣсто, тогда начинаются тосты,

въ строго опредѣленномъ, послѣдовательномъ порядкѣ. Кромѣ того ѣдятъ закуски и лакомства, но впрочемъ все очень умѣренно, потому что излишнія веселость и роскошь считаются въ этомъ случаѣ неприличными. Назавтра молодая жена является съ выбритыми или даже выщипанными бровями и вычерненными зубами, какъ доказательствомъ того, что она изъ любви къ мужу отреклась отъ всякаго желанія нравиться постороннимъ. Затѣмъ на третій день молодые отдаютъ визиты женниной роднѣ, и этимъ брачныя церемоніи заключаются.

Говоря о бракѣ, нельзя не упомянуть, что ранняя женитьба японцевъ имѣетъ очень существенныя послѣдствія. Кромѣ того, что она предохраняетъ молодежь отъ многихъ пороковъ, замѣтимъ, что она приводитъ женщину къ исполненію обязанностей хозяйки и матери въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда душа еще бываетъ полна чистыхъ, поэтическихъ помысловъ и когда, слѣдовательно, легче всего сформироваться благородному типу любящей и всѣми любимой матроны. На мущину ранній бракъ также налагаетъ печать солидности и цѣломудрія, которой обыкновенно бываютъ лишены холостяки даже въ зрѣломъ возрастѣ. Но въ замѣнъ этихъ важныхъ выгодъ есть и одинъ существенный недостатокъ рановременнаго вступленія въ бракъ, недостатокъ особенно замѣтный именно на японцахъ. Почти нельзя сомнѣваться, что невысокій ростъ племени и слѣд. недостатокъ физическихъ силъ есть послѣдствіе молодыхъ лѣтъ брачущихся. Этимъ

же обстоятельствомъ должно объяснить и раннюю дряхлость женщинъ. Быть можетъ даже, что физіологическій упадокъ японской расы совершился въ недавнее сравнительно время, ибо лѣтописи Японіи сохранили намъ память о цѣломъ рядѣ такихъ японцевъ и японокъ, которыя, въ прежнія времена, жили по сту и болѣе лѣтъ, что̀ едва ли можно встрѣтить теперь. Будущимъ наблюдателямъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ, насколько теряетъ раса отъ того, что дѣвушекъ отдаютъ замужъ четырнадцати и даже тринадцати лѣтъ и что отцами нарождающаго поколѣнія являются восьмнадцатилѣтніе юноши, которые еще сами не доросли.

Когда японская женщина стала хозяйкою дома, то она получаетъ извѣстный вѣсъ и значеніе въ обществѣ, подобно какъ и въ Европѣ. Вообще необходимо имѣть въ виду, что судьба японки вовсе не похожа на судьбу другихъ азіатскихъ женщинъ, особенно въ мусульманскихъ странахъ. Она нетолько подруга жизни своего мужа, но и довольно полноправный членъ общества. Она не заперта въ гаремъ и, напротивъ, свободно посѣщаетъ знакомыхъ, ходитъ по улицамъ одна или въ сопровожденьи служанки, нерѣдко отправляется даже, на богомолье или въ гости, на далекое разстоянье отъ дома. Контроль мужа надъ ея поведеніемъ ограничивается приличіями, хотя конечно ничто не можетъ помѣшать ему выгнать жену изъ дома, если онъ замѣтитъ ея невѣрность. Разводъ можетъ состояться и по другимъ причинамъ, особенно по безплодію женщины; но опять только по требованію мужа или обоихъ супру-

говъ, а не одной жены. Оставляя мужній домъ, женщина, если она не опозорена поведеньемъ безчестнымъ, спокойно возвращается къ родителямъ или родственникамъ, и если она еще молода, то брови по прежнему отпускаются, зубы бѣлѣютъ, и она снова невѣста. Въ случаѣ «паденія» остается пріютъ — монастырь или чайный домъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ извѣстно, не есть что-нибудь тождественное съ европейскими заведеніями терпимости, а напротивъ можетъ дать снова дорогу, если женщина хороша собою, искусна въ пѣньи и музыкѣ, порядочно образована и симпатичнаго нрава. Впрочемъ до такой крайности замужнія женщины доходятъ чрезвычайно рѣдко; напротивъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ европейцевъ, изучавшихъ Японію, вѣрность японскихъ женъ своимъ мужьямъ можетъ назваться примѣрною. И это тѣмъ болѣе заслуживаетъ хвалы, что мужья, съ своей стороны, вовсе не стѣсняются брать въ домъ открытыхъ любовницъ, которыя, положимъ, должны относиться съ почтеніемъ къ законной женѣ, но все же подрываютъ ея права на исключительную привязанность мужа.

Въ числѣ рисунковъ, помѣщенныхъ сэромъ Р. Алькокомъ въ его сочиненіи о Японіи и снятыхъ съ японскихъ оригиналовъ, есть одинъ, очень любопытный въ томъ отношеніи, что доказываетъ, какъ велико можетъ быть вліяніе женщины-японки на ея супруга, не смотря на то, что послѣдній есть полновластный глава семьи и никогда почти не посвящаетъ жену въ свои серьозныя дѣла и сношенія. Молодая супруга нашла или перехва-

тила любовное письмо невѣрнаго мужа. Она нетолько при этомъ не испугалася за послѣдствія, какъ напр. за то, что властелинъ ея введетъ другую хозяйку въ домъ; но смѣло напала на него съ укоризнами. Картинка изображаетъ мужа въ униженной позѣ, съ лицомъ сконфуженнымъ и вымаливающимъ прощенія. А жена сердито кричитъ и держитъ его, выражаясь простонародно, за шиворотъ. Такія картинки немыслимы напр. въ Турціи, Персіи и даже, быть можетъ, въ Небесной имперіи.

Японія, конечно, не доросла до вопроса о такъ-называемой эманципаціи женщинъ, т. е. о предоставленіи имъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыми пользуются мущины. Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, не въ пору многимъ другимъ, кичащимся своею цивилизаціею, странамъ, и, собственно говоря, серьезнымъ можетъ быть названъ въ одной Америкѣ. Но если теоретически, т. е. въ сознаніи общества и въ законѣ, онъ рѣшается пока на японской почвѣ не въ пользу женскаго пола; то нужно признаться, что на практикѣ въ положеніи японской женщины есть много особенностей, доказывающихъ, что она вовсе не такъ далека отъ дамы въ европейскомъ смыслѣ, какъ можно думать на основаніи того, что Японія есть часть Азіи. Мы уже видѣли, что женщина есть полноправная хозяйка дома, уважаемая матрона на улицѣ и въ кругу знакомыхъ; но это еще не все. Особа женскаго пола можетъ пользоваться въ Японіи и политическими правами, да еще самыхъ обширныхъ размѣровъ. Не менѣе восьми императрицъ

представляютъ намъ японскія лѣтописи, и въ числѣ ихъ были такія, которыя оставили славное имя въ исторіи. Супруга микадо и теперь есть лицо до такой степени важное въ политическомъ смыслѣ, что чрезъ нее нерѣдко обдѣлываются труднѣйшія государственныя дѣла. Въ аристократическомъ обществѣ значеніе женщинъ также весьма велико, и потому браки знатныхъ особъ всегда подаютъ поводъ къ толкамъ, волненіямъ и даже политическимъ распрямъ.

Заговоривъ о положеніи женщины, стоитъ сказать нѣсколько словъ и еще объ одномъ, касающемся ея, явленіи японской общественной жизни, о чайныхъ домахъ. Извѣстно, что новые европейскіе путешественники, ознакомясь съ такими домами въ Іокогамѣ и Нагасаки, сняли много поэтическаго колорита съ судьбы ихъ обитательницъ въ томъ видѣ, какъ эта судьба изображалась напримѣръ Кемферомъ, Тунбергомъ и другими прежними авторами. Разсказы о томъ, что чайные дома суть институты для приличнаго воспитанія дѣвицъ, что многіе знатные японцы берутъ себѣ женъ изъ этихъ увеселительныхъ учрежденій, что японка обитательница такого учрежденія нисколько не поставлена ниже, въ нравственномъ смыслѣ, женщины, живущей въ семьѣ, — эти разсказы оказалися если не пуфами, то не истинною картиною судьбы женщины въ чайномъ домѣ. Лэрль напримѣръ говоритъ: «Нѣкогда представляли убѣжище японской проституціи мѣстомъ воспитанія, чуть не школою нравственности, и на этомъ основаніи не одинъ писатель построилъ идеалъ стран-

управленіе домомъ и даже поземельною собственностью. Въ высшей аристократіи это почти постоянное правило, доказывающее, что пользованіе властью въ Японіи не такъ-то легко. Старикъ-отецъ со всѣмъ семействомъ такимъ образомъ поступаетъ подъ покровительство новаго главы дома, имѣющаго очевидное преимущество свѣжести силъ и энергіи. Разумѣется, при этомъ опытность старшихъ лѣтами помогаетъ вести дѣла, и чрезъ то устанавливается порядокъ, который едва ли можно назвать дурнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣшнаго исполненія хотя бы самыхъ сложныхъ соображеній важнѣе всего энергія и способности молодости; старости же подобаетъ только предостерегать послѣднюю отъ ошибокъ и увлеченій, а вовсе не стѣснять ея, какъ это дѣлается у насъ на Западѣ (но не въ Америкѣ). Когда старое поколѣніе стоитъ во главѣ общественной или даже только семейной жизни, послѣдняя обыкновенно попадаетъ въ рутину, и молодое поколѣніе страждетъ отъ недостатка свободнаго воздуха. Результатомъ же этихъ страданій, какъ извѣстно, бываетъ утомленіе, озлобленность и наконецъ нравственное паденіе, т. е. обращеніе къ рутинерству, предпочтеніе преданій и предразсудковъ голосу разума. Едва ли не въ этой сторонѣ японскаго быта нужно искать объясненія той изумительной быстроты, съ которою японцы успѣли ввести у себя множество европейскихъ усовершенствованій.

Ежедневныя занятія японцевъ, конечно, состоятъ главнымъ образомъ въ хлопотахъ по хозяйству или въ

службѣ, такъ какъ собственно политическая жизнь, въ смыслѣ американскомъ и западно-европейскомъ, имъ неизвѣстна. Но эти заботы и хлопоты разнообразятся отдыхомъ, то у дамашняго очага, гдѣ нерѣдко взрослые играютъ вмѣстѣ съ дѣтьми, то въ гостяхъ, въ театрѣ, на улицахъ, въ чайныхъ домахъ. Японцы также охотники переписываться съ знакомыми и мѣняться другъ съ другомъ подарками. Этотъ послѣдній обычай вовсе не имѣетъ основаніемъ корыстныхъ разсчетовъ, а напротивъ служитъ только къ подтвержденію пріятельскихъ сношеній. Японецъ даритъ другу какой-нибудь десятокъ яицъ, пачку бумаги, нѣсколько пирожковъ или сладостей и хлопочетъ лишь о томъ, чтобы всѣ эти мелочи достигли по назначенію въ изящномъ видѣ, тщательно упакованными въ красивой коробочкѣ, съ бантомъ изъ бумажныхъ лентъ и съ нѣжной записочкой, гдѣ перечисляется все посылаемое какъ въ накладной и гдѣ сверхъ того содержатся неизбѣжныя пожеланія счастья, долголѣтія и удачи во всемъ. Другъ, получивъ такую посылку, конечно, спѣшитъ отдарить, и такимъ образомъ поддерживаются связи почти идиллическаго характера. Любопытно, что японцы при этомъ твердо держатся преданій прошедшаго: къ каждой посылкѣ прилагается кусочекъ сушеной рыбы, какъ напоминаніе, что вся японская нація нѣкогда занималась рыбнымъ промысломъ. Обычай этотъ, должно быть, унаслѣдованъ отъ самой глубокой древности, ибо теперь большая часть японцевъ конечно не рыболовы, а землепашцы. Праздничные подарки со-

стоятъ обыкновенно изъ пироговъ, а подарки начальству непремѣнно изъ произведеній изящныхъ искусствъ. Съ своей стороны начальники должны дарить подчиненнымъ только предметы положительной стоимости.

Общительность и веселость нрава японцевъ высказывается въ многочисленныхъ забавахъ и развлеченіяхъ. Домашнія посѣщенія знакомыхъ составляютъ первую ступень въ этой лѣстницѣ удовольствій. Мы уже видѣли, какъ радушно принимаютъ японецъ или японка своихъ гостей. Сверхъ этого можно замѣтить, что японскіе обѣды и вечера отличаются самымъ широкимъ гостепріимствомъ и гомерическою патріархальностью, какая уже давно вывелась не только въ западной, но и въ восточной Европѣ. Такъ гостямъ предоставляется уносить изъ-за обѣда то, что имъ понравилось и чего однакоже не могли они съѣсть. Въ этомъ отношеніи японцы не измѣняли своихъ обычаевъ и тогда, когда имъ приходилось обѣдать у европейцевъ. Такъ англичане, сопровождавшіе лорда Ельжина въ 1858 г., не безъ удивленія смотрѣли, какъ уполномоченные японскаго правительства, на оффиціальномъ обѣдѣ у посланника, завертывали въ бумажки куски ветчины, плумъ-пудинга и пирожныхъ и клали ихъ въ рукава. Объѣдки эти предназначались для того, чтобы показать дома, чѣмъ ихъ угощали, и лорду, по японскимъ понятіямъ, слѣдовало бы выразить крайнее удовольствіе, что трапезѣ его дѣлаютъ подобную честь. Послѣ обѣда, сопровождаемаго обильными возліяніями

сакки, а въ наше время и шампанскаго, мужское общество остается въ столовой и продолжаетъ бесѣду; женщины же, если онѣ присутствовали (что показываетъ интимный характеръ обѣда), уходятъ въ садъ, на балконъ или на половину хозяйки вмѣстѣ съ молодыми поклонниками прекраснаго пола. Затѣмъ въ столовой разговоръ мало-по-малу оживляется, становится шумнымъ, несвязнымъ и наконецъ приходитъ къ тому, что собесѣдниковъ поздно вечеромъ разносятъ по домамъ въ забытьи. Молодежь и дамы, между тѣмъ, предаются другимъ забавамъ: играютъ въ фанты, поютъ, говорятъ по очереди остроты и каламбуры, разгадываютъ загадки, слушаютъ музыку. Приличія соблюдаются здѣсь также строго, какъ въ европейскихъ гостиныхъ; только скука послѣднихъ, порождаемая надутостью, неискренностью, а въ нѣкоторыхъ благословенныхъ странахъ и безпрестаннымъ воспоминаніемъ о чинахъ, не проникла еще сюда.

Японцы хорошіе гастрономы и любятъ покушать со вкусомъ. Столъ ихъ очень разнообразенъ, хотя въ составъ кушаній и не входятъ важнѣйшіе матеріалы европейской кухни, коровье масло и мясо домашнихъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ свиней. Они замѣняются соей, уксусомъ, растительными маслами, яицами и наконецъ дичью и рыбой. Сорты рыбъ столь многочисленны и приправы къ нимъ такъ разнообразны, что однѣ рыбныя блюда составляютъ порядочную «главу» въ menu de repas. Овощи и грибы также играютъ видную роль въ японскомъ обѣдѣ; чай и сакки составляютъ

необходимую его принадлежность*). Впрочемъ японцы не угощаютъ такъ, какъ угощали наши предки въ XVII и XVIII вѣкѣ: кушанья за столомъ не считаются сотнями, ни даже десятками: семь восемь блюдъ, и довольно. Подаютъ въ чашкахъ, отдѣльно для каждаго гостя, который притомъ имѣетъ около себя чашку для риса, служащаго вмѣсто хлѣба. Обѣденные столы сервируются со вкусомъ, которому бы могли позавидовать многіе метръ-дотели въ Европѣ, и это несмотря на отсутствіе серебра и хрустальной посуды**). Блескъ сервировки достигается помощью фарфора и издѣлій подъ лакомъ. Для возбужденія аппетита употребляютъ соленую рыбу, имбирь, сою и проч. Кушанья запиваютъ чаемъ и сакки. При концѣ обѣда чаще другихъ подаваемое пирожное есть рисъ, приготовленный въ родѣ кутьи или пуддинга съ варенъемъ на верху, фигурно разложеннымъ. Тосты, обыкновенно весьма мно-

*) «Когда мнѣ случалось наблюдать японцевъ, употреблявшихъ въ дѣло множество чашечекъ, блюдечекъ, ящичковъ, лаковыхъ подносиковъ, фарфоровыхъ флакончиковъ, чайниковъ, и любоваться граціозными движеніями ихъ рукъ, большею частію весьма тонкихъ и нѣжныхъ, мнѣ всегда приходило въ голову, что я нахожусь въ обществѣ большихъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу болѣе для забавы чѣмъ для утоленія голода». *Эме-Гюмберъ.*

**) У японцевъ нѣтъ бутылокъ, графиновъ и пр., также оконныхъ стеколъ: стекло идетъ только на выдѣлку флакончиковъ, большихъ булавокъ для приглаживанья дамскихъ волосъ и другія мелочи.

гочисленные, пьются подогрѣтымъ сакки, а въ наше время и европейскими винами и ликерами, при чемъ хозяинъ самъ подливаетъ гостямъ, чокается съ ними или, выпивъ первую чашку, передаетъ посуду и вино въ круговую. Гости незабываютъ и сами себя.

Парадный чай приготовляется и разносится въ самой дорогой изящной посудѣ. Особенность его приготовленія состоитъ въ томъ, что листья сначала истираются въ порошокъ, а когда чай заваренъ, то его взбиваютъ бамбуковыми палочками до тѣхъ поръ, пока онъ не вспѣнится. Ни какихъ приправъ къ чаю обыкновенно не подаютъ; но кто желаетъ, можетъ заѣдать его рисомъ. Вмѣсто сахару употребляютъ обыкновенно леденецъ, какъ въ Китаѣ; но по большей части японцы пьютъ чай совсѣмъ безъ сахара.

Въ лѣтнюю пору японцы совершаютъ загородные прогулки куда-нибудь въ рощу, на берегъ залива или на живописную гору. Чувство красотъ природы такъ развито у нихъ, что послѣдній крестьянинъ или работникъ нерѣдко останавливается передъ красивою мѣстностью и любуется ею. Пусть только читатель вспомнитъ, какъ относятся къ красивымъ ландшафтамъ простолюдины-европейцы всѣхъ націй, за исключеніемъ итальянцевъ, чтобы согласиться что эстетическое чувство у японцевъ отличается рѣдкимъ развитіемъ и, что еще важнѣе, рѣдкою свѣжестію. Больше всего любятъ японцы море и катанье по немъ на лодкахъ. Отъ того безпрестанно встрѣчаются около прибрежныхъ городовъ и селеній красивые катера, гички и пр., на которыхъ

цѣлыя общества или отдѣльныя лица въ тихую погоду снуютъ по заливамъ и бухтамъ. Музыка сопровождаетъ тѣхъ, кто въ состояніи ее нанять, и нетолько вечеръ, но и часть ночи обыкновенно проходятъ въ этомъ поэтическомъ развлеченіи. Съ закатомъ солнца на лодкахъ зажигаются многочисленные цвѣтные фонари, а на берегу пускаютъ ракеты и другіе фейерочные огни. Общество возвращается домой лишь тогда, когда падающая роса напомнитъ объ охлажденіи атмосферы и о возможности простудиться.

Къ самымъ любимымъ увеселеніямъ японскаго народа принадлежатъ танцы и музыка. Танцуютъ въ Японіи однѣ женщины: мущины же могутъ только любоваться ихъ граціей. Такъ какъ японки носятъ очень длинныя платья, то онѣ ни какихъ не выдѣлываютъ ногами и ограничиваются медленными движеніями и мимикой рукъ, головы и стана. Само собою разумѣется, что для неиспорченнаго вкуса это все же лучше нашихъ нелѣпыхъ балетныхъ танцевъ, хотя и уступаетъ танцамъ салоннымъ, когда послѣдніе хорошо исполняются. Порядочная японка даже въ чайномъ домѣ танцуетъ съ полнымъ приличіемъ; но впрочемъ и тамъ есть баядеры, неуступающія остъ-индскимъ, особенно въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя посѣщаются европейцами, привыкшими къ Bal-Mabil, Альгамбрѣ или Орфеуму.

Музыка составляетъ предметъ страсти японцевъ; но къ нимъ въ этомъ случаѣ можно примѣнить извѣстный анекдотъ про одного изъ англійскихъ королей, который, желая знать мнѣніе одного артиста о своемъ музыкальномъ ис-

кусствѣ, получилъ въ отвѣтъ, что «есть, съ музыкальной точки зрѣнія, три рода людей: одни, которые не любятъ и незнаютъ музыки, другіе, которые любятъ ее, но то же не знаютъ, и третьи, которые любятъ и умѣютъ играть: ваше величество вышли изъ перваго разряда, но не достигли еще до третьяго.» Японцы то же обрѣтаются не въ третьемъ разрядѣ, по крайней мѣрѣ по европейскимъ понятіямъ. Ихъ больше занимаетъ природа звуковъ, ихъ тонъ, продолжительность, мягкость или суровость, а не комбинація въ стройныя аріи. Идея музыкальнаго такта также слаба у нихъ, и ихъ хоры отчасти представляютъ осуществленіе, на музыкальномъ поприщѣ, поговорки: «кто по дрова, кто въ лѣсъ.» За всѣмъ тѣмъ музыка ихъ можетъ иногда доставить удовольствіе, особенно когда служитъ аккомпаниментомъ искусной пѣвицѣ и состоитъ не болѣе какъ изъ одного или двухъ инструментовъ. Самое популярное музыкальное орудіе въ Японіи есть гитара, называемая самишеномъ, если она трехструнная, и бивой, если она шестиструнная. На самишенѣ умѣетъ играть почти каждая японка, будь она даже изъ низшаго класса. Затѣмъ слѣдуютъ лютня, флейты, кларнеты, бубны и барабаны. Зибольдъ насчитывалъ всѣхъ инструментовъ въ Японіи двадцать одинъ: теперь число ихъ прибавилось, потому что японцы, какъ говорятъ, завели военные хоры, да и между частными людьми входятъ въ употребленіе нѣкоторые европейскіе инструменты, особенно швейцарскіе музыкальные ящики.

Музыка, пляски и пѣніе доставляютъ японцамъ развлеченіе и въ частныхъ домахъ и, особенно, въ іоши-

варахъ. Эти послѣднія учрежденія заключаютъ искуснѣйшихъ японскихъ артистокъ, и японца-мущину столько же привлекаетъ въ чайный домъ желаніе посмотрѣть танцы или послушать пѣніе, какъ и болѣе пылкія развлеченія. Пѣвицы, музыкантши или танцовщицы притомъ всегда разодѣты въ богатыя шелковыя платья съ золотомъ или съ узорнымъ шитьемъ, умѣютъ граціозно принять, спѣть то, что наиболѣе нравится посѣтителю, протанцовать любимый имъ танецъ. — Музыкальныя удовольствія доставляютъ кромѣ того многочисленныя мацури или празднества въ честь какихъ-нибудь ками или боговъ. Объ этихъ мацури стоитъ сказать по подробнѣе.

По религіознымъ понятіямъ японцевъ не слѣдуетъ много надоѣдать богамъ людскими молитвами: боги, какъ существа всевѣдущія, и безъ того все знаютъ, что дѣлается съ людьми и что нужно для нихъ. Кромѣ того молитвы часто приносятся въ огорченномъ состояніи духа, а это должно быть непріятно богамъ, которые промышляютъ о благѣ Японіи и слѣд. не могутъ не обижаться, видя людей недовольными. И такъ, чтобы сдѣлать богамъ пріятное, чтобы заслужить ихъ расположеніе, лучше веселиться, чѣмъ плакать. На этомъ принципѣ основаны мацури, т. е. всенародныя увеселенія въ дни, посвященные тѣмъ или другимъ ками, которыхъ въ японскомъ календарѣ есть больше трехъ тысячъ, слѣдовательно достаточно, чтобы каждый городокъ имѣлъ свое особое празднество. Наружно мацури — какъ всѣ праздники; но внутренный смыслъ ихъ, какъ видимъ, совершенно

отличенъ отъ праздниковъ католическихъ, еврейскихъ или магометанскихъ, Мацури оффиціально введены императоромъ Тенъ-му въ VII столѣтіи отъ нашей эры и слѣдовательно имѣютъ вполнѣ легальное, религіозное основаніе: ибо кому же и знать волю боговъ, какъ не прямому ихъ потомку, возсѣдающему на японскомъ престолѣ? . . . Теперь посмотримъ въ чемъ онѣ состоятъ. Въ Нагасаки, напримѣръ, покровителемъ города считается Сува, одинъ изъ самыхъ популярныхъ боговъ во всей Японіи. Въ день его городъ представляетъ оживленное и любопытное зрѣлище. Утромъ народъ толпится у храма, разукрашеннаго флагами и знаменами. Вся толпа разодѣта въ лучшія платья и всякій приноситъ какую-нибудь жертву божеству, въ составѣ которой непремѣнно должна быть и чашка сакки, конечно въ пользу храмослужителей. Затѣмъ изображеніе божества отправляется по городу, въ изящной переносной кумирнѣ, сопровождаемой жрецами въ парадныхъ ризахъ и то въ норимонахъ (носилкахъ), то верхами на лошадяхъ. Полиція, какъ представительница консервативнаго начала, ладящаго съ жрецами, охотно увеличиваетъ торжественность процессіи помощью коннаго конвоя, слѣдующаго въ картирѣ. Когда достигнутъ до главной городской площади, — шествіе останавливается и изображеніе божества становится на особыхъ подмосткахъ для всенароднаго ему поклоненія. Затѣмъ начинается свѣтская часть праздника, состоящая изъ множества увеселительныхъ зрѣлищъ, устраиваемыхъ на счетъ жителей разныхъ улицъ по-очередно.

Впереди носятъ балдахинъ съ надписью, означающею, какая улица есть хозяинъ цѣлаго празднества, что имѣетъ свое значеніе, потому что улицы соперничаютъ между собою великолѣпіемъ торжествъ. Потомъ слѣдуютъ музыканты подъ предводительствомъ начальника городской полиціи; за ними дѣти, представляющіе на перекресткахъ и другихъ мѣстахъ остановокъ какія-нибудь историческія піески. Иногда вмѣсто дѣтей актерами являются обитательницы чайныхъ домовъ въ великолѣпныхъ костюмахъ. За актерами носятъ подвижные кулисы и декораціи, такъ что представленіе ничего не теряетъ отъ того, что совершается подъ открытымъ небомъ, а не въ театрѣ. Процессію заключаютъ родители и знакомые актеровъ, а наконецъ и толпа всякаго рода зѣвакъ и охотниковъ до уличныхъ зрѣлищъ. Представленія даются по возможности во всѣхъ частяхъ города; иногда для этого составляется нѣсколько особенныхъ шествій заранѣе избирающихъ кварталы для своихъ посѣщеній. Порядокъ въ процессіяхъ соблюдается удивительный, и не бываетъ давки, не смотря на многочисленныя толпы не только нагасакскихъ горожанъ, но и жителей сосѣднихъ селеній. Праздникъ обыкновенно продолжается три дни, и въ это время всѣ дѣла отбрасываются въ сторону. Дома украшаютъ коврами, драпировками, временными навѣсами, подъ которыми пьютъ, ѣдятъ и забавляются музыкою съ утра до вечера. Знакомые непрерывно навѣщаютъ другъ друга.

Изъ прочихъ праздниковъ особенно замѣчательны общенародными увеселеніями новый годъ и такъ наз-

ванный Тунбергомъ праздникъ фонарей — день поминанья усопшихъ. Новый годъ обыкновенно сопровождается многочисленными визитами ко всѣмъ знакомымъ и по начальству, при чемъ японцы употребляютъ, такъ же какъ и мы, визитныя карточки, и обмѣниваются подарками. Что касается до праздника фонарей, то въ это время души умершихъ считаются какъ бы появившимся на свѣтъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлаютъ ихъ потомки и родственники. По этому ихъ ходятъ встрѣчать на кладбища и оттуда же провожаютъ въ преисподнюю, но впрочемъ не раскапывая могилъ или вообще не какимъ-нибудь сухопутнымъ дѣйствіемъ, а утопленіемъ въ морѣ. Для послѣдней цѣли въ ночь, оканчивающую празднество, спускается на воду множество соломенныхъ лодочекъ съ зажженными на нихъ бумажными фонарями. По мѣрѣ того, какъ вѣтеръ или отливъ уноситъ ихъ въ море, онѣ загараются и освѣщаютъ окрестность, представляя собою очень красивую иллюминацію.

Описаніемъ японскихъ празднествъ можно бы наполнить цѣлую книгу: такъ разнообразны онѣ. Чтобы покончить съ обзоромъ общественныхъ увеселеній, скажемъ еще нѣсколько словъ о театрахъ, этомъ любимомъ развлеченьи японцевъ. Нѣтъ кажется такого городка или большаго селенія, гдѣ не было бы своего театра. Въ Іеддо ихъ тридцать, т. е. больше чѣмъ въ Парижѣ; въ Осакѣ едвали менѣе. На одной улицѣ Токаидо, въ бывшей столицѣ тайкуновъ, есть не меньше пяти театровъ, устроенныхъ какъ въ Европѣ, но только

съ ложами не болѣе какъ въ три яруса и съ оркестромъ не тамъ, гдѣ у насъ. Партеръ занятъ циновками, на которыхъ зрители усаживаются обычнымъ манеромъ. Представленіе происходятъ почти непрерывно, при чемъ піесу раздѣляютъ на нѣсколько актовъ, между которыми вставляютъ другія піесы: это дѣлаетъя для того, чтобы дать возможность зрителямъ отдохнуть, сдѣлать прогулку или зайдти въ буфетъ, обыкновенно находящійся при театрѣ. Отъ того въ анкрактахъ всегда толкотня, при чемъ дѣти обыкновенно уходятъ на сцену или даже за кулисы, гдѣ актеры угощаютъ ихъ лакомствами. Для начала спекталя по большой части даются атлетическія игры; потомъ идетъ трагедія или комедія. Въ исполненіи потрясающихъ сценъ актеры не стѣсняются ни какими условными приличіями. Если нужно представить пытку, истязаніе, казнь, — это дѣлается съ наводящею ужасъ вѣрностію дѣйствительности. Переодѣванья и превращенья совершаются также съ искуствомъ, оставляющимъ мало желать; но перестановка декорацій немного патріархальна по недостатку машинъ. Когда зрители довольны спекталомъ, они рукоплещутъ, какъ и у насъ; если онъ не нравится имъ, то поворачиваются спиною. Въ послѣднемъ случаѣ занавѣсъ падаетъ, хотя бы піеса была неокончена. Лучшихъ актеровъ обдариваютъ, но не букетами и драгоцѣнными вещами, какъ у насъ, а одеждой, которую потомъ выкупаютъ у получившаго. Въ антрактахъ, даже не выходя изъ театра, ѣдятъ и пьютъ прохладительныя, читаютъ либретто піесъ, продаваемыя тутъ же разнощиками, разговари-

ваютъ между собою. Дамы обыкновенно являются въ театръ великолѣпно разряженными.

Пьесы, даваемыя на сценѣ, по характеру своему распадаются на серьозныя — драмы, и на легкія — водевили, комедіи и волшебныя оперы. Драма, заимствованная у китайцевъ, такъ и осталась китайскою; въ ней, какъ и во французскихъ ложно-классическихъ піесахъ, дѣйствующими лицами являются герои, цари, полководцы, министры и проч. На сценѣ они скорѣе поютъ, чѣмъ говорятъ, подобно какъ и въ Théâtre Francais при постановкѣ піесъ Расина. Кто хочетъ ближе узнать народные вкусы японцевъ и ихъ національный театръ, тотъ долженъ идти на водевиль или фарсъ. Тамъ представляются сцены ежедневной жизни, и большею частію не какія-нибудь вымышленныя, а прямо взятыя изъ современной дѣйствительности. Выступающія на сцену лица — добрые знакомые публики; она иногда съ ними перекидывается словами, намеками, понимаетъ каждое ихъ движеніе, каждую остроту. Но странно, что при такой свободѣ въ выборѣ сюжета и подробностей представленія, нѣкоторые предметы не допускаются вовсе на сцену. Японецъ пришелъ бы, напримѣръ, въ негодованіе, если бы на подмосткахъ увидѣлъ супружескій обманъ и невѣрную жену, хотя любовная интрига вовсе не изгнана изъ театра. Однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ на сценѣ служатъ якунины съ ихъ бюрократическими замашками. Японцы язвительно смѣются надъ ними, и по всему видно, что это зелье надоѣло имъ до послѣдней степени. — Вол-

шебныя оперы, гдѣ актеры являются въ фантастическихъ костюмахъ и гдѣ содержаніе пьесы также бываетъ большею частію сатирическое, не менѣе популярны.

Люди бѣдные, не имѣющіе возможности посѣщать театры, которые дороги (5—6 рублей сер. за мѣсто въ партерѣ), довольствуются обыкновенно уличными зрѣлищами, въ числѣ которыхъ особенно видное мѣсто занимаютъ представленія акробатовъ, борцовъ, разныхъ фокусниковъ, игра бродячихъ музыкантовъ и проч. На деревенскихъ театрахъ большею частію играютъ также бродячіе актеры. Тутъ главная сущность пьесъ въ дешевомъ комизмѣ переодѣваній, въ нѣсколькихъ сальныхъ остротахъ, въ проворствѣ и ловкости гимнастическихъ штукъ. Европа отчасти уже ознакомилась съ этими зрѣлищами, благодаря японской труппѣ, нанятой однимъ французомъ и посѣтившей всѣ главнѣйшіе города, отъ Парижа и Лондона до Петербуга. Многіе вѣроятно не безъ удовольствія вспомнятъ изящный фокусъ летающихъ бабочекъ, смѣлое влезанье на лѣстницы, поддерживаемыя только ногами, и проч.

Отъ этого перечня японскихъ увеселеній, среди которыхъ народъ, по врожденнымъ своимъ наклонностямъ, старается проводить большую часть своей жизни, перейдемъ теперь къ подробностямъ кончины японца. Если онъ не бѣднякъ, не бездомный работникъ, тѣло котораго просто зарываютъ въ землю, то все печальное событіе его смерти сопровождается извѣстною обстановкою, соблюдаемою по преданію. Обыкновенно самая

кончина остается на нѣкоторое время безъ всякой огласки, чтобы дать возможность ближайшему наслѣднику покойнаго войдти въ свои права. При наслѣдственности многихъ достоинствъ и преимуществъ, требующихъ утвержденія свыше, на это всегда нужно нѣсколько времени, и въ это время покойникъ не считается еще умершимъ, такъ что будь онъ напр. чиновникъ, его жалованье продолжаетъ идти семейству или кредиторамъ. Затѣмъ, когда къ огласкѣ нѣтъ уже больше препятствій, родственники умершаго приглашаютъ нѣсколькихъ близкихъ друзей распорядиться всѣмъ похоронымъ церемоніаломъ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы само семейство покойнаго предавалось въ это время одной горести, а не хозяйственнымъ мелочамъ. Эти друзья распредѣляютъ между собою обязанности похороннаго этикета, при чемъ одинъ не отлучается отъ трупа покойнаго, другой хлопочетъ о приготовленіяхъ къ выносу, третій принимаетъ гостей, которые приходятъ заявить сожалѣніе и, по японскимъ обычаямъ, останавливаются у дверей, не входя въ домъ, «нечистый», благодаря своему положенію. Когда все готово къ погребальному шествію, тогда повѣщаютъ объ этомъ всѣхъ знакомыхъ, чтобы доставить имъ случай отдать послѣдній долгъ покойному. Шествіе открываютъ факельщики и за ними жрецы, которые въ этомъ случаѣ уже необходимы, какъ оно и естественно, съ японской точки зрѣнія, ибо только теперь для души начинается собственно духовная жизнь, независимая отъ земныхъ интересовъ. За жрецами слѣдуютъ слуги

съ фонарями, зонтиками, портретами разныхъ буддъ или ками и священными изреченіями, писанными на бумажныхъ хоругвяхъ. Послѣ этого авангарда слѣдуетъ самъ покойникъ, въ гробѣ, имѣющемъ видъ норимона, т. е. носилокъ въ родѣ кадки, осьміугольнаго ящика или миніатюрнаго каретнаго кузова, куда человѣка можно посадить, но гдѣ онъ ни стоять, ни протянуться не можетъ. Норимонъ несутъ нѣсколько человѣкъ, смотря по достатку и званію умершаго, при чемъ сверху надъ нимъ поддерживаютъ еще вѣнокъ и балдахинъ изъ бумаги. Непосредственно за гробомъ идутъ родные, друзья и знакомые, первые всѣ въ бѣломъ, такъ какъ цвѣтъ этотъ означаетъ въ Японіи трауръ. Умершаго приносятъ сначала въ храмъ, гдѣ происходитъ отпѣваніе, сопровождаемое музыкою храмовыхъ инструментовъ. Затѣмъ его переносятъ на кладбище, гдѣ могила выкапывается и обдѣлывается какъ у насъ, но только бываетъ короче нашей. Люди богатые погребаютъ своихъ усопшихъ въ фамильныхъ оградахъ и установивъ предварительно гробъ въ глиняный цилиндрическій горшокъ, который предохраняетъ его отъ сырости. Иногда, по желанію покойника или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ трупъ его сожигается, а бѣдныхъ рыбаковъ и просто бросаютъ въ море.

Трауръ носится, сообразно съ степенью родства и значеніемъ покойнаго для семьи, семь недѣль, сто дней или и цѣлый годъ. Въ это время, сверхъ употребленія бѣлой одежды, японецъ не брѣетъ головы и бороды, не стрижетъ ногтей, не посѣщаетъ пиршествъ, публич-

ныхъ увеселеній. Кромѣ того въ первые семь недѣль обыкновенно родные покойнаго собираются на могилѣ его молиться о его душѣ и приносятъ въ жертву пирожки, которые по видимому имѣютъ то же отношеніе къ поминанью, какъ у насъ блины и кутья. Въ пятидесятый день по большей части трауръ оканчивается, и тогда надъ могилой ставятъ памятникъ, а лица, снявшія траурную одежду, празднуютъ это событіе, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они освобождаются отъ того нечистаго состоянія, въ которомъ, по мнѣнію японскихъ богослововъ, находится каждый, кто имѣлъ дѣло съ трупами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Нѣкоторыя черты нравственности и права въ Японіи.

Мы прослѣдили въ предъидущемъ очеркѣ большую часть чисто внѣшнихъ обыкновеній японской жизни, изъ которыхъ впрочемъ иныя имѣютъ и глубокій нравственный смыслъ, какъ напр. передача управленія дѣлами дома женатому сыну, отношеніе общественнаго мнѣнія къ женщинамъ, обитающимъ въ чайныхъ домахъ и проч. Посмотримъ теперь на такія обыкновенія, которыя имѣютъ связь съ положительнымъ правомъ и частію даже истекаютъ изъ него или по крайней мѣрѣ, относятся къ области, называемой юридическою. Здѣсь на первомъ планѣ представляется фактъ, который доказываетъ, что японцы, не смотря на всепоглощающее, непрерывное давленіе почти деспотической центральной власти, сохранили одну сторону своего нравственнаго бытія на высотѣ, какой могутъ позавидовать всѣ другіе народы Востока. Я говорю про тотъ рыцарскій духъ, который оживляетъ японца и который заставляетъ его лучше лишить себя жизни, чѣмъ допустить ненаказанно нарушеніе правъ его личности. Разумѣется, что этотъ духъ развивается воспитаніемъ, и въ этомъ-то смыслѣ

получаютъ особую занимательность тѣ легенды, которыя питаютъ воображеніе японскихъ дѣтей и которыя содержаніемъ своимъ напоминаютъ уже извѣстный читателю разсказъ о тридцати пяти вѣрныхъ лонинахъ. Съ ранняго возраста врѣзываются они въ память японца и приносятъ свои плоды. Кромѣ того помогаетъ развитію чувства чести и самый строй японскаго общества, во главѣ котораго стоятъ гордые наслѣдственные князья, которыхъ вся жизнь, можно сказать, состоитъ въ защитѣ point d'honneur и своихъ историческихъ правъ. За князьями идутъ дворяне, а за ними и другія сословія, кромѣ купцовъ, которые за то и пользуются всеобщимъ презрѣніемъ. Вслѣдствіе этой исторической выработки, японецъ, не смотря на видимую мягкость характера и на крайнюю сдержанность, никогда не позволяетъ обижать себя безнаказанно. Если онъ слабъ, безсиленъ отмстить, онъ немедленно расходится съ оскорбителемъ *навсегда*. Это пришлось испытать и европейцамъ, да притомъ еще на простыхъ слугахъ, которые, будучи сегодня обижены господами, завтра непремѣнно отходятъ, какова бы ни была гнетущая ихъ нужда. И никакія упрашиванья не помогаютъ: оказывается обыкновенно, что у недовольнаго умеръ отецъ, братъ, дядя, или овдовѣла сестра и т. п., послѣ чего невозможны ни какія уступки, а между тѣмъ оскорбитель чувствуетъ, что виною всему онъ одинъ, а японецъ только деликатно не хочетъ ему объ этомъ сказать да и не нанаходитъ того нужнымъ, потому что нутри его все рѣшено неизмѣнно. Въ высшихъ сословіяхъ

віяхъ этотъ point d'honneur достигаетъ крайней степени щекотливости. Лица повздорившія, т. е. употребившія другъ противу друга рѣзкія выраженія (что очень рѣдко) или сдѣлавшія колкій намекъ или даже не оказавшія другъ другу надлежащаго вниманія, дерутся на поединкѣ *). Если оскорбленіе сильно и сдѣлано публично,—оскорбленный лишаетъ себя жизни, представляя друзьямъ смыть пятно съ его памяти, какъ мы видѣли въ легендѣ о лонинахъ. Лишеніе себя жизни есть обычай, ведущійся съ самыхъ древнихъ временъ. Для исполненія этого печальнаго обряда существуютъ традиціонные пріемы, которые соблюдаются съ религіозною точностью. Въ школахъ учатъ какъ при случаѣ нужно вскрывать животъ наилучшимъ для достиженія цѣли способомъ. Носимый каждымъ благороднымъ японцемъ кинжалъ служитъ орудіемъ самоумерщвленія, которое совершается съ большою торжественностью. Если причина смерти—обида отъ частнаго человѣка,—собираются нетолько родные, но всѣ друзья; если напротивъ убійство вызывается немилостью свыше или позорнымъ поступкомъ, во избѣжаніе казни, то присутствуютъ лишь одни близкіе родственники. Во всякомъ случаѣ любопытно то, что самъ японскій законъ уважаетъ этотъ кровавый обычай и не подвергаетъ уже отвѣтственности тѣхъ близкихъ къ самоубійцѣ лицъ,

*) *Головнинъ.* Другіе европейцы, наблюдавшіе японцевъ, почти не упоминаютъ о поединкахъ, хотя несомнѣнно, что они существуютъ, особливо между военными, искусными въ употребленіи ручнаго оружія.

которыя безъ его самопожертвованія непремѣнно были бы лишены общественныхъ правъ, а быть можетъ и имущества. Въ силу такого законодательства, лишеніе себя жизни есть почти неизбѣжный исходъ для каждаго скомпрометтированнаго лица, если оно дорожитъ собственнымъ именемъ и счастьемъ семьи. И поводы иногда могутъ быть очень не важны на европейскій взглядъ, какъ видно напр. изъ слѣдующаго разсказа:

Въ 1808 году англійскій корабль «Фаэтонъ» вошелъ на нагасакскій рейдъ подъ голландскимъ вымпеломъ и захватилъ двухъ голландцевъ, выѣхавшихъ на встрѣчу. Губернаторъ Нагасаки потребовалъ отъ англичанъ выдачи плѣнниковъ, но получилъ отказъ. Тогда онъ сталъ дѣлать приготовленія, чтобы захватить измѣнническое судно силою или хитростію; но намѣреніе не удалось, потому что «Фаэтонъ» ушелъ прежде, чѣмъ приготовленія къ его поимкѣ были окончены. И хотя захваченные голландцы были отпущены, но японскій сановникъ видѣлъ себя оскорбленнымъ, такъ-сказать одураченнымъ. Донести о такомъ произшествіи, компрометтировавшемъ его служебную дѣятельность, онъ не рѣшался; не донести было нельзя, ибо тогда правительственные шпіоны сдѣлали бы это и помимо его. Хорошо зная, какая участь ожидаетъ его, говоритъ Деффъ, губернаторъ черезъ полчаса послѣ событія собралъ свое семейство и при всѣхъ распоролъ себѣ брюхо. Начальники прибрежныхъ карауловъ, которые позволили кораблю войдти и потомъ скрыться изъ гавани, послѣдовали его примѣру. Нельзя сомнѣваться, что они

этимъ предупредили страшную казнь, имъ готовившуюся; ибо правительство подвергло отвѣтственности за оплошный надзоръ за берегами даже князя Физена, бывшаго тогда въ Іеддо и виновнаго развѣ только тѣмъ, что оплошность была сдѣлана его подчиненными. Князь не смотря на то, что онъ дайміосъ, сидѣлъ подъ арестомъ сто дней, да еще долженъ былъ назначить пенсію семьѣ умершаго губернатора. Это послѣднее обстоятельство также не лишено интереса для характеристики японскихъ нравовъ. Князь просилъ позволенія поднести 2.000 кобанговъ (15.000 р. с.) сиротѣ умершаго нагасакскаго сановника: на это нетолько согласились, но *позволили* ему, т. е. приказали, платить такую же сумму ежегодно впредь до совершеннолѣтія ребенка, чтобы онъ ни въ чемъ не имѣлъ нужды.

Презрѣніе къ смерти, когда эта смерть вызвана дѣломъ, которое подвергающійся ей считаетъ правымъ, проявляется не въ однихъ аристократахъ, воспитанныхъ въ правилахъ самаго щекотливаго честолюбія. Нѣтъ, оно сродно почти въ той же степени каждому японцу, хотя и высказывается невсегда одинаковымъ образомъ. На глазахъ европейцевъ былъ случай, доселѣ сохранившійся въ памяти Іокогамы. Въ 1865 году, послѣ арестованія и суда въ Іеддо японца, который былъ признанъ виновнымъ въ смерти двухъ англичанъ, преступникъ этотъ былъ привезенъ въ Іокогаму для казни. Семидже,—такъ звали его,—гордо ѣхалъ на лошади, хотя былъ туго привязанъ къ ней въ неудобномъ положеніи, на колѣняхъ. Онъ смотрѣлъ на толпу съ презрѣніемъ;

глаза его сверкали, не смотря на то, что лицо и все тѣло были истощены отъ пытки и тюремнаго заключенія. Когда дошла очередь до самой казни, онъ отвергъ повязку на глаза и объявилъ, что желаетъ показать негодяямъ-иностранцамъ, какъ умираютъ японцы. «Однимъ ударомъ!» прибавилъ онъ, обращаясь къ старику-палачу и склоняя голову надъ ямою, вырытою въ землѣ. Палачъ успѣлъ удовлетворить этой послѣдней просьбѣ гордаго патріота.

Въ легендѣ о тридцати пяти лонинахъ мы находимъ еще одну основную черту японскаго характера, отражающуюся во всемъ нравственномъ и юридическомъ бытѣ націи. Черта эта состоитъ въ духѣ товарищества, тѣсно связующемъ тѣхъ, кто разъ попалъ въ опредѣленный общественный кругъ. Такая связь сказывается не только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно бываетъ совершить столь крупное, кровавое дѣло, какъ разсказанное легендою; нѣтъ, друзья или товарищи не оставляютъ одинъ другаго и въ менѣе важныхъ обстоятельствахъ жизни. Особливо японцы низшихъ классовъ, гдѣ отдѣльная личность слишкомъ слаба, чтобы бороться со всѣми встрѣчающимися препятствіями, охотно вступаютъ въ подобныя ассоціаціи, коихъ члены обязаны всегда дѣйствовать ко взаимной выгодѣ и по распоряженію одного, избраннаго главы. Ассоціаціи этого рода повсемѣстны въ Японіи, и какъ единодушно онѣ дѣйствуютъ, доказательствомъ служитъ случай, бывшій въ 1862 году въ Іокогамѣ. Тамошніе бетто или конюхи принадлежатъ къ двумъ артелямъ, которыхъ главы, какъ бы старосты, жившіе все время

мирно, вдругъ поссорились въ этомъ году. Ссора имѣла чисто личный характеръ; тѣмъ не менѣе они пригласили на помощь каждый свою артель, и члены послѣднихъ безпрекословно повиновались. Въ одно прекрасное утро всѣ они оставили своихъ хозяевъ и собрались въ означенномъ для боя мѣстѣ. Только усиліями полиціи удалось возвратить ихъ къ своимъ мѣстамъ, но и тутъ обоюдная вражда проявлялась въ теченіи долгаго времени частными стычками членовъ обѣихъ артелей. Подобное же тѣсное сближеніе замѣчается между жителями различныхъ улицъ, которые нерѣдко ведутъ между собою вѣковую, наслѣдственную вражду. Въ Нагасаки подобный случай удалось наблюдать европейцамъ, и представители закона, полицейскіе чиновники, не вмѣшивались въ борьбу. Они только оцѣпили сражавшихся, чтобы не дать вмѣшаться въ распрю остальнымъ жителямъ города; но пропускали сквозь цѣпь обитателей враждующихъ улицъ. Писаный законъ, хлопочущій больше всего о внѣшнемъ порядкѣ, склонялся тутъ предъ правомъ обычнымъ.

Чрезвычайно странно, послѣ такихъ примѣровъ дружнаго единодушія и доходящихъ до героизма чувства чести и преданности идеѣ, видѣть, что между японцами очень обыкновенно шпіонство. Это какъ бы подтверждаетъ безсмысленный самъ-по-себѣ афоризмъ, что крайности сходятся. Японія была наполнена шпіонами во времена тайкуновъ, да конечно не обходится безъ нихъ и въ настоящую пору. Шпіоны были разныхъ разрядовъ: одни оффиціальные, другіе, и конечно важнѣйшіе, совершен-

но секретные. Ихъ тайкуны держали нетолько при князьяхъ, которыхъ побаивались, но даже при собственныхъ губернаторахъ, которыхъ выборъ зависѣлъ отъ нихъ самихъ, и наконецъ при самомъ микадо. Быть хорошимъ шпіономъ, находчивымъ, ловкимъ, считалось непослѣдней заслугой, дающей право на видимыя отличія. Такъ напр. однажды губернаторомъ Мацмая назначенъ былъ человѣкъ, котораго передъ тѣмъ видали въ этомъ городѣ простымъ работникомъ и который успѣлъ сдѣлать важный доносъ. Впрочемъ, кажется, что іеддоское правительство могло держать шпіоновъ только при князьяхъ недовольно самостоятельныхъ и богатыхъ; тѣ же, которые въ состояніи были противъ этихъ минъ устроивать контръ-мины и узнавать о лицахъ, за ними присматривавшихъ, безъ церемоній рубили послѣднимъ головы: ибо правительство тайкуна не вступалось за нихъ изъ опасенья позора, а можетъ быть и потому, что такія лица сами по себѣ не стоили заступничества и притомъ легко замѣнялись другими. Такъ бывало напр. у сацумскаго князя, котораго владѣнія почти равнялися императорскимъ и находились вдали отъ средоточія могущества тайкуновъ. Нѣкотораго рода нравственнымъ оправданіемъ этой системѣ шпіонства служитъ то, что она невсегда пряталася за ширмы. Такъ въ 1858 году при переговорахъ съ лордомъ Эльджиномъ въ числѣ японскихъ уполномоченныхъ былъ одинъ, у котораго прямо на визитной карточкѣ было написано: «императорскій шпіонъ.» Такой чиновникъ очевидно исполнялъ обязанности сходныя съ проку-

рорскими въ томъ смыслѣ, какъ это было у насъ до судебной реформы. Онъ не подавалъ голоса въ обсужденіи предметовъ; но доводилъ обо всемъ произшедшемъ до свѣдѣнія правительства, чтобы то могло отклонить могущія встрѣтиться со стороны ведущихъ дѣла лицъ ошибки или отступленія отъ закона. Оффиціальные шпіоны при губернаторахъ имѣли право и даже были обязаны доводить до ихъ свѣдѣнія узнанные ими случаи преступленій или докладывать о неправильности рѣшеній самаго губернатора. При существованіи чиновничьяго, а не выборнаго управленія и при отсутствіи контроля со стороны общественнаго мнѣнія, и это было недурно, чтобъ сдерживать произволъ многочисленной бюрократіи.

Впрочемъ недолжно думать, что система полицейскаго надзора въ Японіи ограничивалась одними спеціальными чиновниками, будутъ ли то прокуроры или шпіоны въ собственномъ смыслѣ. Нѣтъ, система распространялась гораздо дальше и охватывала собою все населеніе государства. Въ русскомъ изданіи путешествія Зибольда читатель можетъ найдти слѣдующія строки: «Дома въ японскихъ городахъ раздѣлены по пяткамъ, и жители, состоящіе въ одномъ пяткѣ, отвѣчаютъ другъ за друга; каждый обязанъ доводить до свѣдѣнія кахсира (городоваго) всякое преступленіе или необыкновенное событіе, случившееся у четырехъ его сосѣдей; кахсиръ передаетъ извѣстіе оттону (квартальному), а тотъ городовому совѣту; такъ что мало сказать, что одна половина націи наблюдаетъ за другою: — вся

нація смотритъ за собой въ сотни тысячъ глазъ. Главы семейства должны смотрѣть безпрестанно за тою частію улицы, которая прилегаетъ къ ихъ дому; малѣйшій случай, побои, ссора между посторонними, приписываются ихъ нерадѣнію. Кто забудетъ сдѣлать самое незначительное донесеніе, того приговариваютъ къ штрафу, тѣлесному наказанію, тюрьмѣ или домашнему аресту. Это послѣднее наказаніе гораздо строже въ Японіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ: все семейство виновнаго лишается позволенія имѣть сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было; двери и окна дома запираются, чтобы предупредить бѣгство. Если виноватъ чиновникъ, то его отрѣшаютъ отъ должности и лишаютъ жалованья на все то время, пока онъ долженъ сидѣть подъ арестомъ; если купецъ или ремесленникъ, то дѣла его пріостанавливаются; притомъ же всѣмъ мущинамъ въ арестованномъ домѣ запрещается бриться, что столько же постыдно, сколько и неудобно..... При такой системѣ взаимнаго подсматриванія необходимо было дозволить выбирать сосѣдей. Поэтому никто не можетъ переѣхать на новое мѣсто, не получивъ отъ прежнихъ сосѣдей одобрительнаго свидѣтельства, а отъ новыхъ формальнаго согласія на принятіе его въ ту улицу, гдѣ онъ намѣренъ поселиться. Увѣряютъ, что преступникъ не можетъ найдти убѣжища или пристанища въ цѣлой имперіи, и что во всемъ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ кражи случались бы такъ рѣдко. Въ Японіи можно спать съ открытыми дверями и небояться воровъ. *Но надобно признаться, что эта безопасность покупается слишкомъ дорогою цѣною.*»

Мы прибавимъ, что она вовсе и не достигается. По крайней мѣрѣ въ Іокогамѣ, не смотря на многочисленность полиціи, воровства столь же часты, какъ гдѣ нибудь въ Москвѣ или въ Лондонѣ.

Что касается до предупрежденія посредствомъ шпіонства такъ называемыхъ политическихъ преступленій, т. е. заговоровъ, политическихъ убійствъ, составленія тайныхъ обществъ и пр., то само собою разумѣется, что къ прекращенію ихъ система шпіонства отнюдь не служитъ. Даже напротивъ, деморализируя націю, она только подготовляетъ всякаго рода заговорщиковъ, умѣющихъ ловко дѣйствовать изъ за угла. Живое доказательство тому—исторія Японіи за послѣдніе четырнадцать лѣтъ. Два тайкуна, нѣсколько князей и множество иностранцевъ пали жертвою политическихъ заговоровъ, и шпіоны всегда узнавали объ этомъ послѣ другихъ. Дворецъ самаго микадо былъ сожженъ, и они не предугадывали этого. Трудно сказать, какую участь постигнетъ шпіонство теперь, когда во главѣ Японіи сталъ не тайкунъ, а самъ микадо. Божественная власть его никѣмъ не оспаривается, ни откуда не угрожается, и вѣроятноонъ безъ труда пойметъ, что достойнѣе его величія опираться на народную любовь и на открыто-вѣрныхъ слугъ отечества, чѣмъ на подпольныхъ агентовъ, всегда склонныхъ къ измѣнѣ, по самому ихъ нравственному характеру.

Правительство японское для борьбы съ преступниками, сверхъ полиціи, вооружено кровавымъ уголовнымъ законодательствомъ. Нигдѣ, конечно, кромѣ Китая, смертная казнь не употребляется такъ часто, какъ

въ Японіи; въ придачу къ ней судъ можетъ употреблять и пытку. Правительство, по словамъ Головнина, уже въ началѣ нашего вѣка видѣло этотъ важный недостатокъ своихъ законовъ; но не спѣшило его отмѣнять, чтобы не привести древнихъ государственныхъ постановленій въ презрѣніе у народа (!) Для того же, чтобы народъ не страдалъ отъ излишней строгости законодальства, судебная власть de facto смягчала казни и въ особенности старалась избѣгать пытки. Но кажется, что замѣчанія Головнина въ этомъ случаѣ отзываются нѣкоторою сентиметльностію, излишнимъ увлеченіемъ въ пользу японцевъ. По крайней мѣрѣ, пытки и теперь въ ходу у японскихъ судей и слѣдователей, что очень хорошо извѣстно живущимъ въ Іокогамѣ европейцамъ по бывшимъ на ихъ глазахъ уголовнымъ процессамъ. И точно также ставятъ подсудимыхъ на колѣни на тупую саблю, накладывая потомъ на ноги камни, точно также сажаютъ ихъ въ тюрьмы, гдѣ черезъ одно и тоже отверстіе проходитъ воздухъ, подается скудная пища и выносятся нечистоты. Выставленіе головы казненнаго на шестѣ среди площади осталось попрежнему; даже казнь сожиганіемъ за живо и распятіемъ на крстѣ практикуется. Словомъ, японское уголовное законодательство ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ европейскаго въ XVI и XVII вѣкѣ и прототипа его, римскаго права, по которому нетолько всякая вина виновата, но и заслуживаетъ кары, далеко превышающей мѣру самаго преступленія, чтобы наводить страхъ на прочихъ людей. Выводы современной статистики, доказывающей,

что преступленіе въ большей части случаевъ подготовляется самимъ обществамъ, а преступникъ есть лишь полусознательное орудіе этой внѣшней необходимости, эти выводы, конечно, не проникли еще въ Японію. Но впрочемъ нужно сказать, что дѣйствительно японскіе судьи уполномочены, въ видахъ гуманности, растягивать кровавый законъ по собственной волѣ. Они даютъ напр. арестуемому преступнику возможность лишить себя жизни, не дожидаясь начала слѣдствія, или казнятъ его тайно, на первомъ допросѣ, и потомъ распускаютъ слухъ что, онъ умеръ отъ болѣзни, не будучи еще судимъ, что снимаетъ всякую отвѣтственность съ членовъ его семьи, и проч. Для охраненія чести японцевъ высшихъ сословій допускается наказаніе ихъ, за маловажныя вины, секретнымъ полицейскимъ судомъ. Судъ же уголовный есть гласный и не допускаетъ ни какой апелляціи.

Любопытно, что по японскимъ законамъ уголовный искъ начинается только тогда, когда есть заявленіе истца или обиженнаго лица. Однѣ преступленія противу правительства преслѣдуются во имя закона. Въ гражданскихъ дѣлахъ, т. е. при тяжбахъ и спорахъ, японцы обыкновенно разбираются посредниками, ими самими выбранными, и только въ случаѣ неудачи такого третейскаго суда прибѣгаютъ къ оффиціальному.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Японское язычество и теоріи праведной жизни.

«Свобода совѣсти, на сколько она не противорѣчитъ интересамъ свѣтскаго правительства и не возмущаетъ спокойствія государства, была всегда признаваема въ Японіи, какъ и въ большей части другихъ азіатскихъ странъ. Отъ того чужеземныя религіи легко вводились и утверждались тамъ, уменьшая число туземныхъ вѣроученій.»

Такъ начинаетъ третью книгу своей «Исторіи Японіи» Кемферъ, говоря истинну, но въ то же время простодушно незамѣчая, что свобода совѣсти въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ интересами тайкуна или удѣльныхъ князей, есть оскорбленіе божества и только подобіе той свободы, которая по существу дѣла должна отличать отношенія человѣка къ всевѣдущему и нелицепріятному судьѣ его дѣйствій и помышленій. Безусловная свобода убѣжденій, мы можемъ прибавить, также неизвѣстна въ Японіи, какъ въ Турціи, значительной части западной Европы и даже въ Соединенныхъ Штатахъ. *)

*) Въ великой заатлантической республикѣ, гдѣ всѣ виды индивидуальныя и гражданской свободы получили такое

Однакоже, за исключеніемъ христіанста, которое формально запрещено японскимъ подданнымъ съ 1638 года, дѣйствительно ни одна вѣра никогда не была гонима въ Японіи, и даже именно та свѣтская власть, которая могла бы тяготѣть надъ нею, не разъ стояла на стражѣ свободы, когда фанатизмъ сектаторовъ покушался истребить вѣроученіе имъ непріятное.

«Сколько у насъ въ Японіи сектъ»? говорилъ одинъ сіогунъ жрецамъ буддійскимъ и синтосскимъ, когда тѣ пришли его просить о принятіи мѣръ противъ распространенія христіанства въ XVI вѣкѣ. — Тридцать пять отвѣчали жрецы. — «Ну, такъ небольшая бѣда, если прибудетъ тридцать шестая. Лишь бы христіане повиновались законамъ страны.»

Этотъ политическій принципъ вѣротерпимости дѣлаетъ конечно величайшую честь здравому смыслу японской націи и гуманности ея правительства. За всѣмъ тѣмъ открыто признаются въ Японіи только три культа:

широкое развитіе, китайцамъ однакоже отказывается въ правѣ гражданства на томъ основаніи, что ихъ теорія нравственности не допускаетъ присяги. Отъ того четвертая часть жителей Калифорніи не имѣетъ права свидѣтельствовать въ судахъ, хотя съ людьми, ее составляющими, т. е. съ китайцами, производятся обширныя промышленныя сдѣлки, требующія самой строгой честности и довѣрія.... И это въ то время, когда въ главномъ органѣ общественнаго мнѣнія полноправныхъ, христіанскихъ гражданъ Штатовъ, въ New York Herald, существуетъ особый отдѣлъ для извѣщеній объ астрологическихъ предсказаніяхъ, о леченіи сверхъестественными средствами и т. п.

ками или синсіу, буддизмъ и конфуціевскій раціонализмъ, который собственно есть мораль безъ догматическихъ основаній. Святая же вѣра Христова, со времени іезуитовъ, стѣснена и понынѣ, такъ что не далѣе 1868 года нѣсколько японцевъ, исповѣдующихъ ее, попали въ тюрьму.

Было бы несогласно съ цѣлію этихъ очерковъ вдаваться въ изложеніе догматическихъ и особенно миѳологическихъ сторонъ японскихъ вѣроученій. Религія въ истинномъ смыслѣ этого слова, та, которой цѣли выше земныхъ интересовъ, которая научаетъ познавать сущность божества, пути провидѣнія и проч., совсѣмъ не входитъ въ нашу программу; а что до миѳологіи, то это эфемерное созданіе воображенія давно наскучило всѣмъ даже въ той изящной формѣ, какую представляютъ миѳы классической Греціи. Притомъ языческія преданія о происхожденіи и взаимномъ родствѣ боговъ возбуждаютъ улыбку даже у самыхъ японцевъ, сколько нибудь образованныхъ, и если еще держатся еще въ народѣ, то главнымъ образомъ по его невѣжеству, неумышленному, либо коварно поддерживаемому жрецами. Съ нашей точки зрѣнія мы коснемся догматической части японскихъ религій лишь настолько, насколько она отражается на ежедневномъ бытѣ и на практической нравственности народа; миѳологію же оставимъ въ сторонѣ, какъ вещь способную занимать только немногихъ спеціалистовъ, разработывающихъ исторію человѣческихъ заблужденій. Любопытнымъ можемъ рекемендовать сочинія Кемфера, Клапрота и Зибольда.

Синсіу есть самое древнее изъ всѣхъ вѣроученій въ Японіи. Оно туземнаго происхожденія, и его верховные блюстители суть вмѣстѣ и верховные владыки страны. Основанное на мысли, что божество, создавшее японскую землю, оставило на ней прямое свое потомство въ лицѣ микадо, ученіе это представляетъ сходство съ одной стороны съ изчезнувшимъ культомъ американскихъ инковъ, а съ другой, по множеству второстепенныхъ божествъ — *ками* — съ многими вѣроученіями юго-восточной и юго-западной Азіи, гдѣ безчисленные духи, воплощающіеся (хубилганы) или искони безплотные, стоятъ посредниками между создателемъ и созданнымъ имъ твореніемъ. Затѣмъ практическая его сторона представляетъ столько любопытныхъ особенностей, что о ней стоитъ распространиться.

Главная цѣль послѣдователей спнсіу или ками-номици*) есть *счастіе въ этомъ мірѣ*. Правда, они имѣютъ представленіе, хотя весьма темное и сбивчивое, о безсмертіи души и будущихъ блаженствѣ или несчастіи; но не заботятся о томъ, что съ ними будетъ въ загробной жизни**). Они, стало быть, открыто и добросовѣстно признаютъ то, чему на практикѣ, но вопреки признаннымъ теоретическимъ началамъ, слѣдуютъ массы

*) Ками-но-мици въ въ переводѣ значитъ ученіе о пути къ ками или богамъ.

**) Почему — трудно сказать, вѣроятно по убѣжденію въ неизбѣжности судьбы каждаго, согласно предопредѣленію; а можетъ быть и просто по равнодушію.

людей въ Азіи, Африкѣ и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Они поклоняются богамъ, но лишь потому, что боги управляютъ дѣлами этого міра, каждый по своей отрасли. И хотя ими признается бытіе одного верховнаго существа; но ему, такъ же какъ и другимъ высшимъ духамъ, не посвящено ни одного празднества, ни одного храма; ибо эти боги, по мнѣнію синтосовъ, стоятъ слишкомъ высоко надъ нашей землей и *не входятъ въ ея интересы.* Самое большое, чѣмъ проявляетъ японецъ свое почтеніе къ такимъ обитателямъ надзвѣзднаго эѳира, это упоминаніе ихъ именъ при клятвѣ. Наружныя же поклоненія воздаются главнымъ образомъ тѣмъ существамъ, которыя предполагаются непосредственно промышляющими надъ благомъ Японіи, особенно богинѣ солнца *Тенъ-дзіо-даи-зинъ*, которая, по японской миѳологіи, принадлежитъ къ божествамъ втораго разряда, къ тѣмъ, которые не создали міръ, даже не устроили его, а только управляютъ въ видахъ поддержанія разъ установленнаго порядка*).

*) По японской миѳологіи верховное существо, Аме-но-минаки-нузино-ками, ограничилось только созданіемъ себѣ трона превыше хаоса, *изъ котораго вышло.* Появившіяся затѣмъ новыя божества создали землю. Божество же Ицо-нагино сотворило нѣсколько милліоновъ второстепенныхъ духовъ и все разнообразіе вещей и ввѣрило управленіе ими Тенъ-дзіо-даи-зинъ, своей любимой дочери. Для любителей толкованія миѳовъ можно замѣтить, что въ этомъ преданіи по крайней мѣрѣ столько же смысла, сколько во многихъ прославленныхъ миѳахъ западныхъ миѳологій. Даже идея его ближе ихъ къ истинѣ, если вообще ложь можетъ приближаться къ послѣдней.

Блаженство здѣшней жизни, котораго просятъ японцы въ своихъ молитвахъ, не состоитъ однако въ кратковременныхъ чувственныхъ удовольствіяхъ. Напротивъ, высшимъ и первымъ благомъ считается чистота души или сердца. Это же благо дается лишь тѣмъ, кто исполняетъ законы природы, разума и власти, кто имѣетъ безупречную совѣсть. Ученіе ками кромѣ того предписываетъ чистоту внѣшнюю, какъ условіе внутренней: это почти то же, что въ древнемъ мірѣ выражались словами «mens sana in corpore sano.» Но понятіе о внѣшней чистотѣ составлено нѣсколько сбивчиво, какъ бы подъ вліяніемъ постороннихъ ученій. Синтосы напр. невѣрятъ въ переселенье душъ; убіеніе животнаго, съ ихъ точки зрѣнія, слѣдовательно, не должно быть грѣхомъ. Тѣмъ не менѣе имъ запрещается проливать кровь и ѣсть мясо подъ предлогомъ, что это дѣлаетъ человѣка нечистымъ. Тотъ, кто убилъ животное, особенно млекопитающее, нечистъ на нѣсколько времени — часовъ, дней, даже мѣсяцевъ. Пролитіе человѣческой крови есть сугубое несчастіе для японца: онъ становится нечистымъ самъ и дѣлаетъ нечистымъ то, на что кровь упала. Бывали случаи, что строившіяся зданія разрушались, если одинъ изъ рабочихъ ранилъ себя при работѣ. Тотъ, кто прикасался къ трупу, кто недавно лишался родителей и носитъ трауръ, также нечистъ. Нечистому же запрещается посѣщать храмы, святыя мѣста и даже молиться, т. е. бесѣдовать съ богами. Изувѣры боятся осквернить себя даже присутствіемъ человѣка нечистаго; они думаютъ, что осквер-

няютъ глаза, которые смотрятъ на нечистую вещь, ротъ, который о нихъ говоритъ, и уши, которыя слушаютъ. Состояніе нечистоты требуетъ очищенія, которое состоитъ въ омовеніи и въ молитвахъ. Очень мнительные люди простираютъ въ подобныхъ случаяхъ свое усердіе до того, что въ случаѣ посѣщенія ихъ дома нечистымъ человѣкомъ, окуриваютъ его и обмываютъ соленой водою.

Для достиженіи чистоты душевной японцы признаютъ также необходимымъ вознесеніе молитвъ въ такъ называемыхъ святыхъ мѣстахъ, которыхъ въ странѣ довольно много. Главное подобное святилище, которое посѣтить хоть однажды въ жизни обязанъ каждый синту, есть храмъ Тенъ-дзіо-даи-зинъ въ Изіе, нѣчто въ родѣ японской каабы. Это есть небольшое зданіе, вѣтхое, но поддерживаемое съ величайшею тщательностью въ своемъ первобытномъ видѣ и окруженное второстепенными храмами и жилищами многочисленныхъ ками-нузи, т. е. храмослужителей. Собираясь посѣтить его, японецъ особенно заботится о чистотѣ въ поясненномъ уже смыслѣ и даже принимаетъ мѣры, чтобы въ отсутствіе его какъ-нибудь не осквернился его домъ. Онъ идетъ туда пѣшкомъ или ѣдетъ на лошади и, прибывъ, снова производитъ обрядъ омовенія, надѣваетъ праздничную одежду и слѣдуетъ на поклоненіе подъ руководствомъ одного изъ храмослужителей. Вознеся свои молитвы, которыхъ содержаніе совершенно произвольно и никѣмъ не формулируется, и при этомъ сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ въ землю, японецъ

возвращается домой въ убѣжденіи, что исполнилъ долгъ жизни, съ которымъ связано его будущее и настоящее счастіе. У себя въ городѣ или въ деревнѣ синту также посѣщаетъ храмы, когда вздумается, особливо въ нерабочее время. Храмы синтосовъ, открытые всѣмъ и всегда, очень просты. Это обыкновенно небольшое деревянное зданіе, въ родѣ часовни или бесѣдки, выстроенное на помостѣ и имѣющее со всѣхъ четырехъ сторонъ навѣсъ, образуемый крышею. Пять — шесть ступенекъ ведутъ подъ этотъ навѣсъ, изъ котораго черезъ окна и двери открывается внутренность храма. Она представляетъ не болѣе, какъ пустую комнату, на одной изъ стѣнъ которой повѣшено металлическое зеркало. Молящійся, сложивъ руки и поднеся ихъ къ лицу, смотритъ въ это зеркало, произноситъ про себя молитвы и, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, удаляется. Небольшая монета, брошенная въ кружку, есть его вещественный даръ божеству и, конечно, его служителямъ. Ни какихъ другихъ религіозныхъ церемоній синтосы не знаютъ. У нихъ нѣтъ торжественныхъ богослуженій, массы идоловъ и прочаго, чѣмъ напр. буддійскіе жрецы вліяютъ на воображеніе массъ. Они не имѣютъ исповѣди, этого могущественнаго орудія въ рукахъ католическихъ изувѣровъ-ксендзовъ. Зеркало въ храмѣ — эмблѣма всевидѣнія бговъ и чистоты совѣсти, — напоминаетъ имъ, что ками также ясно видятъ помышленія человѣка, какъ самъ онъ свои черты, и тѣмъ ограничивается все вліяніе внѣшней обстановки культа на внутреннюю сторону богопочитанія. Если

есть въ храмѣ изображеніе того божества, въ память котораго онъ основанъ, то это изображеніе хранится въ особомъ ящикѣ и показывается народу по праздникамъ; но оно не составляетъ необходимости и, по замѣчанію Зибольда, стало употребляться только со времени утвержденія въ Японіи буддизма, столь любящаго статуи и портреты своихъ святыхъ. Древняя же религія ками, подобно закону еврейскому, стояла на томъ, чтобъ не творить себѣ кумировъ и всякаго подобія божества.

Каковы бы ни были внѣшнія условія культа, японцы довольно религіозны. Они избѣгаютъ кощунства; они молятся со смиреніемъ и въ глубокомъ молчаніи. Нестѣсняемые ни какими обрядами или часомъ и мѣстомъ молитвы, они посѣщаютъ храмы, особливо по праздникамъ, когда каждый почти побываетъ въ нѣсколькихъ. Сооруженіе этихъ зданій считается у нихъ долгомъ набожности, и потому онѣ столь многочисленны. По большей части эти храмы не блещутъ великолѣпіемъ, не составляютъ украшенія улицъ и площадей; но они всегда представляютъ самыя счастливыя условія для спокойнаго созерцанія, для настроенія духа возможно мирнаго. Гдѣ нибудь за городомъ, на холмѣ, среди зелени виднѣется выбѣленное зданіе, предъ которымъ стелется превосходный ландшафтъ; почти навѣрное можно сказать: это синтосскій храмъ. Особая аллея, начинающаяся широкими воротами, ведетъ къ нему съ ближайшей большой дороги или изъ улицы сосѣдняго города. Аллея эта посыпана пескомъ и содержится въ образцо-

вой чистотѣ, равно какъ и зданіе, къ которому приводитъ она. У храма повѣшенъ чугунный или бронзовый колоколъ: синту, помолившись, ударяетъ въ него нѣсколько разъ прежде, чѣмъ отойдти. Другіе молельщики заступаютъ его мѣсто на помостѣ, въ молчаніи молятся и потомъ тѣмъ же порядкомъ отходятъ подъ тѣнь сосѣднихъ деревьевъ. Богатый и бѣдный, вельможа и его слуга, воинъ и ремесленникъ — тутъ всѣ равны. Только высшіе классы рѣдко посѣщаютъ храмы, а предпочитаютъ отправлять вмѣсто себя богомольцевъ изъ лицъ, подчиненныхъ имъ. Такъ сіогуны отправляли цѣлыя посольства въ храмъ Тенъ-дзіо-дан-зинъ въ Изіе, вмѣсто того, чтобы ѣздить туда самимъ. Высшіе классы притомъ всѣ почти слѣдуютъ конфуціеву ученію, и если они посѣщаютъ собственно японскіе храмы, то дѣлаютъ это изъ приличія, а не по убѣжденію.

Храмослужители или *ками-нузи* не составляютъ ни касты, ни правильно устроенной іерархіи. Это свѣтскіе люди, принадлежащіе къ числу благородныхъ сословій и по этому носящіе даже саблю. Они конечно держутся разъ полученныхъ ими мѣстъ при храмахъ, даже стараются передавать эти мѣста по наслѣдству; но собственно духовенства не образуютъ. Да имъ, какъ исполнителямъ обрядовъ, и дѣлать было бы нечего, ибо публичныхъ богослуженій почти нѣтъ. Проповѣдниками и оффиціальными вѣроучителями они также не служатъ, такъ какъ проповѣди не въ обычаѣ, а съ содержаніемъ ученія дѣтей знакомятъ въ школахъ и дома особые учители или родители. Впрочемъ нерѣдко храмослужи-

тель въ тоже время и преподаватель въ мѣстной школѣ или даже самъ содержитъ ее. При свободѣ отъ всякой исключительности и предубѣжденій самихъ ками-нузи, эти школы даютъ дѣтямъ именно то, что, по японскимъ понятіямъ, имъ нужно, т. е. умѣнье читать и писать и нѣкоторое знаніе отечественной исторіи. Общее число синтосскихъ храмовъ весьма велико. Во времена Кемфера ихъ считалось 27.700; съ тѣхъ поръ это число едва ли уменшилось. Въ городахъ, въ деревняхъ и даже среди полей почти нѣтъ мѣста, откуда бы не было видно въ одно время нѣсколькихъ храмовъ. Въ Кіото и Іеддо нѣкоторые изъ нихъ отличаются обширностью и великолѣпіемъ, особливо рѣзьбою изъ дерева, которая украшаетъ карнизы, крыши, перилы и проч.

Обиліе святыхъ или ками, число которыхъ можетъ быть притомъ увеличиваемо микадо чрезъ канонизацію людей, прославившихся добродѣтельной жизнію, ведетъ за собой большое число праздниковъ, изъ которыхъ одни суть общіе для всей Японіи, другіе — мѣстные, храмовые. Издаваемые въ Кіото календари исправно показываютъ ихъ, также какъ наши святцы. Мы можемъ отличить изъ нихъ тѣ, которые пользуются наибольшимъ уваженіемъ въ народѣ. Это во-первыхъ праздникъ богини солнца, Тенъ-дзіо-даи-зинъ, которой главный храмъ въ Изіе, но въ честь которой находится и множество другихъ святилищъ по всѣмъ городамъ и селамъ имперіи. Этотъ праздникъ отправляется ежегодно въ 6-й день девятаго мѣсяца, т. е. въ концѣ

осени, и сопровождается увеселеніями, состоящими въ уличныхъ процессіяхъ, музыкѣ, театральныхъ представленіяхъ, которыя нерѣдко даются въ присутствіи храмослужителей богини и даже изображеніи ея самой. Такъ какъ богиня Тенъ-дзіо-дай-зинъ очень популярна въ странѣ, то въ праздникѣ ея участвуетъ почти все населеніе Японіи, безъ различія сектъ. За тѣмъ можно назвать большими праздниками: день Сувы (9-й день VI мѣсяца), день Тензина (25, VII) день Фацмана (25 VIII) и др., все сопвождаемые большими веселостями или такъ называемыми мацури. «Voila des dieux de bonne compagnie et d'un caractère plus aimable que les autres, qui recommendent des privations de toute espèce», замѣчаетъ по этому поводу Тунбергъ*).

Кромѣ этихъ праздниковъ, учрежденныхъ въ память разныхъ ками, японцы имѣютъ еще ежемѣсячные, служащіе для отдохновенія отъ трудовъ и соотвѣтствующіе еврейскимъ субботамъ или нашимъ воскреснымъ днямъ. Это именно 1 и 15 число каждаго мѣсяца и канунъ перваго, т. е. послѣдній день предыдущаго мѣсяца. Дни эти назначены для увеселеній и взаимныхъ

---

*) Знаменитый путешественникъ могъ бы прибавить еще, что мацури не составляютъ *уступки* со стороны вѣроученія синтосовъ слабостямъ человѣческой плоти, а напротивъ, подобно постамъ у англичанъ, *предписываются* иногда микадо какъ средство возвратить потерянное расположеніе боговъ во время народныхъ бѣдствій. Такъ напр. въ 771 году по Р. Х., по случаю паденія звѣздъ, частыхъ грозъ и землетрясеній, были предписаны мацури микадо Кеониномъ.

визитовъ; но обыкновенно начинаются посѣщеніемъ храмовъ.

Несмотря на отсутствіе духовенства, въ томъ смыслѣ, какъ напр. у католиковъ и буддистовъ, синтосы имѣютъ монаховъ, составляющихъ цѣлые ордена. Наиболѣе знаменитые изъ нихъ суть ордена *слѣпыхъ*, разсѣянные по всей странѣ и состоящіе изъ людей, которые дѣйствительно лишены зрѣнія. Собственно слѣпые не образуютъ религіозныхъ учрежденій, назначенныхъ вліять на массы людей; но они имѣютъ свои правила поведенія и составляютъ общины, главы которыхъ живутъ въ Кіото, т. е. при дворѣ микадо. Ни одинъ слѣпой не можетъ быть подвергнутъ казни свѣтскою властью безъ согласія своего главы. Слѣпые раздѣляются на два ордена, отличающіеся происхожденіемъ и уставами: одинъ, *феки*, есть совершенно свѣтскій, другой, *бусацъ*, состоитъ изъ служителей храмовъ. Въ обоихъ, кромѣ главныхъ начальниковъ, есть цѣлая іерархія властей провинціальныхъ. Всѣ эти отшельники брѣютъ головы сплошь и имѣютъ свои особые костюмы, очень сходные съ кармелитскими и капуцинскими. Другой разрядъ пустынниковъ составляютъ *ямабосы* или странствующіе по горамъ пиллигримы, также имѣющіе свою іерархію. Преслѣдуемая ими цѣль — внѣшняя чистота жизни и поклоненіе богамъ на горахъ. Они часто моются холодной водой и обязаны ежегодно восходить на какую-нибудь высокую гору: Фудзи, Фикофанъ и пр. Совершивъ такое путешествіе и набравъ по дорогѣ, въ видѣ милостыни, нѣсколько денегъ, они от-

правляются въ Кіото, къ главному ихъ начальнику, отдать отчетъ въ своихъ странствованіяхъ и принести посильную жертву, при чемъ и получаютъ разныя отличія — жезлы, поясы, шнурки, шапки, возвышающія ихъ на іерархической лѣстницѣ въ орденѣ. Въ народѣ они стараются поселить суевѣрное къ себѣ уваженіе, объявляя, что имѣютъ власть вызывать духовъ, совершать разныя сверхъестественныя вещи, открывать тайны, отыскивать воровъ и украденные предметы, объяснять сны, изцѣлять неизлѣчимыя болѣзни и проч. Это, однимъ словомъ, шарлатаны, окружающіе себя религіознымъ нимбомъ, нѣчто въ родѣ магометанскихъ дервишей.

Изложивъ эти внѣшнія подробности о культѣ синсіу и о его послѣдователяхъ, мы должны бы распространиться теперь о другихъ правилахъ, которыя предписываетъ онъ желающимъ вести себя нравственно. Но это было бы напрасно, потому что собственно мораль во всѣхъ извѣстныхъ этическихъ системахъ одна и сводится къ формулѣ: не дѣлай другимъ того, чего себѣ нежелаешь. Затѣмъ мы видимъ, что синтосы внутреннее совершенствованіе человѣка предоставляютъ безмолвнымъ бесѣдамъ съ богами и собственной его совѣсти, не стѣсняя послѣднюю какими-нибудь оффиціальными рамками. У нихъ нѣтъ теоріи самоуничиженія; они не заставляютъ человѣка, потерпѣшаго обиду, вопреки внутреннему голосу, отказываться отъ мести. Прощеніе, забвеніе у нихъ является не долгомъ, а дѣломъ личнаго великодушія. Созерцательное безмолвіе и бездѣйствіе не вмѣняется имъ въ

добродѣтель, какъ браминамъ, такъ какъ и удаленіе отъ искушеній плотскихъ. Напротивъ японецъ свободно можетъ отдаваться своимъ увлеченіямъ, доколѣ онѣ не задѣваютъ чьихъ нибудь интересовъ. Отъ того такъ широко развились публичныя отношенія обоихъ половъ, преслѣдуемыя христіанствомъ, юдаизмомъ и исламисмомъ. Синту не призываетъ благословеній храмослужителей на свое рожденіе, на свой бракъ, потому что никто ему не предписываетъ видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ что либо иное, кромѣ явленій физіологическихъ и соціальныхъ. Отъ того браки заключаются и расторгаются свободно, посилѣ искренней привязанности, и бываютъ обыкновенно весьма прочны и счастливы, такъ что разводъ съ законной женой есть дѣло въ высшей степени рѣдкое. Синту не прибѣгаетъ къ жрецамъ, какъ къ оффиціальнымъ утѣшителямъ и въ трудныхъ случаяхъ жизни. Онъ предпочитаетъ тогда испытанныхъ друзей, ихъ совѣты и помощь. А въ случаѣ нужды торжественно лишаетъ себя жизни, признавая тѣмъ самымъ голосъ чести и совѣсти высшимъ судьей надъ человѣческими дѣяніями.*) Синту не приноситъ присяги; но впрочемъ по принятому обыкновенію въ извѣстныхъ случаяхъ клянется богами. Только повидимому эта клятва больше есть дѣло чести, чѣмъ набожности, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не имѣя развитаго ученія о раѣ и адѣ, синту не можетъ соединять съ своею клятвою ни какого страха предъ загробною жизнію.

*) Эта послѣдняя часть ученія снисіу есть результатъ вліянія конфуціевскаго раціонализма или, покрайней мѣрѣ, похожа на его максимы.

Это однако, замѣтимъ, не мѣшаетъ клятвѣ, даже слову его, быть вѣрными; ибо вопервыхъ японецъ съ юности пріученъ произносить имена боговъ съ большимъ почтеніемъ, а во вторыхъ ему привита высокая идея о чести. Это не то, что китаецъ, грекъ или жидъ, которому солгать, обмануть ничего не стоитъ. Въ правдивости японцы, можетъ быть, превосходятъ и европейскія націи.

Остановившись такъ долго надъ ученіемъ синтосовъ, мы бросимъ теперь самый короткій взглядъ на другія подобныя системы въ Японіи. Впечатлительность, чувствительное сердце японцевъ извѣстны издавна. Католическіе миссіонеры не разъ видали ихъ плачущими навзрыдъ, когда въ проповѣди говорилось о мученіяхъ ада, о погибели душъ, непринадлежащихъ къ стаду христову и проч. Ничего поэтому нѣтъ мудренаго, что буддизмъ, съ его теоріями переселенія душъ и загробной жизни въ раю иль аду, нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ Японіи Онъ занесенъ былъ на Японскій архипелагъ изъ Кореи, первоначально въ 63 году по Р. Х., и окончательно въ 579 году, когда одному изъ буддійскихъ жрецовъ поручено было даже воспитаніе дѣтей микадо. Но буддизмъ на японской почвѣ нѣсколько переродился и имѣетъ замѣтныя отличія отъ вѣроученія ламъ и китайскихъ бонзъ. Туманная теорія устройства небесъ вовсе не преподается японцамъ; жрецы будды по большей части здѣсь женятся, нѣкоторые даже ѣдятъ мясную пищу. Благодаря долговременной замкнутости Японіи и гео-

графическому ея отдаленію отъ Тибета и Индіи, связь японскихъ буддистовъ съ Хлассою и другими средоточіями буддійской ортодоксальности была всегда очень слаба; въ самой Японіи у нихъ не было признаннаго главы вѣроученія, и, напротивъ, покровителемъ являлся микадо — иновѣрецъ. Все это повело къ тому, что на японской почвѣ буддисты раздѣлились на множество сектъ, которыя впрочемъ и по вѣротерпимости народа, и по системѣ внутренней политики правительства, продолжали жить мирно другъ съ другомъ, какъ вѣтви одного дерева. Теперь число буддійскихъ сектъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ, и ученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ столь тѣсно примыкаетъ къ народной религіи ками, что безъ внимательнаго изученія трудно ихъ различить. Главное внѣшнее отличіе большинства сектъ состоитъ во внѣшней обрядности, ибо жрецы буддійскіе большіе охотники украшать свои храмы статуями и картинами, воздвигать алтари, совершать торжественныя богослуженія съ пѣснями и даже съ музыкою, ходить въ процессіяхъ и т. п. Капища ихъ и монастыри очень многочисленны и лишены той истинно-религіозной простоты, которою отличаются храмы религіи ками. Число ихъ во времена Кемфера было 22.500: — теперь болѣе 120.000, ибо буддизмъ склоненъ къ пропагандѣ, которая облегчена вѣротерпимостью правительства и народа. Наружныя проявленія буддійской набожности вообще тѣ же, что въ другихъ частяхъ Азіи; между прочимъ существуетъ и знаменитый обычай вертѣть колесо, на которомъ написана молитва, чтобы до божества дохо-

дило столько этихъ молитвъ, сколько разъ колесо повернется.

Нравственная сторона вѣроученія буддистовъ извѣстна. Она состоитъ въ нѣсколькихъ заповѣдяхъ ихъ учителя Готамы, неформулированныхъ имъ лично въ какой-нибудь книгѣ, подобной Корану, но распространенныхъ по всей юговосточной Азіи учениками и послѣдователями его, подобно Евангелію. Эти заповѣди по большей части имѣютъ отрицательный характеръ; напр. не убивай живыхъ существъ, не лги, не пей крѣпкихъ напитковъ и т. п. Цѣль такого воздержанія, предписываемаго законами будды, указывается *не въ здѣшней жизни, а въ будущей*, и въ этомъ главное философское отличіе буддизма отъ ками-но-мици. Но создавая рай для блаженныхъ и адъ для грѣшниковъ, буддизмъ не сошелся въ принципахъ съ другими азіатскими теоріями, признающими тѣ же методы загробнаго вознагражденія по заслугамъ напр. съ исламизмомъ. Его адъ за грѣховное поведеніе въ *конечной* земной жизни казнитъ *конечными* же мученіями, послѣ которыхъ душа можетъ начать новую жизнь и достигнуть блаженства. Разумѣется, такая практическая уловка сильно содѣйствовала распространенію буддизма, котораго наружныя требованія притомъ столь согласны съ обыкновенными правилами жизни воздержанной и честной.

Высшіе классы японскаго общества вмѣстѣ съ китайскою образованностью приняли и китайскій раціонализмъ, основателемъ котораго признается Конфуцій. *Сіуто*, или ученіе этого философа, не есть собственно

религія, ибо не требуетъ поклоненія богамъ; но оно представляетъ стройную систему морали. Послѣдователи его признаютъ, что высшее благо для человѣка состоитъ *въ удовольствіи отъ сознанія, что онъ ведетъ жизнь добродѣтельную и мудрую.* Ни какого внѣшняго вознагражденія они при этомъ не признаютъ. По ученію ихъ мы должны быть добродѣтельны потому, что если природа дала намъ разумъ, то конечно для того, чтобы мы жили по законамъ его. Отступая отъ разума, мы перестаемъ отличаться отъ тварей безсмысленныхъ. Практическія правила жизни разумной и добродѣтельной указаны въ пяти заповѣдяхъ или максимахъ: цинъ, жи, ре, ци и синъ. Цинъ научаетъ жить добродѣтельно вообще; жи—отдавать справедливость всѣмъ и всему на свѣтѣ, ре—быть со всѣми учтивымъ; ци—умѣть мудро управлять другими, и синъ хранить чистоту совѣсти и прямоту сердца. Раціонализмъ не знаетъ переселенія душъ: но онъ признаетъ одну общую душу міра, одинъ всеобщій духъ, одну силу, распостраненную въ природѣ, которая все оживляетъ. Вмѣсто понятія Богъ, онъ ставитъ понятіе небо, природа. Это, однимъ словомъ, своего рода пантеизмъ, но только безстрастный, скептическій. Въ немъ есть нѣчто родственное съ ученьемъ Спинозы. Сіуто, не вѣря въ боговъ, не имѣютъ и храмовъ. Они, согласно обычаямъ страны, справляютъ торжественные поминки по умершимъ предкамъ, но не имѣютъ ни какихъ праздниковъ; они заходятъ въ храмы другихъ религій, но только изъ приличія. Признавая, что верховный судья надъ человѣкомъ — его совѣсть, они допускаютъ

самоубійство и даже научаютъ видѣть въ немъ нѣчто героическое. Ихъ то теоріи высшіе классы Японіи обязаны такимъ множествомъ распоряваемыхъ животовъ; ибо, по мнѣнію сіуто, лучше умереть честною смертью, чѣмъ позорною, и лучше сойти въ могилу добровольно, чѣмъ попасть въ руки побѣдоноснаго непріятеля. Очевидно, что ученіе сіуто доступно только людямъ развитымъ и воспитанныхъ въ правилахъ рыцарства, т. е. избранному меньшинству націи: такъ это и есть на самомъ дѣлѣ въ Японіи.

На сѣверѣ Японскаго архипелага сохранилось еще шаманство; но послѣдователи его немногочисленны и состоятъ исключительно изъ аиновъ, населяющихъ Мацмаи и сосѣдніе острова. Жители Ликейскаго архипелага — буддисты

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Письменность и научныя свѣдѣнія.

Японцы свои наукообразныя свѣдѣнія первоначально получили изъ Китая, даже азбука и письмена заимствованы отъ китайцевъ. Именно, въ III вѣкѣ по Р. Х. императоръ Возинъ пригласилъ китайскаго мудреца Ванъ-Жина научить японцевъ письму. Ванъ-Жинъ исполнилъ порученіе микадо, и съ того времени китайскіе письменные знаки проникли въ Японію. Но какъ они, по духу китайской письменности, вовсе не соотвѣтствовали строенію японскаго языка, то въ VIII столѣтіи нашей эры была изобрѣтена, нѣкіимъ Киби, новая азбука, называемая *ката-кана*, т. е. часть буквъ, потому что она состоитъ изъ частей китайскихъ іероглифовъ, а вскорѣ затѣмъ вошелъ въ употребленіе и еще одинъ алфавитъ, *фира-кана*, т. е. ровное письмо, которое и сдѣлалось принадлежностью женщинъ, тогда какъ ката-кана получила особенную гражданственность между мущинами. Собственно китайское письмо осталось съ того времени только въ ученыхъ книгахъ и вообще въ тѣхъ литтературныхъ и дѣловыхъ сочиненіяхъ, которымъ хотѣли придать важность, совершен-

но такъ, какъ въ Европѣ до XVIII столѣтія было съ латынью. Затѣмъ въ XI столѣтіи и позднѣе были еще изобрѣтены двѣ азбуки, все же изъ обрѣзковъ китайскихъ буквъ и собственно японскаго письма, такъ что теперь японцы имѣютъ для изученія почти триста литеръ, не считая еще трехъ — четырехъ тысячъ китайскихъ знаковъ, которые образованный человѣкъ въ Японіи долженъ знать, что бы понимать и употреблять въ дѣло китайскій языкъ, эту латынь Востока.

Само-собою разумѣется, что такое множество азбучныхъ тонкостей удается узнать только немногимъ японцамъ, которые за то и платятъ лучшими годами отрочества и дѣтства; масса же японскаго народа учитъ одну ката-кану, которая состоитъ изъ 49 буквъ или, точнѣе, *слоговъ* *), и преподается въ школахъ по способу, о которомъ уже было упомянуто нами. Японцы пишутъ вертикальными строками, изъ которыхъ первая помѣщается всегда на правой сторонѣ листа; затѣмъ вторая будетъ лѣвѣе, третья еще лѣвѣе, и т. д. Употребленіе же той или другой азбуки (шрифта) для письма зависитъ отъ характера самаго сочиненія. Если напр. бумага назначается ко двору микадо, т. е. пишутъ ли-

*) Вотъ (приблизительно, для европейскаго уха) звуки, изображаемые ката-каною: *на, не, ни, но, ну; ра, ре, ри, ро, ру; да* (или та), *де, дзи, до, дзу* (тсу); *ва, ве, во, ву; са, се, си, со, су; іа, іе, йи, іо, іу; ка, ке, ки, ко, ку; ма, ме, ми, мо, му; фа* (или ха, га), *фе, фи, фо, фу; а, е, і, о, у.* Гласные звуки *э, ы, ю*, не существуютъ, такъ же какъ и согласные *л, п* и *щ*. Въ азбукѣ фиро-кана есть еще звукъ ви, и все начертаніе ея немного сложнѣе ката-каны.

терами *ямато-каны*, имѣющей тоже значеніе, какъ у насъ славянскій шрифтъ; если сочиненіе есть дружеская записка, то довольствуются ката-каною, вставляя иногда, для тона, чисто китайское слово или какую-нибудь риторическую фигуру, получившую гражданство на одномъ изъ четырехъ алфавитовъ, кромѣ ката-каны. Для иностранца этотъ способъ письменности чрезвычайно затрудняетъ изученіе языка, и потому нужно бываетъ сначала хорошо выучиться говорить, записывая слова (по-возможности) и правила грамматики европейскими буквами, а потомъ уже учиться читать.

Японцы, не смотря на неудачную форму письма и на отсужденіе ихъ почти во все продолженіе исторической жизни отъ всѣхъ образованныхъ народовъ кромѣ китайцевъ, имѣютъ обширную литтературу по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и во всѣхъ родахъ поэзіи. Научныя творенія ихъ впрочемъ, по большей части заимствованы съ китайскаго, а въ наше время и съ европейскихъ языковъ, и состоятъ частію просто изъ переводовъ, частію изъ передѣлокъ и извлеченій. За то собственно литтературныя произведенія имѣютъ вполнѣ оригинальный характеръ и носятъ на себѣ отпечатокъ чисто-народнаго духа. Къ сожалѣнію, нужно признаться, что европейцы до сихъ поръ мало ознакомились съ этой литтературой. Сэръ Р. Алькокъ чуть ли не первый принялъ на себя трудъ перевести нѣсколько *цѣльныхъ* произведеній японской поэзіи. Произведенія эти суть легенды, большею частію развивающія идеи нравственной философіи, и часто въ весьма изящной

формѣ, какъ можно напр. видѣть изъ слѣдующей сказки.

Каменотесъ.

Жилъ когда то на Нипонѣ бѣдный каменотесъ, который работалъ въ каменоломняхъ. Трудное было его дѣло; работалъ онъ много, а заработывалъ мало и потому ворчалъ на судьбу. «О, если бъ мнѣ когда-нибудь разбогатѣть настолько, чтобъ я могъ отдыхать на густыхъ упругихъ циновкахъ, покрытый мягкими шелковыми одеждами!» — восклицалъ онъ, обращаяся къ небу. Молитва его была услышана; ангелъ сказалъ ему: «пусть будетъ по твоему.»

И вотъ нашъ рабочій разбогатѣлъ, сталъ лежать на толстыхъ циновкахъ и носить шелковыя одежды. Вдругъ однажды проходитъ мимо его императоръ. Впереди шли скороходы, за ними слѣдовала блестящая свита. Надъ головою императора развѣвался широкій зонтикъ, вышитый золотомъ. «Что мнѣ за польза отъ моего богатства, проворчалъ каменотесъ, когда я не могу ходить со свитою и подъ зонтикомъ, вышитымъ золотомъ. Отъ чего я не императоръ?» — Твое желаніе будетъ исполнено, сказалъ ему духъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ императоромъ; его окружала блестящая свита, и надъ головой его колыхался блестящій золотомъ зонтикъ.

Между тѣмъ солнце озарило своими жгучими лучами поля, и свѣтъ, отражавшійся отъ пыльной дороги, сталъ невыносимъ для глазъ. «Не велико счастье быть императоромъ! воскликнулъ каменотесъ, когда зной васъ раз-

слабѣетъ и когда солнце не теряетъ надъ вами силы своей. Славно быть солнцемъ! » — Будешь; доволенъ ли ты теперь? спросилъ его ангелъ.

Бывшій каменотесъ сталъ солнцемъ. Онъ бросалъ свои лучи вверхъ, внизъ, вправо, влѣво и кругомъ себя. Онъ сталъ жечь траву и землю, и лица земныхъ владыкъ. Вдругъ между нимъ и землею стало облако, которое не пропускало лучей его на землю. « Какъ! вскричало тогда солнце: какое-нибудь облако можетъ противится моему могуществу? въ такомъ случаѣ я желалъ бы лучше быть облакомъ. » Пусть будетъ такъ, сказалъ ангелъ. Превращеніе совершилось, и новое облако гордо стало между землею и солнцемъ, съ удовольствіемъ отбрасывая лучи послѣдняго, такъ что земля скоро позеленѣла подъ тѣнью. Потомъ оно начало пускать на поля крупные дождевые капли, перешедшія мало по малу въ сильный дождь, а затѣмъ въ ливень, отъ котораго всѣ рѣки и ручьи вышли изъ своихъ береговъ и затопили окрестности.

Одинъ только утесъ стоялъ неподвижно и не обращая ни малѣйшаго вниманія на наводненіе. Напрасно волны съ яростію ударялись объ него, — скала не трогалась, и онѣ, пѣнясь, замирали у ея подножія. «И такъ, какая-нибудь скала сильнѣе меня, сказало облако. О какъ бы мнѣ хотѣлось быть на мѣстѣ ея!» — Пусть будетъ по твоему, сказалъ ангелъ. И вотъ нашъ герой превратился въ голую скалу, непоколебимую, безчувственную къ жгучимъ лучамъ солнца, къ проливному дождю и къ ударамъ шумящихъ волнъ. Вдругъ онъ

замѣчаетъ у своего подножія какого-то полуодѣтаго бѣдняка съ ломомъ и молотомъ въ рукахъ, при помощи которыхъ онъ отбиваетъ отъ утеса цѣлыя глыбы камня, которыя потомъ обтесываетъ въ правильныя плиты. «Что я вижу? закричалъ утесъ. Человѣкъ можетъ отрывать отъ меня цѣлыя кучи камня .Неужели онъ сильнѣе меня? Въ такомъ случаѣ я хочу быть человѣкомъ.» Твоя воля будетъ исполнена, сказалъ ангелъ. И онъ снова сдѣлался бѣднымъ рабочимъ въ каменоломняхъ. Занятіе его было трудное, работалъ онъ много, заработывалъ мало, но .... но былъ доволенъ своею судьбою.

Глубокая прелесть этого разсказа не нуждается въ поясненіяхъ.

Романы и повѣсти также популярны въ Японіи, и женщины, особенно высшихъ сословій, обыкновенно проводятъ свободное время за чтеніемъ ихъ. Форма многихъ японскихъ поэтическихъ произведеній есть стихотворная, но безъ рифмъ. Размѣръ трудно уловимъ для европейскаго уха, но онъ существуетъ; и задача поэта особенно въ томъ и состоитъ, чтобы для своего произведенія, по характеру его, пріискать наиболѣе подходящій стиль и размѣръ. Японскіе стихотворцы также тщательно держутся правила, высказаннаго Гораціемъ: почаще верти стиль, т. е. стирай написанное, какъ и ихъ западные собратья. Даже одинъ изъ любимыхъ въ Японіи авторовъ, женщина поэтъ, Оно-но-Комачи, изображается обыкновенно на колѣняхъ передъ умывальникомъ, гдѣ она смываетъ на-

писанное*), желая достигнуть наивысшаго совершенства въ стилѣ.

Между учеными сочиненіями на японскомъ языкѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ такъ называемыя энциклопедіи, собранія рисунковъ съ пояснительнымъ текстомъ къ нимъ. Онѣ распространяютъ въ народѣ, самымъ общедоступнымъ образомъ, главнѣйшія знанія изъ астрономіи, географіи, исторіи, теоріи словесности и т. д. Съ одною изъ такихъ энциклопедій познакомилъ Европу знаменитый оріенталистъ Абель-Ремюза. Но впрочемъ японская литтература представляетъ и множество спеціальныхъ трактатовъ по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, которыя были доступны японцамъ. Вотъ напримѣръ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ:

Нипоно-даи-ки — лѣтописи Японіи отъ временъ перваго микадо Зинъ-му.

Даи-фее-ки — исторія войны домовъ Феки и Гендзи, которая длилась 40 лѣтъ и кончилась паденіемъ Феки. Сорокъ томовъ.

Синъ-даи-ки — исторія древнихъ японскихъ божествъ.

Даи-фанья-фирамицъ — трактатъ о буддійскихъ божествахъ.

Соогокфъ — мораль синтосовъ.

Сикки-моку — законы и конституція.

---

*) Японцы пишутъ тушью, которую носятъ всегда съ собою въ коробочкѣ, вмѣстѣ съ блюдечкомъ, пузырькомъ для воды, кистью и связкой бумаги.

Кіузаи — обычаи и церемоніи.

Фонціо-оинъ-физи — трактатъ объ искусствѣ управлять; сочиненіе Итакуры-Сувано, бывшаго губернатора Міако.

Койогунъ — трактатъ о правительствѣ Японіи.

Нипонъ-ки — описаніе главныхъ предметовъ, встрѣчающихся въ Японіи, географія этой страны.

Додфуцки — разные дорожники съ обозначеніемъ разстояній, цѣнъ на припасы, за наемъ экипажей и пр., съ рисунками зданій и всего встрѣчающагося на пути замѣчательнаго.

Кинмандзуи — краткая флора Японіи. Существуютъ и болѣе подробныя сочиненія объ этомъ предметѣ и о животномъ царствѣ страны съ многочисленными рисунками, часто превосходно исполненными.

Факунинъ-изіу — стихи ста поэтовъ, христоматія.

Хизу-итце-даи-иу — сборникъ поэмъ.

Маніо-иу — собраніе древнихъ поэтическихъ произведеній.

Въ наше время японцы перевели множество европейскихъ ученыхъ трактатовъ, особенно по математикѣ, астрономіи, естествознанію и медицинѣ. Изданныя ими въ переводѣ карты не оставляютъ ничего желать по тщательности исполненія. Собственные ихъ карты и планы, относящіеся до Японіи, отличаются совершенною точностью; но не удовлетворяютъ европейцевъ въ томъ смыслѣ, что ситуація на нихъ исполнена не штрихами или горизонталями, а изображеніемъ горъ въ перспективѣ, какъ на европейскихъ картахъ XVI — XVII

столѣтій *). Иногда на нихъ встрѣчаются изображенія нѣкоторыхъ мѣстностей à vol d'oiseau.

Японцы давно знакомы съ пріемами съемки и даже съ употребленіемъ буссоли при мореплаваніи. Къ сожалѣнію двухвѣковое запрещеніе отлучаться отъ береговъ отечества ослабило въ нихъ знаніе морскаго дѣла. Поэтому они начинаютъ учиться ему вновь у европейцевъ и уже успѣли нетолько сформировать личный составъ экипажей для нѣсколькихъ десятковъ военныхъ судовъ, но и научились строить пароходы и изготовлять паровыя машины. Физика, механика принадлежатъ къ числу любимѣйшихъ ими предметовъ для изученія, и уже съ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія они умѣютъ измѣрять высоты горъ барометромъ.

Астрономическія познанія японцевъ, заимствованныя первоначально изъ Китая, а потомъ отъ европейцевъ, простираются на столько, что въ Кіото нынѣ составляютъ календари, таблицы солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и проч. Но японцы еще не приняли вполнѣ нашего времясчисленія и, что особенно странно, въ общежитіи держутся очень нераціональнаго дѣленія сутокъ на часы. День у нихъ состоитъ изъ шести часовъ во всякомъ случаѣ, будетъ ли онъ лѣтній или зимній. Время отъ восхожденія солнца до захожденія дѣлится на 6 частей, и особенные вѣстовщики возвѣщаютъ начало каждаго часа ударами въ колотушку или въ колоколъ. Въ Нью-Іоркѣ приготовляютъ для Японіи осо-

*) Также и типографіи японскія, печатающія съ рѣзныхъ досокъ, по-китайски, далеко отстали отъ европейскихъ.

бые часовые механизмы, которые идутъ согласно съ такимъ времясчисленіемъ: удлиненіе или укорачиваніе часовъ достигается соотвѣтственными измѣненіями въ маятникѣ.

Японскій годъ состоитъ изъ 365 дней, раздѣленныхъ на 12 мѣсяцевъ, соотвѣтственно числу знаковъ зодіака, которые отличаются отъ нашихъ одними названіями. Начало года соотвѣтствуетъ нашему февралю, то-есть японской ранней веснѣ. Годы соединяются въ циклы, которыхъ нѣсколько, но которые не имѣютъ серьезныхъ астрономическихъ основаній. Для пониманія хронологіи событій нужно знать, что микадо нерѣдко основывали свои циклы (ненго), безъ знанія которыхъ не возможно приводить года японскаго лѣтосчисленія къ общепринятымъ въ образованномъ мірѣ.

Преподаваніе медицины долгое время встрѣчало неодолимое препятствіе въ религіозномъ предразсудкѣ японцевъ, по которому всякій, прикоснувшійся къ трупу, нечистъ, а кто рѣзалъ человѣческое тѣло — и тѣмъ болѣе. Голландскіе медики однакоже побороли этотъ предразсудокъ, и теперь анатомія и физіологія преподается, какъ у насъ, на трупахъ и живыхъ животныхъ, а частію по рисункамъ и при помощи приборовъ изъ papier-maché. Особенную заслугу медицинѣ въ Японіи оказали доктора Бодуэнъ, Моникъ и фанъ-Мердервортъ, изъ которыхъ послѣдній произвелъ первое на японской землѣ разсѣченіе трупа въ 1859 году. Правительство японское, ясно понимавшее пользу этого дѣйствія, поступило при этомъ чрезвычайно ловко,

чтобы успокоить взволнованное народное чувство. Оно дало приказаніе похоронить подвергшійся анатомированью трупъ убійцы съ честію, «во вниманіе къ пользѣ, принесенной имъ знанію»..... Едва ли въ какой-либо другой странѣ Востока найдется примѣръ такого благосклоннаго отношенія правительственныхъ властей къ наукѣ; по крайней мѣрѣ, чаще можно встрѣтить случаи, гдѣ, напротивъ, точное знаніе приносится въ жертву разнымъ предразсудкамъ или теоріямъ, столь же мало основательнымъ, какъ и отвращенье японцевъ отъ труповъ.

Старинная японская медицина прославилась нѣсколькими средствами, бывшими во всеобщемъ употребленіи въ Японіи. Средства эти, суть: накалыванье кожи (акупунктура), мокса и порошокъ дозіа. Кемферъ, Тунбергъ и Зибольдъ дали подробные трактаты о нихъ, и нельзя не замѣтить, что мокса и накалыванье вошли отчасти и въ европейскую медицину, хотя въ измѣненномъ видѣ. Сложныя произведенія европейской латинской кухни всегда возбуждали нѣкоторое недовѣріе японскихъ медиковъ и нынѣ вызываютъ у нихъ улыбку, хотя и употребляются ими по наставленіямъ европейскихъ учителей. «Скажите пожалуйста, почему должно предписывать такого или другого состава микстуру, пилюли или порошки, когда физіологическая и патологическая химія намъ совсѣмъ неизвѣстны?» — говорятъ нѣкоторые еритическіе японскіе жрецы Эскулапа. «Если опытъ научаетъ насъ пользѣ отъ такъ-называемыхъ специфическихъ лекарствъ, напр. ртути при сифилисѣ,

хины при лихорадкахъ и проч.; то мы еще понимаемъ дѣло, т. е. вѣримъ опыту; но гдѣ смыслъ въ безконечномъ разнообразіи европейской фармакопеи, которая предписываетъ едва ли не больше рецептовъ, чѣмъ сколько есть словъ въ любомъ лексиконѣ? И отчего въ Европѣ возникла гомеопатія, этотъ антиподъ такъ называемыхъ истинно-медицинскихъ теорій?».... Предоставляю врачамъ отвѣчать на эти сомнѣнія.

Японцы не приняли еще европейской, т. е. французской метрологіи, которая одна имѣетъ научный смыслъ; но въ замѣнъ того они имѣютъ свою метрологію, очень сложную и нелегко поддающуюся изученію, потому что въ разныхъ провинціяхъ государства подъ одними и тѣми же названіями разумѣются несовсѣмъ одинаковыя величины. Тунбергъ былъ первый, который изучилъ внимательно современныя ему японскія мѣры, особенно же денежную систему. Послѣ него занимался тѣмъ же предметомъ Зибольдъ, а теперь японскія мѣры, въ томъ видѣ, какъ онѣ употребляются въ императорскихъ городахъ, стали извѣстны европейцамъ съ точностію. Вотъ таблица главнѣйшихъ изъ нихъ:

Линейныя протяженія:

1 сази или футъ = 0,303 м. = 1 рус. ф. безъ 1 линіи
= 10 сунъ или дюймовъ
= 100 бунъ или линій
= 1000 ринъ или точекъ.

1 кенъ, японская сажень = 6 сази = 1,909 мет.

1 ціо = 60 кенъ = 114,54 метрамъ

1 ри = 36 ціо = 4123 м. = 3 верст. 332 саж.

Мѣры поверхности:

1 пу или иппу = 1 квадр. кену = 0,72 рус. кв. саж.
1 се = 30 пу, 1 танъ = 300 пу.

Танъ есть единица мѣры для пространства полей и составляетъ около $^1/_{11}$ русской десятины.

Мѣры емкостей:

1 кокфъ = 173,86 литровъ = 0,83 четверти
= 10 тосамъ = 100 сіо.

Вѣсъ:

1 кинъ = 280 гр. = 1 ф. $45^3/_4$ зол. = 160 монме
1 монме = 1,75 гр. = 10 пунъ = 100 ринъ

Монеты:

Золотой *кобанъ*, разной величины, стоимостью около 5 р. 75 к. и болѣе.

Серебряная монета *ичибу*, цѣною 33 к. сер. и болѣе.

Впрочемъ японская денежная система чрезвычайно сложна и непостоянна. Европейскія державы, для избѣжанія хлопотъ при денежныхъ счетахъ купцовъ, заключили цѣлый рядъ конвенцій о стоимости японскихъ денегъ сравнительно съ европейскими металлическими. Въ Японіи есть также ассигнаціи, а съ ними, по замѣчанію Зибольда, и лишній случай употребленія смертной казни, такъ какъ, выражаясь à la Hegel, не будь объекта преступленія, не было бы и казнимыхъ субъектовъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О сношеніяхъ Японіи съ пространцами.

Неудержимый потокъ историческаго движенія увлекъ наконецъ Японію послѣ двухвѣковой замкнутости въ широкій кругъ всемірныхъ сношеній. Счастливая своимъ положеніемъ въ умѣренномъ поясѣ Великаго океана, богатая естественною производительностью и, еще болѣе, трудолюбіемъ и способностями своихъ обитателей, Японія нынѣ идетъ къ тому, чтобъ поравняться съ передовыми народами Стараго и Новаго свѣта въ просвѣщеніи, промышлености и внѣшнемъ могуществѣ. Японцы имѣютъ уже пароходы, управляемые собственными офицерами и матросами, нарѣзное оружіе, регулярныя войска, арсеналы, механическіе заводы и множество издѣлій европейскаго образца для домашняго обихода, которыхъ у нихъ небыло недалѣе 15 лѣтъ назадъ. Природная любознательность ихъ проснулась отъ долговременнаго застоя, и молодежь, изъ лучшихъ родовъ, разсѣялась уже по большимъ городамъ Европы и Америки, чтобы пріобрѣсти всѣ тѣ познанія, которыя нужны ея отечеству и которыхъ недостаетъ ему. Узы, связующія Японскій архипелагъ съ Америкой и Европой

становятся все тѣснѣй и тѣснѣй, и нѣтъ сомнѣнія, что совершающійся нынѣ переворотъ будетъ также важенъ по своимъ послѣдствіямъ для восточно-азійской островной группы, какъ реформа XVIII столѣтія была важна для Россіи. Конечно, возникшія при этомъ борьба началъ общественныхъ и столкновенія съ иностранцами тяжелы для японской народности и замедляютъ правильный и спокойный ходъ ея развитія; но можно надѣяться, что для 35 милліоновъ народа способнаго, патріотическаго и совершенно одноплеменнаго, эти явленія преходящи и что рано или поздно этотъ народъ войдетъ полезнымъ и даровитымъ членомъ въ семью образованныхъ націй, опередивъ всѣ другіе народы Востока.

Японія нынѣ, какъ и въ XVI вѣкѣ, безъ большихъ затрудненій открыла сношенія съ западными народами. Несмотря на тяжелыя потрясенія, испытанныя послѣ перваго водворенія европейцевъ, потрясенія, которыя живо сохранялись въ народной памяти, — японцы привѣтливо встрѣтили американскія суда, которыя рѣшились проложить дорогу въ заповѣдный дотолѣ край. Договоры съ Америкой и Россіей, не смотря на естественную въ этихъ случаяхъ осторожность, потребовали для заключенія лишь по нѣскольку мѣсяцевъ, послѣдующія же націи трактовали всего по нѣскольку дней, а теперь важнѣйшіе города имперіи имѣютъ цѣлыя колоніи европейцевъ — купцовъ, судохозяевъ, банкировъ, чиновниковъ миссій и даже военныхъ. Какъ это случилось и почему, здѣсь стоитъ разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностью.

I.

Японія не была извѣстна въ Европѣ до XVI столѣтія. Хотя Марко-Поло упоминаетъ о ней въ своемъ Il Millione подъ именемъ Чипанго и причисляетъ къ странамъ богатымъ естественною производительностью; но ни самъ онъ въ ней не былъ, ни обстоятельныхъ свѣдѣній изъ китайскихъ источниковъ о ней не имѣлъ. Греки же и римляне вовсе не знали этого государства, даже по имени. Первые прибывшіе въ него европейцы были португальскіе мореходцы или искатели приключеній. Португалія въ XVI вѣкѣ была, какъ извѣстно, сильной морской державой; въ два столѣтія передъ тѣмъ она охватила своими открытіями почти всю Атлантику, Индѣйскій океанъ и даже берега отдаленной Китайской имперіи. Мадера, острова Зеленаго мыса, Гвинея, Конго, Монопатама принадлежали ей въ Африкѣ; на азіатскомъ материкѣ она владѣла обширными поселеніями въ Остъ-Индіи, гдѣ главный городъ, Гоа, носилъ названіе «индѣйскаго Рима.» Даже въ Зондскомъ архипелагѣ и на востокѣ отъ Индо-Китая у португальцевъ были факторіи и конторы. Макао сотавлялъ крайнее къ сѣверо-востоку звено этой золотой цѣпи торговыхъ колоній, охватывавшихъ съ юга весь Старый свѣтъ. Здѣсь, какъ въ испанской Америкѣ, кипѣла жизнь, полная тревогъ, промышленной предпріимчивости и романтическихъ стремленій въ невѣдомыя дотолѣ страны. Одинъ и тотъ же португалецъ временъ Альбукерка бывалъ часто солдатомъ, купцомъ, матросомъ и, если нужно, морскимъ разбойникомъ. Цѣль опредѣляла средства, и

не было жертвы, которой бы не принесъ предпріимчивый и рѣшительный авантюристъ той эпохи, чтобы обогатиться чрезъ открытіе новыхъ странъ или прославиться завоеваніемъ ихъ. Въ числѣ такихъ искателей приключеній одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Фернандесъ Мендесъ *Пинто*. Ему принадлежитъ честь сообщить первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ Японскомъ архипелагѣ, куда его занесло бурею вмѣстѣ съ двумя другими португальцами, находившимися на торговой китайской джонкѣ. Пинто самъ относитъ это событіе къ 1545 году, и это показаніе сходится съ показаніями японцевъ, хотя и лишаетъ его права на первенство открытія Японіи, которое остается за другими авантюристами — Францискомъ Зеймото и Антоніемъ Нейхото*). Берегъ, къ которому присталъ Пинто и его

*) Безполезный споръ о первенствѣ открытія, кажется, можетъ быть прекращенъ соглашеніемъ, здѣсь изложеннымъ. Извѣстно, что Фрейсине считалъ первыми открывателями Японіи Пинто и двухъ его спутниковъ Христов. Баралло и Діего Зеймото; Маффеи же, а за нимъ Тунбергъ, приписываютъ честь открытія Антонію Мото, Франц. Зеймото и Ант. Нейхото. Японскія лѣтописи уничтожаютъ противорѣчіе, прямо указывая, что невѣдомые дотолѣ иностранцы показывались дважды у береговъ ихъ страны — въ 1543 и 1545 годахъ. Слѣдующее мѣсто изъ японскихъ хроникъ, приводимое Зи больдомъ, объясняетъ притомъ, что Пинто, какъ случайный пассажиръ *китайской* джонки, не могъ быть первымъ:» При микадо Конара и при сіогунѣ Іоне-Фаро въ октябрѣ 1543 года иностраный корабль присталъ къ берегу Танега-Сима (и такъ южнѣе Кіусіу), близъ Куры. Люди, составлявшіе экипажъ,

спутники, былъ провинція Бунго на Кіусіу, самомъ южномъ изъ большихъ острововъ Японіи. Вслѣдъ за открытіемъ начались и торговыя сношенія португальцевъ, а въ 1549 году они доставили на японскую землю и первыхъ миссіонеровъ-іезуитовъ, постоянныхъ спутниковъ тогдашнихъ католическихъ «открывателей». При крайней вѣротерпимости японцевъ дѣла этихъ миссіонеровъ съ перваго же раза пошли очень успѣшно, тѣмъ болѣе, что вождемъ ихъ былъ извѣстный Франциск Ксавье, человѣкъ превосходныхъ способностей и нелицемѣрно пламенныхъ убѣжденій. Португальскіе миссіонеры уже на малабарскимъ берегу Индіи встрѣчались съ японцами, которымъ выѣздъ изъ отечества былъ дозволенъ тогда; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Ксавье, высадившись въ Бунго, умѣлъ уже говорить по-японски, хотя миссіонеры увѣряли потомъ, что святой по-

числомъ до двухъ сотъ, казались очень странными; языкъ этихъ незнакомцевъ былъ непонятенъ; отечество ихъ было столько же неизвѣстно, сколько и они сами. На кораблѣ находился китаецъ, по имени Гагу, понимавшій грамоту; отъ него узнали, что этотъ корабль *нань-бань* (южныхъ варваровъ). 26 числа его ввели въ портъ Аку-оки въ С. З. части острова. Губернаторъ приказалъ обслѣдовать его при посредствѣ японскаго бонзы, который скужилъ переводчикомъ съ китайскаго. На кораблѣ находились два начальника южныхъ варваровъ, Мура-Сіукія и Криста-Мута. При нихъ было огнестрѣльное оружіе; тутъ впрвые узнали японцы этотъ родъ оружія, равно какъ и составленіе пороха.—Ясно, что судно было не китайское, а европейское, и португальцы узнаютъ въ Мурѣ-Сіукіѣ и Кристѣ Мутѣ своихъ соотечественниковъ Ант. Мото и Франц. Зеймото. — Ср. *Hawks*, Amer. Exp. стр. 29.

лучилъ даръ многоязычія свыше, подобно апостоламъ. Въ числѣ японцевъ были христіане и прежде, чѣмъ миссія іезуитовъ прибыла въ ихъ отечество. Такъ нѣкто Ханзиро, молодой офицеръ, бѣжавшій изъ Японіи, гдѣ его обвиняли въ убійствѣ, былъ окрещенъ въ Гоа. Японское правительство не препятствовало пропагандѣ, и о томъ, какъ она была успѣшна, мы узнаемъ изъ словъ самаго Ксавье: «я не умѣю достаточно наговориться съ Японцами; по истинѣ, они услаждаютъ мой слухъ.»

Торговыя сношенія съ Японіею были чрезвычайно выгодны португальцамъ. Обыкновенный процентъ при ихъ оборотахъ былъ сто на сто, иногда же и болѣе. Одинъ купецъ въ Макао обогатился до такой степени, что сокровища его сравнивали съ сокровищами Соломонова храма. Общій голосъ говорилъ, что португальцы нашли въ Японіи «золотую жилу». Въ 1556 году они уже торговали, кромѣ Бунго, въ Фирандо и Нагасаки, изъ которыхъ послѣдній, владѣющій превосходнымъ портомъ, былъ основанъ собственно для сношеній съ ними Сумитандою, княземъ-христіаниномъ Омуры. Торговля эта велась частью купцами, частью самими пастырями новообращенныхъ японскихъ душъ, іезуитами. Это то послѣднее обстоятельство и было потомъ причиною золъ, совершившихся въ Японіи съ португальцами и вообще съ христіанами. Жадность, чувственность и надменность католическаго духовенства, упоеннаго успѣхами, не знали предѣловъ. Но впрочемъ до конца XVI столѣтія сношенія португаль-

цевъ скорѣе разрастались, чѣмъ падали. Городъ Нагасаки, благодаря ихъ торговлѣ, получилъ такое значеніе, что былъ сдѣланъ императорскимъ, то-есть сіогунъ присвоилъ себѣ право извлекать изъ него доходы, отнявъ это право у мѣстнаго князя Омуры. Притомъ и нравственное вліяніе португальцевъ было очень сильно въ той юго-западной части Японіи, гдѣ они имѣли свои конторы и миссіи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были основаны христіанскіе храмы, между прочимъ въ Міако, центрѣ японской имперіи и мѣстопребываніи микадо; за Сумитандою послѣдовали нѣкоторые другіе аристократы, и пропаганда «ловцовъ душъ» дѣлала большіе успѣхи, такъ что когда однажды приверженцы мѣстныхъ религій вздумали открыто притѣснить христіанъ, то были разбиты ими. Аристократическій членъ іезуитскаго ордена, Луисъ-де-Альмеида, былъ принимаемъ японскою знатью, какъ человѣкъ самаго высокаго сана, почти какъ святой. Въ 1586 году іезуитамъ удалось даже склонить японцевъ-христіанъ отправить посольство въ Римъ для поклоненія папѣ*). Но скоро эта звѣзда прозелитизма начала угасать. Къ жадности, сладострастью и спѣси **) проповѣдниковъ присоединились еще

*) «Тому, кто долженъ быть обожаемъ и кто заступаетъ мѣсто царя небеснаго на землѣ», какъ выражались князья Бунго и Омуры въ своихъ посланіяхъ, конечно по внушеніямъ миссіонеровъ, въ излишней ревности незамѣчавшихъ даже, что такія рѣчи не могли нравиться напр. микадо.

**) Важничанье монаховъ было такъ велико, что начальники ихъ, подобно японскимъ владѣльцамъ и сановникамъ,

распри въ средѣ ихъ самихъ и, потомъ, вмѣшательство ихъ въ политическія дѣла страны, что было скоро замѣчено японскимъ правительствомъ. Извѣстно, что іезуиты повсюду неладили съ францискаными и доминиканами; протестанты въ XVI вѣкѣ были крайне недружелюбны съ католиками: это повторилось въ Японіи и, не ускользнувъ отъ вниманія народа, скоро уронило въ глазахъ его христіанскую вѣру. Что касается до политическихъ видовъ іезуитовъ, то преданіе сохранило очень характеристическій разговоръ, въ которомъ сіогунъ Фидейоси, на вопросъ одному португальскому монаху: «какъ могло его маленькое отечество покорить столь обширныя страны?»—получилъ отвѣтъ: «очень просто; мы сначала покоряемъ чужеземцевъ духовно, обращая ихъ христіанство, а потомъ становимся и политическими властителями.» — Въ 1637 году раздраженіе японскаго правительства противъ продѣлокъ іезуитовъ достигло наконецъ своего предѣла и вызвало кровавую бурю. Португальцы были изгнаны навсегда изъ Японіи; послѣдніе представители ихъ перевезены въ 1640 году въ Макао; японцамъ, во избѣжаніе принятія ими христіанства запрещено оставлять страну, и 37.000 христіанъ, воспротивившихся правительству, были истреблены въ одной Симабарѣ.*) Попытка португальскаго

показывались на улицахъ только съ большимъ кортежемъ, и былъ случай, что епископъ не хотѣлъ уступить дороги князю, съ которымъ встрѣтился, между тѣмъ какъ народъ повергался ницъ передъ этимъ княземъ.

*) Указъ японскаго правительства отъ 1637 года гласилъ

правительства возобновить сношенія повела лишь къ тому, что все посольство его въ 1641 г. было захвачено и предано смерти, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ*).

Кромѣ португальцевъ съ Японіею еще въ началѣ XVII вѣка начали сноситься голландцы. Они, какъ еретики, не были конечно надѣлены папскою буллою, которая бы давала имъ право собственности на открываемыя земли; но это не мѣшало имъ вести дѣятельную

слѣдующее: Ни одно японское судно, ни одинъ уроженецъ Японіи не можетъ выйдти изъ своей страны; нарушителямъ — смерть; судно и грузъ конфискуются. Всякій японецъ, вернувшійся изъ чужой земли, подвергается смерти. Тотъ, кто откроетъ христіанскаго священника, получитъ вознагражденія отъ $2^1/_2$ до 3 т. р. сер. и пропорціональную за каждаго христіанина. Все племя португальцевъ и испанцевъ, съ женами и дѣтьми, изгоняется. Ни одинъ благородный японецъ или воинъ не можетъ ничего покупать у европейцевъ. Гоненія на христіанъ впрочемъ начались задолго до 1637 г., еще при сіогунѣ Фидейози († 1598); но только онѣ не были столь всеобщи, какъ послѣднее, искоренившее въ Японіи слѣды христіанства. Извѣстно, что нынѣшній папа Пій IX, чтобы подогрѣть усердіе новыхъ миссіонеровъ, произвелъ множество мучениковъ той эпохи въ святые.

*) *Kaempfer*. Посламъ и всей ихъ свитѣ (71 челов.) отрубили головы; исключили только нѣкоторыхъ низшихъ служителей, чтобы они могли передать своимъ соотечественникамъ страшное извѣстіе... Корабль сожгли на другой день, а уцѣлѣвшимъ людямъ показали мѣсто казни и головы ихъ товарищей, разложенныя на доскахъ .... «Японцы такъ желали истребить самое вспоминаніе о христіанской вѣрѣ что не спросили даже 700.000 экю, которые купцы въ Макао были имъ должны.»

торговлю на всемъ Зондскомъ архипелагѣ и въ полуденной Азіи и имѣть тамъ конторы. Молва о неисчислимыхъ выгодахъ португальцевъ отъ японской торговли заставила ихъ подумать объ открытіи пути и на крайній сѣверо-востокъ тогдашняго азіатскаго міра. Съ этою цѣлью снаряжена была флотилія изъ пяти судовъ, подъ начальствомъ Іакова Магу, и въ іюнѣ 1598 г. отправлена съ острова Текселя къ берегамъ Японіи. Эскадрѣ этой однако непосчастливилось въ пути; самъ адмиралъ умеръ еще не доѣзжая до южной оконечности Америки, а корабли должны были зимовать въ Маггелановомъ проливѣ, гдѣ оказался недостатокъ въ провизіи. Одинъ изъ нихъ впрочемъ достигъ 11 апрѣля 1600 года провинціи Бунго и былъ принятъ гостепріимно японцами. Но едва узнали о томъ іезуиты, какъ объявили голландцевъ пиратами, и послѣдніе вѣроятно были бы казнены, если бы самъ императоръ, бывшій тогда въ Осакѣ, не потребовалъ къ себѣ командира голландскаго судна, Адамса, и одного изъ его спутниковъ. Допросивъ ихъ, онъ сохранилъ имъ жизнь, но конфисковалъ корабль и оставилъ экипажъ плѣннымъ въ Японіи. Скоро однакоже личныя качества Адамса, который собственно былъ англичанинъ и первоначально только служилъ у голландцевъ лоцманомъ, пріобрѣли ему уваженіе знатныхъ японцевъ и даже самого сіогуна, для котораго онъ построилъ два корабля. Поэтому, когда въ 1609 г. прибыли въ Японію два новыя голландскія судна, Адамсъ и товарищи были отпущены, и голландской націи предоставлено право торговать въ Фирандо.

Основанная ими факторія на этомъ островѣ первоначально была сборомъ бѣдныхъ хижинъ, но скоро обогатилась и прекрасно обстроилась. Голландцы свободно торговали въ Фирандо, не занимаясь религіозною пропагандою; но кажется, что они были однажды замѣшаны въ политическія междоусобія японцевъ, и это повело къ истребленію большей части членовъ факторіи. Въ 1639 году, при изгнаніи португальцевъ, голландцамъ грозила та же участь, ибо, говорили японцы, «вы также вѣрите во Христа, въ дѣву Марію и пр.;» но голландцы, по общему показанію современниковъ, отозвались, что они не христіане, а голландцы, и тѣмъ спасли себя отъ изгнанія *). Только участь ихъ съ того

*) *Gawks*, Ат. Ех, 42.; впрочемъ Гауксъ нѣсколько предубѣжденъ противъ голландцевъ и охотно заимствуетъ у старыхъ писателей именно тѣ подробности, которыя могутъ ихъ выставить въ невыгодномъ свѣтѣ. Шарлевуа приводитъ текстъ рѣчи, произнесенной посломъ сіогуна предъ уничтоженіемъ факторіи въ Фирандо. «Грозный императоръ японскій, повелитель и владыка мой, извѣстился за-вѣрное, что вы христіане и одной вѣры съ португальцами. Вы празднуете воскресенье, считаете время съ рождества Христова и означаете годы этого счисленія на вашихъ постройкахъ; вашъ главный законъ — десять заповѣдей; молитва ваша составлена Іисусомъ и вѣра ваша — вѣра его учениковъ. Вы обливаете вашихъ дѣтей водою при самомъ ихъ рожденіи и совершаете обрядъ евхаристіи; книга ваша — евангеліе; пророки и апостолы — ваши святые. Словомъ, — къ чему входить въ дальнѣйшія подробности? — ваша вѣра та же, что португальская; — если и есть разница между вами, то она намъ кажется незначительною. Мы всегда знали, что вы —

времени измѣнилася къ худшему. Факторію приказано было перенести изъ Фирандо въ Нагасаки, подъ ближайшій надзоръ императорскаго правителя, и тутъ голландцы поставлены въ самыя тягостныя условія, которымъ они и подчинялись болѣе двухъ столѣтій изъ видовъ корысти. Маленькій искуственный островъ Дециma, у набережной Нагасаки*), былъ обращенъ въ нѣчто въ родѣ тюрьмы, изъ которой голландцы не могли отлучаться почти никуда и гдѣ за ними непрерывно слѣдили многочисленные шпіоны въ лицѣ переводчиковъ, фак-

христіане; но видя васъ врагами португальцевъ и зная, что вы противились водворенію ихъ вѣры въ нашей землѣ, мы полагали, что вѣрованія ваши различны. Императоръ узналъ противное и нарочно прислалъ меня сюда объявить, что вы должны срыть жилища ваши и другія постройки, на которыхъ выставлено имя Христа, что не должны вы отнынѣ праздновать открыто день воскресенья, чтобъ имя это вышло изъ памяти народной въ Японіи; что отнынѣ капиталъ вашъ» и пр.... «Помните, что малѣйшее сопротивленіе этому предписанію подаетъ несомнѣнный поводъ сомнѣваться въ повиновеніи вашемъ повеленіямъ императора». Зибольдъ, повторяя эту рѣчь, говоритъ: начальникъ факторіи, Кокебекеръ, отвѣчалъ: приказанія его величества будутъ исполнены въ точности», и тотчасъ же началъ срывать зданія. Здѣсь можно прибавить, что голландцы свою склонность къ монопольной торговлѣ простерли такъ далеко, что помогали японскому правительству въ истребленіи христіанъ, бомбардируя берега Симаборы.

*) 85 саженъ длиною и 35 шириною. Теперь Дециma измѣнила свой видъ и память о ней сохраняется лишь въ видѣ модели въ гагскомъ музеумѣ, да въ видѣ рисунковъ, находящихся во многихъ «Путешествіяхъ».

торовъ, полицейскихъ солдатъ и проч. Торговля ограничена двумя — тремя судами, которыя могли прибывать ежегодно, и самый обмѣнъ товаровъ дозволенъ на крайне стѣснительныхъ для голландцевъ условіяхъ. Золото и серебро, котораго массы были долгое время вывозимы ими, было запрещено къ вывозу изъ Японіи; небольшой кружокъ купцовъ, связанныхъ тѣсными узами съ іеддоскимъ дворомъ, имѣлъ исключительное право торговли съ ними; зависимость отъ переводчиковъ и факторовъ была такъ велика, что голландская компанія должна была ежегодно вносить въ смѣты около 100.000 рублей на подарки имъ. Самыя зданія въ Дециме остались японскою собственностью, и голландцы должны были платить за наемъ ихъ большую сумму (до 13.000 р. с.), не имѣя возможности ихъ купить. Вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, всѣ члены факторіи должны были находиться дома, и когда въ концѣ XVIII столѣтія одного прислужника недосчитались, то тревога была огромная, ибо японцы полагали, что онъ проникъ внутрь страны*). Голландцамъ не дозволено было имѣть при себѣ женъ**); прижитые отъ японскихъ

*) *Thounberg.* Скрывшійся человѣкъ былъ прислужникъ Тунберга, заснувшій гдѣ-то въ сараѣ, внутри факторіи. По розысканіи японскіе чиновники не упустили случая порядкомъ избить его за то, что не былъ на лицо при вечерней повѣркѣ людей, принадлежащихъ къ факторіи.

**) Въ 1817 г. начальникъ голландской факторіи, Блумгофъ, хотѣлъ удержать при себѣ въ Дециме жену свою, привезенную имъ изъ Батавіи; но на это японцы не согласились. *Зибольдъ.*

женщинъ дѣти считались японскими подданными и не могли оставлять страну или воспитываться въ факторіи. Единственное развлеченіе, которое затѣмъ оставалось, это было путешествіе разъ въ годъ (а потомъ разъ въ 4 года) въ Іеддо, которое однакоже вело къ большимъ расходамъ на путь и подарки и которое совершалось неизмѣнно по одной и той же дорогѣ, подъ строгимъ надзоромъ многочисленной чиновничьей свиты. Японцы такъ ревниво смотрѣли на всякую возможность политическаго и религіознаво вліянія голландцевъ, что едва кто-либо изъ членовъ факторіи пріобрѣталъ основательныя познанія въ ихъ языкѣ, какъ они старались объ удаленіи такого лица изъ Японіи. Священныя книги, которыя находились на прибывающихъ корабляхъ, тотчасъ по приходѣ въ портъ отбирались и хранились подъ замкомъ до самаго того времени, когда корабль уходилъ обратно. Сами японцы охотно учились по голландски, даже покупали европейскія сочиненія; но изъ японскихъ книгъ географическія были запрещены нетолько къ вывозу изъ страны, но и къ покупкѣ ихъ голландцами. Японцы-переводчики и медики учились иногда у врачей факторіи европейской медицинѣ; но не хотѣли позволять этимъ врачамъ собирать цѣлебныя травы, ибо это влекло за собой проникновеніе ихъ внутрь страны. Тунбергъ, который былъ очень уважаемъ многими японскими чиновниками, могъ однакожъ добиться отъ нихъ позволенія гербаризировать въ окрестностяхъ Нагасаки только за мѣсяцъ передъ отъѣздомъ своимъ, въ концѣ зимы и началѣ весны. Даже

въ городѣ, когда голландецъ хотѣлъ совершить прогулку или посѣтить кого-либо изъ знакомыхъ, онъ долженъ былъ просить согласія губернатора и по выходѣ изъ факторіи бывалъ окруженъ шпіонами. Строгости эти постепенно усиливались. Такъ во времена Кемфера (1690) японцы ограничивались только надзоромъ со стороны, а при Зибольдѣ (1830) стало уже необходимостью нетолько имѣть непосредственно съ собой полицейскихъ въ большемъ числѣ (20—30), но еще угощать ихъ на собственный счетъ. Жалобы на такія стѣсненія приводили лишь къ тому, что ихъ обращали въ обычай, а голландцамъ отвѣчали, что ихъ держутъ въ странѣ лишь изъ милости и изъ уваженья къ данному разъ позволенію; если же они не хотятъ подчиняться распоряженіямъ японскихъ начальствъ, то могутъ во всякое время выѣхать изъ Японіи. Послѣ этого кажется очень простодушнымъ или же ироническимъ замѣчаніе Тицинга о «неудобствахъ», которымъ подвергались голландцы ради торговыхъ выгодъ.

Какъ велики были эти торговыя выгоды, голландцы, конечно, старались скрывать, и даже въ спеціальномъ трудѣ Мейлана нѣтъ подробныхъ на то указаній; но по нѣкоторымъ извѣстіямъ можно безъ большаго труда составить себѣ понятія. Рога единорога, Monos monoceros, конечно самый дорогой товаръ, цѣнимый японцами какъ универсальное средство, — продавались по 4.500 р. сер. за фунтъ. Многія издѣлія оптическія и галантерейныя, слоновая кость и проч. приносили также огромныя выгоды. Отъ того голландцы ревниво охра-

няли свою монополію и всячески препятствовали возобновленію сношеній съ Японіею другихъ европейскихъ народовъ до самой половины настоящаго вѣка*). Но впрочемъ торговля ихъ съ теченіемъ времени нетолько не возрастала, а падала. Въ концѣ XVII столѣтія ея размѣры можно было цѣнить въ 500 т. р. с. по ввозу и болѣе 1 мил. р. с. по вывозу; а въ 1846 г. ввозъ не превышалъ 140 т. р. с. Особенно повредили голландцамъ революціонныя войны и послѣдовавшій за ними захватъ всѣхъ владѣній Голландіи Франціею или Англіею. Въ XIX вѣкѣ въ Дециму приходилъ постоянно уже одинъ только корабль, а не два или три; число членовъ факторіи уменьшилось до шести и обороты едва покрывали расходы. Отъ того голландцы и явились первыми агитаторами въ пользу открытія японскихъ портовъ для всѣхъ вообще народовъ, при чемъ и они, надѣялись повернуть свои дѣла къ лучшему. Съ 1854—58 года эти надежды исполнились; но Голландія нынѣ уже занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ въ числѣ націй, производящихъ торговлю съ Японіей.

Наравнѣ съ голландцами и португальцами торговали

*) Первое отступленіе отъ этого правила голландское правительство сдѣлало въ письмѣ короля Вильгельма къ сіогуну Іеоши въ 1844 г., когда, подъ вліяніемъ успѣха англичанъ въ Китаѣ, король совѣтовалъ японцамъ заблаговременно подумать о сближеніи съ чужестранцами,« которые рано или поздно могутъ силою добиться того, что теперь имъ можетъ быть дано добровольно и слѣдов. на выгоднѣйшихъ условіяхъ.» На это предложеніе былъ данъ вѣжливый, но рѣшительный отказъ. *Гаукъ.*

въ XVII вѣкѣ съ Японіею и англичане. Начало ихъ сношеній относится къ 1613 году, когда корабль остъ-индской компаніи «Clove», подъ начальствомъ капитана Джона Сариса, прибылъ въ Фирандо съ письмами короля Іакова къ японскому императору и князю Фирандо и съ грузомъ товаровъ. Сарисъ немедленно вошелъ въ сношенія съ мѣстными властями, а потомъ, принявъ къ себѣ на бортъ Адамса, отплылъ въ Іеддо, чтобы тамъ представить императору подарки короля и заключить договоръ о торговлѣ. Это послѣднее ему удалось какъ нельзя лучше, и послѣ кратковременныхъ переговоровъ съ секретаремъ сіогуна, онъ получилъ торговый патентъ, который въ извлеченіи стоитъ здѣсь привести, чтобы показать, на какихъ широкихъ основаніяхъ японцы тогда открывали сношенія съ чужеземцами, не смотря даже на вмѣшательство ихъ въ дѣла страны и непріятныя для мѣстныхъ властей столкновенья между собою *).

«1. Мы даемъ, говоритъ указъ, подданнымъ короля Великобританіи, а именно Сэру Томасу Смиту, губернатору, и всей остъ-индской купеческой компаніи, позволеніе свободно входить въ каждый изъ *на-*

*) Столкновенія между различными европейскими націями въ Японіи были довольно часты и носили столь непріятный характеръ, что однажды тайкунъ былъ выведенъ изъ терпѣнія повторившимися жалобами испанцевъ и португальцевъ на голландцевъ. Онъ выгналъ жаловавшихся и объявилъ имъ, что« если бы черти изъ ада посѣтили его государство они были бы приняты какъ ангелы, какъ скоро вели бы себя согласно законамъ страны.» Жалоба была — политическій доносъ. *Рендаль.*

*ших**) портовъ нашей японской имперіи, съ ихъ кораблями, товарами, безъ всякаго препятствія для нихъ самихъ или ихъ имущества, пребывать тамъ, сколько пожелаютъ, покупать, продавать и мѣнять по принятымъ ими повсемѣстно способамъ, и отъѣзжать по ихъ усмотрѣнію».

«2). Мы даруемъ имъ свободу отъ пошлинъ на всѣ ихъ товары, какъ на доставленные нынѣ, такъ и на тѣ, которые будутъ привезены въ послѣдствіи или вывезены изъ нашего государства въ другія страны.»

«3. Въ случаѣ кораблекрушенія или опасности наши подданные будутъ нетолько помогать потерпѣвшимъ несчастіе англичанамъ, но и возвращать имъ спасенныя части груза.»

«4. Если кто-либо изъ англійскихъ купцовъ умретъ внѣ Японіи, то его имущество (здѣсь находящееся) будетъ отдано въ распоряженіе его соотечественниковъ; за расхищеніе таковаго нашими подданными они будутъ наказываемы по нашимъ законамъ; на лица же и имущества англичанъ эти законы не распространяются.

«5. Мы желаемъ, чтобы при торговлѣ съ нашими подданными уплаты дѣлались по условію безотлагательно,» и т. д.

Этотъ указъ, свидѣтельствующій о либеральныхъ понятіяхъ японцевъ XVII столѣтія, т. е. той эпохи, когда сами европейскія націи строго слѣдовали въ тор-

*) Нашихъ, то-есть императорскихъ, лежащихъ въ непосредственныхъ владѣніяхъ сіогуна, въ чемъ можно видѣть зародышъ новѣйшей политики тайкуновъ, которые желали, чтобы всѣ выгоды иностранной торговли принадлежали имъ лично, а не князьямъ, феодальнымъ владѣльцамъ.

говлѣ меркантильной политикѣ, одинъ способенъ разсѣять предубѣжденіе, долго господствовавшее въ Европѣ, относительно исключительности, замкнутости въ себѣ японцевъ. Но кромѣ его сіогунъ японскій написалъ еще въ высшей степени дружелюбное письмо къ королю Іакову, гдѣ, упоминая о данныхъ его подданнымъ правахъ, онъ какъ бы придаетъ имъ силу международныхъ обязательствъ. Правда, черезъ три года послѣ выдачи патента японцы, вѣроятно для удовлетворенія другихъ европейцевъ, стѣснили кругъ дѣйствій англичанъ, ограничивъ имъ доступъ въ Японію одною гаванью Фирандо; но въ этомъ ничего оскорбительнаго для ихъ народнаго самолюбія не было, потому что и другія европейскія націи пользовались не бо́льшими преимуществами. Факторія была основана въ 1616 году и торговая дѣятельность продолжалась въ ней семь лѣтъ безпрепятственно, несмотря на зависть голландцевъ и происки ихъ и католическихъ миссіонеровъ-торговцевъ. Но въ 1623 году англичанамъ пришлось оставить Японію, по какимъ причинамъ, доселѣ съ точностью неизвѣстно; но вѣроятно по интригамъ ихъ европейскихъ соперниковъ. Тринадцать лѣтъ спустя они пробовали было возобновить сношенія; но прибывшая въ Нагасаки флотилія ихъ изъ четырехъ кораблей была принята непріязненно, и потомъ всѣ повторявшіяся попытки*), до 1849 года, не привели ни къ

*) Ихъ было восемь: въ 1673, 1791, 1803, 1808, 1813, 1814, 1818, 1849.

чему, хотя японцы довольно дружелюбно отнеслись къ Броутону, плававшему на ихъ водахъ. Одна изъ причинъ долговременнаго недовѣрія къ подданнымъ королей британскихъ состояла въ томъ, что голландцы успѣли увѣрить японцевъ въ тѣсной дружбѣ и родствѣ этихъ королей съ испанскими и португальскими государями, а ненависть къ испанцамъ и португальцамъ была очень сильна въ Японіи. Притомъ нѣкоторые изъ англійскихъ кораблей, приходившихъ въ Нагасаки, напр. Фаетонъ (1808 г.), вели себя весьма подозрительно. Не ранѣе 1854 года англичанамъ удалось заключить договоръ, открывавшій имъ тѣ же гавани, что Соединеннымъ Американскимъ Штатамъ; съ 1858 же года они являются одними изъ главныхъ торговыхъ дѣятелей въ тѣхъ портахъ, которые японское правительство по трактатамъ того года обязалось открыть западнымъ націямъ. Англійскій языкъ есть нынѣ господствующій въ Іокогамѣ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ японцы сходятся съ европейцами.

Отъ португальцевъ, голландцевъ и англичанъ перейдемъ теперь къ двумъ народамъ, которымъ суждено было, во второй половинѣ нашего вѣка прежде другихъ проложить чужестранцамъ дорогу въ Японскій архипелагъ. Народы эти суть американцы и русскіе. Исторія ихъ сношеній съ Японіей отличается тѣмъ, что ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ они не были ей извѣстны и слѣдовательно не оставили по себѣ, къ XIX столѣтію, преданій непріязненныхъ, нерасполагавшихъ въ ихъ пользу. Уже одно это обстоятельстно, а также и то, что они не

католики, зараженныя болѣзнью теологической пропаганды, позволяло ожидать, что они скорѣе, чѣмъ кто-нибудь разрушатъ вѣковыя узы, наброшенныя судьбою на имперію микадо. Близость Россіи и удобство сообщеній съ Соединенными Штатами по открытому морю также облегчали задачу и давали вѣроятность успѣха. Событія оправдали такія соображенія. Смѣлые и предпріимчивые граждане великой американской республики первые ступили на японскую почву, какъ представители дружественной страны. Почти одновременно того же добились и русскіе. Но впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что успѣху предшествовало нѣсколько неудачныхъ попытокъ. Въ описаніи американской экспедиціи Гаусъ начинаетъ исторію этихъ попытокъ для заатлантической республики съ 1831 года; но это не совсѣмъ точно, потому что первое американское судно, пробовавшее завести прямую торговлю съ японцами, былъ бригъ капитана Стиварта въ 1803 году. Стивартъ посѣщалъ прежде нагасакскую гавань какъ командиръ американскаго торговаго корабля, нанятаго голандцми для перевоза товаровъ изъ Явы въ то время, когда на своихъ судахъ они боялися плавать изъ опасенія англійскихъ крейсеровъ. Узнавъ, какъ выгодна была торговля съ Японіей, Стивартъ пробовалъ ввести свой грузъ подъ флагомъ американской республики; но позволенія торговать ему дано не было. Потомъ, въ теченіе 34 лѣтъ сѣверо-американцы не посѣщали японскихъ водъ; но въ 1837 г. ими сдѣлана была попытка, на кораблѣ «Мориссонѣ.» Поводомъ служило то

обстоятельство, что одна японская джонка была занесена бурею и теченіями къ западнымъ берегамъ Америки, близи устья Колумбіи, и экипажъ ея слѣдовало возвратить въ отечество. Для этой цѣли японцы первоначально репровождены были въ Макао, и оттуда, при содѣйствіи резидентовъ англійскаго и американскаго и въ сопровожденіи извѣстнаго миссіонера Гуцлафа, отплыли въ Японію. Но экспедиція не имѣла ни какого успѣха. По прибытіи въ Іеддо «Морисонъ», послѣ короткихъ и безплотныхъ переговоровъ, встрѣченъ былъ выстрѣлами изъ пушекъ и поспѣшилъ уйдти въ море. Затѣмъ онъ заходилъ на островъ Кіусіу, въ портъ Кагозиму; но и тутъ ждала его таже участь, такъ что онъ отплылъ, не успѣвъ даже высадить японцевъ на ихъ берега. Американцы приписывали не удачу свою проискамъ голландцевъ; но такъ ли это было въ самомъ дѣлѣ, — трудно сказать. Въ 1846 году, въ видахъ открытія сношеній съ Японею, выступило само вашингтонское правительство. Оно снарядило экспедицію изъ двухъ кораблей подъ начальствомъ коммодора Бидля и отправило ее въ Іеддо. Едва Бидль вошелъ на рейдъ, какъ былъ, по обычаю японцевъ, окруженъ огромнымъ числомъ лодокъ, которыя по видимому давали знать, чтобы онъ удалился. Прибывшіе на бортъ кораблей японскіе чиновники объясняли, кажется то же самое, но американцы ихъ не поняли. Десять дней простояли суда въ гавани и наконецъ на сдѣланный вопросъ получили рѣшительный отвѣтъ сіогуна, что «ни какой торговли съ иностранцами не будетъ допущено, исключая

голландцевъ.» Черезъ три года послѣ этого военный корабль «Прибль» былъ отправленъ въ Японію для выручки шестнадцати американцевъ, попавшихъ въ плѣнъ въ слѣдствіе крушенія ихъ судна; но онъ уже не имѣлъ полномочія трактовать о постоянныхъ сношеніяхъ. Коммодоръ Глинъ, пріѣдя на нагасакскій рейдъ, ограничился только исполненіемъ своего порученія и хотя погрозилъ японцамъ войною, такъ какъ они затягивали дѣло о выдачѣ; но ушелъ мирно изъ Нагасаки, увезя плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ. Этимъ до 1853 года сношенія американцевъ съ Японіею окончились.

Въ 1852 году снаряжена была знаменитая экспедиція Перри, которой впервые удалось побѣдить предубѣжденіе японцевъ, два вѣка упорно отстаивавшихъ свою совершенную замкнутость. О плаваніи Перри у насъ въ Россіи извѣстно мало подробностей, и самый отчетъ американскаго коммодора не переведенъ на русскій языкъ, какъ бы слѣдовало, въ виду того, что Японія намъ сосѣдняя нація и что Перри лишь немногимъ предупредилъ нашего адмирала Путятина. По этому здѣсь будетъ сказано объ этомъ достопамятномъ предпріятіи нѣсколько больше, чѣмъ обо всѣхъ предыдущихъ. Оно какъ задумано, такъ и выполнено было такимъ образомъ, что успѣха слѣдовало ожидать даже тогда, когда бы японцы сами не почувствовали пользы отъ сношеніяхъ съ чужестранцами и довели себя до войны, результатомъ которой конечно было бы достиженіе силой того, чего нельзя было получить доброю волею.*) Перри имѣлъ у

*) Историкъ экспедиціи, Гауксъ, прямо говоритъ, что Пер-

себя подъ коммандою цѣлую эскадру изъ 12 кораблей, въ числѣ которыхъ былъ 74-пушечный линейный и нѣсколько пароходовъ. Суда эти, правда, не всѣ сопровождали непосредственно коммодора; но онѣ плавали въ сосѣднихъ съ Японіею моряхъ и могли поспѣть куда нужно въ самый короткій срокъ. Лично Перри съ четырьмя вымпелами, обогнувъ Мысъ Доброй Надежды, прибылъ въ заливъ Іеддо 8 іюля 1853 г. Голландское правительство на этотъ разъ нетолько непротивилось успѣхамъ американцевъ, но, какъ уже замѣчено, понявъ всю пользу отъ широкихъ и общихъ сношеній съ Японіею, дало приказаніе членамъ своей факторіи содѣйствовать коммодору, если встрѣтится надобность. Голландцы даже составили проэктъ договора, который казалось имъ возможнымъ вынудить у Японіи. Американскій посолъ однако не воспользовался ихъ услужливостью, которая притомъ едва ли могла имѣть большую цѣну, такъ какъ положеніе самихъ голландцевъ въ Японіи нельзя было не назвать унизительнымъ. Онъ началъ съ того, что, не объясняя цѣли своей миссіи второстепеннымъ японскимъ чиновникамъ, сообщилъ имъ, что имѣетъ письмо отъ президента Соединенныхъ

ри рѣшился требовать отъ японскаго правительства открытія портовъ не какъ милости, а по праву (?), хотя и желалъ прибѣгнуть къ оружію только въ крайнемъ случаѣ(?). Какіе именно случаи нужно разумѣть подъ крайними, видно изъ того, что Перри, еще не вступая ни въ какіе переговоры, объявилъ, чмо онъ прикажетъ стрѣлять по сторожевымъ японскимъ лодкамъ, собравшимся около амерканской эскадры въ заливѣ Урагѣ, если онѣ неразъѣдутся.

Штатовъ къ японскому императору и потребовалъ, чтобы для принятія этого письма былъ высланъ сановникъ высокаго ранга. Послѣ нѣкоторыхъ промедленій, это было достигнуто, и князь Идзу уполномоченъ былъ принять письмо съ надлежащими почестями. Достигнувъ этого перваго успѣха, Перри объявилъ, что онъ даетъ японцамъ времени до весны 1854 года подумать объ отвѣтѣ и вслѣдъ затѣмъ отплылъ изъ залива Іеддо. Хотя же вскорѣ послѣ отплытія американской эскадры тайкунъ Іе-оши умеръ, и голландцы, извѣщая объ этомъ американскаго посла, объяснили, что по обычаямъ Японіи смерть императора непремѣнно поведетъ къ замедленію дѣлъ; но Перри уже въ февралѣ 1854 г. снова былъ близъ Іеддо и встрѣтилъ тамъ японцевъ, готовыхъ вступить съ нимъ въ дипломатическія сношенія. Новый правитель имперіи, князь Иккамоно-ками и значительная партія при дворѣ сіогуна были въ пользу прекращенія замкнутости Японіи, а потому 31 марта, послѣ дружескихъ переговоровъ, подписанъ былъ наконецъ договоръ, которымъ представлялось американцамъ торговать въ двухъ гаваняхъ Японской имперіи, Симодѣ и Хакодате, и имѣть консула въ первой изъ нихъ. Кромѣ того американскія суда получали право заходить и во всѣ другіе порты этого государства для снабженія себя провизіею, водою, углемъ, и, въ случаѣ нужды, для спасенія отъ опасности. Таковъ былъ блистательный для перваго раза успѣхъ американцевъ въ дѣлѣ, относительно котораго со всѣхъ сторонъ слышалися сомнѣнія. Историкъ экспедиціи, Гауксъ, впрочемъ слишкомъ уже

хвастливо отзывается объ этомъ успѣхѣ и особенно о пріемахъ американскаго дипломата. Нельзя незамѣтить, что если бы само японское правительство не чувствовало пользы отъ прекращенія замкнутости страны, то едвали американской эскадрѣ удалось такъ скоро окончить свое порученіе. Но надо отдать справедливость и Перри; онъ умѣлъ себя прекрасно поставить относительно японскихъ уполномоченныхъ и велъ дѣло съ твердостью и умомъ, достойными націи, которой былъ представителемъ.

Гаукъ по поводу посольства Перри входитъ въ длинныя подробности для убѣжденія своихъ читателей, что американцы первые достигли цѣли, въ которой въ 1853 — 4 годахъ стремилося нѣсколько государствъ. Онъ не затрудняется при этомъ насмѣшливо и даже недоброжелательно отнестись къ нѣкоторымъ изъ этихъ государствъ, особливо же къ Голландіи, которой приписываютъ затаенные, коварные замыслы. Но больше всего нападаетъ онъ на Зибольда, который хотѣлъ участвовать въ американской экспедиціи, получилъ отказъ Перри и потомъ обнародовалъ въ Боннѣ памфлетъ, доказывавшій, что честь перваго открытія японскихъ портовъ принадлежитъ Россіи, а не Соединеннымъ Штатамъ. Американскій авторъ при этомъ такъ негодуетъ на знаменитаго путешественника, что называетъ его русскимъ шпіономъ и безпощадно осмѣиваетъ его хвастовство, какъ привилегированнаго знатока Японіи. Объ этой полемической сторонѣ сочиненія Гаукса не стоило бы упоминать, если бы при этомъ онъ не здѣлалъ

и русскаго посольства, которое, по его мнѣнію, имѣло цѣлью подготовить поглощеніе японскаго государства Россіею съ помощью пропаганды христіанства и внѣшней силы, а потомъ, видя неудобство подобныхъ стремленій, ограничилось тѣмъ, что списало американскій трактатъ и выдало его за совершенно самостоятельный. Такія нападки нѣсколько странно видѣть въ сочиненіи, скрѣпленномъ оффиціальною подписью: но я привожу ихъ для того, чтобы показать, какъ трудно бываетъ защищать самое правое дѣло, когда о немъ нѣтъ публикованныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно, что адмиралъ Путятинъ не списалъ американскаго договора, что онъ могъ даже предупредить американцевъ въ окончаніи миссіи, если бы не война съ западными державами и не переговоры съ Японіей о границахъ, которыхъ американское посольство не знало; несомнѣнно, что и въ мысляхъ русскаго правительства не было «пропагандой вѣры и силой поглотить японскій архипелагъ»; но нѣкоторыя насмѣшливыя подробности гауксова разсказа все же нужно оставить не опровергнутыми. Такъ онъ говоритъ, что русскій посланникъ, встрѣтясь съ коммодоромъ Перри 12 ноября 1853 года, предлагалъ ему совокупное содѣйствіе по отношенію къ японцамъ, но получилъ «рѣшительный, хотя и вѣжливый отказъ», такъ какъ американцы ни для кого не хотѣли таскать каштановъ изъ печки. Онъ замѣчаетъ, что вѣроятно этотъ отказъ былъ причиною скрытаго недоброжелательства русскихъ къ американцамъ, высказавшагося въ памфлетѣ Зибольда, въ увѣреніяхъ, что, по меньшей мѣрѣ, безъ содѣй-

ствія Россіи американцы ничего не могли добиться*) и проч. Онъ иронически прибавляетъ, что англичане, проникшіе въ Японію также въ 1854 году, уже непретендовали на содѣйстіе американской эскадрѣ, что они, какъ дѣловые люди, вели себя самостоятельно и не вмѣшивались въ чужія дѣла. Такъ какъ сочиненіе Гаукса довольно популярно во всемъ образованномъ мірѣ, кромѣ Россіи, то мнѣ кажется, что я дѣлаю нелишнее, упоминая здѣсь объ этой сторонѣ его передъ русскою публикою.

Впрочемъ о самостоятельности русскихъ отношеній къ Японіи лучше всего можно получить убѣжденіе изъ обзора разныхъ попытокъ къ сближенію съ ней, попытокъ, совершенно независимыхъ отъ всякихъ посторонихъ вліяній и даже отчасти боровшихся съ ними. Россія до конца XVIII вѣка, можно сказать, и не знала Японіи; владѣнія ея въ восточной Азіи не примыкали къ имперіи микадо. Хотя поступательное движеніе черезъ весь сѣверъ Азіи неустанно продолжалось въ XVI и XVII вѣкѣ; но оно не привело русскихъ въ прикосновеніе съ японцами**); ибо Россія по перчинскому трактату 1689 года должна была отступить даже съ Амура, нетолько съ береговъ Японскаго моря, владѣнія же микадо

*) Такого увѣренія однакоже вовсе нѣтъ въ обнародованномъ отчетѣ г. Путятина, гдѣ напротивъ упоминается о пользѣ, которую приносило русскимъ присутствіе американцевъ въ Іеддо.

**) Кромѣ Камчатки, куда иногда случайно попадались японцы, немедленно впрочемъ возвращавшіеся къ себѣ домой.

еще съ 1638 года замкнулись для европейцевъ. Петръ Великій, котораго политическій геній охватывалъ всѣ сосѣднія Россіи земли, также не сдѣлалъ ничего, чтобы сорвать покровъ съ таинственнаго архипелага, который лежитъ въ пяти дняхъ пути отъ Охотска и отъ Камчатки и командуетъ берегами восточной Азіи, которые рано или поздно должны были стать достояніемъ Россіи, потому что политика пекинскаго двора осуждала ихъ быть пустынными. Русскимъ дипломатамъ первой половины XVIII вѣка было не до Японіи.

Императрица Екатерина первая оцѣнила значеніе, какое можетъ имѣть для Россіи японское государство. Умная, предпріимчивая, но въ то же время осторожная, государыня эта рѣшилась было завязать непосредственныя связи съ имперіей микадо и, быть можетъ, извлечь изъ этого выгоду для своихъ восточно-азіатскихъ владѣній; но сдѣлала это не рискуя унизить достоинство своей имперіи возможнымъ отказомъ японцевъ. Съ этою цѣлью она въ 1792 г. поручила сибирскому губернатору Пилю отправить находившихся уже около десяти лѣтъ въ Иркутскѣ нѣсколькихъ японскихъ моряковъ въ ихъ отечество, но «при офицерѣ малаго чина и отъ имени его, губернатора, а не отъ имени правительства вообще». Поручикъ Лаксманъ былъ посланъ изъ Охотска и присталъ къ берегамъ Мацмая, гдѣ былъ принятъ японцами ласково. Мѣстныя начальства въ портѣ Астифѣ благодарили за возвращеніе плѣнныхъ, снабдили безвозмездно русскихъ провизіею; но по вопросу о сношеніяхъ другаго рода объявили, что для по-

добной цѣли нужно идти въ Нагасаки, какъ единственный портъ, гдѣ дозволено приставать иностранцамъ. Правительство японское дало Лаксману письменное дозволеніе на приходъ въ нагасакскую гавань; но офицеръ этотъ, не будучи уполномоченъ вести какіе-либо переговоры, не пошелъ туда, а возвратился въ Охотскъ, послѣ чего японцы ждали тщетно прихода русскихъ судовъ въ Нагасаки, удерживая для этого въ городѣ цѣлыхъ четыре года возвращенныхъ плѣнныхъ, какъ переводчиковъ. За смертью Екатерины планы ея были оставлены и возобновились не раньше, какъ черезъ восемь лѣтъ.

Въ 1804 году напряжена была первая кругосвѣтная экспедиція русскихъ подъ начальствомъ знаменитаго Крузенштерна. Два корабля, купленные въ Англіи и получившіе названіе Невы и Надежды, вышли изъ Кронштадта, чтобы посѣтить сѣверо-восточные берега Азіи и сѣверо-западные Америки. Одинъ изъ сильнѣйшихъ министровъ того времени, графъ Румянцовъ, который былъ виновникомъ посольства графовъ Головкина и Потоцкаго въ Пекинъ, покровительствовалъ предпріятію и предложилъ соединить съ нимъ дипломатическую миссію къ іеддоскому двору. Выборъ правительства палъ на Рязанова, зятя основателя модной тогда Россійско-Американской Компаніи, который былъ сдѣланъ камергеромъ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ посланникомъ. Многочисленная свита должна была сопровождать его въ столицу сіогуна, для котораго назначено было много цѣнныхъ по-

дарковъ. Голландское правительство взялось увѣдомить японцевъ о прибытіи русской миссіи. Но все предпріятіе кончилось неудачею, и русскій корабль, простоявъ пять мѣсяцевъ въ Нагасаки, вернулся ни съ чѣмъ. Причинами, безъ сомнѣнія, были законъ объ отчужденіи отъ иностранцевъ, поведенье Рязанова и отчасти происки голландской факторіи, видѣвшей въ русскихъ торговыхъ соперниковъ. На счетъ этого послѣдняго повода къ неудачѣ были получены документальныя доказательства, когда въ Портсмутѣ показывалось захваченное англичанами донесеніе президента децимской факторіи, Деффа, генералъ-губернатору въ Явѣ. Въ этомъ донесеніи Деффъ прямо говоритъ, что «русскіе, благодаря внушеніямъ голландцевъ, получили отвѣтъ, который ихъ надолго отучитъ ходить въ Японію» *). Но каковы бы ни были происки нидерландской Остъ-индской компаніи, нельзя думать, чтобы она, представленная очень убого въ Японіи, могла имѣть рѣшительное вліяніе на правительство Японской имперіи. Неудачу Рязанова прежде всего нужно приписать предубѣжденію большинства этого самаго правительства противу иностранцевъ вообще **), а потомъ самому посланнику, его невыдержанности, его спѣси и въ то же время малой настойчивости. Неудовольствія, поведшія

*) *Головнинъ*, Записки, Ч. I, стр. 160, изд. 1851 г.

**) Но впрочемъ и тогда нашелся одинъ членъ совѣта тайкуна (изъ пяти), который былъ въ пользу сближенія съ русскими. См. «Отчетъ» в.-ад. Путятина, которому сообщили это японскіе чиновники въ 1854 году. М. Сб. 1856.

къ неудачѣ, начались чуть не съ самаго дня прибытія. Именно, при первомъ свиданіи съ посломъ японскіе чиновники потребовали отъ него такихъ почестей по отношенію къ нимъ, на которыя онъ не могъ согласиться: — обстоятелство, которое потомъ имѣлъ въ виду Перри и которое, какъ мы видѣли, онъ обошелъ, отказываясь видѣться съ второстепенными лицами. Затѣмъ возникъ споръ объ оружіи, которое японцы хотѣли отобрать у русскихъ и сложить особо, подобно оружію и священнымъ книгамъ голландскихъ судовъ, что́ уже показывало малое съ ихъ стороны довѣріе къ русскому правительству или представителю. Наконецъ, видя нетерпѣливость и невыдержанность посла, японцы стали упорствовать въ дозволеніи ему сойдти на берегъ, а когда наконецъ и позволили, то отвели для помѣщенія домъ на рыбномъ базарѣ, огородивъ его частоколомъ, подобно тюрьмѣ. Рязанова всѣ эти притѣсненія раздражали до высшей степени; но у него не было силы выйдти изъ труднаго положенія, потому что во что́-бы-ни-стало хотѣлось быть въ Іеддо, а между тѣмъ корабль «Надежда» стоялъ на берегу и чинился. Японцы, конечно, съ своей стороны всѣми мѣрами старались не допустить до этого путешествія и въ февралѣ 1805 года объявили послу, что для встрѣчи его ѣдетъ изъ столицы важный сановникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стали справляться, скоро ли починится русское судно, что́ показывало, что они желали скорѣйшаго отъѣзда посольства. Въ мартѣ наконецъ прибылъ коммиссаръ сіогуна, изъ важныхъ чиновниковъ въ Іеддо,

и тогда Рязановъ былъ приглашенъ выслушать отвѣтъ императора. Для этой цѣли устроенъ былъ особый церемоніалъ, который уже показывалъ сущность отвѣта, но котораго Рязановъ не умѣлъ или не хотѣлъ отклонить. Посланника посадили въ носилки президента голландской факторіи, т. е. особы очень неважной, и пронесли по улицамъ, въ которыхъ двери и окна домовъ были заперты. Свита его слѣдовала пѣшкомъ. На другой день послѣ знакомства коммиссара съ посломъ послѣднему, въ особой аудіенціи, сопровождавшейся тѣмъ же церемоніаломъ, объявлена была рѣшительная воля японскаго правительства *не начинать сношеній съ Россіею* и предложеніе *выѣхать какъ можно скорѣе изъ Нагасаки*. Рѣшеніе это изложено было въ видѣ повелѣнія сіогуна и объявлено на одномъ японскомъ языкѣ съ предложеніемъ Деффу перевести на голландскій. Когда же Деффъ объяснилъ японцамъ, что русскіе вѣроятно также мало понимаютъ по голландски, какъ по-японски; то японцы не хотѣли болѣе разсуждать, а объявили, что имъ все равно: будетъ ли вполнѣ понятъ русскими указъ императора, лишь бы онъ былъ исполненъ. Казалось бы, что послѣ этого послу русской державы не слѣдовало и минуты терять на пребываніе въ столь непріязненномъ краѣ; но Рязановъ далъ еще разъ унизить себя, согласившись вести переговоры о взаимныхъ подаркахъ, такъ какъ отъ сіогуна были присланы нѣкоторыя вещи, и переводчики увѣряли, что если посолъ ихъ не приметъ отъ губернатора, то послѣднему придется распороть себѣ брюхо. Только

18 апрѣля 1805 г. корабль «Надежда» оставилъ нагасакскую гавань *).

Легко понять раздраженье Рязанова послѣ такого неудачнаго исхода довѣренной ему миссіи; но ему, повидимому казалось недостаточнымъ пріобрѣтенное безславіе. Внѣ себя отъ злобы, онъ, по прибытіи въ русскія владѣнія, далъ приказаніе двумъ морскимъ офицерамъ, Давыдову и Хвостову, отправиться съ судами ихъ къ берегамъ Японіи и отомстить японцамъ за униженіе русской націи..... средствомъ весьма близкимъ къ пиратству. Хвостовъ и Давыдовъ дѣйствительно сдѣлали нѣсколько нападеній на японскія деревни въ Курильскомъ архипелагѣ, а на Сахалинѣ первый изъ нихъ оставилъ грамоты за своею подписью, коими объявлялъ, что островъ принятъ во владѣніе русскаго императора. Японцы нѣкоторыя изъ этихъ граммотъ, или собственно объявленій, показывали потомъ въ Децимѣ Деффу и въ Мацмаѣ Головнину, когда послѣдній попался въ плѣнъ. Отношенія Японіи къ Россіи очевидно ухудшились отъ посольства, и ничего нѣтъ удивительнаго, что, по преданію, Рязановъ, возвращаясь въ Петербургъ, окончилъ въ Красноярскѣ самоубійствомъ.

Шесть лѣтъ спустя послѣ отплытія корабля «Надежды» изъ Нагасаки появилось другое русское судно на японскихъ водахъ и притомъ уже не въ южныхъ портахъ, а на крайнемъ сѣверѣ, у Курильской гряды. Судно это было «Діана», подъ начальствомъ Головни-

*) См. *Крузенштерна* «Путешествіе». глава XII.

на. Собственно Головнинъ не имѣлъ порученія сноситься съ японцами; но, производя опись и встрѣтивъ надобность въ дровахъ и водѣ, онъ зашелъ въ японское селеніе на Итурупѣ и тутъ постарался объяснить мѣстному начальству, что японцы должны считать русскихъ дружественною имъ націею, что поступки Давыдова и Хвостова были дѣломъ ихъ произвола, какъ частныхъ людей, и что за это они достойно наказаны. Повѣрилъ ли японецъ Головнину или нѣтъ, — трудно сказать; но онъ велъ себя дружелюбно и даже далъ русскому капитану рекомендацію въ другое японское селенье на Итурупѣ, гдѣ было удобнѣе запастися всѣмъ нужнымъ. Головнинъ послѣ этого спокойно плавалъ по окрестнымъ водамъ и только 11 іюля 1811 года присталъ къ южной оконечности Кунашира, гдѣ встрѣтилъ снова японцевъ. Здѣсь послѣ первыхъ сношеній, столь же радушныхъ, какъ прежде, коварство японцевъ однакоже обнаружилось. Когда Головнинъ, съ двумя офицерами и четырьмя матросами высадился на берегъ, чтобы сдѣлать визитъ коммендану японскаго укрѣпленія, послѣдній окружилъ русскихъ и взялъ ихъ въ плѣнъ. Слишкомъ два года томились несчастные соотечественники наши въ заключеніи, какъ бы искупая промахи Рязанова, Давыдова и Хвостова. Изъ Кунашира связанныхъ перевезли ихъ въ городъ Хакодате и тамъ помѣстили въ тюрьмѣ, а потомъ въ довольно удобномъ домѣ. Когда же послѣ долговременнаго пребыванія, не имѣя надежды быть выпущенными, они рѣшились съ отчаянія бѣжать, то послѣ поимки снова попали въ

тюрьму и даже въ нѣчто сходное съ клѣтками, ибо одна изъ стѣнъ каждой коморки была рѣшетчатая. Заключеніе это впрочемъ продолжалось недолго, и затѣмъ японцы, по словамъ самаго Головнина, обходились съ нимъ человѣколюбиво, хотя и строго. Даже часовой, изъ подъ надзора котораго онъ и спутники его убѣжали, не мстилъ имъ за это. Нѣкоторые изъ японцевъ сочувственно относились къ положенію плѣнниковъ и такъ привязались къ нимъ, что лишь съ сожалѣніемъ разстались, когда въ октябрѣ 1813 пришло разрѣшеніе отпустить ихъ на родину. Здѣсь нѣтъ нужды вспоминать всѣ подробности пребыванія Головнина въ плѣну и возвращенія его въ отечество на той же «Діанѣ» подъ командою Рикорда; записки обоихъ путешественниковъ давно обнародованы; но стоитъ замѣтить, что, отпуская Головнина, японское правительство еще разъ подтвердило о нежеланіи своемъ имѣть сношенія съ русскими.

Это же нежеланіе сказалось и 40 лѣтъ послѣ плѣна Головнина, когда въ 1852 году, корабль Русско-американской компаніи, «Князь Меньшиковъ», бросилъ якорь въ заливѣ Симодѣ, чтобы сдать семерыхъ японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе и спасенныхъ отъ смерти русскими. Не смотря на наружную привѣтливость, японскія власти рѣшительно отклонили отъ себя пріемъ не только письма отъ правителя русскихъ колоній, но и несчастныхъ своихъ соотечественниковъ. Штурманъ Линденбергъ, начальствовавшій на «Меньшиковѣ», долженъ былъ васадить послѣднихъ на пу-

стомъ берегу южнѣе Симоды и отплыть ни съ чѣмъ къ берегамъ Китая. Но въ это время уже плыла въ Японію русская эскадра вице-адмирала Путятина. Эскадра эта состояла изъ четырехъ судовъ и 9 августа 1853 года бросила якорь на Нагасакскомъ рейдѣ. Появленіе ея въ то время, когда американцы были въ Іеддо, произвело свое дѣйствіе, и хотя японцы на первое время, по обычаю, затягивали дѣла, но мало-помалу все обошлось. Въ декабрѣ 1853 года прибыли уполномоченные тайкуна, Тсу-Тсуй-Хизе-но-ками и Кавадзи-Сойемо-но-ками, и 31 числа этого мѣсяца состоялось первое ихъ свиданіе съ русскимъ посланникомъ *). Въ теченіи января 1854 года послѣдовалъ неоднократный обмѣнъ привѣтствій и вѣжливостей, и въ числѣ подарковъ, сдѣланныхъ японцами, была даже сабля, выраженіе крайней пріязни, какъ замѣтили сами іеддоскіе савновники. Адмиралъ Путятинъ вскорѣ долженъ былъ на время оставить нагасакскую гавань; но и при дальнѣйшихъ его сношеніяхъ съ японцами обоюдное дружество не прекращалось. Даже болѣе: японцы показали такое сочувствіе къ постигшему русскихъ несчастію, состоявшему въ гибели отъ землетрясенія фрегата «Діаны», что всѣми средствами помогали имъ выстроить новое судно, «Хеду», для отплытія къ берегамъ отечества. Русскій адмиралъ только подаркомъ 70 орудій и уступкою самой «Хеды» могъ достойно отблагодарить за оказанную въ этомъ случаѣ помощь.

*) И такъ два мѣсяца раньше чѣмъ начались переговоры Перри въ заливѣ Іеддо.

Отчета о ходѣ дипломатическихъ сношеній, подобнаго гауксову разсказу объ американскомъ посольствѣ Перри, нѣтъ на русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ печати, а потому здѣсь остается только замѣтить, что исходъ миссіи былъ удаченъ, не смотря на то, что русскому уполномоченному приходилось испытать промедленія въ 1-хъ по случаю смерти тайкуна Іе-оши, а во 2-хъ по случаю войны, начавшейся между Россіею и западными державами, которая дѣлала затруднительнымъ плаваніе слабой русской эскадры на японскихъ водахъ. 14 января 1855 года былъ подписанъ договоръ, которымъ открывались для Россіи двѣ японскія гавани, установлялась точная граница между обѣими имперіями въ Курильскомъ архипелагѣ, русское правительство получало право назначать консула въ одинъ изъ японскихъ портовъ и Россія на всегда причислялась къ наиболѣе благопріятствуемымъ въ Японіи націямъ, ибо могла отнынѣ пользоваться всѣми преимуществами, какія только даруются другимъ иностранцамъ, не ведя ни какихъ особыхъ переговоровъ. Трактатъ 1855 года коснулся даже Сахалина, хотя едва ли къ большой выгодѣ Россіи. Именно, статьею 2 ю опредѣлено, что островъ этотъ остается неразграниченнымъ между обоими государствами, тогда какъ онъ — ключъ Амура и Японскаго моря, изъ котораго мы не будемъ имѣть свободнаго выхода, если не станемъ твердою ногой на сѣверномъ берегу Лаперузова пролива. Вопросъ о Сахалинѣ по видимому поднятъ на переговорахъ японскими дипломатами и внесенъ въ трактатъ

по желанію ихъ; ибо нельзя допустить, чтобъ русскій уполномоченный самъ наложилъ руку на русское дѣло. Россія въ 1854 году населила уже устье Амура и важности Сахалина не могла не знать. Во всякомъ случаѣ ясно, что договоръ адмирала Путятина былъ столь же самостятеленъ, какъ и американскій трактатъ коммодора Перри.

Можно, кажется, остановиться на этихъ подробностяхъ, чтобъ заключить очеркъ сношеній Японіи съ христіанскими націями до времени водворенія представителей ихъ въ предѣлахъ японскаго государства. Если я опустилъ извѣстія о посѣщеніи Японскаго архипелага французами и испанцами; то это потому, что два эти народа никогда, до самаго послѣдняго времени, не дѣлали серьезныхъ попытокъ побороть упорство японцевъ. Французы напр. ограничивались лишь тѣмъ, что являлись въ нагасакскую гавань (1847 г. адмиралъ Сесиль), чтобы показать, что и у нихъ есть большіе военные корабли, т. е. что Франція — сильная морская держава. Испанцы же попали въ японскія воды случайно, когда буря занесла ихъ суда изъ Филиппинскаго архипелага на сѣверъ; но какъ это появленіе совершилось еще въ XVII вѣкѣ, а вслѣдъ затѣмъ всѣ европейцы были изгнаны изъ Японіи, то и не возникало ничего постояннаго между Японіей и Испаніей, не смотря на близость Маниллы къ Іеддо. Общій смыслъ историческаго сближенія японцевъ съ западными народами, въ промежутокъ времени отъ 1543 до 1854 года, очевиденъ. При первомъ прибытіи чужеземцевъ въ Японію имъ оказанъ

былъ возможно дружелюбный пріемъ; они получили права и льготы, которыхъ никогда не имѣли европейцы въ Китаѣ и другихъ государствахъ Азіи. Но пришельцы оказались недостойными сдѣланнаго имъ довѣрія; они стали посѣвать въ Японіи начала раздора и безпокойствъ, а потому были изгнаны и потомъ сурово наказуемы за нарушеніе неприкосновенности японскихъ предѣловъ. Когда же, по истеченіи двухъ вѣковъ, предубѣжденіе японцевъ ослабѣло, когда европейскія націи стали достойнѣе имени образованныхъ, когда наконецъ въ самой Японіи усилилася власть тайкуновъ, которые видѣли свои выгоды въ сближеніи съ чужеземцами; тогда прежняя готовность имѣть дружескія сношенія вернулась, и въ немного лѣтъ Японія стала доступна большинству американцевъ и европейцевъ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ отношенія имперіи микадо къ сосѣднимъ съ нею азіатскимъ народамъ. Здѣсь нетрудно видѣть тѣсное взаимодѣйствіе націй, сближеніе ихъ между собою въ религіозномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, а также и взаимныя распри, совершенно какъ въ европейскомъ историческомъ мірѣ. На первомъ планѣ, конечно, стоятъ китайцы, которыхъ сношенія съ Японскимъ архипелагомъ восходятъ къ III-му, а можетъ быть и къ I-му вѣку по Р. Х. Китайское преданіе гласитъ даже, что одинъ изъ императоровъ дома Цинь, около 220 лѣтъ до нашей эры, желая найдти траву безсмертія, принялъ предложеніе нѣкоего Сю-фу, медика, который объявилъ, что такая трава растетъ на востокѣ, но что ее нужно

собирать чистыми руками. Въ слѣдствіе этого, по мнѣнію китайцевъ, отправлено было на судахъ, подъ начальствомъ Сю-фу, 3.000 юношей и дѣвицъ, которые, прибывъ въ Японію, и составили первое ея населеніе. Но этотъ миѳъ отвергается самими японцами, которыхъ лѣтописи восходятъ къ болѣе древнему времени. Несомнѣнно однакожь, что цивилизація Срединнаго царства могущественно вліяла на судьбу японскаго народа, давъ ему письмена (284 г.) массу литтературныхъ и ученыхъ произведеній и два религіозныхъ ученія: буддизмъ и конфуціевскій раціонализмъ. Относительно торговыхъ сношеній можно замѣтить, что онѣ издавна были довольно обширны и въ прежнія времена велися купцами обѣихъ націй въ портахъ обоихъ государствъ, а съ XVII вѣка сосредоточились въ двухъ городахъ Японіи, Осакѣ и Нагасаки, куда пріѣзжали китайцы. Обширность этой торговли видна изъ того, что китайцы, во времена Кемфера (1690 г.) присылали въ Японію цѣлые флоты въ нѣсколько десятковъ судовъ съ многими тысячами матросовъ. Но впрочемъ положеніе подданныхъ Небесной имперіи въ Японскомъ государствѣ со времени изгнанія иностранцевъ было очень незавидно, ибо съ ними обращались также, какъ съ голландцами и даже считали ихъ ниже послѣднихъ, потому что имъ не было предоставлено право ѣздить ежегодно въ Іеддо и представляться тамъ сіогуну. Записки одного китайца, переведенныя Цвѣтковымъ и находящіеся въ Трудахъ Пекинской Миссіи, даютъ хорошее понятіе о ходѣ торговли китайцевъ въ Японіи въ XVIII-мъ вѣкѣ; по нимъ

можно судить и о послѣдующихъ временахъ. Никакого международнаго представительства китайцы не имѣли въ Японіи, и факторія ихъ вполнѣ напоминала Дециму, съ тою лишь разницею, что имъ позволялось входить въ Нагасаки безъ спросу, что японцы объясняли голландцамъ тѣмъ, что «китайцы — люди простые: не то, что вы — важные господа и ученые.»

Подробности объ отношеніяхъ Китая къ Японіи слишкомъ обширны, чтобы быть исчисленными въ этомъ краткомъ очеркѣ; а потому можно перейдти теперь къ корейцамъ, которые суть ближайшіе сосѣди Японскаго государства. Корея составляетъ единственную страну на азіатскомъ материкѣ, которая подвергалась непосредственному вліянію японцевъ и даже завоеваніямъ ихъ. Первыя извѣстія о сношеніяхъ съ нею встрѣчаются въ японскихъ лѣтописяхъ подъ 33-мъ годомъ до Р. Х., когда корейскій корабль присталъ къ берегамъ провинціи Іецизенъ, на сѣверо-западной сторонѣ Нипона; но эти сношенія не поддерживались со стороны японцевъ, вѣроятно по неискусству ихъ въ мореплаваніи или судостроеніи. Только въ 200 году по Р. Хр. послѣдовало большое наступательное движеніе со стороны Японіи въ предѣлы Кореи, и тогда героинѣ японскихъ лѣтописей, императрицѣ Зинъ-гу, удалось на время покорить три корейскія государства. Затѣмъ сношенія японцевъ съ Кореею уже не прерываются, и хотя зависимость послѣдней отъ императоровъ Японіи становится современемъ не столь непосредственною, какъ было сначала; но все-таки микадо безпрестанно вмѣшиваются

въ дѣла корейцевъ и часто стоятъ къ нимъ въ отношеніяхъ сюзерена къ вассаламъ. Съ своей стороны Корея не остается безъ вліянія на Японію и въ 552 году присылаетъ ей первыхъ проповѣдниковъ буддизма, который съ 584 года начинаетъ пускать глубокіе корни и нынѣ есть главная по числу послѣдователей вѣра въ Японіи. Мало того, корейцы иногда являются морскими разбойниками на предѣлахъ Японіи, а нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, переселяются въ эту страну, какъ трудолюбивые колонисты. Такъ идутъ дѣла до покоренія Кореи монголами въ XIII вѣкѣ, а въ XVI, по ослабленіи монгольскаго владычества въ Азіи, японцы вновь выступаютъ завоевателями почти всего полуострова. Это было уже въ то время, когда европейскія суда посѣщали японскія гавани, именно въ 1592 году. Сіогунъ Фидейози, одинъ изъ немногихъ героевъ завоевателей въ Японіи, предпринялъ высадку въ широкихъ размѣрахъ и дѣйствительно покорилъ большую часть Корейскаго полуострова; но встрѣтилъ сопротивленье китайцевъ, которые также хотѣли владычествовать въ этомъ краю. Онъ умеръ въ 1598 году, отозвавъ передъ смертію свои войска изъ Кореи, и съ того времени, а еще правильнѣе съ 1616 г., сношенія Японіи съ сосѣднимъ полуостровомъ ограничивались большею частью торговлей японцевъ въ одномъ изъ корейскихъ портовъ и обоюдными посольствами при смѣнѣ государей. Но и эти отношенія годъ отъ году ослабѣвали, такъ что съ конца XVIII столѣтія посольства уже не проникали въ столицы государствъ, а съѣзжались на островѣ Цу-

симѣ; торговля же находила себѣ пріютъ въ одной японской факторіи на берегу Кореи, близъ Пузанкаи (порта Чу-санъ).

Японцы, кромѣ Кореи, являются еще завоевателями на сѣверѣ отъ своего государства, именно на островахъ Мацмаѣ, Сахалинѣ и Курильскихъ. Но впрочемъ здѣсь судьбу покоренныхъ аиновъ рѣшалъ нестолько мечъ, сколько постоянное, вѣковое движеніе японской цивилизаціи и превосходство японцевъ надъ полудикими обитателями страны. Первое открытіе Мацмая относится японскими лѣтописями къ срединѣ VII столѣтія (659 г.), когда возникла японская колонія на этомъ островѣ; но до XV вѣка сношенія японцевъ съ аинами были очень неважны, и исторія умалчиваетъ о нихъ. Японцы даже не знали обширности открытаго ими острова, и лишь въ XVII столѣтіи начали тѣснить туземцевъ, распространяя свои владѣнія. Подъ 1670-мъ годомъ упоминается въ ихъ хроникахъ о возстаніи аиновъ, которые однако были побѣждены и преслѣдованы. Съ того времени южная часть Мацмая уже вошла непосредственно въ составъ Японской имперіи и управляется однимъ изъ князей. Островъ Сахалинъ открытъ японцами не ранѣе 1785 года и названъ ими Карафто; тамъ они имѣютъ нынѣ нѣсколько поселеній и казенныхъ постовъ; но въ строгомъ смыслѣ могутъ считаться только пришельцами въ краѣ, а не властителями части его de-jure или de-facto. Селенія ихъ находятся лишь къ югуотъ 48° широты и такимъ образомъ не охватываютъ и трети острова, а внутрь страны и вовсе не

проникаютъ. Отношенія Японіи къ туземцамъ Сахалина скорѣе напоминаютъ номинальное владычество китайцевъ надъ амурскими гиляками и мангунами въ половинѣ нашего вѣка, чѣмъ правильное подданство хотя бы въ родѣ того, какое представляютъ наши тунгусы и остяки или монголы въ Китаѣ (не смотря на то, что китайцы не могутъ заводиться осѣдлостью въ Монголіи). Японцы если на что и могутъ опирать свои претензіи относительно Сахалина, такъ развѣ на трактатъ съ Россіею 1855 года, гдѣ говорится объ островѣ какъ о землѣ, «неразграниченной еще» между обоими государствами; но выраженіе это можетъ быть толкуемо очень различно. Во всякомъ случаѣ теперь они живутъ мирно съ населеніемъ нашихъ постовъ, даже съ тѣмъ, которое водворилось у залива Анивы. О какихъ-либо домогательствахъ нѣтъ и рѣчи; наши съемщики свободно производятъ свои работы въ окрестностяхъ ихъ селеній. На двухъ островахъ Курильскихъ, Итурупѣ и Кунаширѣ, японцы утвердились прочнѣе, и тутъ ихъ населеніе гораздо многочисленнѣе туземнаго.

II.

Отъ этого очерка прошлаго перейдемъ теперь къ новѣйшей эпохѣ, къ фактамъ гдѣ исторія сливается съ современностью и гдѣ предстоитъ трудъ анализировать массу матеріаловъ большею частью неполныхъ и иногда даже умышленно искаженныхъ. Исторія этихъ событій принадлежитъ еще будущему, особенно во всемъ томъ, что составляетъ сущность явленій, ихъ смыслъ, ихъ

истинныя причины; но нѣтъ необходимости избѣгать труда, хотя бы неблагодарнаго, если онъ можетъ дать точку опоры для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Самое простое и вмѣстѣ самое поучительное изложеніе въ этомъ случаѣ будетъ чисто хронологическое и дающее лишь такія событія, которыя всѣми признаны и спору не подлежатъ. Отъ него можно будетъ дойти до анализа фактовъ, но съ крайнею осторожностью, чтобы не впасть въ одну изъ ошибокъ, на которыя легко указывать, но которыхъ очень нелегко избѣжать. Въ этомъ опытѣ будетъ особенно обращено вниманіе на хронологію еще и потому, что злоупотребленіемъ ея нѣкоторые современные писатели очевидно хотѣли подтасовать факты, исказить ихъ смыслъ и значеніе и такимъ образомъ поселить въ европейскомъ обществѣ мнѣнія, выгодныя для партіи, но чуждыя истинѣ, а слѣдовательно наукѣ.

Изложеніе послѣднихъ сношеній Японіи съ европейцами надобно однако начать не просто съ того пункта, на которомъ остановились мы выше, т. е. съ договоровъ 1854 — 8 годовъ, а съ разсмотрѣнія самаго состоянія страны въ ту эпоху, когда началось дѣятельное прикосновеніе европейскихъ и японскихъ началъ. Это необходимо потому, что во всѣхъ событіяхъ послѣ 1858 года внутренняя политика Японіи едва ли не сильнѣе отразилась, чѣмъ вліянія внѣшнія, что рядъ печальныхъ фактовъ, приведшихъ къ нынѣшнему перевороту, больше принадлежитъ собственно японской исторіи, чѣмъ лѣтописямъ международнымъ. Прежде всего слѣ-

дуетъ совершенно опредѣлительно разъяснить (существовавшее до 1868 г.) японское государственное устройство. *)

Японія есть монархія, но съ особою конституціею, образовавшеюся исторически и съ очень давняго времени. Глава имперіи, микадо — личность окруженная величайшимъ почетомъ, ореоломъ божественнаго происхожденія и безусловною властью въ дѣлахъ религіи, — поставленъ такъ высоко, что ему до земныхъ, текущихъ событій какъ будто нѣтъ дѣла. Онъ вполнѣ осуществляетъ тотъ принципъ, къ которому идутъ, конечно своими путями, многія западно-европейскія націи: «Je roi regne, mais il ne gouverne pas.» Это положеніе микадо, въ сторонѣ отъ событій и дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, но выше всѣхъ ихъ, имѣетъ свои несомнѣнныя и ясно видимыя достоинства. Оно позволяетъ ему сохранять безпристрастіе и спокойствіе взгляда даже при тѣхъ случаяхъ, когда вокругъ кипятъ страсти, идетъ борьба началъ и стремленій, и изъ за видимаго хаоса трудно расмотрѣть сущность дѣла и смыслъ совершающагося движенія. Микадо окруженъ совѣтниками изъ первостепенныхъ государственныхъ людей, испытанныхъ, свѣдущихъ и внимательно слѣдящихъ за ходомъ дѣлъ въ странѣ и внѣ оной. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ поставлены столь высоко, что дѣйствительный властелинъ государства,

*) Для нашихъ читателей, которые скорѣе всего могутъ прибѣгнуть къ Головнину, неизлишне замѣтить, что его сужденія о японской конституціи во многомъ ошибочны и здѣсь въ расчетъ вовсе неприняты.

которому ввѣрены всѣ текущія дѣла, обязанъ оказывать имъ почтеніе. Этотъ дворъ верховнаго владыки живетъ особо отъ административнаго центра имперіи; къ нему на поклоненіе и для отчета въ событіяхъ является иногда сіогунъ, глава исполнительной власти, и, пригнувъ колѣна, совершаетъ обрядъ, котораго смыслъ ясенъ черезъ столѣтія, но котораго западные народы не хотѣли или не умѣли понять, когда постучались въ двери Японскаго государства и успѣли отворить ихъ отчасти.

Здѣсь нѣтъ нужды входить въ разборъ того, какъ образовалось неправильное мнѣніе европейцевъ объ отношеніяхъ микадо къ сіогуну, какъ возникли въ воображеніи западныхъ народовъ эти два императора—духовный и свѣтскій — и какъ, привыкнувъ имѣть дѣло съ внѣшнею силою, они обратились къ одному сіогуну, когда имъ пришлось совершать международные акты съ японскимъ правительствомъ. Предубѣжденіе длилось три вѣка, и виноваты ли въ немъ первые открыватели или позднѣйшіе децимскіе узники, поставленные самымъ невыгоднымъ образомъ для изученія законовъ Японіи*), — для насъ теперь вполнѣ безразлично. Сущность въ томъ, что европейцы и американцы были убѣждены въ ничтожествѣ микадо и въ дѣйствительномъ всемогуществѣ

*) Зибольдъ однакоже не оставлялъ въ своихъ читателяхъ сомнѣнія, что микадо есть истинный и единственный глава Японіи. Къ сожалѣнію американцы были дурно настроены противъ знаменитаго путешественника и потому не взвѣсили всей важности его показаній.

сіогуна. Они Іеддо считали за центръ имперіи, за сердце ея, забывъ, что есть еще высшее сосредоточіе духовныхъ силъ націи и общей государственной власти — міако (столица) Кіото.

Микадо, какъ мы сказали, царствуетъ, но не управляетъ. Уже съ давняго времени *) создана въ Японіи должность, которая во многомъ напоминаетъ европейскихъ первыхъ министровъ, но стоитъ выше ихъ и ближе всего подходитъ или къ французскимъ палатнымъ мерамъ въ родѣ Пипина, или къ эмирамъ и султанамъ при халифахъ багдадскихъ, или наконецъ къ нашему Борису Годунову, когда онъ, при слабомъ Ѳеодорѣ, былъ могущественнымъ и уполномоченнымъ главою администраціи, хотя и не главой государства. Но сіогуны сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ роды власти лишь въ недавнее, сравнительно, время. Первоначально это были главнокомандующіе войсками, генералы чисто военнаго званія, достигавшіе почестей и вліянія своими заслугами и смѣняемые по смерти другими лицами, столько же заслуженными. Они даже невсегда принадлежали къ высшей аристократіи, несмотря на то, что Японія, по общественному строю, есть государство чисто аристократическое, въ родѣ Германіи среднихъ вѣковъ. Сіогуны особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ возраставшая самостоятельность феодальныхъ князей, горделивыхъ подданныхъ микадо, стала грозить ущербомъ его государственному значенію. По-

*) Первоначально въ 86 году до Р. Х.

ставленные во главѣ войскъ, усмирявшихъ мятежныхъ вассаловъ, они мало-по-малу сдѣлались нетолько военными генералами, но и намѣстниками микадо въ усмиренныхъ провинціяхъ, а затѣмъ и въ цѣлой имперіи. Сіогунъ Тайко-сама особенно успѣлъ стать высоко въ глазахъ двора своими заслугами, хотя онъ и былъ сынъ крестьянина, то-есть человѣкъ безъ родственныхъ связей, столь важныхъ во всякомъ аристократическомъ государствѣ. Получивъ отъ микадо порученіе усмирять возставшихъ вассаловъ, онъ ловко сталъ усиливать собственное значеніе и успѣлъ подготовить переходъ своего званія и власти къ своему сыну, не смотря на малолѣтство послѣдняго. Но Тайко-сама недостигъ вполнѣ своей цѣли — сдѣлать должность сіогуна наслѣдственною въ своемъ родѣ. Сынъ его былъ убитъ, а попечитель его, Іеясъ, самъ овладѣлъ званіемъ сіогуна. Но такое насиліе не могло не вызвать оппозиціи многочисленнаго и сильнаго дворянства страны, которое видѣло въ Іеясѣ не больше, какъ похитителя. Завязалась борьба, которая грозила раззорить всю Японію и измѣнить основные законы ея. Іеясъ не разъ бывалъ побѣдителемъ. Онъ отнялъ у многихъ князей ихъ лены и роздалъ своимъ приближеннымъ; онъ создалъ новое дворянство, нестоль могущественное и почетное, за то слѣпо приверженное къ нему, и противопоставилъ его кровнымъ дайміосомъ; но однакоже не видѣлъ возможности окончательно покорить послѣднихъ своей власти, обратить сознающихъ свое достоинство дворянъ въ неимѣющихъ собственной воли чиновниковъ. Въ виду

этой невозможности, готовясь къ послѣдней кровавой распрѣ, онъ принялъ сдѣлку, которая потомъ стала конституціоннымъ закономъ имперіи. Восьмнадцать дайміосовъ, боровшихся противъ него, признаны независимыми, наслѣдственными князьями въ ихъ княжествахъ. За ними осталось право нетолько самовластно управлять внутренними дѣлами ихъ феодовъ, но содержать войска, собирать подати съ народа и проч. Въ замѣнъ того Іеясъ потребовалъ, чтобы они, въ доказательности вѣрности, обязались часть года жить въ столицѣ его и тамъ же держать постоянно семейства свои. Они не могли жить при дворѣ микадо и входить въ международныя обязательства; но за то имъ осталось широкое поприще для проявленія своего вліянія во всемъ внутреннемъ ходѣ государственной машины. Совѣтъ сіогуна, *горожіо*, долженъ состоять изъ пяти членовъ высшей аристократіи, и половинное число дайміосовъ, проживая безпрестанно въ Іеддо, должно было наблюдать за политикой тамошняго двора. Равновѣсіе долго враждовавшихъ силъ черезъ такую сдѣлку возстановлялось, имперіи возвращался миръ, въ которомъ она нуждалась, и микадо поспѣшилъ освятить компромиссъ своею высшею властію, тѣмъ болѣе, что супрематія признавалась за нимъ безспорною, и, слѣдовательно, прежнее его положеніе, верховнаго владыки безъ практической власти, не измѣнялось въ дѣйствительности.

Конституція, утвержденная микадо Га-іо-сеи и поставившая во главѣ исполнительной власти Японіи

сіогуна Минамотоно-Іеясу*) съ его потомствомъ, носитъ названіе законовъ Гонгенсамы и была основою государственной жизни страны въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ. Удаленная въ это время отъ всякихъ сношеній съ иностранцами, которые могли бы нарушить равновѣсіе конституціонныхъ началъ, Японія наслаждалась глубокимъ миромъ. Поля ея были превосходно воздѣланы, мануфактурная промышленность удовлетворяла нуждамъ страны, торговля была цвѣтущая, весь народъ былъ образованъ, въ смыслѣ грамотности и знанія отечественной исторіи, а высшія сословія—и многихъ другихъ предметовъ; законы исполнялися строго и безпристрастно. Немногіе путешественники-иностранцы, видѣвшіе въ это время Японію, бывали очарованы ея цвѣтущимъ видомъ, довольствомъ населенія, привѣтливостью его, воспріимчивостью Японцевъ и ихъ крайнею любознательностью. Головнинъ, проведшій два года въ плѣну и отчасти въ тюрьмѣ, не находитъ достаточно выраженій, чтобы восхвалить качества японскаго народа, и тѣже похвалы слышимъ отъ позднѣйшихъ посѣтителей Японіи: Гаукса, Олифанта, Можа, Лэндо и многихъ другихъ, смотрѣвшихъ на вещи безъ аффектаціи или предубѣжденія. Японія была по своему счастлива.

Но внутри ея постоянно грѣлся очагъ, съ котораго долженствовали потомъ излиться бѣдствія на страну. Очагъ этотъ былъ то безграничное властолюбіе, кото-

*) Іеясу — имя, Минамото — фамилія, которая въ Японіи всегда становится впереди имени.

рое всегда живетъ надеждой и желаніемъ все поглотить, ничего не оставить другимъ и стянуть къ себѣ всѣ силы и средства общества, то властолюбіе, которое особенно свойственно узурпаторамъ и ихъ преемникамъ и котораго образцы намъ представляютъ и новый Парижъ, и древній Римъ. Нужно ли говорить, что властолюбіе это, естественное и даже простительное въ главѣ дикой орды, Чингизъ-ханѣ или Тимурѣ, ни чѣмъ не оправдывалось, было неумѣстно въ предводителѣ образованной націи, какова есть Японія?... Тайкуны были недовольны своимъ положеніемъ; роль главы исполнительной власти, главы почти всемогущаго, ибо всѣ средства страны были въ ихъ рукахъ, имъ казалась мала. Идея деспотизма поглощала ихъ и тѣмъ болѣе поддерживалась въ своей энергіи, чѣмъ менѣе находила удовлетворенія въ конституціи, прочно установившейся. Потомки Іеяса не могли говорить подобно древнему цесарю; «пусть ненавидятъ, лишь бы боялись», — и это снѣдало ихъ. Дворянство не давало себя въ обиду. Исполняя свои тяжелыя конституціонныя обязанности, оставляя половину собственной жизни и всю жизнь семействъ въ распоряженіи сіогуновъ, оно хотѣло сохранить въ цѣлости свои преимущества для наслажденія другой половиной жизни и для обезпеченія потомства отъ деспотизма. И какой-нибудь Сацума, не безъ сочувствія всей Японіи, рубилъ головы шпіонамъ, которыхъ іеддоская централизація подсылала къ нему. Микадо, хотя слабыми руками, держали въ ровновѣсіи враждебныя силы, и для тайкуновъ не было другаго пу-

ти къ осуществованію ихъ завѣтныхъ стремленій, какъ *введеніе какого-нибудь новаго элемента въ страну.*

Но прежде, чѣмъ перейдти къ разсказу о томъ, какъ чужеземное начало это было допущено на японскую почву, дополнимъ еще сдѣланный очеркъ государственнаго устройства страны. Японія, какъ мы сказали, есть государство существенно аристократическое, феодальное, хотя монархическое. Кіото и Іеддо, микадо и сіогунъ служатъ знаменами національнаго единства; но они не исключаютъ самобытной жизни провинцій. Провинціи эти управляются наслѣдственными князьями — *дайміосами,* если они принадлежатъ къ старой аристократіи, или *сайміосами,* если происходятъ отъ соратниковъ Тайко, Іеяса и другихъ сіогуновъ XVI—XVII столѣтій. Князья суть дѣйствительные владыки японской земли, за исключеніемъ пяти областей (на С.З.), принадлежащихъ непосредственно императору. Послѣдній не имѣетъ права во владѣніяхъ ихъ держать ни одного своего солдата. Народъ питаетъ къ нимъ глубочайшее уваженіе и при встрѣчѣ падаетъ ницъ, безъ различія, свой ли князь слѣдуетъ или чужаго удѣла. Князь путешествуетъ въ сопровожденіи многочисленной дружины, почти цѣлой арміи, на половину вооруженной. Онъ не складываетъ своего оружія и у воротъ Іеддо, гордо слѣдуя въ свой дворецъ чрезъ эту столицу тайкуновъ. Было время, что эти тайкуны выходили его встрѣчать на холмъ Готенъ-ямы. Высшіе сановники тайкунова двора — не болѣе какъ чиновники въ его глазахъ, точно такъ какъ Д'Израели чиновникъ въ гла-

захъ Гренвилей и Греевъ. Дайміосъ — перъ и грандъ Японіи, для котораго гордая присяга кастильскихъ вельможъ подразумѣвается сама собою, хотя и не произносится вслухъ. Даже больше: онъ самостоятельный государь, подобно сѣверогерманскимъ князьямъ нашего времени. Свято исполняетъ сіогунъ свои обязательства, — и онъ покоренъ ему во имя интересовъ страны и хартіи, освященной властію микадо, наслѣдника боговъ на землѣ; сошелъ, по его мнѣнію, сіогунъ съ конституціонной дороги, — и онъ готовъ сопротивляться ему. При безмолвности массы народа, при политическомъ ничтожествѣ большинства, онъ дѣйствительный стражъ интересовъ страны, ея щитъ отъ деспотизма, отъ безконтрольнаго самовластія. Сацума или Сендай, Канга или Іецизенъ,—онъ прежде всего сынъ японской земли и одинъ изъ законныхъ вождей ея многочисленнаго народа.

Властолюбивые и постоянно вѣрные себѣ тайкуны успѣли много ослабить значеніе родоваго дворянства въ Японіи поселеніемъ раздоровъ въ самой средѣ его и раззорить многіе роды дорогими церемоніями и службой при дворѣ микадо*); но лишить наслѣдственную аристократію ея важнѣйшихъ правъ они не успѣли. Дайміосъ все же оставался подсуднымъ одному микадо; аристократическій верховный совѣтъ въ Іеддо все же

*) «Въ случаѣ немилости сіогунъ ѣдетъ обѣдать къ своему богатому вассалу, въ его дворецъ въ столицѣ, или выпрашиваетъ ему у микадо какую-нибудь важную должность въ лаири: въ обоихъ случаяхъ князь раззоренъ». *Зибольдъ.*

ограничивалъ власть сіогуна во всѣхъ текущихъ дѣлахъ. «По разсмотрѣніи дѣла въ совѣтѣ, говоритъ Зибольдъ, оно *иногда* поступало на разрѣшеніе сіогуна. Чаще всего онъ утверждалъ мнѣніе совѣта, не спросивъ даже, о чемъ идетъ рѣчь; однакожъ случалось (хотя и рѣдко), что отказывался утвердить совѣтское рѣшеніе или по убѣжденію, или по какимъ-нибудь постороннимъ причинамъ. Ходъ дѣла въ подобномъ случаѣ опредѣленъ закономъ. Проэктъ рѣшенія не уничтожался, какъ могутъ думать тѣ, которые *воображаютъ, что сіогунъ обладаетъ неограниченной властью*; нѣтъ, проэктъ представлялся тремъ принцамъ крови *), ближайшимъ родственникамъ сіогуна, и въ томъ числѣ его законному наслѣднику, если онъ совершеннолѣтній. Приговоръ ихъ не отмѣнимъ, и если онъ оправдывалъ членовъ совѣта, то сіогуну оставалось только отказаться отъ своего достоинства въ пользу сына или законнаго наслѣдника, потому что онъ немогъ взять назадъ прежнее мнѣніе. Такія отреченія случались столь часто, что имъ дано особое имя, *инкіу*. Въ Японіи есть дворцы, назначенные для житья сіогуновъ послѣ отреченія. Какъ скоро принцы крови произносили свой приговоръ, сіогунъ уѣзжалъ въ новый дворецъ, оставляя прежній преемнику.»

Такъ вотъ сколь значительно было вліяніе аристократіи на ходъ дѣлъ въ Японіи, которую большинство европейцевъ почитало *имперіей тайкуновъ!* Вотъ что

*) Фамилій Овари, Мито и Кусіо, происходящихъ отъ Іеяса и изъ среды которыхъ только и могли быть сіогуны.

такое сіогуны, которыхъ многіе, и между прочимъ пользующееся въ иныхъ сферахъ репутаціею непогрѣшимой мудрости нынѣшнее французское правительство, считаютъ и доселѣ верховными повелителями Японіи! Вотъ что такое эта безусловная власть, которую недалѣе апрѣля 1868 года нѣкій Дельпра *), бывшій конторщикъ въ Децимѣ, по заказу изъ Тюильери и съ Quai d'Orçay, думалъ огласить за единственную на Японскомъ архипелагѣ. Понятно, что тайкуны очень тяготились дворянствомъ и употребляли всѣ мѣры, чтобы унизить и ослабить его или возвысить собственное могущество. Однимъ изъ средствъ для достиженія послѣдней цѣли, на которое здѣсь слѣдуетъ особенно указать, потому что оно имѣло отношеніе къ иностранцамъ, было назначеніе для сношеній съ ними императорскихъ городовъ, то-есть такихъ, гдѣ вся власть принадлежитъ тайкуну и его чиновнику, губернатору. Дайміосы очевидно понимали значеніе этой мѣры, которою въ наше время они попрекаютъ сіогуновъ. Они видѣли, что тутъ дѣло идетъ и о значительныхъ денежныхъ выгодахъ, и о томъ ореолѣ внѣшняго величія, который, разъ окруживъ сіогуна, сдѣлалъ бы совершенно невозможнымъ для феодальныхъ владѣльцевъ пользованіе ихъ княжескими правами, ихъ гордой самостоятельностью. И дѣйствительно, сіогуны, какъ увидимъ

*) «Le Japon et la question japonaise» — брошюра, имѣющая цѣлью оправдать политику Франціи въ японскихъ дѣлахъ и отвлечь общественное мнѣніе отъ истины возбужденіемъ политической ненависти.... разумѣется къ Россіи.

ниже, не затруднились даже просто призывать иностранцевъ къ вмѣшательству въ дѣла Японіи, съ тѣмъ, чтобы они «помогали имъ въ усмиреніи непокорныхъ вассаловъ.»

Дайміосы, по своему общественному положенію, конечно, больше всего консерваторы, какъ это вездѣ, въ западной, въ восточной Европѣ, даже въ Америкѣ. Понятно, что многіе изъ нихъ даже упорные ретрограды. Но никакъ нельзя сказать безусловно, что все ихъ сословіе есть не болѣе, какъ отживающій организмъ, застарѣлый и не умѣющій выйдти на новый путь. Напротивъ, когда въ 1844 году въ Іеддо зашла рѣчь о сближеніи съ иностранцами, это былъ Канга, одинъ изъ важнѣйшихъ дайміосовъ, который написалъ меморандумъ въ защиту сближенія. Въ лицѣ князя Сацумы мы имѣемъ также образованнаго патріота, который заботится о привитіи своему отечеству всѣхъ лучшихъ сторонъ современной европейской цивилизаціи. Еще въ 1858 году онъ изумилъ голландцевъ вопросомъ: какія примѣненія имѣетъ фотографія къ метеорологическимъ наблюденіямъ? — вопроса, на который тѣ не могли отвѣчать. Были аристократы, которые у членовъ экспедиціи Перри, въ 1854 году, спрашивали объ успѣхахъ машины Эриксона и пр. Князь Цикунго, глава японскаго посольства въ Европу, въ 1862 году, заслужилъ всеобщую извѣстность своими просвѣщенными и либеральными мнѣніями. Дайміосы, стало быть не враги прогресса, какъ то стараются доказать многіе англійскіе и французскіе публицисты.

Теперь, когда ясно, что въ половинѣ нашего вѣка въ

Японіи два главные политическіе элемента — сіогунъ и аристократія — стояли вождями страны, т. е. были ея представителями, перейдемъ къ продолженію разсказа о томъ, какъ проникъ въ эту страну элементъ иностранный и въ какія отношенія сталъ къ туземнымъ началамъ. Но предварительно этого упомянемъ еще о значеніи центральной верховной власти въ «имперіи солнечнаго восхода», о микадо. Сіогуны, захвативъ въ свои руки всю дѣйствительную власть по текущимъ дѣламъ, хотѣли присвоить себѣ и все значеніе верховныхъ владыкъ страны. Поэтому они систематически стѣсняли вліяніе микадо и значеніе ихъ. Мало-по-малу, благодаря этимъ стараніямъ, потомокъ богини солнца, проживавшій въ Кіото, былъ низведенъ до значенія куклы или истукана, всѣми почитаемаго, но которому недалеко было до минуты, какую пережилъ Перунъ, когда его бросили въ Днѣпръ при безсильныхъ крикахъ толпы: «выдыбай нашъ боже!» Микадо въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ почти не являлись дѣятелями въ японской исторіи. Занятые придворными церемоніями, раздачей іерархическихъ отличій и дѣлами религіи, они какъ будто утратили все дѣйствительное государственное значеніе, перестали быть центромъ, главою страны. До нихъ доходилъ конечно шумъ движущихся частей государственной машины; но они заботились о немъ столько же, сколько капиталистъ-фабрикантъ о шумѣ фабричной машины, находящейся подъ управленіемъ механика и директора. Микадо очевидно утратили было свое значеніе, и современный переворотъ только вызываетъ ихъ къ жизни.

Въ 1852 году японское правительство въ Іеддо извѣстилось за вѣрное, чрезъ голландцевъ, о готовившейся экспедиціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Іеддо возникли большіе толки; но несмотря на то, что это былъ вопросъ первостепенной важности, что законъ о недопущеніи иностранцевъ былъ освященъ микадо и общимъ согласіемъ всѣхъ дайміосовъ имперіи, тайкунъ Іе-оши не передалъ его на обсужденіе той верховной власти, которая одна могла рѣшать конституціонные вопросы; онъ рѣшилъ его самъ при содѣйствіи небольшаго числа совѣтниковъ. Два изъ нихъ сдѣлались потомъ особенно извѣстны, какъ приверженцы сближенія съ европейцами: это именно были упомянутый уже Канга и предсѣдатель горожіо Иккамоно-ками*). Едва коммодоръ Перри появился — правда съ внушительнымъ конвоемъ — въ заливѣ Іеддо, какъ рѣшено было принять привезенное имъ письмо президента Соединенныхъ Штатовъ, Фильмора, и князь Идзу уполномоченъ исполнить этотъ пріемъ съ большою торжественностью. Но оппозиція не дала себя обойдти безмолвно. Въ главѣ ея стоялъ въ это время Мито, одинъ изъ гозанке, т. е. князей крови, почитаемый вообще всею японскою знатью. Мито громко протестовалъ противъ *неконституціоннаго поведенія*

*) Изъ отчета адмирала Путятина видно, что по полученнымъ имъ, отъ японскихъ чиновниковъ, свѣдѣніямъ, въ совѣтѣ тайкуна изъ 5-ти членовъ 4 были за европейцевъ и только одинъ противъ; но кто были два остальные, — намъ неизвѣстно.

тайкуна и, будучи кромѣ того противникомъ введенія иностранцевъ, старался повернуть противъ послѣднихъ и все общественное мнѣніе страны. Одинъ изъ единомышленниковъ его, князь Іецизенъ, рѣшился даже на убійство тайкуна, что и удалось ему при помощи одного офицера тайкунова двора. Но Мито былъ безсиленъ противъ партіи сіогуна, тѣмъ болѣе, что послѣдняя считала своимъ главою человѣка даровитаго, Иккамоноками, который сдѣлался, за смертію Іе-оши, опекуномъ его малолѣтняго сына, Іе-зады, и правителемъ всей имперіи. Мито удалился тогда изъ Іеддо, произнеся знаменитыя слова: «проклятіе на Иккамоно-ками, который измѣнилъ государству». Въ его отсутствіе и прежде, чѣмъ микадо и князья имперіи успѣли обдумать политику въ отношеніи къ иностранцамъ, послѣдніе опять появились съ значительными силами въ Нагасаки, а потомъ и въ Іеддо, и потому ничего не оставалось дѣлать, какъ выслать имъ на встрѣчу уполномоченныхъ.

Японцы однакоже, даже изъ партіи тайкуна, какъ бы инстиктивно чувствовали, что вступая на новую почву, они совершаютъ нѣчто противное законамъ страны и едва ли безусловно выгодное для ней. Они пробовали по этому сначала отклонить иностранныхъ пословъ отъ заключенія договоровъ и особенно удалить Перри изъ залива Іеддо; но не имъ конечно было возражать противъ гордаго и увѣреннаго тона представителей европейскаго международнаго права, которые явились на переговоры съ цѣлыми флотами *). Договоры были под-

*) *Штейнмецъ* довольно остроумно осмѣялъ это полити-

писаны, американскій 31 марта 1854 года, англійскій 14 октября того же года и русскій 14 января 1855 г. Конечно, это были очень скромные и совершенно мирные коммерческіе трактаты, открывавшіе доступъ иностраннымъ кораблямъ только въ два небольшіе порта, Симоду и Хакодате; но важно было то, что начало было сдѣлано и сдѣлано неконституціоннымъ путемъ, съ нарушеніемъ коренныхъ законовъ страны *) и безъ всякой санкціи микадо. Тайкунъ по видимому надѣялся на сочувствіе, которое показывалъ чужеземцамъ народъ, на слабость даири (двора микадо) и на несогласіе между самими дайміосами, хранителями конституціи; ему притомъ льстило до крайности обращеніе «to His Majesty Emperor of Japan in Yeddo». Быть можетъ даже съ первой же минуты негоціацій была уже на виду мысль: помощью могущественныхъ чужеземныхъ союзниковъ унизить гордыхъ вассаловъ. Но сіогуны, какъ увидимъ,

---

ческое давленіе, назвавъ одну изъ главъ своего сочиненія о Японіи «Moral force» и иронизируя тѣмъ надъ претензіями европейцевъ и американцевъ, будто они открыли Японію только посредствомъ «моральной силы цивилизаціи».

*) «Императоръ (микадо) и его совѣтники рѣшили *неотмѣнимымъ* закономъ, что имперія заперта иностранцамъ *навсегда*». Когда португальское посольство 1640 г. было казнено, надъ трупами была вывѣшено повеленіе правительства: «впредь, пока солнце будетъ свѣтить міру, никто да непріѣзжаетъ въ Японію моремъ, даже подъ именемъ посла, и *приказаніе это не можетъ быть никогда отмѣнено*; отмѣняющему — смерть», и т. д. См. Кемфера, т. II, стр. 68, а также Шарлевуа и др.

ошиблись, и за это въ 1868 году должны были поплатиться отреченіемъ отъ своего достоинства, которое и было потомъ уничтожено.

За первыми договорами съ Америкой, Англіей, Россіей и Голландіей, послѣдовало временное спокойствіе, не прекращавшееся до 1858 года и обѣщавшее, по видимому, мирное развитіе заграничныхъ торговыхъ сношеній, выгодныхъ но неопасныхъ для Японской имперіи. Изрѣдка порты Симода, Хакодате и Нагасаки посѣщались судами европейскими и американскими; какой-нибудь китоловъ изъ Охотскаго моря появлялся у береговъ Нипона; нѣкоторыя суда заходили за водою и углемъ. Въ Симодѣ, у берега моря, среди густой зелени, одѣвающей окрестныя горы, возникъ домикъ американскаго консульства; Дециma утратила нѣсколько угрюмый характеръ. Все это было такъ просто, такъ скромно, что, казалось японцы могли только благодарить правительство тайкуна, познакомившее ихъ съ миролюбивыми и дружественными народами Запада. Но уже тогда представители двухъ изъ этихъ народовъ, Дункеръ-Курціусъ отъ Голландіи и Гаррисъ отъ Штатовъ Америки начали добиваться разширенія смысла заключенныхъ трактатовъ, чтобы доставить своимъ соотечественникамъ больше торговыхъ выгодъ. Они долго жили въ Іеддо и добивались пересмотра и дополненія договоровъ особенно въ смыслѣ замѣна пустынныхъ открытыхъ портовъ другими, болѣе оживленными. Японское правительство однакоже постоянно отклоняло подобныя предложенія, и еще весною 1858 года Гаррисъ

и Курціусъ, видя безуспѣшность своихъ ходатайствъ, нашлись вынужденными оставить столицу и вернуться одинъ въ Симоду, другой въ Нагасаки. Вдругъ, въ іюлѣ этого года, приходитъ вѣсть о заключеніи тянь-цзинскаго договора англичанъ и французовъ съ Китаемъ. Энергія американскаго консула, утомленная - было предшествовавшими неудачами, встрепенулась съ новою силою. Не дожидаясь товарища, Гаррисъ отправился вторично въ Іеддо и здѣсь изложилъ необходимость для японцевъ немедленно сблизиться съ американскою націею, чтобы спасти себя отъ поглощающаго могущества европейскихъ державъ, которыя такъ сурово обошлись съ Небесной имперіей. Доводы его были уважены, и новый договоръ Японіи съ Соединенными Штатами подписанъ прежде, чѣмъ англійскій и французскій каммиссары на китайскихъ водахъ успѣли прибыть въ Іеддо. Гаррисъ явился какъ бы вторымъ открывателемъ Японіи, послѣ Перри, Стирлинга, Путятина и Дункера-Курціуса.

Вслѣдъ за заключеніемъ новаго трактата съ американцами японцы увидѣли у себя въ Канагавѣ, т. е. въ 30 верстахъ отъ столицы, русскія суда адмирала Путятина, а немного позднѣе и англійскую эскадру, привезшую лорда Эльджина и проникшую уже прямо въ Іеддо. Японское правительство, чтобы положить извѣстныя границы новымъ требованіямъ двухъ сильныхъ державъ, поспѣшило предъявить ихъ уполномоченнымъ только что заключенный американскій трактатъ. Представители Россіи и Англіи согласились принять его въ основаніе своихъ домогательствъ и почти буквально

повторили въ двухъ новыхъ договорахъ (августъ 1858 года). Французскій коммиссаръ на китайскихъ водахъ, баронъ Гро, вскорѣ послѣдовалъ ихъ примѣру, и вотъ рѣшено было, что съ 1 іюля 1859 года японцы вмѣсто Симоды откроютъ иностранцамъ Канагаву и Нагасаки, гдѣ будутъ притомъ основаны европейскія торговыя колоніи, — да кромѣ того, съ теченіемъ времени, и не позже, какъ черезъ 5 лѣтъ, отворятъ имъ гавани Хіого и Осаки на югѣ и Нигаты на сѣверѣ Нипона. Условлены были основанія для таможеннаго тарифа, и западныя державы получили право держать въ Іеддо, при дворѣ сіогуна, постоянныя дипломатическія миссіи съ предоставленіемъ и японцамъ отправлять посольства въ Парижъ, Лондонъ, Петербургъ, Вашингтонъ и проч.

Такъ начался новый періодъ въ исторіи отношеній Японіи къ народамъ Америки и Европы. Весной 1859 года появились первые представители промышленныхъ интересовъ Запада и начали искать себѣ мѣста на берегу залива Іеддо для основанія торговыхъ конторъ и факторій. Японское правительство, чтобы удовлетворить ихъ, заранѣе приказало приготовить нѣсколько зданій въ 32 верстахъ отъ Іеддо, у берега моря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится наилучшая якорная стоянка, но гдѣ передъ тѣмъ было лишь нѣсколько бѣдныхъ рыбачьихъ хижинъ. Возникла Іокогама, центръ позднѣйшихъ торговыхъ сношеній Японіи съ западными народами, и важныя событія начали быстро смѣняться одно другимъ.

Заключеніе вторыхъ трактатовъ тайкунъ, или точнѣе

регентъ Иккамоно-ками, не хотѣлъ уже принять на единоличную свою отвѣтственность, а потому еще до подписанія американскаго договора созывалъ наличныхъ въ Іеддо князей на общее совѣщаніе. Засѣданія этого собранія были очень бурны. Регентъ высказался въ пользу тѣснаго союза съ Америкой, повторивъ доводы Гарриса и указавъ на слабость оборонительныхъ средствъ японскаго государства. Его слова однакоже склонили сначала очень немногихъ, и большинство собранія было противъ допущенія иностранцевъ въ столицу и другіе важнѣйшіе центры имперіи. Князь Мито опять стоялъ во главѣ оппозиціи и горячо защищалъ старые законы о замкнутости страны. Онъ осыпалъ правительство самыми ѣдкими упреками и объявилъ, что предпочтетъ умереть при защитѣ отечества, чѣмъ подчиниться требованіямъ пришельцевъ. Ему однакоже возражали, что дѣло идетъ вовсе не о подчиненіи, а о заключеніи дружественнаго союза на правахъ совершеннаго равенства, что западныя державы сильны, что онѣ обладаютъ пароходами, уничтожающими разстоянія, огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое бьетъ издалека и съ ужасающей вѣрностью; что даже обширный Китай не могъ ничего сдѣлать противъ могущества этихъ людей, что берега Японіи беззащитны, что прекрасныя области Сацумы, Физена или Муцу могутъ быть опустошены вполнѣ безнаказанно, и что трудно, послѣ событій въ Китаѣ, сказать *что европейская совѣсть считаетъ дозволеннымъ и что запрещеннымъ*. Иккамоно ками прибавилъ, что онъ знаетъ силу законовъ,

запрещавшихъ доступъ иностранцамъ въ Японію; но что ему также извѣстно, что законы эти были установлены собраніемъ дайміосовъ, а потому имъ же могутъ быть измѣнены, что наконецъ ихъ голосъ только совѣщательный и что отъ мудрости микадо будетъ зависѣть дать дѣлу окончательный поворотъ.

Мито, послѣ рѣчи правителя имперіи, оставилъ собраніе вмѣстѣ съ своими приверженцами: онъ видѣлъ безполезность своихъ усилій. Большинство собранія склонилось наконецъ на доводы Иккамоно-ками; но оно въ свою очередь хотѣло оградить имперію отъ дальнѣйшихъ случайностей слишкомъ смѣлой политики тайкуна и его попечителя. Оно постановило измѣнить составъ правительственнаго совѣта и во главѣ его поставить Вакизаку-Накаци-Казано-ками, одного изъ членовъ консервативной партіи и преданнаго друга гозанке Мито. Вакизаку принялъ должность въ надеждѣ исправить зло, ослабить его или, по крайней мѣрѣ, отклонить упреки въ немъ отъ своей партіи. Вслѣдъ затѣмъ стала извѣстна смерть тайкуна Іе-зады и предстояло сдѣлать выборъ новаго сіогуна, такъ какъ умершій не оставилъ ни сына, ни узаконеннаго наслѣдника.*)

Избраніе главы правительства всегда влечетъ за собою тревожное состояніе края, волненіе умовъ и стра-

*) Смерть Іе-зады приписывается обыкновенно Мито; но кажется, что это невѣрно и что болѣзненный молодой человѣкъ умеръ естественною смертью. Во всякомъ случаѣ, не онъ направлялъ политику, а потому не ему слѣдовало и отвѣчать.

стей. Это — неизбѣжное дѣло при самыхъ нормальныхъ условіяхъ. Тѣмъ сильнѣе должна быть ажитація, когда страна выведена изъ этой нормы. Хотя въ Японіи по закону событіе столь важное, какъ кончина сіогуна, остается въ тайнѣ отъ народа, пока новый сіогунъ не будетъ избранъ и не получитъ утвержденія микадо; тѣмъ не менѣе въ высшихъ кругахъ столицы секретъ бываетъ извѣстенъ и вызываетъ напряженное положеніе. Въ настоящемъ случаѣ важность событія усиливалась важностью обстоятельствъ, вѣроятностью борьбы между двумя могущественными партіями страны и возможностью столкновенія съ иностранцами. Два кандидата-гозанке представлялись для замѣщенія открывшейся должности сіогуна: сынъ князя Кусіу и сынъ князя Мито. Послѣ долгихъ споровъ въ средѣ дайміосовъ побѣда осталась за первымъ, котораго поддерживалъ правитель имперіи, Иккамоно-ками. Хотя молодой Кусіу не достигъ еще полнаго совершеннолѣтія, но его рѣшились возвести въ званіе сіогуна, чтобы выйдти изъ труднаго положенія и не дать Мито впасть въ излишества слишкомъ патріотической и рѣзкой политики. Иккамоно оставался регентомъ и даже успѣлъ вытѣснить Вакизаку изъ совѣта пяти. Слабый микадо утвердилъ сдѣланный выборъ, и старикъ Мито вновь оставилъ Іеддо, какъ поле проиграннаго сраженія.

Но неудовольствіе его и охранительной партіи дайміосовъ не прекратились съ избраніемъ новаго тайкуна, т. е. съ упроченіемъ видимаго порядка въ верховномъ управленіи страною. Сверхъ чувства оскорбленнаго са-

молюбія скоро вновь загорѣлось оскорбленное чувство любви къ отечеству, когда на японской землѣ появились первые иностранцы и сразу показали, какъ намѣрены они относиться къ туземцамъ страны. «Первые иностранцы, говоритъ одинъ французскій путешественникъ, которые утвердились въ Японіи, были большею частью агенты большихъ торговыхъ домовъ изъ Китая, Зондскаго архипелага и Индіи. Это конечно были люди надежные, не то, что негодяи, спѣшившіе въ свое время занять Калифорнію; но они имѣли всѣ качества людей бѣлаго племени, и между прочимъ, особенно, то оскорбительное тщеславіе, которое заставляетъ ихъ гордиться цвѣтомъ кожи чуть ли не больше, чѣмъ самый пустой аристократическій хлыщъ гордится своею породою. Многіе изъ нихъ, старинные обитатели Индіи и Китая, были привычны считать туземцевъ безконечно ниже себя; самые просвѣщенные и умѣренные никогда не согласились бы признать равными себѣ китайцевъ, индѣйцевъ или малайцевъ. Имъ и въ голову не могло прійдти, чтобы японцы осмѣлились требовать равенства и чтобы нельзя было безнаказанно третировать ихъ какъ индусовъ или китайскихъ лавочниковъ и куліевъ» Сообразно этому они и держали себя въ Іеддо и Іокогамѣ. «Не должно, слѣдовательно, удивляться, что послѣ удовлетворенія взаимнаго любопытства туземцы и иностранцы на первыхъ же порахъ стали холодно убѣгать другъ друга.» *)

*) *Лэндо.* Здѣсь съ намѣреніемъ цитируется французскій

Жалобы на поведеніе купеческихъ прикащиковъ въ Іокогамѣ достигли даже до англійскаго парламента, слѣдовательно онѣ имѣютъ на своей сторонѣ документальную достовѣрность. Сами іокогамскіе европейцы подтверждаютъ ихъ. Но интересно знать, какъ именно понимали поведеніе этихъ европейцевъ японцы, хозяева края, гостепріимно ихъ встрѣтившіе и потомъ быстро къ нимъ охладѣвшіе. Тотъ же французскій путешественникъ, котораго слова привели мы выше, влагаетъ въ уста японскаго народа слѣдующую филиппику на своихъ западныхъ соплеменниковъ. «Иностранцы не *любезные друзья*, которыхъ намъ обѣщали Дункеръ, Гаррисъ, Ельджинъ и Гро; это чиновники холодные и высокомѣрные, купцы заинтересованные барышомъ и алчные, матросы взбалмошные и грубые. Правда, всѣ они кажутся сильными, смѣлыми и искусными; правда, многіе изъ нихъ превосходные художники и ремесленники; но за нѣко-

---

писатель, потому что французы вообще больше другихъ нападаютъ на японскихъ патріотовъ, называя ихъ отсталыми и закоснѣлыми варварами. Таковъ напр. Руссенъ, коммисаръ французскаго морскаго интенданства, издавшій свои замѣтки о плаваніи въ Японію. Онъ тоже дѣлаетъ уступку, что поведеніе первыхъ иностранцевъ въ Іокогамѣ и окрестностяхъ могло быть лучше, тѣмъ болѣе что встрѣча со стороны туземцевъ была ласкова; онъ признаетъ, что упреки въ наглости европейскихъ купеческихъ прикащиковъ достигли даже до англійскаго парламента; но, какъ истый оффиціальный французскій писатель, тутъ же приписываетъ холодность японцевъ внушеніямъ аристократіи, т. е. противниковъ тайкуна, друга французовъ.

торыми благородными исключеніями они кажутся лишенными кротости, благопристойности, вѣжливости, ровности характера, всѣхъ этихъ важныхъ и прекрасныхъ качествъ, которыя должно считать существенною принадлежностью человѣка истинно-образованнаго. Всегда занятые, взволнованные, страстные, они хотятъ увлекать всякаго, кто къ нимъ приближается, въ этотъ суетливый круговоротъ, столь противный вкусу человѣка благовоспитаннаго. Не смотря на ихъ корабли, на чудесныя машины, на оружіе, надобно согласиться съ китайцами, которые видятъ въ нихъ демоновъ или варваровъ. Съ самаго того несчастнаго дня, какъ они вступили на японскую почву, что дѣлается съ миромъ и счастіемъ, которыми наслаждалась имперія? Погибель, страхъ и страданія рождаются тамъ, гдѣ они поставили ногу, и все, что дорого и священно японцамъ, рискуетъ погибнуть въ мѣстахъ, гдѣ царитъ злосчастное ихъ вліяніе. Въ собственныхъ своихъ домахъ японцы уже больше не господа; иностранцы проникаютъ туда, когда хотятъ, касаются до всего, что возбуждаетъ ихъ нескромное любопытство, и не обращаютъ вниманія на скуку, причиняемую ихъ присутствіемъ. Если ихъ принимаютъ вѣжливо, они смотрятъ на такое обращеніе, какъ на приглашеніе возвратиться и кончаютъ тѣмъ, что мирное частное убѣжище обращаютъ въ публичный домъ. Если ихъ стараются выпроводить, они сердятся. По всей справедливости, японецъ самаго низшаго класса имѣетъ больше такта и деликатности, чѣмъ каждый изъ иностранцевъ.»

«Въ общественныхъ заведеніяхъ дурныя манеры европейцевъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе непріятными. Ихъ присутствія достаточно, чтобы сдѣлать для благовоспитаннаго японца невыносимымъ пребываніе въ чайномъ домѣ. Нѣтъ ни одного изъ этихъ домовъ въ Нагасаки и Іокогамѣ, гдѣ бы иностранцы не подрались между собою или съ туземцами*). Многіе невинные люди были ранены, нѣкоторые убиты среди этихъ дракъ. Присутствіе иностранцевъ есть нетолько постоянное оскорбленіе достоинству японцевъ; оно грозитъ также благосостоянію страны. Глубокій миръ, которымъ имперія наслаждалась въ теченіе вѣковъ и который приносилъ ей счастіе, грозитъ быть нарушеннымъ. Благодаря политикѣ Иккамоно-ками Японія находится нынѣ въ томъ же положеніи, какъ съ 1842 года Китай, испытавшій столько тяжелыхъ бѣдствій. Мрачная будущность уже уничтожила обоюдное довѣріе; взаимныя добрыя отношенія прежняго времени не существуютъ болѣе, заимодавцы тѣснятъ должниковъ, капиталисты извлекаютъ свои капиталы изъ оборота, торговля падаетъ, а рѣдкія дѣла, совершенныя съ европейцами, скорѣе были въ ихъ пользу, чѣмъ въ нашу. Деньги, ввозимыя ино-

*) Эта черта *образованныхъ* представителей Запада въ Японіи сохраняется за ними и вездѣ. Въ Сибири я встрѣтилъ одного изъ этихъ господъ, еще носящаго оффиціальный мундиръ своего правительства: онъ преисправно колотилъ ямщиковъ по щекамъ, когда тѣ требовали отъ него прогоновъ за все число лошадей, обозначенныхъ въ подорожной и дѣйствительно запряженныхъ.

странцами, служатъ только къ обогащенію немногихъ купцовъ, и безъ того богатыхъ, и къ развращенію нѣкоторыхъ чиновниковъ, находящихся въ сношеніяхъ съ чужеземцами. Они вывезли большое количество шелку, чаю, матерій, мебели и подняли чрезъ то цѣны на самые обходимые предметы вдвое и втрое противу прежняго. Люди, привычные къ довольству, видятъ себя низведенными до бѣдности, и многіе офицеры нисшихъ чиновъ испытываютъ самыя тяжелыя лишенія, чтобы поддержать въ обществѣ достоинство своего званія».

Пусть безпристрастный читатель представитъ себѣ, что всѣ эти упреки ему приходится прилагать у себя дома, хотя бы къ японцамъ. Пусть онъ вообразитъ, что въ домъ его совершенно нежданно входитъ толпа японскихъ зѣвакъ, которые все ощупываютъ, повсюду заглядываютъ и дѣлаютъ это не разъ, не два, а нѣсколько дней сряду, но мѣрѣ вѣжливости, которая оказана имъ. Пусть англичанинъ вообразитъ, что одинъ такой неожиданный визитъ сдѣланъ ему въ Лондонѣ или въ загородномъ коттеджѣ; пусть парижанинъ представитъ себѣ, что въ Пале-Ройяль, въ театры и въ кофейныя на бульварахъ ввалились буйныя толпы подгулявшихъ японскихъ матросовъ, — на что почувствуетъ онъ рѣшимость въ подобномъ случаѣ? Не возмется ли онъ за палку, а то и за пистолетъ, чтобы отвязаться отъ незванныхъ гостей? Положеніе японцевъ въ Іокогамѣ, Нагасаки и ихъ окрестностяхъ было именно таково.

Да еще можно прибавить много другихъ упрековъ,

о которыхъ умолчалъ Лэндо, но съ которыми соглашаются добросовѣстнѣйшіе изъ иностранцевъ, живущихъ въ Японіи*). Жадность европейскихъ купцовъ

---

*) Нашъ соотечественникъ, г. Бартошевскій, разсказывая о положеніи, принятомъ въ Японіи европейцами, говоритъ напримѣръ, слѣдующее: «Европеецъ, невсегда могущій воспользоваться у себя дома сладостями гражданскаго брака, съ удовольствіемъ воспользовался имъ въ Японіи, гдѣ онъ вошелъ въ обычай, но въ то же время не могъ отрѣшиться отъ своихъ чисто европейскихъ предразсудковъ. Онъ смотритъ на свою временную жену, какъ на публичную женщину, и обращается съ нею съ тою подлою высокомѣрностью, съ тѣмъ глубокимъ презрѣніемъ, какіе характеризуютъ отношенія нашихъ мужчинъ къ падшимъ женщинамъ; характеристическою чертою этого обращенія служатъ безпощадные нападки и глумленія надъ обычаями страны, направленные не на улучшеніе взглядовъ или привычекъ женщины, а на то, чтобы втоптать ее въ грязь, показавъ свое превосходство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти господа ближе японцевъ къ дѣйствительно образованнымъ людямъ Европы только тѣмъ фракомъ, который надѣтъ на ихъ спинѣ. Понятно, что образъ дѣйствія этихъ господъ возбудилъ справедливое негодованіе японцевъ; но къ несчастію этотъ вопросъ умѣли обратить въ политическій, послѣ чего уничтожился всякій предѣлъ своеволію европейцевъ. Такъ я былъ очевидцемъ того, какъ одинъ японецъ, возмущенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ какимъ-то англичаниномъ его женѣ, бросился на него съ обнаженной саблей, но былъ остановленъ и казненъ, какъ оскорбитель въ его лицѣ всей англійской націи. Впрочемъ иначе поведенія и нельзя ожидать со стороны этихъ господъ, въ большинствѣ случаевъ проворовавшихся въ своемъ отечествѣ и бѣжавшихъ изъ него сюда

особенно оскорблялась тѣмъ, что японцы, разъ назначивъ цѣны, не дѣлаютъ ни какихъ уступокъ. Имъ, кичащимся однако торговлею аих ргіх fixes, казалось невѣроятнымъ, чтобы эти азіатцы смѣли не дѣлать уступокъ, — и вотъ они выражали свою досаду грубымъ, высокомѣрнымъ тономъ, насмѣшками, крайнею придирчивостью въ пріемѣ товаровъ и проч. На городскихъ улицахъ въ Іеддо и Іокогамѣ галопирующій во весь духъ commis voyageur вовсе не думалъ сворачивать съ дороги или сдерживать лошадь, встрѣчая толпу пѣшеходовъ или даже торжественную процессію**). Въ храмы заглядывали также, какъ въ чайные дома или въ балаганы скомороховъ. Женщинъ соблазняли и оскорбляли. Мѣстные обычаи, доказывающіе патріархальность туземцевъ или ихъ взаимныя дружескія отношенія, подвергались громкимъ насмѣшкамъ. Не при такихъ условіяхъ можно было требовать отъ японцевъ продолженія ихъ привѣтливости и радушія, съ которыми были встрѣчены первые пришельцы съ далекаго запада.

Но оскорбленіе общественныхъ приличій еще не раздражило бы чувства патріотизма, по крайней мѣрѣ

съ цѣлью и здѣсь грабить и эксплуатировать кого только можно подъ разными приличными предлогами. Однимъ словомъ, рѣдко кто изъ иностранцевъ, обитающихъ здѣсь, не купецъ въ самомъ полномъ, самомъ мерзкомъ значеніи этого слова. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только американцы, въ большинствѣ случаевъ народъ порядочный, и русскіе»....

*) См. *Лерля*, Rev. d. d. Mondes 1868, стр. 858—9.

въ высшемъ сословіи, къ которому доступъ іокогамскихъ commis былъ не такъ-то свободенъ. Высшія сословія, особливо дворянство, смотрѣли шире и видѣли, что водвореніе иностранцевъ грозитъ всему политическому строю ихъ родины. Тайкунъ очевидно одинъ извлекалъ пользу изъ открытія гаваней для иностранной торговли; только *его* города обогащались отъ этой торговли; только въ *его* казну поступали таможенныя пошлины, скоро достигшія до милліоновъ рублей. Тайкунъ употреблялъ эти деньги на покупку оружія, пароходовъ, на усиленіе своей арміи, однимъ словомъ на доставленіе себѣ полнаго перевѣса во внутреннихъ дѣлахъ государства, въ политической системѣ его. Не далекимъ казалось время, когда Іеддо станетъ не только административнымъ центромъ имперіи, но и единственною столицею ея, предъ которою должны будутъ окончательно склониться прочіе города Японіи. Централизація, поглощающая всѣ силы страны въ пользу одного города, или точнѣе одного лица, наводила ужасъ на вождей областныхъ населеній, на гордыхъ аристократовъ, привыкшихъ къ самостоятельности, и возбуждала ихъ на сопротивленіе сіогуну и на изысканіе средствъ къ прекращенію ненормальнаго его перевѣса. Такъ какъ обыкновенная отговорка іеддосскаго правительства въ дѣлѣ вооруженій, имъ затѣянныхъ, была та, что нужно быть готовымъ на случай столкновенія съ иностранцами; то князьямъ казалось естественнѣе всего удалить причину этихъ безпокойствъ, чтобы охранить страну и отъ возможной внѣшней бѣды, и отъ

внутренняго раззоренія на военныя издержки. Но здѣсь на дорогѣ стояли трактаты, уже вступившіе въ силу и подкрѣпляемые постояннымъ присутствіемъ иностранныхъ военныхъ судовъ въ Іеддо. Открытое удаленіе иностранцевъ, силою, было невозможно: поэтому оставалось прибѣгнуть къ другимъ путямъ, которые могли привести къ цѣли, или, по крайней мѣрѣ, казалось, что могли. Иностранцы отчасти способствовали къ отысканію этихъ путей, и не однимъ частнымъ своимъ поведеніемъ, а и оффиціальнымъ. Новые политическіе друзья Японіи прежде всего старались показать ей свои зубы, и не только Англія и Франція держали постоянныя эскадры на японскихъ водахъ, но даже Россія, столь много выигравшая отъ мирной политики на востокѣ, случайно явилась въ Іеддо съ девятью судами, которые сопровождали генералъ-губернатора Восточной Сибири въ его путешествіи.

Политическія убійства начались съ августа 1859 года, то-есть едва черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ основанія Іокогамы. Первыми жертвами были два русскіе моряка, посланные 25 числа въ городъ для покупокъ и хотѣвшіе непремѣнно покупать тамъ, гдѣ имъ вздумается, а не тамъ, гдѣ имъ рекомендовали сопровождавшіе ихъ японцы. Графъ Муравьевъ, бывшій при этомъ въ заливѣ Іеддо, потребовалъ отысканія и наказанія виновныхъ; но по обстоятельствамъ ушелъ изъ Японіи прежде, чѣмъ окончилось слѣдствіе. Затѣмъ 6 ноября 1859 года палъ подъ ножами убійцъ одинъ слуга французскаго консульства, а 29 января 1860 года японецъ-рыбакъ

Денъ-Кукши, служившій за переводчика въ англійской миссіи. Хотя подробныхъ слѣдствій по этимъ убійствамъ произведено не было, и онѣ могли оказаться частными; тѣмъ не менѣе англійскій посланникъ, Алькокъ, съ истинно британскимъ высокомѣріемъ и упрямствомъ, потребовалъ, чтобы въ воздаяніе за смерть Денъ-Кукши, жалкаго рыбака, были устроены ему на счетъ японскаго правительства похороны, на которыхъ бы губернаторъ Іокогамы, Хори-Орибено-ками, одинъ изъ бывшихъ уполномоченныхъ по заключенію трактатовъ, шелъ въ процессіи, какъ человѣкъ, безпечность котораго была виною убійства. Хори принадлежалъ къ высшей аристократіи страны, и его появленіе за гробомъ рыбака должно было оскорбить нетолько лично его, но и всю японскую знать, даже возбудить народъ, который видѣлъ въ униженіи высокаго должностнаго лица униженіе всей націи. Это оскорбленіе національнаго чувства было сдѣлано иностранцами черезъ семь мѣсяцевъ послѣ прихода ихъ въ Японію: ясно, стало быть, чего можно было ожидать отъ нихъ въ будущемъ.

Политическія убійства поэтому не прекращались, не смотря на мѣру взысканія, наложенную британскимъ посланникомъ. 20 февраля 1860 года два голландскіе офицера, Декеръ и Фосъ, были искрошены на улицахъ Іокогамы. Иностранцы нѣсколько присмирѣли; но конечно лишь не на долго. Притомъ японское правительство, видя, что его подвергаютъ отвѣтственности за жизнь каждаго пришельца, стало крѣпко присматривать за этими пришельцами и окружило ихъ колонію

многочисленной стражей своихъ солдатъ и полицейскихъ агентовъ. Хори-Орибено-ками, какъ бы въ отвѣтъ на замѣчаніе Алькока, что «японское правительство отвѣтственно за жизнь и собственность иностранцевъ», не давалъ имъ слишкомъ разгуливаться и, предоставляя своему правительству выбирать средства для избѣжанія отвѣтственности, такъ повелъ дѣла, что убійства не могли имѣть мѣста. Но тогда европейскіе торговцы возмутились; они стали жаловаться на «крайнее стѣсненіе торговли отъ многочисленныхъ шпіоновъ», которые снуютъ въ Іокогамѣ и слѣдуютъ за ними въ Іеддо. Имъ хотѣлось бы нарушать чужой покой безнаказанно, вести себя такъ, какъ въ Китаѣ и Индіи. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ вожаковъ этой толпы былъ переводчикъ американской миссіи Хейскенъ, человѣкъ «замѣшанный во всѣ интересы дня» (по Лэрлю), «личный пріятель англійскаго посланника, Алькока, и большой знатокъ Іеддо, который онъ изучилъ съ любознательностью антикварія, прогуливаясь по немъ во всѣхъ направленіяхъ днемъ и *ночью*» (по Лэндо). Хейскенъ и его пріятели, посѣтители чайныхъ домовъ, очевидно не хотѣли признавать японцевъ хозяевами въ ихъ странѣ; Хейскенъ, кромѣ того, по личному своему характеру, менѣе всего могъ понравиться пропитаннымъ чувствомъ приличія японцамъ: онъ со всѣми говорилъ за-панибрата, насмѣшливо; ему губернаторъ и рыбакъ были равны и равно служили предметомъ сарказмовъ. Въ своемъ кругу, т. е. въ кругу холостяковъ, «по большей части проворовавшихся въ своемъ отечествѣ», какъ

говоритъ г. Бартошевскій, онъ, правда, слылъ за славнаго малаго, охотно со всѣми знакомился, посвящалъ новичковъ въ тайны японскаго быта и вообще былъ, какъ говорится, разбитной человѣкъ. Ему суждено было играть нѣкоторую роль въ исторической драмѣ, начинавшей разыгрываться.

Но прежде, чѣмъ дойдти до изложенія подробностей этой драмы, и чтобы не отступать отъ хронологическаго порядка, оглянемся на то, что въ 1859—60 годахъ совершалось внутри самой Японіи и особенно въ высшей правительственной средѣ ея. Мы уже видѣли, какое впечатлѣніе иностранцы произвели на японскій народъ, какъ взглянула на нихъ и японская знать. Эта послѣдняя не безъ искусства воспользовалась дурною молвою объ иностранцахъ, чтобы поддерживать свое ученіе объ удаленіи ихъ и чтобы сообразно этому вести правительственную политику. Но патріотическая партія постоянно встрѣчала сопротивленія въ регентѣ Иккамоно-ками; на него были устремлены и всѣ упреки ея. А какъ регентъ былъ могущественъ и за малолѣтствомъ тайкуна предвидѣлось еще долговременное его управленіе; то ультра-патріоты рѣшились употребить въ дѣло кинжалъ, который часто рѣшалъ въ Японіи затруднительные вопросы и особенно охотно употреблялся самимъ іеддоскимъ правительствомъ противъ князей. Заговоръ былъ составленъ въ Іеддо между приверженцами разныхъ вельможъ, а во главѣ ихъ Сацумы и Мито, и 24 марта 1860 года, среди бѣлаго дня, на пути во дворецъ тайкуна, Иккамоно-ками палъ отъ

руки убійцъ, смѣло напавшихъ на его норимонъ, окруженный многочисленной стражей. Голова Иккамоно-ками была принесена однимъ офицеромъ Сацумскаго князя къ Мито и по его приказанію выставлена всенародно съ надписью: «вотъ голова злодѣя». Мито даже не затруднился отправить ее въ Кіото, несомнѣваясь, что столица микадо взглянетъ на дѣло также, какъ смотрѣлъ народъ въ Іеддо и его ближайшихъ окрестностей.

Убійство Иккамоно-ками было конечно важное злодѣяніе. Совершенное въ такую минуту, когда иностранцы уже «показали свои зубы» и очевидно заявляли желаніе не оставлять страны, эксплуатація которой казалась имъ весьма выгодною, оно должно было только дать въ руки этимъ иностранцамъ новое средство къ усиленію ихъ напора на Японію подъ шумокъ усобицъ и подъ предлогомъ защиты смысла трактатовъ. Умѣренной партіи въ странѣ оно представлялось гнусностью, какъ всякое убійство, дѣлается ли оно изъ-за угла или среди площади; да кромѣ того люди дѣйствительно дальновидные предусматривали, что, разъ вступивъ на такую дорогу, ультра-патріотическая партія можетъ зайдти и богъ знаетъ куда въ своемъ увлеченіи. Друзья убитаго регента, т. е. придворные тайкуна и его офицеры, конечно были озлоблены. Они рѣшились поэтому отомстить за кровь Иккамоно-ками и вскорѣ послѣ того умертвили неугомоннаго Мито. Партіи остались безъ предводителей.

Послѣ 24 марта 1860 года рѣшено было, что тай-

кунъ Іе-коски останется безъ попечителя, какъ совершеннолѣтній, и совѣтъ его составился, по прежнему, изъ пяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ Вакизаку, который такимъ образомъ снова сталъ главою администраціи. Въ совѣтѣ былъ впрочемъ представитель и той политики, которая отрицала вредъ сближенія съ иностранцами и во всякомъ случаѣ заботилась о соблюденіи трактатовъ. Представитель этотъ былъ Андо-Цусима-но-ками, которому и ввѣрены были иностранныя дѣла. Но Андо не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ иностранцами: на немъ лежало лишь общее направленіе дѣлъ; ближайшимъ же правительственнымъ агентомъ въ Іокогамѣ былъ уже упомянутый выше Хори-Орибено-ками, человѣкъ превосходныхъ способностей и твердаго, послѣдовательнаго характера. Хори самъ подписалъ трактаты съ Англіей, Франціей и Америкой; онъ зналъ смыслъ, который имъ придавался правительствомъ при заключеніи, и потому не хотѣлъ идти дальше этого смысла, не хотѣлъ дать усилиться значенію иностранцевъ въ ущербъ интересамъ націи. Чрезвычайно-вѣжливый, ловкій въ разговорахъ съ иностранными дипломатами, онъ никогда однакожъ не позволялъ имъ давать чувствовать какое-либо превосходство надъ собою или вообще чужеземцевъ надъ японцами. Онъ былъ съ ними вѣжливъ, но холоденъ. Особенно гордо держался онъ относительно Алькока, высокомѣрнаго англійскаго министра. Мы видѣли, какъ Алькокъ отомстилъ ему за это, заставивъ пройдтись за Денъ-Кукши по улицамъ Іокогамы. Съ тѣхъ поръ конечно Хори былъ

смертельнымъ врагомъ Алькока; но оффиціальныя ихъ сношенія все-таки не прекращались. Въ началѣ 1861 года Хори-Орибено-ками однакожъ сошелъ со сцены и вотъ по какому случаю. Въ правительственномъ совѣтѣ разсматривался, — не въ первый конечно разъ, — вопросъ о политикѣ относительно иностранцевъ, живущихъ въ Японіи. Андо защищалъ пришельцевъ, Хори громко ихъ порицалъ. Онъ сожалѣлъ, что не послѣдовали совѣту Мито при самомъ началѣ, когда чужеземцевъ было немного; онъ призывалъ совѣтъ употребить всѣ мѣры къ искорененію чужеземнаго элемента и особенно къ удаленію изъ Японіи англійскаго министра Алькока и переводчика американской миссіи Хейскена, какъ людей, имѣющихъ самое вредное вліяніе на всю колонію въ Іокогамѣ. Тогда Андо возсталъ противу Хори съ самыми сильными укоризнами. Онъ объявилъ, что стремиться къ удаленію иностранцевъ значитъ идти на вѣрную войну и приготовлять отечеству неизчислимыя бѣдствія, что подобное ученіе могутъ поддерживать люди, нелюбящіе отечества, плохіе японцы. Хори не выдержалъ подобной обиды; весь блѣдный, онъ вышелъ изъ совѣта и, возвратясь домой, объявилъ семьѣ и друзьямъ о намѣреніи своемъ лишить себя жизни. 10 января 1861 года онъ торжественно исполнилъ этотъ обрядъ.

Вслѣдъ затѣмъ 19 числа палъ на улицахъ Іеддо и Хейскенъ. Выйдя ночью изъ дома прусскаго посольства, онъ былъ убитъ приверженцами умершаго

Хори, который не безъ основанія былъ личнымъ врагомъ его *)

Смерть Хейскена повела къ новому рѣзкому повороту въ сношеніяхъ Японіи съ иностранцами. Задѣтый за живое въ своихъ *личныхъ* симпатіяхъ, спѣшившій воспользоватсся всякимъ случаемъ, чтобы показать себя передъ слабымъ японскимъ правительствомъ и пріобрѣсти надъ нимъ неограниченное вліяніе, англійскій посланникъ Алькокъ вдругъ оставилъ столицу сіогуна, удалился въ Іокогаму и объявилъ, что до тѣхъ поръ не вернется въ свое городское жилище, пока не будетъ торжественно приглашенъ туда тайкуномъ, который долженъ гарантировать спокойное пребываніе миссій въ Іеддо. Два другіе европейскіе дипломатическіе агента, французскій Шень-де-Белькуръ и голландскій де-Витъ, постоянно влачившіеся за англійскимъ министромъ, послѣдовали его примѣру. Только американскій послан-

*) О значеніи Хейскена въ кругу европейскихъ резидентовъ Іеддо и Іокогамы уже было замѣчено. Кромѣ того, его безотвязчивое скитанье въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно по ночамъ, вынудило однажды Хори-Орибено-ками, какъ губернатора, отвѣтственнаго за иностранцевъ, предупредить его письменно о неудобствахъ его прогулокъ. Хейскенъ отвѣчалъ письмомъ же, столь дерзкимъ, что собственный его другъ Польсбрёкъ, голландскій консулъ, не совѣтовалъ ему отправлять его. «Хори сдѣлается вашимъ смертельнымъ врагомъ, замѣтилъ Польсбрёкъ, если вы пошлете ему это письмо. Пишите ему что угодно, но дѣлайте это съ наблюденіемъ самыхъ строгихъ правилъ японской вѣжливости.» Хейскенъ не послушалъ совѣта и съ тѣхъ поръ былъ врагомъ Хори.

никъ, Гаррисъ, которому однакоже больше другихъ было повода вступиться за Хейскена, имѣлъ добросовѣстность остаться въ своей іеддоской резиденціи и мужество выдержать ѣдкіе упреки своихъ европейскихъ собратій. Алькокъ конечно добился своего; церемонія для него была сдѣлана; онъ еще разъ проѣхался по Токаидо, главной улицѣ Іеддо, и занялъ свою прежнюю резиденцію въ храмѣ Тодензе. Даже салютація изъ пушекъ послѣдовала согласно условію; но только на этотъ разъ бѣдное правительство тайкуна, чтобы не уронить себя окончательно предъ народомъ, пустилось на плутни: салютаціонные выстрѣлы сливались съ выстрѣлами артиллерійскаго ученья, которое производилось и наканунѣ и послѣ торжества представителя Англіи.

Столкновеніе Алькока съ Гаррисомъ очевидно могло служить для правительства тайкуна прекраснымъ поводомъ возстановить свое значеніе предъ сильными чужеземцами раздѣленіемъ ихъ самихъ на два соперничествующіе лагеря. Это было бы и нетрудно, потому что холодность и даже вражда между американскою миссіею съ одной и англійскою съ другой стороны продолжалась съ тѣхъ поръ непрерывно, не смотря даже на смѣну Гарриса и Алькока. Неизвѣстно, почему Андо и другіе японскіе дипломаты невоспользовались ею. Правда, американскій посланникъ съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ огромную популярность въ Японіи, американцы стали друзьями, какими остаются доселѣ; но японское правительство не пожелало даже воспользоваться тѣмъ пунктомъ своего договора съ Штатами въ 1858 г. гдѣ го-

ворится, что вашингтонское правительство принимаетъ на себя, по желанію Японіи, посредничество въ столкновеніяхъ ея съ европейскими націями.

Сэръ Рутефордъ Алькокъ, довольный одержанною надъ слабымъ побѣдою, на время выѣхалъ изъ Японіи и отправился въ Китай, гдѣ имѣлъ свои личные интересы. Большая часть первой половины 1861 года прошла чрезъ это спокойно въ Іеддо и Іокогамѣ. Но въ началѣ лѣта того же года онъ вернулся въ Нагасаки и оттуда предпринялъ поѣздку въ Іеддо сухимъ путемъ. Японцы не могли отказать ему въ правѣ сдѣлать такой осмотръ ихъ земли, ибо договорами 1858 предоставлено всѣмъ европейскимъ дипломатическимъ агентамъ свободно проникать внутрь страны, не ограничиваясь той тридцативерстною полосою вокругъ открытыхъ портовъ, которая предоставлена любопытству всѣхъ вообще иностранцевъ. Алькокъ прекрасно воспользовался своею поѣздкою для изученія политическаго состоянія страны, ея нравовъ, промышленности и средствъ обороны. Ему не удалось только быть въ Міако, куда японцы убѣдительно просили его не ѣздить. 3 іюля 1861 года онъ вернулся въ Іеддо и тутъ же получилъ урокъ, который показалъ, какъ японцы ненавидятъ его, именно его, а не всю британскую націю. Зданіе англійской миссіи, спокойно стоявшее дотолѣ, подверглось ночному нападенію въ самый день прибытія посланника, и нападавшіе очевидно искали самаго сэра Рутефорда, чтобы покончить съ его ненавистной особой. Ему удалось спастись, хотя кровавый бой длился нѣ-

сколько времени на дворѣ и въ домѣ посольства. Кто были нападавшіе—трудно сказать. Алькокъ и его satellite, Шень-де-Беллькуръ, долго хлопотали потомъ надъ разысканіемъ истины; но имъ ничего не удалося открыть. Одни были того мнѣнія, что подосланные лонины принадлежали къ числу агентовъ дайміосовъ Сацумы и Канги; другіе видѣли въ нихъ друзей умершихъ Мито и Хори; третьи наконецъ готовы были предположить, что само правительство тайкуна виновно въ продѣлкѣ. Какъ бы то ни было, мистеръ Алькокъ и его французскій товарищъ были отчасти довольны катастрофой 3 іюля. Она давала имъ право обойдти тѣ статьи договоровъ, гдѣ говорится, что вооруженные иностранцы не могутъ пребывать на японской землѣ. Оба посланника поспѣшили, по поводу нападенія на англійскую миссію, ввести въ Іеддо европейскихъ солдатъ. Становясь такимъ образомъ съ ножемъ у горла тайкуна, они надѣялись обратить его въ послушную куклу.

Но патріотическая японская партія не дремала. Не имѣя возможности справиться съ иностранцами, которые впились въ японскую монархію, дайміосы рѣшились наконецъ потребовать къ суду того, кто былъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, кто открылъ Японію иностранцамъ и заключилъ съ ними договоры, не получивъ санкціи микадо. Торжественнымъ сонмомъ они принесли жалобу микадо на правительство сіогуна. Микадо, какъ гласитъ молва, былъ доволенъ этою жалобою, которая давала ему случай возстановить свое значеніе, ослабленное сіогунами; но съ другой стороны дворъ

его сомнѣвался въ успѣхѣ расправы надъ тайкуномъ и конечно не могъ надѣяться этимъ путемъ достигнуть радикальнаго излеченія государства отъ того, что считалось главнымъ бѣдствіемъ, то-есть отъ пребыванія иностранцевъ въ Японіи. Конецъ 1861 года прошелъ такимъ образомъ въ колебаніяхъ. Въ началѣ 1862 года тайкуну удалось склонить все правительство на особую мѣру, которая внушала нѣкоторыя надежды къ улаженію иностраннаго вопроса мирнымъ путемъ. Было рѣшено отправить посольство въ Европу, гдѣ бы посланники могли лично изложить передъ правительствами націй, съ которыми заключены договоры 1858 года, подробности состоянія Японіи, положеніе въ ней иностранцевъ и проч., и просить отсрочки въ открытіи портовъ Осаки, Хіого и Нигаты, какъ необходимаго условія, чтобы избѣжать народныхъ волненій. 1 января 1863 года былъ срокъ для открытія этихъ гаваней, и трудно сказать, что было бы со страною, если бы европейцы не уступили просьбамъ японскихъ посланниковъ. Посольство впрочемъ не привело къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Домогательство его, чтобы иностранцы очистили Іеддо и Іокогаму, было отвергнуто съ перваго слова въ Парижѣ, а за тѣмъ и въ другихъ европейскихъ столицахъ. Сущность вопроса объ иностранцахъ, а слѣдовательно и взаимное положеніе партій внутри Японіи остались неизмѣнными.

Тайкунъ предвидя непріятности въ столицѣ имперіи, Кіото, искалъ способовъ смягчить ударъ и рѣшился просить руки одной изъ сестеръ микадо, что давало

ему возможность сдѣлать значительные подарки двору, вѣчно нуждающемуся въ денежныхъ средствахъ. Это ему было обѣщано; но вмѣстѣ съ тѣмъ его все-таки позвали въ даири, чтобы оправдаться въ возложенныхъ на него обвиненіяхъ. Осенью 1862 года начались его приготовленія къ отъѣзду въ Кіото, по возможности затягиваемыя. Судьба еще облегчила въ это время положеніе іеддоскаго двора тѣмъ, что британскій министръ въ свою очередь собирался ѣхать въ Англію, и на мѣсто его долженъ былъ остаться повѣренный въ дѣлахъ, подполковникъ Ниль, который конечно не могъ быть такъ рѣзокъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ настоящій посланникъ. А между тѣмъ именно въ это время случилось событіе, которое при другихъ обстоятельствахъ послужило бы въ рукахъ мистера Алькока поводомъ къ новому насилію надъ Японіей. 14 сентября 1862 года былъ убитъ на улицахъ Іеддо англійскій купецъ Ричардсонъ. Причина убійства была самая понятная съ японской точки зрѣнія и мало извинительная для иностранца, который уже ознакомился съ бытомъ и законами Японіи. Ричардсонъ прогуливался верхомъ по Іеддо, когда встрѣтилъ кортежъ князя Сацумы-отца, направлявшагося изъ города въ свое княжество. Весь народъ, какъ видѣли Ричардсонъ и трое его спутниковъ, преклонялся предъ шествіемъ дайміоса, всѣ спѣшили очистить дорогу. Одни только англичане остались спокойными зрителями процессіи, стоя на лошадяхъ среди улицы. Они подверглись за это нападенію нѣкоторыхъ членовъ конвоя князя, и Ричардсонъ

былъ убитъ. Совѣсть говорила взволнованнымъ европейскимъ резидентамъ Іокогамы, что Ричардсонъ былъ не совсѣмъ правъ; эту же точку зрѣнія принялъ повидимому и сэръ Алькокъ *), совѣтуя умѣренность, а въ сущности не желая передъ отъѣздомъ втягиваться въ непріятное дѣло и, главное, не имѣя подъ руками средствъ немедленно разгромить японцевъ. Напряженное положеніе продолжалось, но на горизонтѣ виднѣлся еще лучъ надежды выйдти изъ него, въ случаѣ, если поѣздка тайкуна успѣетъ привести къ окончательному повороту политики въ пользу иностранцевъ. 1863 годъ начался при такихъ надеждахъ и былъ сопровождаемъ огромнымъ развитіемъ коммерческихъ оборотовъ.

Не далѣе однакожъ, какъ 1 февраля этого года, произошло новое событіе, которое грозило разрушить миръ и повести прямо къ открытому столкновенію. Иностранные министры, желая водвориться съ возможнымъ комфортомъ въ столицѣ Японіи, выхлопотали себѣ у правительства мѣсто для постройки домовъ посольствъ. Мѣсто это имъ предоставлено было выбрать самимъ, и тогда по совѣту англійскаго министра, рѣшено было занять высоту Готенъ-яму, невдалекѣ отъ моря и береговыхъ укрѣпленій. Выборъ этотъ былъ не случайный. Мистеръ Алькокъ узналъ что по японскимъ повѣріямъ, кто владѣетъ Готенъ-ямой тотъ владѣетъ Японіей. На Готенъ-ямѣ сіогуны встрѣчали посланниковъ микадо и дайміосовъ, когда тѣ при-

*) Котораго, кажется, лордъ Россель и требовалъ въ Англію именно для того, чтобы выслушать обвиненіе въ излишне-рѣзкомъ поведеніи.

бывали въ Іеддо. Тщетно японское правительство противилось устройству посольскихъ зданій на Готенъ-ямѣ, предлагая другія мѣстности: зданія воздвигались, и англійское съ большой быстротой. Зимою въ 1862 — 3 годахъ оно было почти готово, какъ вдругъ 1 февраля воспламенилось съ разныхъ сторонъ, безъ сомнѣнія отъ поджога, потому что во время пожара слышны были даже пороховые взрывы. Правительство японское поспѣшило сложить съ себя отвѣтственность, говоря, что оно заблаговременно предупреждало объ опасности, такъ-какъ мѣсто Готенъ-яма въ извѣстномъ смыслѣ священно для японцевъ, и съ занятіемъ его можно было ожидать всякихъ крайностей отъ національной партіи и ея лониновъ. Англійское посольство ограничилось такимъ объясненіемъ, хотя конечно Готенъ-ямы не подумало уступить. Затѣмъ, съ прибытіемъ, 12 марта, флота адмирала Купера, рѣшилось потребовать денежнаго удовлетворенія, но не за сгорѣвшее зданіе, что имѣло бы видъ правительственной скаредности, а за убійство Ричардсона! 6 апрѣля 1863 года, то-есть пять мѣсяцевъ послѣ самаго событія, подполковникъ Ниль представилъ правительству тайкуна ультиматумъ, въ которомъ требовалъ, чтобы за смерть Ричардсона, убійцъ котораго японское правительство не умѣло найдти, оно заплатило 100.000 фунтовъ стерлинговъ и изъявило оффиціальное сожалѣніе о томъ, что не могло помѣшать убійству. Независимо отъ этаго князь Сацума долженъ былъ отыскать и казнить убійцъ и въ свою очередь заплатить 25.000 фунтовъ стерлинговъ въ поль-

зу семейства убитаго. Англійская политика такимъ образомъ высказалась съ полною откровенностью. Цѣль ея была эксплуатировать страну всѣми средствами, извлекать изъ нея обратно все то, что торговля съ иностранцами приносила въ видѣ прибытка. Ниль да и всѣ иностранцы не ожидали, чтобы совѣтъ тайкуна сразу согласился на предложенныя условія, тѣмъ болѣе что самаго сіогуна уже не было въ Іеддо: онъ уѣхалъ въ Кіото. Въ самомъ дѣлѣ, слабое іеддоское правительство попробовало-было сопротивляться, прибѣгать къ проволочкамъ; но все напрасно. 16 апрѣля представители Англіи и Франціи и начальники морскихъ силъ этихъ державъ совѣщались уже на счетъ понудительныхъ мѣръ. Только вмѣшательство Шень-де-Беллькура, которому, за отсутствіемъ Алькока, хотѣлось наконецъ самому стать на ноги и пріобрѣсти вѣсъ въ глазахъ японцевъ, который притомъ боялся допустить Англію одну до войны съ Японіей и который наконецъ по существу былъ какъ говорятъ іокогамскіе французы une nature essentielement chevaleresque,—только это вмѣшательство повело къ отдаленію расправы до 11 мая; но сущность расправы осталась та же и вѣроятность суроваго исполненія обезпечивалась двѣнадцатью англійскими военными судами, стоявшими на іеддоскомъ рейдѣ. Смерть Ленокса Ричардсона очевидно долженствовала быть отомщенною сильнѣе, чѣмъ напримѣръ политическія убійства въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ незатрудняются направлять удары противъ царствующихъ особъ и гдѣ убійцы то оправдываются судами, то бѣгаютъ изъ тюрьмы.

Гроза войны произвела однако передрягу не между одними японцами. Купцы въ Іокогамѣ испугались чуть ли еще не больше, особенно послѣ того, какъ англійскій адмиралъ Куперъ объявилъ, что за отсутствіемъ сухопутныхъ силъ онъ не въ состояніи защищать городъ съ суши. Нужно вспомнить, что Іокогама лежитъ въ низкой долинѣ, обставленной высотами въ разстояніи выстрѣла, иногда и менѣе; всѣ эти высоты уже со времени Хори-Орибено-ками постоянно занимались японскими военными постами и совершенно командуютъ городомъ. Въ послѣднее время, т. е. въ 1862—3 годахъ, дѣятельность японцевъ по вооруженію и обученію ихъ войскъ была извѣстна всѣмъ, и европейцы не разъ видали ученья туземныхъ солдатъ по европейскимъ уставамъ. Какъ истинные просвѣтители, они даже хотѣли наняться въ учителя этихъ новичковъ военнаго дѣла; но правительство тайкуна тогда еще было на столько совѣстливо, что отклоняло подобныя предложенія. И такъ передряга въ Іокогамѣ была порядочная. Она усилилась еще болѣе, когда вдругъ въ одно прекрасное утро увидѣли, что всѣ японцы оставляютъ городъ, таща свои пожитки по направленію къ Іеддо. Тѣ, которые занимали жилища въ собственно японскомъ, т. е. сѣверномъ кварталѣ, выбирались понемногу; прислужники же европейскихъ домовъ исчезли всѣ одновременно, даже не расчитавшись съ хозяевами. Удивленіе европейцевъ было очень велико. На вопросъ японцамъ: что это значитъ? послѣдніе отвѣчали: «такъ приказано». Ясно было, что правительство японское,

не имѣя возможности прервать сношенія съ иностранцами удаленіемъ ихъ самихъ, вздумало положить предѣлъ этимъ сношеніямъ чрезъ запрещеніе собственнымъ подданнымъ входить въ какія-либо связи съ чужеземцами. Такой оборотъ былъ неожиданъ ни для купцовъ, ни для дипломатовъ, ни для моряковъ Запада, а потому привелъ ихъ въ недоумѣніе. Послѣднее впрочемъ продолжалось немного. Собравшіеся представители Англіи и Франціи и адмиралы этихъ державъ, Жоресъ и Куперъ, порѣшили *заставить* японцевъ жить не тамъ, гдѣ имъ хочется въ ихъ отечествѣ, а тамъ, гдѣ имъ прикажутъ иностранцы для собственныхъ выгодъ. Правительство въ Іеддо, главою котораго былъ въ это время, за отсутствіемъ тайкуна, князь Овари, получило увѣдомленіе, что *выходъ японцевъ изъ Іокогамы будетъ сочтенъ за сигналъ непріязненныхъ дѣйствій и поведетъ немедленно къ занятію Іокогамы французскими и англійскими войсками.* Дѣлать было нечего, пришлось воротить уходившихъ іокогамскихъ японцевъ, не смотря на крайнее недовольство народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было хлопотать о скорѣйшей уплатѣ 100.000 фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ безъ тайкуна этого было сдѣлать нельзя, то японцы просили еще отсрочки на десять дней для того, чтобы этимъ временемъ послать одного сановника въ Кіото, за повелѣніями. На эту отсрочку и согласились; но тутъ же присоединили знаменитое предложеніе: «*если правительство тайкуна безсильно противъ мятежныхъ вассаловъ, противъ ослѣпленныхъ патріотовъ; то мы бе-*

ремся ихъ протрезвить: наши военныя силы будутъ готовы къ вашимъ услугамъ» (Руссенъ). Текамото, японскій сановникъ, имѣвшій отправиться въ Кіото, обѣщалъ довести объ этомъ до свѣдѣнія сіогуна и поспѣшилъ въ дорогу. Не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ вернуться въ Іеддо раньше 24 мая, и едва прибылъ, какъ поспѣшилъ просить у иностранныхъ дипломатовъ аудіенціи. Она была ему дана на слѣдующій день, и тутъ Ниль и Беллькуръ услышали слѣдующія рѣчи. Правительство тайкуна благодаритъ за предложеніе вооруженнаго содѣйствія, но оно въ немъ не нуждается. Ни одинъ даймiосъ не возсталъ противъ тайкуна и ни какой внутренней войны не предвидится. Если происходятъ безпорядки, то они затѣваются и поддерживаются лонинами, людьми ничтожными по своему общественному положенію. Что касается до вознагражденія за Ричардсона, то большинство совѣта въ Іеддо рѣшило заплатить его, но устройство этого дѣла должно быть отложено до возвращенія тайкуна: иначе могутъ произойдти безпорядки и опасность для чиновниковъ-исполнителей отъ фанатической части народа. Относительно эпохи возвращенія тайкуна Текамото объявилъ, что выѣздъ его уже рѣшенъ, но что его задерживаютъ лонины, бродящіе вокругъ Кіото и по дорогамъ. Вскорѣ былъ назначенъ и день уплаты, именно 18 іюня. Ниль на эту отсрочку далъ согласіе, хотя прибавилъ еще 10.000 фунтовъ стерлинговъ за двухъ служителей англійскаго посольства, убитыхъ около двухъ лѣтъ назадъ, при нападеніи 3 іюля 1861 года.

18 іюня однако прошло безъ исполненія обѣщанія. Трудно сказать, чего думало достигнуть этими пустыми проволочками жалкое правительство тайкуна. Во всякомъ случаѣ эта проволочка не пропала даромъ для дѣла цивилизующихъ націй. Представители ихъ дали теперь разрѣшеніе начальникамъ своихъ военныхъ силъ «употребить зависящіе отъ нихъ способы для побужденія японцевъ къ исполненію трактатовъ.» Съ этою цѣлью англичанами уведенъ былъ одинъ тайкуновъ пароходъ съ рейда, а французы занялись укрѣпленіемъ Іокогамы и разстановкой въ ней войскъ. Этого рода давленіе подѣйствовало наконецъ на несчастный совѣтъ пяти, и 24 іюня 110.000 фунтовъ стерлинговъ мексиканскими піастрами были уплачены Нилю. Этимъ кончилась расправа съ центральнымъ правительствомъ; но условіе относительно Сацумы еще оставалось въ резервѣ. Нужно было заставить выполнить его, и какъ отвѣтъ тайкуна — сознаніе съ безсиліи — легко было предвидѣть, то адмиралъ Куперъ сталъ готовиться къ отплытію изъ Іеддо въ Кагозиму, главный городъ владѣній сацумскаго князя, хотя и не резиденцію его. Вдругъ однако 25 іюня совершенная неожиданность изумила всѣхъ: пришло оффиціальное извѣщеніе отъ японскаго правительства, что всѣ иностранцы должны оставить Японію, ибо на это есть воля микадо, которую сіогунъ уполномоченъ исполнить. Само собою разумѣется, что между увѣренными въ своей силѣ европейцами оно возбудило только смѣхъ; но кромѣ того самая передача его представила собою нечто неслыханное во всемір-

ной исторіи. Чиновники сіогуна, передававшіе повелѣнія иностранцамъ, тутъ же присовокупляли, *что оно не будетъ исполнено, что эта бумага есть не болье, какъ уступка со стороны сіогуна приказаніямъ микадо, внушеннымъ дайміосами.* На всѣхъ языкахъ такіе рѣчи и поступки называются государственною измѣною, и однакожь онѣ были произнесены агентами тайкуна. Легко представить улыбку презрѣнія и радости, проскользнувшую въ это время на устахъ представителей Англіи и Франціи: брешь была пробита, междуусобіе въ эксплуатируемой странѣ созрѣло, и теперь отъ нихъ зависѣло каждую минуту воспламенить горючій матеріалъ, чтобы воспользоваться суматохой пожара. Тайкунъ сталъ съ этого времени игрушкою въ рукахъ его западныхъ союзниковъ, куклою, которую они рѣшились поддерживать, чтобъ доканать японскую національную партію. Если они тогда же не исполнили просьбы его, также удивительной, *снабдить его военными кораблями для перевозки войскъ въ Осаку, гдѣ онъ должны были начать борьбу съ дайміосами;* то сдѣлали это конечно потому, что не хотѣли себя компрометировать передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, а отчасти изъ опасенія, что на случай войны силы ихъ недовольно велики. На первый разъ ограничились тѣмъ, что *взяли съ правительства подписку въ безсиліи его защищать иностранцевъ* и обратили Іокогаму въ укрѣпленный лагерь, для занятія котораго вытребовали войска изъ китайскихъ портовъ, занятыхъ въ 1861 году. Затѣмъ патріотическая партія получила первый урокъ

въ лицѣ Нагато, одного изъ князей наиболѣе вліятельныхъ и хлопотавшихъ объ удаленіи иностранцевъ. Владѣнія этого князя лежатъ на югозападной оконечности Нипона, у пролива Симоносаки. Получивъ 24 іюня повелѣніе микадо и сіогуна относительно недопущенія иностранцевъ Японію и исполняя его, онъ 25 числа приказалъ стрѣлять по американскому судну Пемброкъ, проходившему черезъ Симоносакскій проливъ, *никогда притомъ небывшій открытымъ для чужеземныхъ судовъ*. 8 іюля та же участь постигла французскій пакетботъ Кіянъ-шань, и 11 іюля голландскій корабль Медузу. За это французскій адмиралъ Жоресъ немедленно бомбардировалъ Симоносаки, но впрочемъ неудачно, потому что поторопился подойдти съ малыми силами.

Затѣмъ англичане стали готовиться къ экзекуціи надъ Сацумою, который все еще оставался должникомъ 25.000 фунтовъ стерлинговъ, нужныхъ семейству купца Ричардсона, которое конечно не получило ничего изъ 110.000 фунтовъ, поступившихъ къ Нилю 24 іюня. Но предварительно этого британскіе воины и дипломаты устроили два дѣла: во 1-хъ помогли французамъ въ укрѣпленіи Іокогамы, во 2-хъ проводили тайкуна изъ Іеддо въ Осаку, куда отплылъ онъ моремъ, оставивъ жалкій свой кабинетъ лицомъ къ лицу съ сильными и побѣдоносными противниками. Чтобы сразу озадачить этотъ кабинетъ, союзники коллективною нотою отъ 25 іюля потребовали отъ правительства распоряженія, чтобы обширное внутреннее море между островами Нипономъ, Кіусіу и Сикокфомъ, *о которомъ*

ничего не говорилось въ трактатахъ, было открыто для ихъ кораблей. *Въ случаѣ отказа грозили прибѣгнуть къ силѣ.* Затѣмъ Куперъ отплылъ изъ Іеддо.

По прибытіи въ заливъ Кагозиму англійскій адмиралъ увидѣлъ, что городъ защищенъ съ берега батареями, которыя впрочемъ молчали. Трудность морскихъ эволюцій въ узкомъ проливѣ, отдѣляющемъ городъ отъ острова, заставила быть осторожными. Послано было приглашеніе Сацумѣ уплатить немедленно 25.000 фунтовъ стерлинговъ за убійство его офицерами Ричардсона. На это Сацума отвѣчалъ, что Ричардсонъ нарушилъ коренной законъ ихъ страны, что не его вина, если тайкунъ, самовольно заключая съ иностранцами трактаты, забылъ даже включить такое простое условіе, что чужеземцы обязываются уважать мѣстные законы, и что затѣмъ уплата вознагражденія ему кажется лишенною основанія. Въ отвѣтъ на это англичане, не начиная военныхъ дѣйствій, захватили три безоружныхъ парохода, стоявшихъ въ заливѣ и стоившихъ Сацумѣ 75.000 фунтовъ стерлинговъ. Тогда по нихъ былъ открытъ огонь съ береговыхъ батарей. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась три дня и кончилася тѣмъ, что англичане должны были уйдти, понеся значительныя потери и преслѣдуемые выстрѣлами противника. Они успѣли только, сверхъ захваченныхъ пароходовъ, сжечь арсеналъ Сацумы да обратить въ пепелъ большую часть невиннаго города, который, будучи построенъ изъ дерева, конечно не могъ сопротивляться начавшемуся пожару.

Такія дѣйствія, показывавшія, что европейцы вовсе не намѣрены уважать государственное единство Японіи, а напротивъ предпочитаютъ сноситься съ отдѣльными дайміосами, имѣть съ ними дѣло независимо отъ центральнаго правительства и раззорять страну по частямъ, вызвали негодованіе даже іеддоскаго правительства. Оно увидѣло, что играетъ жалкую роль, безусловно покорствуя настояніямъ чужеземцевъ. Какъ бы въ отвѣтъ на дѣйствія адмираловъ Жореса и Купера, оно въ томъ же августѣ 1863 издало два манифеста къ народу, въ которыхъ призывало его изготовиться на защиту страны, покупать оружіе, шить солдатскую одежду и вообще стараться по истеченіи пяти лѣтъ быть готовымъ къ упорной борьбѣ. Особенно призывались люди, обученные уже владѣть оружіемъ, и имъ обѣщало большое вознагражденіе (по 200 мѣшковъ рису и по 160 р. с. въ годъ.) Правительство рѣшилось также вооружить берега, гдѣ къ тому побуждала необходимость; но тутъ опять страннымъ образомъ натолкнулось на претензіи иностранцевъ.

Іокогама, какъ извѣстно, была жалкой деревушкой до поселенія въ ней европейцевъ. Въ 1863 году это уже былъ городъ съ нѣсколькими тысячами жителей, съ таможней и портомъ. Обезпеченіе такого пункта отъ нападеній естественно было въ интересахъ японскаго правительства. По этому оно рѣшилось воздвигнуть тамъ батарею, которая бы могла отвѣчать на выстрѣлы съ моря. *Адмиралы Жоресъ и Куперъ не позволили этого;* они замѣтили въ видѣ поученія японскимъ вла-

стямъ, что такъ какъ послѣднія сами возложили на нихъ обязанность заботиться о безопасности Іокогамы, то они находятъ батарею лишнею и строить ее не позволятъ.

Это униженіе было вынесено іеддоскимъ кабинетомъ безмолвно. Мало того, онъ рѣшился на новый жалкій поступокъ. Въ октябрѣ 1863 года онъ пригласилъ представителей Голландіи и Соединенныхъ Штатовъ выслушать важное сообщеніе, которое состояло въ томъ что «трактаты въ глазахъ японскаго правительства не болѣе, какъ *опыты*, что, убѣдившись въ злѣ ими причиненномъ, оно должно стараться взять ихъ назадъ; что однако оно избѣгаетъ этого и даже, напротивъ, отказывается отъ объявленія 24 іюня, но въ замѣнъ того проситъ очистить Іокогаму.» Чиновники прибавили, что «отказъ иностранныхъ представителей возбудитъ междуусобною войну, за послѣдствія которой тайкунъ не можетъ ручаться, и что потому онъ проситъ чужеземцевъ ограничиться Нагасаки и Хакодате» Разумѣется, такая рѣчь могла быть встрѣчена тоже лишь улыбкою, хотя представители Америки и Нидерландовъ обѣщали довести ея содержаніе до свѣдѣнія своихъ правительствъ. Посланники Англіи и Франціи, до которыхъ очередь узнать «важное сообщеніе» дошла на завтра, прямо уже и категорически отказалесь удовлетворить желаніямъ японскаго кабинета. Тогда японцы заявили желаніе отправить новое посольство въ Европу съ цѣлью ходатайствовать о томъ же предметѣ, а вмѣстѣ уговориться и объ открытіи внутренняго моря. Фран-

цузы обѣщались помочь имъ въ послѣднемъ и предложили свое судно «Монжъ» для доставки посольства въ Шанхай, откуда оно могло слѣдовать дальше на почтовомъ пароходѣ въ Марсель.

Между тѣмъ 14 октября случилось еще политическое убійство, французскаго офицера Камюса, и полиція тайкуна на этотъ разъ оказалась очень исправною. Убійца былъ пойманъ и казненъ въ Іокогамѣ, гдѣ впрочемъ передъ смертію всенародно выражалъ ненависть къ иностранцамъ и презрѣніе къ своему правительству

Въ ноябрѣ англичане были обрадованы присылкою 25.000 фунтовъ стерлинговъ Сацумою въ пользу Ричардсона. Это умиротворило ихъ духъ. Торговля продолжала развиваться и къ концу года обороты ея достигли до 25-ти миліоновъ рублей.

Тишина повидимому водворилась и притомъ совершенно въ томъ видѣ, какъ того желали европейскіе эксплуататоры. Все имъ покорствовало.

Не дремала однако національная партія. Видя безсиліе микадо, лицемѣріе и малодушіе тайкуна, она стала хлопотать, какъ бы овладѣть всею властію въ государствѣ. Князь Ногато былъ особенно выдвинутъ дайміосами и получилъ отъ микадо титулъ защитника государства. Сынъ умершаго Мито, Стоцбаши, былъ назначенъ оборонять берега въ окрестностяхъ Осаки. Вооруженія происходили повсюду дѣятельно. Европейскіе офицеры, особливо голландскіе, за большія деньги, обучали японцевъ кораблестроенію, артиллерійскому искусству и

тактикѣ. Многіе японцы посланы были въ Англію, Голландію и Америку ближе изучить машинное производство и закупить оружіе. Японцы сразу поняли превосходство ружей, заряжающихся съ казенной части, и потому уже черезъ годъ имѣли ихъ нѣсколько тысячъ штукъ. Флотъ ихъ къ концу 1863 года заключалъ до тридцати пароходовъ, правда, большею частію негодныхъ для военныхъ дѣйствій, ибо европейскіе продавцы обманывали японцевъ, но все же небезполезныхъ для обороны страны. Новыя суда строились на мѣстныхъ верфяхъ или заказаны были въ Европѣ. 1864 годъ начался вообще довольно счастливо для страны. Особенно важно было то, что въ это время Франція была увлечена мексиканскою экспедиціею и европейскими дѣлами по шлезвигскому и другимъ вопросамъ. Безъ нея не столь воинственный заламанскій союзникъ ея одинъ не рѣшился бы дѣйствовать. Притомъ и прямаго повода къ новому оскорбительному вмѣшательству въ японскія дѣла не представлялось. Обстоятельства японцевъ начинали по видимому поправляться.

Но въ это время князь Нагато, въ своемъ патріотическомъ увлеченіи и особенно въ своей ненависти къ тайкуну, сдѣлалъ шагъ, который положилъ начало междуусобіямъ въ Японіи и слѣдовательно вновь ослабилъ ее. Стремясь освободить микадо изъ подъ вліянія іеддоскаго двора и въ то же время упрочить свое исключительное значеніе, онъ рѣшился взять въ плѣнъ даири. Съ этою цѣлью подъ его руководствомъ былъ составленъ заговоръ въ Кіото, по которому предполага-

лось: склонить микадо на поѣздку изъ Кіото въ Камо, гдѣ находятся могилы предковъ его, и въ отсутствіе его сжечь дворецъ въ столицѣ, такъ чтобы императоръ вынужденъ былъ принять предложеніе Нагато: занять его дворецъ впредь до отстройки новаго. Первая часть этой программы была уже исполнена, то-есть Нагато лично упросилъ микадо сдѣлать набожную поѣздку; но все остальное не удалось, потому что заговоръ былъ открытъ. Нагато, такимъ образомъ, только уронилъ себя, съ своимъ эксцентрическимъ и самолюбивымъ планомъ, въ глазахъ всей Японіи. Тайкунъ былъ конечно очень доволенъ этимъ. Онъ торжественно прибылъ въ Кіото, гдѣ былъ принятъ гораздо лучше, чѣмъ въ 1863 году. На совѣщаніяхъ, бывшихъ при этомъ случаѣ, ему удалось значительно смягчить микадо относительно иностранцевъ. Воротясь въ Іеддо, онъ чувствовалъ себя сильнѣе прежняго. Поэтому, воспользовавшись открытіемъ одного заговора на его жизнь, онъ смѣнилъ весь свой совѣтъ и разослалъ къ дайміосамъ циркуляръ, въ которомъ упрекалъ ихъ въ стремленіи сдѣлаться самостоятельными, вопреки законовъ имперіи, и въ возбужденіи безпорядковъ, производимыхъ лонинами. Но эта бравурная нота, обыкновенно издаваемая азіатскими правителями, когда имъ хочется, изъ опасенія суда исторіи, свалить свои неудачи и вины на другихъ и даже прижать этихъ другихъ, если то можно по праву сильнаго, — эта нота не повела ни къ чему. Двадцать дней спустя послѣ изданія циркуляра, 19 августа, къ удивленію всѣхъ, вернулось изъ Европы

посольство и привезло вѣсти нерадостныя для японцевъ и вовсе непригодныя, чтобы усилить популярность и значеніе тайкуна. По договору, заключенному въ Парижѣ и неподлежавшему даже ратификаціи, ибо онъ признанъ былъ дополнительнымъ къ трактату 1858 года, японское правительство обязывалось уплатить 700.000 франковъ за стрѣльбу Нагато въ Кіянъ-шань, открыть иностранцамъ Внутреннее море и держать постоянно свободнымъ Симоносакскій проливъ. Объ отсрочкахъ къ открытію портовъ или объ очищеніи Іокогамы не было конечно и слова. Мало того, въ трактатѣ была статья, въ силу которой *правительство тайкуна могло въ случаѣ неповиновенія одного изъ дайміосовъ прибѣгать къ помощи французской вооруженной силы.* Самъ Іе-коски пришелъ въ негодованіе и объявилъ, что уполномоченные, подписывая подобный договоръ, вышли изъ предѣловъ данной имъ власти. Онъ соглашался еще ратификовать пунктъ относящійся до Внутренняго моря; но все остальное ему казалось противнымъ интересамъ Японіи и вовсе не обязательнымъ для нея. Ничто не могло побѣдить этой рѣшимости японцевъ, и тогда иностранцы положили вспомнить прошлогодніе поступки Нагато, чтобъ отомстить ему, а тайкуну этимъ самымъ показать, что на протесты его относительно веденія дѣлъ съ князьями никто не обращаетъ никакого вниманія.

28 августа 1864 года союзный англо-французскій флотъ изъ двѣнадцати судовъ вышелъ изъ Іеддо и направился къ Симоносаки. Къ нему присоединились еще

четыре голландскія судна и даже одно американское; послѣднее впрочемъ купеческое, везшее только десантъ. На корабляхъ находились солдаты, потому что французы и англичане успѣли въ теченіе года привести въ Іокогаму не менѣе 3.000 человѣкъ. 4, 5 и 6 сентября, послѣ долгаго бомбардированія, батареи у Симоносаки и самый городъ были разрушены. Нагато прислалъ для переговоровъ одного своего офицера, который распростерся передъ союзными начальниками и просилъ пощады. Но онъ, отъ имени Нагато, объявилъ при этомъ, что послѣдній дѣйствовалъ въ 1863 году по прямому повелѣнію тайкуна. Союзники удовольствовались этимъ объясненіемъ и безвинно пролитою кровью множества японцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ забрали шестьдесятъ орудій, бывшихъ на берегахъ, и взяли съ Нагато подписку: уплатить военныя издержки экспедиціи, открыть свободный проходъ иностраннымъ судамъ чрезъ Симоносакскій проливъ и оставить навсегда этотъ проливъ неукрѣпленнымъ. Хотя удѣльные князья вовсе не имѣютъ права заключать международныя обязательства, и союзники знали это; но они приняли на себя придать подпискѣ Нагато международный характеръ, и цѣли этой достигли самымъ короткимъ способомъ. Возвратясь въ заливъ Іеддо съ побѣдоносною своею эскадрою, они подошли къ столицѣ и угрозами вытребовали отъ тайкуна утвержденія подписки, причемъ военныя издержки свои оцѣнили въ круглую сумму 18.000.000 франковъ..... Народная ненависть отвѣчала на это новымъ убійствомъ. 21 ноября 1864 го-

да пали два англійскихъ офицера, маіоръ Балдуинъ и лейтенантъ Бирдъ. Убійцы впрочемъ скоро были найдены и казнены, а потому англійскій министръ не потребовалъ даже денегъ въ пользу семействъ убитыхъ британцевъ.

Но еще прежде того Нагато, выведенный изъ терпѣнія и тягостною подпискою, и раззореніемъ Симонасаки, и видимымъ ничтожествомъ японскаго правительства, рѣшился, очертя голову, приступить къ исполненію своихъ замысловъ. Онъ сжегъ дворецъ микадо въ Кіото и старался овладѣть его особою. Но это послѣднее ему опять не удалось. Напротивъ, за такое дерзкое намѣреніе онъ былъ объявленъ внѣ законовъ и тайкунъ доставилъ себѣ удовольствіе разрушить его дворецъ въ Іеддо и à propos, совершенно по тайкуновски, казнить многихъ людей, жившихъ въ этомъ дворцѣ. Послѣ этого онъ не безъ основанія могъ говорить по поводу убійства англичанъ, что «это не болѣе, какъ облачко на свѣтломъ небѣ дружественныхъ сношеній его правительства съ иностранцами».

Затѣмъ, въ видахъ наказанія Нагато, онъ сталъ строить арсеналъ, умножать войска, увеличивать запасы оружія, все это при обязательной помощи союзниковъ, почувствовавшихъ въ то время, что за прекращеніемъ междуусобія въ Соединенныхъ Штатахъ прежній способъ эксплуатаціи Японіи можетъ оказаться несовсѣмъ удобнымъ и повлечь за собою появленіе на японскихъ водахъ американскихъ броненосцовъ, съ которыми состязаться нѣсколько труднѣе, чѣмъ съ Нагато и съ тай-

куномъ. Французы особенно усердно взялись помогать сіогуну Они были очень довольны, что пріискали при этомъ многимъ своимъ офицерамъ выгодныя занятія въ Іеддо и, конечно, еще болѣе радовались, что междуусобная война въ Японіи неизбѣжна. Гроза въ самомъ дѣлѣ начинала готовиться, и въ воздухѣ уже носилися тучи. Могущество Нагато и его партіи заставляло сіогу на не торопиться выходомъ въ поле, и потому вооруженія тянулися нѣсколько лѣтъ. Въ 1865 году центральная администрація переселилась изъ Іеддо въ Осаку, чтобы быть ближе къ будущему театру войны и ко двору микадо. Тайкунъ только временами сталъ навѣщать Іеддо, который такимъ образомъ пересталъ быть правительственнымъ центромъ имперіи. 1866 и 1867 годы прошли въ обоюдныхъ вооруженіяхъ. Чтобы имѣть болѣе искусныхъ воиновъ, особенно офицеровъ, обѣ стороны послали многихъ молодыхъ дворянъ въ Америку и Европу учиться военному дѣлу. Въ это же время, именно осенью 1867 года, умеръ сіогунъ Іе-коски, и его мѣсто занялъ Стоцбаши, сынъ князя Мито, человѣкъ умный, энергическій и противникъ вмѣшательства иностранцевъ въ дѣла Японіи. Кровавое столкновеніе чрезъ это послѣднее обстоятельство было на время пріостановлено; но оно вспыхнуло тотчасъ, какъ только пришлось, согласно условіямъ, открыть 1 января 1868 года чужеземцамъ Хіого и Осаку. Борьба теперь должна была идти между патріотами, овладѣвшими особою микадо, и партіей тайкуна, нехотѣвшей оставить власть, принадлежавшую ей два съ половиною вѣка. Противники прибѣгли уже

было къ оружію, какъ Стоцбаши, сынъ патріота, предупредилъ дальнѣйшее междуусобіе, изъявивъ желаніе сложить съ себя должность сіогуна и принять новое государственное устройство, которое бы было условлено въ общемъ собраніи князей и утверждено микадо. Вся просвѣщенная часть японскаго общества привѣтствовала это событіе съ великою радостью; но, къ сожалѣнію, дайміосы плохо повѣрили желанію тайкуна, вѣроятно потому, что онъ свое отреченіе принесъ не прежде, а послѣ 1 января 1868 года. Партія, овладѣвшая микадо, спѣшила объявить Стоцбаши «низвергнутымъ» и должность его уничтоженною прежде, чѣмъ полное собраніе князей приступило къ совѣщаніямъ объ новомъ устройствѣ государства. Это подало поводъ къ первой междуусобной битвѣ, въ которой сіогунъ былъ разбитъ и принужденъ былъ удалиться въ Іеддо. Микадо былъ объявленъ непосредственнымъ главой государства. Но военное счастіе перемѣнчиво, и если самъ Стоцбаши не желалъ, можетъ быть, продолжать войны; то его совѣтники и друзья желали ея, конечно надѣяся на успѣхъ, такъ какъ войска ихъ, благодаря французскимъ офицерамъ, лучше вооружены и устроены, да и предводительствовались единолично, а не сонмомъ князей. Военныя дѣйстія продолжались все лѣто 1868 года, и одно время привели было къ распаденію Японіи на два отдѣльныя государства, съ двумя микадо. Но тайкунъ при этомъ сошелъ со сцены, и уже съ марта мѣсяца ни онъ, ни его совѣтъ (горожіо) не управляютъ страною.

По отношенію къ иностранцамъ положеніе японской монархіи нѣсколько измѣнилося въ послѣдніе четыре года, и кажется къ лучшему. Трактаты заключенные въ 1860 году съ Португаліей, въ 1861 съ Пруссіей, въ 1864 съ Швейцаріей, въ 1866 съ Италіей и въ 1867 съ Даніей и Бельгіей принесли теперь свою пользу увеличеніемъ числа государствъ, которыхъ интересъ состоитъ въ поддержаніи мира на японскихъ водахъ. Притомъ и воинственный пылъ 1860 — 64 годовъ значительно охладѣлъ, особенно когда на главнаго поджигателя, т. е. на французское правительство, посыпались громкіе упрекивъ неблаговидной и неискусной политикѣ и въ желаніи завлечь Францію въ новую отдаленную экспедицію, подобную китайской, кохинхинской и мексиканской. Къ этой причинѣ присоединились еще: успѣхи Пруссіи, въ 1866 г. которые заставили тюльерійское честолюбіе стѣснить кругъ своихъ дѣйствій Европою, заботы династическія и денежныя. Не оставляя поэтому своихъ затаенныхъ стремленій: утвердить въ Японіи самовластіе тайкуна, который былъ бы только послушнымъ вассаломъ парижскаго властелина, французы съ 1865 года ограничивались помощью сіогуну въ смыслѣ лучшаго устройства его военныхъ силъ; но уже не дѣйствовали такъ рѣзко, какъ при Жоресѣ и Шень-де-Беллькурѣ. Весною 1868 года имъ однако пришлось увидѣть, какъ поддерживаемое ими зданіе рухнуло во всѣхъ частяхъ, и они остались осмѣянными, ни съ чѣмъ. Тогда свою досаду они сорвали на томъ, что истребовали съ правительства микадо 750.000

франковъ за двухъ убитыхъ въ Сакаи своихъ соотечественниковъ; но далѣе идти не могли, потому что утратили руководящую нить своей политики, которая вездѣ хлопочетъ о цесаризмѣ и теряется, какъ только попадетъ на другую среду. Про англичанъ можно сказать, что они, съ удаленіемъ въ 1865 году сэра Р. Алькока въ Пекинъ, также стали немного умѣреннѣе, но впрочемъ лишь потому, что не имѣютъ такихъ послушныхъ и всегда готовыхъ драться союзниковъ, какъ французы, да потому, что побаиваются американцевъ. Они кромѣ того, принимаютъ въ расчетъ, что война, которую бы ничего не стоило затѣять французамъ, для нихъ самихъ можетъ оказаться убыточною, потому что лишитъ ихъ, хоть на время, довольно обширнаго рынка, котораго *завоевать* имъ однимъ конечно не позволятъ тотъ же союзникъ и еще больше другія державы. Они поэтому начали держаться политики выжидательной, приправляя ее однакожъ по временамъ обычнымъ нахальствомъ, каково напр. было арестованіе губернатора Нагасаки въ 1867 году, по случаю убійства въ городѣ двухъ англійскихъ моряковъ. Вседневныя, бытовыя отношенія англичанъ къ японцамъ остались прежними, т. е. туземцы ихъ ненавидятъ всею душою, а они продолжаютъ вести себя такъ, какъ вели при Алькокѣ, «торгашами въ самомъ мерзкомъ значеніи этого слова». Американцы съ своей стороны, сдерживая стремленія Франціи, старались дружески относиться къ государству, имъ первымъ отворившему свои гавани; отъ того, подъ вліяніемъ внѣшняго спокойствія, торговля ихъ въ

Іокогамѣ и Нагасаки сдѣлала большіе успѣхи. Особенно чай сталъ важною вывозною статьею въ Америку, а оружіе, суда и машины статьями привозными изъ Америки. Впрочемъ оживленіе торговли въ 1865—7 годахъ распространилось и на другія національности, имѣющія своихъ коммерческихъ представителей въ Іокогамѣ *) и Нагасаки. Оно то повело за собою учрежденіе правильныхъ пароходныхъ рейсовъ, которые связываютъ теперь Японію со всѣмъ земнымъ шаромъ. Каждые десять дней пакетботы отходятъ изъ Іокогамы то чрезъ Шанхай и Гонъ-Конгъ въ Европу, то чрезъ С. Франциско въ Америку. Осака и Нагасаки также вошли въ цѣпь этихъ сообщеній, не смотря на то, что первый изъ этихъ городовъ открытъ европейцамъ всего съ 1 января 1868 года. Съ открытіемъ Суэзскаго канала Японія окончательно сдѣлается одною изъ главныхъ станцій той всемірной торговой дороги, которая, начавшись въ западной Европѣ, проходитъ чрезъ сѣверную Америку, юго-восточную Азію, Египетъ и южноевропейскіе полуострова, оставляя въ сторонѣ одно только наше отечество.

Упомянувъ выше, что въ общихъ чертахъ отношенія иностранцевъ къ Японіи немного улучшились въ

---

*) Развитіе судоходства въ японскихъ портахъ выражается слѣдующими цифрами:

Въ 1863	году	пришло	170	кораблей,	вышло 168
» 1865	»	»	380	»	» 372
» 1867	»	»	510	»	» 490

Цифры эти впрочемъ не оффиціальныя, кромѣ двухъ первыхъ.

1865—7 годахъ, я однако долженъ сказать, что событія 1868 года грозили придать имъ опять непріязненный и даже ожесточенный характеръ. Извѣстно, что за отреченіемъ Стоцбаши послѣдовалъ со стороны иностранныхъ дипломатовъ запросъ ему: кто же составляетъ въ настоящее время правительство Японіи и къ кому должны обращаться они въ случаѣ надобности? Стоцбаши тогда (въ январѣ 1868) отвѣчалъ, что пока новая конституція не утверждена, онъ, отъ имени микадо, продолжаетъ быть главою правительства. Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ сіогунъ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать въ Іеддо, откуда между тѣмъ иностранныя миссіи переѣхали въ Осаку. Неопредѣленность отношеній возуждала безпокойство всѣхъ иностранцевъ въ Японіи. Наконецъ микадо рѣшилъ, что договоры, заключенные съ чужеземцами, будутъ утверждены, и даже пригласилъ дипломатическій корпусъ въ Кіото. Въ началѣ апрѣля представители европейскихъ державъ проникли въ эту завѣтную столицу Японской имперіи. Но едва англійскій посланникъ, сэръ Гарри Паркъ, отправился на первую аудіенцію къ микадо, какъ на кортежъ его сдѣлано было нападеніе двумя фанатиками и двѣнадцать человѣкъ переранено. Микадо спѣшилъ извиниться и предложилъ обезпеченіе семействамъ потерпѣвшихъ иностранцевъ; но воля его не могла быть выше воли народа, его симпатій и антипатій. Черезъ мѣсяцъ было убито нѣсколько французовъ въ Сакаи; это же и другія событія, особенно открытое содѣйствіе Франціи тайкуну и его партіи, а

также внезапное открытіе пропаганды старыхъ недруговъ Японіи, католическихъ проповѣдниковъ, произвели къ началу лѣта переворотъ во взглядахъ даири на иностранцевъ. Въ концѣ іюня вышелъ указъ микадо, которымъ христіане поставлялись внѣ закона и христіанская религія объявлена враждебною интересамъ японской націи. Нѣсколько японцевъ-католиковъ было схвачено и заключено въ тюрьму. Посланники и консулы иностранныхъ державъ протестовали; но, видя развивающуюся анархію, не прибѣгли ни къ какимъ репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы не запутать еще болѣе и безъ того печальнаго положенія страны. Правительство микадо, благодаря этому, скоро опомнилось и объявило, что оно охотно будетъ держаться на почвѣ трактатовъ, а въ доказательство тотчасъ же предложило иностранцамъ открыть торговлю въ Нигатѣ. Послѣднія извѣстія свидѣтельствуютъ, что оно даже склонно расширить смыслъ этихъ трактатовъ дозволеніемъ торговать въ нѣкоторыхъ новыхъ портахъ, какъ напр. въ Ругамѣ.

Таковъ ходъ событій ознаменовавшихъ собою четырнадцатилѣтній періодъ вторичнаго сближенія Японіи съ иностранцами, слѣдовавшій за двухвѣковою замкнутостью ея. Будущему принадлежитъ окончательно установить смыслъ всего происшедшаго, раскрыть вполнѣ истинныя причины явленій и оцѣнить по достоинству нравственный ихъ характеръ и пользу, которую они сдѣлали для сонма образованныхъ націй съ

одной стороны и для самой Японіи съ другой. И я могъ бы здѣсь кончить мое изложеніе, если бы не чувствовалъ необходимости коснуться хотя слегка трехъ вопросовъ существенной важности. Вопросы эти суть слѣдующіе: 1-е Какое положеніе занимаютъ на Японскомъ архипелагѣ и какія цѣли преслѣдуютъ передовые народы міра? 2-е Что воспринимаетъ отъ нихъ Японія? и 3-е Кто главный виновникъ того печальнаго положенія края, до котораго онъ дошелъ въ четырнадцать лѣтъ сношеній съ западными народами? Что касается до перваго изъ этихъ вопросовъ, то сверхъ сказаннаго уже выше, я приведу еще слѣдующія подробности. Задачи, которыя преслѣдуютъ большія христіанскія народности въ Японіи, совершенно не сходны между собою и вполнѣ соотвѣтствуютъ нравственнымъ свойствамъ націй и исторически выработанной политикѣ ихъ. На первомъ планѣ стоятъ Франція, Англія и Соединенные Штаты. Первая изъ этихъ державъ ищетъ достигнуть преобладанія внѣшнею силою, поддержкою партіи самовластія; она, поэтому, больше другихъ замѣшалась во внутренній ходъ событій въ Японіи, хотя и не имѣетъ тамъ большихъ коммерческихъ интересовъ. Но кромѣ этого военно-политическаго вліянія на страну, она преслѣдуетъ въ ней двѣ другія цѣли, которыя указать здѣсь мнѣ кажется отнюдь неизлишнимъ. Одна изъ этихъ цѣлей состоитъ въ наложеніи на Японію нравственныхъ узъ введеніемъ въ нее католичества. Эти узы дѣятельно готовятся въ лицѣ многочисленныхъ миссіонеровъ, собирающихся впустить свои іезуитскія

когти въ японскій народъ по первому мановенію епископа, проживающаго въ Шанхаѣ. Конечно, открытая пропаганда еще не началась, и ей, при теперешнемъ состояніи дѣлъ, придется отложить осуществленіе своихъ видовъ до менѣе тревожной эпохи. Но французы не скрываютъ своихъ намѣреній; они прямо стараются подготовить обращеніе японцевъ въ католицизмъ. Проповѣдники ихъ уже пробовали, подобно ночнымъ татямъ, пріобрѣтать тайныхъ прозелитовъ въ средѣ народа; только, къ удивленію ихъ, эти прозелиты исчезали всякій разъ, какъ только японскія власти замѣчали близкія сношенія своихъ подданныхъ съ римско-католическими миссіонерами (Руссенъ). А нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ я уже сказалъ, это изчезновеніе случилось даже гласно. Другая цѣль Франціи, особенно важная для насъ, это устраненіе русскаго вліянія на судьбы Японскаго архипелага и униженіе Россіи на Востокѣ. Цѣль эта, съ свойственною французамъ откровенностью, также высказывается ими публично и объяснена напримѣръ въ упомянутой уже разъ брошюрѣ нѣкоего Дельпра: «Le Japon et la question japonaise», вышедшей въ апрѣлѣ 1868 года у книгопродавца Дантю, въ нижнемъ этажѣ Палеройяля. Дельпра, собственно, ничтожный торгашъ, бывшій прикащикъ голландской факторіи въ 1845—49 годахъ; но онъ очевидно высказывалъ чужія мысли, а имя его стоитъ на брошюрѣ только для приданія ей вида безпристрастія и знанія дѣла. Настращавъ, въ своемъ памфлетѣ, японцевъ неминуемою будто бы для нихъ опасностью отъ завоева-

тельныхъ видовъ Россіи, онъ прибавляетъ: «Que le bras de l'Europe se lève non pour apporter au Japon de nouveaux embarras, quelle que soit la forme de gouvernement que l'avenir lui réserve, mais pour le protéger au contraire, si jamais l'indépendance ou l'intégrité de son territoire venait à être menacée de la part de moscovites», — совершенно также, какъ французскіе журналы говорятъ про турецкій вопросъ. Англія ищетъ другаго пути упрочить свое преобладаніе въ Японіи. Она прежде всего старается поставить эту страну въ тѣсную экономическую зависимость отъ себя, пріучить японскій народъ къ употребленію британскихъ заводскихъ произведеній и доставить британскимъ капиталамъ преобладающее значеніе на японскихъ рынкахъ. Но для достиженія послѣдней цѣли, она, какъ видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, была (да и есть) не прочь и отъ нахальной эксплуатаціи матеріальныхъ средствъ страны въ видѣ денежныхъ штрафовъ, захвата пароходовъ и проч. Свое политическое вліяніе она постоянно поддерживаетъ многочисленнымъ флотомъ, пребывающимъ въ Іеддо, Осакѣ и Нагасаки. Кромѣ того англичане уже высказали намѣреніе захватить островъ Дажелетъ, на Японскомъ морѣ, въ одномъ днѣ пути отъ Японіи и Кореи. Если этотъ захватъ еще не сдѣланъ, то лишь потому, что Англія ждетъ благовиднаго повода и не опасается пока усиленія Россіи на японскихъ водахъ. Въ японскомъ народѣ Англія не имѣетъ сочувственной себѣ партіи и потому въ междуусобія она не вмѣшивается, по крайней мѣрѣ открыто. Доставку

оружія враждующимъ сторонамъ (впрочемъ вопреки трактату 1858) нельзя считать политически-преднамѣреннымъ вмѣшательствомъ, потому что извѣстно, что для барышей англійскіе купцы не затруднялись продавать ружья и порохъ даже каффрамъ, бывшимъ въ войнѣ съ ихъ соотечественниками на Мысѣ Доброй Надежды. Соединенные Штаты есть страна, наиболѣе сочувствующая мирнымъ интересамъ Японіи, избѣгающая оскорблять ея національныя чувства и потому пользующаяся наибольшей симпатіей отъ японцевъ. «Американцы—единственные наши друзья, говорятъ японцы. Они мирно торгуютъ, не ищутъ преобладанія, не вмѣшиваются въ наши домашнія дѣла и потому имѣютъ дѣйствительную нравственную силу въ глазахъ народа.» Они же сдерживаютъ эгоистическія стремленія двухъ господствующихъ европейскихъ народностей, такъ что отношенія ихъ посланника въ Японіи къ представителямъ Франціи и особенно Англіи отличаются постоянно холодностію, если не чѣмъ-нибудь большимъ. Торговля ихъ очень обширна, хотя направлена не на самый цѣнный продуктъ, т. е. шелкъ. «Царица Тихаго океана», Санъ-Франциско, находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ не только съ Іокогамою, но съ Осакой, Хіого, Нагасаки; ея пароходы связываютъ Японію даже съ западомъ, т. е. съ портами Китая, къ немалой досадѣ конкурирующихъ европейскихъ пароходныхъ компаній и слѣдовательно къ выгодѣ японскаго рынка. Другія западныя государства: Пруссія, Испанія, Швейцарія, Голландія, не имѣютъ самостоятельной политики въ Японскомъ

архипелагѣ. Ихъ сношенія ограничиваются только защитою личныхъ интересовъ ихъ подданныхъ и согражданъ въ торговыхъ дѣлахъ. Впрочемъ, самымъ этимъ политическимъ индефферентизмомъ, конечно истекающимъ изъ миролюбія, онѣ дѣлаютъ полезный противовѣсъ всякимъ исключительнымъ вліяніямъ болѣе сильныхъ державъ. Пруссія, кромѣ того, пріобрѣла себѣ право на благодарность снаряженіемъ ученой экспедиціи въ Японію, а Голландія — помощью въ дѣлѣ сооруженія флота. Италія только еще начинаетъ входить въ связи съ Японской монархіей, а многія другія государства Стараго и Новаго свѣта не сдѣлали даже и этого шага.

Теперь я постараюсь дать хотя самые краткіе отвѣты на два другіе предложенные выше вопроса: что́ воспринимаетъ Японія отъ народовъ Запада? и кто важнѣйшій виновникъ ея теперешнихъ бѣдствій, иностранцы или внутренніе враги? Относительно перваго изъ этихъ вопросовъ отвѣтъ очень несложенъ. При большомъ запасѣ здравомыслія, при необыкновенномъ умѣньи отличать пуфы отъ вещей положительныхъ, японцы стремятся перенять у чужеземцевъ только то, что на самомъ дѣлѣ полезно въ жизни или что даетъ дѣйствительную пищу уму, не загромождая напрасно памяти. Поэтому въ ихъ университетахъ, въ Іеддо и Кіото, преподаются естествознаніе, медицина, механика, математика; ихъ практическіе люди учатся строить пароходы, выдѣлывать оружіе, инструменты, машины, производить съемки, гравировать карты, снимать фотографи-

ческіе рисунки, устроивать телеграфы. Люди военные необыкновенно скоро поняли и ввели въ дѣло европейскую тактику и уставы. Ученые переводчики знакомятъ японское общество съ европейской литтературой, и притомъ именно съ тою ея частью, которая составляетъ гордость науки, съ Лапласомъ и Вирховыхъ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ странамъ, гдѣ процвѣтаютъ Абу и Понсонъ-дю-Террайль. Наскучивши классицизмомъ, который долгое время тяготѣлъ надъ японскими умами въ видѣ китайской грамматики и сочиненій Конфуція, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ тяготѣетъ въ видѣ латинскихъ спряженій и Корнелія Непота, — японцы съ жадностью схватились за изученіе предметовъ, имѣющихъ реальное содержаніе. Множество молодежи ихъ учится въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Соединенныхъ Штатахъ. Даже на нашу долю, кажется, выпало пять-шесть учениковъ, проживающихъ въ Петербургѣ. Что касается до нравственной и политической сторонъ европейской жизни; то надо признаться, что японцы даже и не склонны заимствовать у насъ что-нибудь. Напрасно нѣкоторые публицисты говорятъ, что японскій народъ учится у своихъ западныхъ друзей ненавидѣть старые феодальные порядки и что именно опасеніе соціальной революціи возбуждаетъ ненависть японской аристократіи къ европейцамъ. Простолюдины японскіе не меньше озлоблены противъ заморскихъ пришельцевъ, чѣмъ бывшіе тайкуны и князья, столь много натерпѣвшіеся отъ европейской притязательности и

гордости. И если, въ разговорѣ и на письмѣ, японцы не прибавляютъ, подобно жителямъ Небесной имперіи, къ слову европеецъ — эпитетовъ дьяволъ и воръ, то это дѣлается собственно по врожденному чувству приличія и по необыкновенной общительности и мягкости нрава. О такъ-называемыхъ сѣмянахъ нравственности, насаждаемыхъ іезуитами, лазаристами и проч., и говорить нечего: японцы ихъ бѣгутъ, какъ чумы, и исключеніе составляютъ очень немногіе бѣдняки, которыхъ миссіонеры содержутъ на свой счетъ, чтобы подготовить изъ нихъ проповѣдниковъ. Микадо напрасно погорячился съ своимъ указомъ прошлаго лѣта; ему бы достаточно было поощрить распространіе точныхъ знаній или даже изученье Конфуція. «Сѣмена» іезуитовъ, какъ извѣстно, не уживаются на подобной почвѣ и вымираютъ, какъ все, само по-себѣ лишенное жизни или отжившее. Истиннаго же ученья Христа, ученья о братствѣ и о любви, сколько извѣстно, ни одна европейская нація не думаетъ насаждать.

Наконецъ я пришелъ къ самому важному, самому щекотливому вопросу, естественно возникающему при заключеніи обзора событій въ Японіи за послѣднія четырнадцать лѣтъ: — кто виновенъ въ бѣдствіяхъ этого времени? Нравственное чувство, вѣроятно, уже подсказало читателю, кто; но я здѣсь упомяну о различныхъ теоріяхъ, которыми объясняютъ изложенныя выше событія нѣкоторые европейскіе публицисты. Одни изъ нихъ говорятъ: ретроградная партія, то-есть японскіе патріоты; другіе — иностранцы, одни иностранцы;

третьи, — тайкунъ, и никто болѣе. Есть даже господа, какъ Дельпра, которые готовы увѣрять публику, что ни какой бѣды нѣтъ и не было, а бѣда только впереди.... отъ Россіи! За исключеніемъ послѣдняго мнѣнія, очевидно нелѣпаго, можно сказать, что во всѣхъ остальныхъ есть своя доля истины. Патріоты иногда впадали въ крайности, не взвѣсивъ, противъ какой исторической необходимости боролись они; иностранцы ни мало не щадили націю, едва выступающую на дорогу всемірной цивилизаціи и имѣющую свои историческія преданія, обычаи, предразсудки. Они кромѣ того оказались далеко ниже своего призванія, быть цивилизаторами страны, и больше занимались эксплуатаціею ея, чѣмъ нравственнымъ и умственнымъ преуспѣяніемъ. Тайкуны наконецъ..... но о тайкунахъ я промолчу, потому что изложеннаго, кажется, будетъ достаточно, чтобъ оцѣнить ихъ значеніе въ исторіи Японіи за послѣдніе четырнадцать лѣтъ. Притомъ же de mortibus aut bene aut nihile, какъ говоритъ классическая пословица.

Адріатическое море
Ноябрь 1868

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хронологія японской исторіи.

Востокъ не имѣетъ философской исторіи и, вѣроятно, долго имѣть ея не будетъ. Лѣтописи его народовъ полны разсказами о потрясающихъ событіяхъ, о движеніяхъ цѣлыхъ народовъ, о войнахъ междуусобныхъ и внѣшнихъ, о подвигахъ знаменитыхъ полководцевъ, государственныхъ людей и ученыхъ, о бѣдствіяхъ естественныхъ и о любопытныхъ явленіяхъ въ природѣ; но лѣтописцы не умѣли возвыситься не только до осмысленія цѣлыхъ рядовъ событій, а даже до простой группировки ихъ въ какомъ либо другомъ порядкѣ, кромѣ хронологическаго. Какія цѣли преслѣдовала та или другая нація въ данное время, какой имѣла внутренній строй, каковы были ея благосостояніе вещественное и развитіе умственное,—до всего этого обыкновенно нѣтъ дѣла азіатскимъ историкамъ. Самое большое, что иногда встрѣчается у нихъ и что нѣсколько оживляетъ сухія страницы ихъ твореній, это отзывы о нравственныхъ качествахъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей и романтическія подробности ихъ біографій. Оффиціальное положеніе большой части лѣтописцевъ,

особенно напр. въ Китаѣ, заставляетъ при томъ европейскаго изслѣдователя безпрестанно предполагать, что въ трудѣ восточнаго анналиста многое недосказано, многое освѣщено съ очень исключительной точки зрѣнія и потому способно лишь вести къ заблужденію. Японскія лѣтописи, — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ извѣстны Европѣ, благодаря Кемферу, Клапроту, Тицингу и Гофману,—не отступаютъ въ этомъ случаѣ отъ общаго правила, хотя, надобно имъ отдать справедливость, онѣ все же выше оффиціальныхъ хроникъ Срединнаго царства.

Такъ какъ Японія большую часть исторической жизни своей провела уединенно, внѣ широкаго круга международныхъ сношеній; то понятно, что исторія ея небогата событіями внѣшними, то-есть войнами, нашествіями и проч. Немного можно найдти въ ея лѣтописяхъ указаній и на торговыя связи японскаго народа съ чужеземцами. Но за то тѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе хронологическія отмѣтки о событіяхъ внутреннихъ, особенно, конечно, о тѣхъ, которыя относились непосредственно къ жизнеописаніямъ царственныхъ особъ. Ни одинъ народъ современной Европы не представляетъ ничего подобнаго этому непрерывающемуся, относительно времени, разсказу, который охватываетъ двадцать пять съ четвертью вѣковъ. Только примкнувъ свои бытописанія къ греко-римскимъ, то-есть отказавшись отъ національности, могъ бы итальянецъ, испанецъ или французъ повести свою исторію дальше въ глубь прошедшихъ вѣковъ, чѣмъ обитатель Японіи. Образован-

ныя же націи средней Европы, тѣ, которыя стоятъ теперь во главѣ цивилизаціи, далеко моложе японцевъ, и это, замѣтимъ, имѣетъ большое значеніе, потому что объясняетъ трудность выхода Японіи на большую дорогу всемірной гражданственности. Многовѣковыя формы жизни, какъ извѣстно, весьма неуступчивы.

Въ статьѣ, подобной настоящему очерку, не можетъ конечно быть и рѣчи о представленіи связнаго, живаго образа прошедшихъ судебъ Японіи. Для этаго ни я лично не подготовленъ, ни сама историческая наука. Живой, связный очеркъ потребовалъ бы многолѣтнихъ трудовъ, близкаго знакомства съ жизнью народа, съ его вѣрованіями, преданіями, поэзіей, предразсудками, и глубокаго внутренняго такта, который водитъ обыкновенно истинными историками даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они пишутъ не многотомныя творенія, а краткіе эскизы событій. Но я далекъ отъ такихъ совершенствъ и притомъ осмѣливаюсь думать, что даже первостепенные таланты, подобные Нибуру, Тьерри, Прескоту и Маколею, не создали бы ничего художественнаго изъ того сыраго матеріала, который имѣютъ въ своихъ рукахъ европейцы теперь. Оффиціальная хроника — не исторія и можетъ оживиться подъ перомъ писателей только тогда, когда есть рядъ другихъ источниковъ, современныхъ давно прошедшему и высказывающихъ — намѣренно или, еще лучше, невольно — отличительныя его черты; для Японіи же и Китая мы ничего подобнаго не имѣемъ.

И такъ, здѣсь найдетъ себѣ мѣсто только *хроноло-*

гическая таблица японской исторіи, въ которую однако будутъ внесены не всѣ событія, казавшіяся важными японскимъ лѣтописцамъ, а лишь тѣ, знаніе которыхъ полезно для пониманія прошлыхъ судебъ Японіи съ европейской точки зрѣнія. Къ ней я попытаюсь приложить нѣсколько общихъ заключеній, характеристическихъ для японской исторіи. Разумѣется, что объемъ таблицы и вообще всего очерка будетъ соображенъ съ объемомъ прочихъ главъ этого сочиненія. На русскомъ языкѣ это будетъ во всякомъ случаѣ первая попытка знакомства съ прошлымъ страны, которая въ грядущемъ вѣроятно будетъ связана съ нашимъ отечествомъ тѣсными узами. Лицамъ, которыя пожелаютъ болѣе подробнаго и *связнаго* изложенія, я укажу на статью въ I томѣ «Прусской Экспедиціи», которая впрочемъ все же не болѣе, какъ довольно сухой эскизъ.

Японская исторія, подобно почти всѣмъ другимъ, начинается миѳами. Она щедро разсыпаетъ тысячелѣтія и даже сотни вѣковъ на царствованія боговъ на землѣ: она проводитъ передъ нами ряды героевъ полубожественныхъ, и лишь съ извѣстной эпохи принимаетъ земной характеръ. Эту то эпоху мы и должны признать дѣйствительнымъ началомъ самой исторіи, а все предшествовавшее отбросить, какъ недостойное точной науки. Зибольдъ такъ и сдѣлалъ: послѣдуемъ же его примѣру.

Японія, какъ государство, образовалась въ VII столѣтіи передъ Р. Х. Очевидно. что она не могла возникнуть изъ ничего, принять государственное устройство прямо

послѣ эпохи дикости, въ какой мы видимъ напр. нѣкоторыя тунгузскія племена Востока, австралійцевъ и американскихъ индѣйцевъ. Несомнѣно, что былъ періодъ родоваго и племеннаго быта: но мы почти ничего не знаемъ о немъ. Извѣстно только, что подъ 660 годомъ до Р. Х. лѣтописи упоминаютъ объ основаніи монархіи микадо въ южныхъ частяхъ теперешней Японской имперіи, отъ Кіусіу до залива Іеддо. Первымъ императоромъ онѣ называютъ *Зинъ-му*, котораго предки, конечно были герои, полубоги и даже сама богиня солнца, верховное божество Японіи. Зинъ-му подобенъ Кекропсу и Кадму въ преданіяхъ древней Греціи; онъ научилъ народъ разнымъ первобытнымъ промысламъ, установилъ дѣленіе времени на годы, мѣсяцы и часы, далъ законы, устроилъ правительство и проч. Кромѣ того онъ былъ и завоевателемъ, подобно нашему Олегу, потому что, выйдя съ Кіусіу, семь лѣтъ занимался покореньемъ страны, образовавшей территорію его государства и до того уже занятой народомъ не дикимъ, а имѣвшимъ оружіе, предводителей и укрѣпленныя мѣстности. Былъ ли Зинъ-му китайскимъ выходцемъ, какъ полагалъ Клапротъ, трудно сказать; вѣроятнѣе, что отечествомъ его была Японія, но что свое умственное превосходство онъ отчасти заимствовалъ отъ китайцевъ. По крайней мѣрѣ лѣтописи японскія говорятъ, что уже въ его время проникли въ страну иностранные идолы, а слѣдовательно и служители ихъ, жрецы, эти хранители первобытной человѣческой мудрости. Прійдти же послѣднимъ было не откуда больше, какъ изъ Небесной имперіи.

За Зинъ-му послѣдовали микадо;

2. *Сунъ-сей*, современникъ Конфуція (581 — 548) и третій сынъ Зинъ-му, изъ чего видно, что уже тогда право первородства не было особенно важнымъ въ Японіи.

3. *Анъ-ней*, умершій въ 510 году до Р. Х.

4. *И-току* — 475

5. *Косіо* — 392. Царствованіе его ознаменовалось первой войной, которую знаютъ японскіе лѣтописцы; то было междуусобіе двухъ областей, т. е. ихъ управителей, Іецъ и Го.

6. *Коанъ* — 290.

7. *Кореи* — 214. Въ его время Японія была раздѣлена на 36 провинцій, хотя еще не обнимала всего Нипона.

8. *Коокинъ* или *Когенъ* — 157, современникъ китайскаго императора Сино-сико, которому преданіе приписываетъ высылку въ Японію, подъ предводительствомъ врача Си-фу, для отысканія травы безсмертія, трехъ тысячъ китайцевъ, которые потомъ остались въ предѣлахъ Японскаго государства и вѣроятно первые ознакомили его ближе съ промышленностью и образованностью Китая.

9. *Каиква* — 97.

10. *Сіу-зинъ* — 29 до Р. Х. Этотъ микадо въ 86 г. до Р. Х. создалъ впервые должность сіогуна, то-есть главнокомандующаго войсками въ случаѣ возстаній или внѣшней войны. Должность эта была имъ отдана одному изъ сыновей. Въ это же царствованіе произведена была

первая народная перепись, японцы начали заводить флотъ, торговый и даже военный.

11. *Сининъ* — 79 по Р. Х. Въ царствованіе этого современника Августа японцы начали рыть пруды и проводить канавы для обработки рисовыхъ полей. Тогда же въ Японію впервые проникъ буддизмъ.

12. *Кейко* — 113.

13. *Сейму* — 192.

14. *Ціу-аи* — 201.

15. *Зинъ-гу-ква-гу* — 270. Эта знаменитая императрица была первою женщиною на престолѣ микадо. Она имѣла намѣреніе завоевать Корею и сама начальствовала арміею, высланною на этотъ полуостровъ. Имя ея весьма популярно въ Японіи, и съ нимъ связаны нѣкоторыя особенности быта японцевъ. Она даже обоготворена.

16. *О-синъ* или *Во-зинъ* — 313. Микадо, по выраженію японскихъ лѣтописей, знаменитый въ войнѣ и мирѣ, и также обоготворенный. При немъ получила начало японская письменность, заимствованная изъ Китая, первоначально безъ всякаго измѣненія. До Возина въ Японіи всѣ законы и повелѣнія микадо объявлялись народу словесно и переходили въ потомство по преданію, такъ же какъ и разсказы о прошедшихъ событіяхъ.

17. *Нинъ-току* — 400

18. *Лиціу* или *Риціу* — 406

19. *Фонъ-сеи* — 412

20. *Инкіо* — 424

21. *Анко* — 457

22. *Юріаку* или *Іу-ліакъ* — 480. Первыя монеты были выбиты въ его царствованіе нѣкіимъ Синкою.

23. *Сеи-неи* — 485

24. *Кенъ-со* — 488

25. *Нинтенъ* — 499

26. *Буретъ* или *Муретъ* — 507. Жестокій государь, который самъ вскрывалъ животы беременнымъ женщинамъ.

27. *Кеи-таи* — 534. Напротивъ, микадо весьма добродѣтельный и по смерти всѣми оплаканный.

28. *Анъ-канъ* — 536

29. *Сенъ-ква* — 540

30. *Кинъ-меи* — 572. Государь, весьма религіозный и большой покровитель буддизма, который съ этого времени прочно утвердился въ Японіи.

31. *Фитатзу* или *Бидацъ* — 586. Неменѣе ревностный поклонникъ ученія Шакіямуни, котораго статуя, донынѣ знаменитая, принесена была тогда въ Японію и поставлена въ храмѣ Кобузи. Своимъ усердіемъ къ буддизму онъ возбудилъ даже противу себя возстаніе національной партіи, во главѣ которой стоялъ нѣкто Моріа.

32. *Іо-меи* — 588. Побѣдитель Моріа.

33. *Сіу-зіунъ* — 593. При немъ установилось дѣленіе Японіи на семь дорогъ или большихъ районовъ, дѣленіе не административное, но географическое.

34. *Суи-ко* или *Сико* — 629. Императрица, въ царствованіе которой японцы впервые узнали золото, привезенное изъ Кореи.

35. *Зіо-меи* — 636

36. *Кво-гоку* — 426; женщина.

37. *Ко-току* — 655. Онъ первый установилъ японскую табель о рангахъ и знаки отличій чиновниковъ. Съ его же времени стали въ хронологіи употреблять счетъ не отъ начала монархіи, но по царствованіямъ. Другимъ ничѣмъ себя не обезсмертилъ.

38. *Саи-меи* — 662

39. *Тенъ-ци* — 367

40. *Тенъ-му* — 687. Этотъ микадо получилъ свое достоинство послѣ междуусобной войны съ младшимъ своимъ братомъ. Подобныя междуусобія были въ природѣ вещей, ибо, какъ уже было замѣчено, первородство не давало права на престолъ, и множество государей было изъ младшихъ братьевъ, племянниковъ и другихъ родственниковъ царствовавшаго предъ тѣмъ микадо, минуя ближайшихъ ему родныхъ. При Тенъ-му открыты были на о. Цусимѣ и начали разработываться первые японскіе рудники серебра. Тогда же установленъ обычай праздновать дни покровителей разныхъ городовъ такъ называемыми мацури, столь любимыми японскимъ народомъ.

41. *Ци-то* — 697. Женщина, въ царствованіе которой японцы впервые научились приготовлять свой напитокъ — сагги.

42. *Монъ-му* — 708. Провинціи получили гербы, что показываетъ, что бюрократическія затѣи тогда уже были въ сильномъ ходу въ Японіи. Тогда же введена точная мѣра сыпучихъ тѣлъ.

43. *Генъ-меи* — 715. При этой императрицѣ сдѣлана перепись населеннымъ мѣстамъ государства въ видахъ установленія для нихъ прочныхъ оффиціальныхъ названій.

44. *Генъ-сіо* — 724. Даны правила для одежды женщинъ, то-есть регламентація доведена до такой степени, докоторой она, за немногими исключеніями, не смѣла достигнуть въ Европѣ.

45. *Сіо-му* — 750.

46. *Ко-хенъ* — 759; женщина. Впервые найдено золото въ Японіи

47. *Фаи-таи* — 765.

48. *Сіо-току* — 771; женщина.

49. *Коо-нинъ* — 782.

50. *Кванъ-му* — 806. Въ царствованіе этого государя на Японію сдѣлано было нашествіе народомъ, который однакоже не былъ ни китайцы и ни корейцы. Девять лѣтъ тянулась борьба, стоившая огромныхъ потерь людьми, пока чужеземцы не были побѣждены. Хотя они послѣ этого еще нѣсколько времени усиливались продолжать завоеваніе Японіи, но были наконецъ совершенно изгнаны въ 806 году.

51. *Феи-ціо* — 810

52. *Са-га* — 824

53. *Зіунъ-ва* — 834

54. *Нинъ-міо* — 851

55. *Монъ-току* — 859

56. *Сейва* — 877. Лѣтописи разсказываютъ, что въ царствованіе этого современника нашего Рюрика кон-

фуціево ученіе сдѣлало большіе успѣхи въ высшихъ классахъ японскаго общества. Самъ микадо съ особымъ удовольствіемъ предавался чтенію произведеній китайскаго философа.

57. *Іо-зеи* — 885

58. *Ква-но* — 888

59. *Уда* — 898

60. *Дайго* — 931

61. *Сіу-зану* — 949

62. *Мура-ками* — 968.

63. *Реи-зенъ* — 970

64. *Іенъ-во* — 985

65. *Квасамъ* — 987.

66. *Ици-ціо* — 1012. Цвѣтущій вѣкъ японской литтературы. Многіе знаменитые писатели жили при дворѣ Ици-ціо.

67. *Санъ-ціо* — 1017

68. *Го-ици-ціо* — 1037

69. *Го-зіу-заку* — 1046.

70. *Го-реи-зенъ* — 1069. Возстаніе въ провинціи Озіо.

71. *Го-санъ-ціо* — 1073

72. *Сиро-гава* — 1087

73. *Фори-гава* — 1108

74. *Тоба* — 1124

75. *Синъ-току* — 1442.

76. *Кинъ-гей* — 1156. Знаменитая внутренняя война между княжескими домами Феки и Гендзи заняла значительную часть этого царствованія и грозила совер-

шенно опустошить Японію. Этому междуусобію и послѣдовавшимъ за нимъ обязаны своимъ новымъ возвышеніемъ при дворѣ микадо главнокомандующіе войсками, или сіогуны; ибо они являлись усмирителями возстававшихъ удѣльныхъ князей. Особую извѣстность получилъ Іеритомо, которому императоръ далъ титулъ великаго сіогуна съ полномочіемъ привести къ концу междуусобія во чтобы ни стало и мѣрами, которыя тотъ признаетъ за лучшія. Успѣвъ въ своемъ порученіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ почти лишилъ власти самихъ микадо и сдѣлалъ званіе сіогуна сходнымъ съ званіемъ султановъ при халифахъ багдадскихъ. Долгая его карьера составлялась въ царствованія:

77. *Го-сира-гава* — 1159

78. *Ни-ціо* — 1166

79, *Року-ціо* 1169

80. *Тако-кура* — 1181

81. *Анъ-току* 1184

82. *Го-тоба* — 1199, изъ которыхъ собственно послѣдній далъ ему титулъ сеи-сіогуна.

83. *Цуци-микадо* — 1211, въ свою очередь даровалъ тотъ же титулъ сыну Іеритомо, но не прежде, какъ пять лѣтъ спустя послѣ смерти знаменитаго отца. Въ 1206 г. введено книгопечатаніе изъ Китая.

84. *Сіонъ-току* — 1221. При немъ побочный сынъ Іеритомо, Сонетомо, уже силою поддерживалъ свои притязанія на должность сіогуна и для этой цѣли завелъ военный флотъ.

85. *Го-фори-гава* — 1233

86. *Си-ціо* — 1243.

87. *Го-сага* — 1247.

88. *Го-фука-куза* — 1260.

89. *Каме-яма* — 1275.

90. *Гуда* — 1288. При немъ, въ 1284 году, появился у береговъ Японіи монгольскій флотъ, съ 240.000-мъ дессантомъ, имѣвшимъ цѣлію завоеваніе этой страны; но былъ разбитъ бурею.

91. *Фузими* — 1299.

92. *Го-фузими* — 1302.

93. *Го-ни-ціо* — 1308.

94. *Фана-зоно* — 1319.

95. *Го-дай-го* — 1132. Послѣ смерти 96-го микадо, Кво-гена, онъ царствовалъ вторично три года.

Начало новыхъ междоусобій, которыя привели къ тому, что микадо отрекся отъ престола, перешедшаго тогда къ

96. *Кво-гену* — 1337, который вмѣстѣ съ своими премниками:

97. *Кво-міо* — 1349.

98. *Сіу-хво* — 1352.

99. *Го-кво-гу* — 1372.

100. *Го-ієнъ-ю* — 1383.

101. *Го-ко-мацу* — 1413 считаются похитителями. Въ концѣ XIV столѣтія Японія имѣла даже двухъ микадо, сѣвернаго и южнаго, изъ коихъ послѣдній, впрочемъ, добровольно отказался въ 1392 г. отъ своихъ притязаній и пошелъ въ монахи подъ именемъ Тайціо-тенъ-о.

Примѣчаніе. Переходъ микадо въ монашество нерѣдкость въ японской исторіи. Не менѣе трехъ императоровъ прежде Тай-ціо приняли монашескую рясу. Этотъ обычай водворился въ Японіи со времени введенія буддизма.

102. *Сіо-кво* — 1429.

103. *Го-фана-зоно* — 1465.

104. *Го-цуци-микадо* — 1501.

105. *Казива-бара* — 1527.

106. *Го-нара* — 1558. При немъ въ 1543 г. прибыли въ Японію португальцы.

107. *Огоки-маци* — 1587. Въ царствованіе его, въ 1565 г., сіогунъ Іозитира вскрылъ себѣ животъ, а сіогунъ Нобунанга былъ убитъ, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ, во дворцѣ Міако. По смерти Нобунанги званіе сіогуна нѣкоторое время носилъ Санъ-фози, но въ 1586 году окончательно утвердился по этой должности Фидейози, получившій отъ микадо титулъ канбуку, т. е. вице-короля. Фидейози былъ сынъ крестьянина, своими дарованіями и смѣлостью вышедшій въ люди. Сдѣлавшись повелителемъ Японіи, онъ, по обычаю страны, перемѣнилъ имя и сталъ называться Тайко-сама. Возставшіе противъ него аристократы были по большей части имъ усмирены и даже лишены владѣній; самые микадо утратили почти все значеніе.

108. *Го-іо-зеи* — 1612. Въ царствованіе его Тайко, тогда уже почти дѣйствительный государь Японіи, чтобы отвлечь вниманіе аристократіи отъ внутреннихъ дѣлъ, ослабить ее расходами и подчинить хотя на время

военной диктатурѣ, рѣшился въ 1592 году идти войной на Корею, подъ предлогомъ доставленія новыхъ удѣловъ князьямъ, лишившимся таковыхъ во время междоусобій. Завоеваніе почти всего полуострова было довершено, не смотря на противодѣйствіе китайцевъ; но въ 1598 году, передъ смертію, Тайко отозвалъ войска, и завоеванныя земли отпали отъ Японіи.

109. *Го-миндзу-ново* или *Даи-зео-хва* — 1630. Въ царствованіе его единственный сынъ и наслѣдникъ Тайко былъ осажденъ въ осакскомъ замкѣ бывшимъ своимъ воспитателемъ Іеясомъ и предалъ себя пламени, чтобъ не сдаться, или же, по преданію, скрылся во владѣнія князя Сацумы. Іеясъ сталъ сіогуномъ, и когда аристократія возстала противъ похищенія имъ власти, то прибѣгнулъ къ тѣмъ же мѣрамъ, какъ Тайко, т. е. усмирялъ мятежныхъ оружіемъ, отбиралъ ихъ владѣнія и отдавалъ своимъ приверженцамъ. Въ 1614 году однако же оставшаяся родовая знать, именно 18 дайміосовъ, дружно соединилась противъ него, и тогда Іеясъ рѣшился пойдти на сдѣлку, освященную потомъ согласіемъ микадо и извѣстную подъ именемъ законовъ Гонгенсамы. Актъ этотъ имѣлъ характеръ конституціонной хартіи и поддерживался въ силѣ до самыхъ послѣднихъ событій нашего времени. Іеясъ былъ основателемъ династіи Минамотоно, управлявшей Японіею два съ половиной вѣка.

110. *Ніо-те* — 1644. Императрица, при которой послѣдовало истребленіе христіанъ и изгнаніе изъ Японіи всѣхъ иностранцевъ, исключая китайцевъ и голландцевъ.

111. *Го-кво-міо* — 1655.

112. *Сининъ* или *Гао-сай* — 1664.

113. *Кинъ-зенъ* или *Реи-генъ* — 1687. Для убѣжденія правительства, что не осталось христіанъ въ имперіи, при немъ произведена была перепись народа по вѣроисповѣданіямъ, и лица, состоявшія въ подозрѣніи христіанства, посажены въ тюрьму на вѣки.

114. *Фигаси-яма* . . . 1710
115. *Накане-микадо*. 1736
116. *Сакура-мацци* . . 1747
117. *Мамо-соно* . . . 1763
118. *Го-сакура-мацци* 1771
119. *Го-мамо-соно*. . 1780
120. *Сенъ-то* 1817

Въ царствованіи всѣхъ этихъ микадо Японія, оставаясь замкнутою иностранцамъ, сама начинаетъ мало-по-малу разширять свою территорію на сѣверъ основаніемъ колоній не только на Мацмаѣ, южная часть котораго пріобрѣтена была еще XVII вѣкѣ, но и на Сахалинѣ и островахъ Курильскихъ.

121 *Ку-сіо* . . . .—На имени этого микадо кончается таблица Гофмана, служащая главнымъ источникомъ японской хронологіи. Имена послѣдующихъ микадо намъ неизвѣстны, кромѣ *Оса-фито*, нынѣшняго императора, который впрочемъ такъ называется до вступленія на престолъ. Замѣчательно, что со времени упроченія наслѣдственной власти сіогуновъ въ фамиліи Минамотоно микадо весьма часто отрекались отъ престола, едва успѣвъ достигнуть зрѣлаго возвраста; власть ихъ очевидно потеряла всю прелесть.

Зибольдъ и Гофманъ даютъ еще таблицу сіогуновъ съ 1186 г., то-есть со времени Іоритомо. Повторять ее мнѣ кажется лишнимъ; но какъ съ конца прошлаго вѣка Японія стали предметомъ попытокъ иностранцевъ, стремившихся открыть въ нее доступъ, и какъ имъ приходилось при этомъ имѣть дѣло не съ микадо, а съ сіогунами, то для лучшаго пониманія событій*) приведу здѣсь имена тайкуновъ въ 1787 г.

Іе-нари	1787	— 1842
Іе-оши	по	— 1853
Іе-зада	»	— 1858
Іе-коски.	»	— 1867
Стоцбаши.	»	— 1868

Замѣчу еще, что въ теченіе XIX столѣтія сами сіогуны потеряли уже почти все значеніе, а дѣйствительная власть въ дѣлахъ государственныхъ перешла къ первымъ министрамъ, предсѣдателямъ тайкунова совѣта, которые въ свою очередь были наслѣдственны въ фамиліи Икамоно-ками до самаго 1861 года. Съ марта 1868 года званіе сіогуновъ упразднено.

Сколь ни скуденъ содержаніемъ этотъ очеркъ или правильнѣе, эта таблица японскихъ властелиновъ, все же изъ нея, въ совокупностяхъ нѣкоторыми историческими фактами, изложенными въ другихъ главахъ сочиненія, могутъ быть сдѣланы нѣкоторые выводы, не лишенные значенія. И какъ исторія безъ выводовъ, по

*) Исторія конхъ отчасти изложена въ главѣ о сношеніяхъ Японіи съ иностранцами.

моему мнѣнію, есть лишь напрасное обременіе памяти, то я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ самыхъ простыхъ заключеній:

1. Японская государственная область никогда невыходила изъ предѣловъ Японскаго архипелага. Исключеніе составляютъ два кратко-временныя завоеванья Кореи.

2. Въ свою очередь Японія не была завоевана иностранцами или даже доступна имъ на всемъ протяженіи, а только отчасти, что продолжается и по нынѣ. Это обстоятельство и система политическаго устройства сдѣлали японскій народъ совершенно однороднымъ этнографически.

3. Японія искони составляла одно государство и притомъ монархическое. Республиканскія формы правленія ей не были никогда извѣстны.

4. Однако уже съ давняго времени она есть монархія конституціонная, гдѣ монархъ царствуетъ, но не управляетъ.

5. Какъ во всякой монархіи не деспотической, въ Японіи было искони дворянство, владѣвшее поземельною собственностью, пользовавшееся большими политическими правами и часто боровшеся за нихъ, когда самовластіе хотѣло нарушить ихъ.

6. Но то же дворянство иногда причиняло междуусобія.

7. Централизующая власть въ борьбѣ своей съ федерализмомъ аристократіи прибѣгала то къ оружію, при чемъ возвысилась власть военачальниковъ, то къ противопоставленію наслѣдственному дворянству чиновничества

(часто въ формѣ шпіонства), что̀ повело къ крайней регламентаціи бытовыхъ отношеній, иногда доходившей до смѣшнаго и жалкаго.

8. Конституція Японіи и ея общественный строй однако не измѣнились существенно во все продолженіе ея исторіи, до настоящаго времени. Важнѣйшая перемѣна произошла при окончаніи борьбы сіогуновъ съ князьямм въ XVII вѣкѣ; но и тутъ общество осталось аристократическимъ, а народныя массы—политически ничтожными.

9. Экономическая, т. е. промышленная исторія Японіи намъ почти неизвѣстна, за исключеніемъ отрывочныхъ фактовъ и эпизода коммерческихъ сношеній съ европейцами и китайцами.

10. На развитіе промышленности и образованности имѣла вліяніе китайская цивилизація. Уже 1000 лѣтъ назадъ конфуціевскій раціонализмъ былъ популяренъ въ Японіи.

11. Вліяніе другихъ странъ выразилось введеніемъ буддизма и, одно время, христіанства; но послѣднее, сдѣлавъ успѣхи въ народѣ, было однако искоренено, и не нравственныаи мѣрами, а полицейскими.

Полагаю, что эти немногіе выводы не обременятъ собою читателя; а между тѣмъ твердое знаніе ихъ будетъ полезно всякій разъ, когда встрѣтится надобность обсуждать историческія событія, совершающіеся нынѣ на Японскомъ архипелагѣ или уже давно прошедшія.

ДОПОЛНЕНІЯ.

А. Важнѣйшія статьи договоровъ Россіи съ Японіею.

I. Изъ Симодскаго трактата 26 января 1855.

Статья 1-я. «Отнынѣ да будетъ постоянный миръ и искренняя дружба между Россіей и Японіей. Во владѣніяхъ обоихъ государствъ русскіе и японцы да пользуются покровительствомъ и защитою какъ относительно ихъ личной безопасности, такъ и неприкосновенности ихъ собственности».

Ст. 2-я. «Отнынѣ границы между Россіей и Японіей будутъ проходить между островами Итурупомъ и Урупомъ. Весь островъ Итурупъ принадлежитъ Японіи, а весь островъ Урупъ и прочіе Курильскіе острова къ сѣверу составляютъ владѣніе Россіи. Что касается острова Крафто (Сахалина), то онъ остается нераздѣленнымъ между Россіей и Японіей, какъ было до сего времени*)».

Ст. 3-я. «Японское правительство открываетъ для русскихъ судовъ три порта: Симоду въ княжествѣ Идзу, Хакодате въ области Хакодате и Нагасаки въ княжествѣ Хизенъ. Въ этихъ трехъ портахъ русскія суда могутъ отнынѣ исправлять свои поврежденія, запасаться водою, дровами, съѣстными припасами и другими потребностями, даже каменнымъ углемъ, гдѣ его можно имѣть, и платить за все золотою или серебряною монетою, а въ случаѣ недостатка денегъ замѣнять ихъ товарами изъ своего запаса».

*) На этомъ основаніи Сахалинъ окрашивается на русскихъ картахъ весь русскимъ, а на японскихъ — весь японскимъ.

«За исключеніемъ упомянутыхъ гаваней русскія суда не будутъ посѣщать другихъ портовъ, кромѣ случаевъ, когда, по причинѣ крайней нужды, судно не будетъ въ состояніи продолжать свой путь. Сдѣланныя въ такихъ случаяхъ издержки будутъ уплачиваться въ одномъ изъ открытыхъ портовъ».

Ст. 4-я. «Претерпѣвшимъ крушеніе судамъ и лицамъ въ обоихъ государствахъ будетъ оказываться всякаго рода пособіе и всѣ спасшіеся будутъ доставляемы въ открытые порты. Въ продолженіе всего ихъ пребыванія въ чужой землѣ они пользуются свободою, но подчиняются справедливымъ законамъ страны».

Ст. 5-я. «Въ двухъ первыхъ изъ открытыхъ портовъ позволяется вымѣнивать желаемые товары и имущества на привезенные товары, имущества и деньги».

Ст. 6-я. «Россійское правительство назначитъ консула въ одинъ изъ двухъ первыхъ упомянутыхъ портовъ, когда признаетъ это необходимымъ.»

Ст. 7-я. «Если возникнетъ какой-либо вопросъ или дѣло, требующее обсужденія или рѣшенія, то оно будетъ обстоятельно обсуждено и устроено японскимъ правительствомъ.»

Ст. 8-я. «Какъ русскіе въ Японіи, какъ и японцы въ Россіи всегда свободны и не подвергаются ни какимъ стѣсненіямъ. Учинившій преступленіе можетъ быть арестованъ, но судится не иначе какъ по законамъ своей страны.»

Ст. 9-я. «Въ уваженіе сосѣдства обоихъ государствъ всѣ права и преимущества, какія Японія предоставила нынѣ или дастъ въ послѣдствіи другимъ націямъ, въ то же самое время распространяются и на русскихъ подданныхъ.»

Къ статьямъ 3, 5, 6, и 9-ой Симодскаго трактата были приложены особыя дополнительныя статьи, нынѣ отмѣненныя. Трактатъ подписанъ съ русской стороны генералъ-адъютантомъ вице-адмираломъ Путятинымъ, а съ японской Цуцуемъ-Хизенъ-но-ками и Кавадзи-Саймо-но-Дзіо.

II. Изъ договора $^{7}/_{19}$ августа 1858 года.

Договоръ этотъ заключенъ между графомъ Путятинымъ и японскими уполномоченными: Нагаи-Гемба-но-ками, Иновайе-Синано-но-ками, Хори-Орибено-ками, Ивасе-Хигоно-ками и Тсудо-Хонзабро. Онъ существенно измѣнилъ и разширилъ смыслъ многихъ статей трактата 1855 года, какъ видно изъ слѣдующаго:

Ст. 1-я. «Статьи трактата, заключеннаго между Россіей и Японіей въ Симодѣ 26 января 1855 года, непротиворѣчащія постановленіямъ настоящаго трактата, остаются въ своей силѣ. Объяснительныя же статьи къ Симодскому трактату и дополнительный трактатъ, подписанный въ Нагасаки 12 октября 1857 года, отмѣняются.»

Ст. 2-я. «Отнынѣ его величество Императоръ Всероссійскій будетъ имѣть право назначать дипломатическаго агента ко двору его величества Тайкуна Японскаго, и взаимно е. в. Тайкунъ Японскій можетъ назначать дипломатическаго агента ко двору е. в. Императора Всероссійскаго. Дипломатическій агентъ можетъ быть въ званіи посла, посланника, министра и повѣреннаго въ дѣлахъ. Россійскій дипломатическій агентъ имѣетъ право постояннаго жительства въ Іеддо и со вступленія своего въ должность можетъ свободно посѣщать всѣ другія мѣста Японскаго государства. Симъ послѣднимъ правомъ можетъ также пользоваться русскій генеральный консулъ.»

«Японскій дипломатическій агентъ и генеральный консулъ въ Россіи имѣютъ тѣ же права, какія предоставляются въ Японіи россійскому дипломатическому агенту и генеральному консулу.»

Ст. 3-я. «Сверхъ нынѣ уже открытыхъ портовъ, Хакодате и Нагасаки, и въ замѣнъ порта Симоды правительство японское открываетъ еще слѣдующіе порты:»

«Канагаву, въ бухтѣ Бусіу, съ 1 іюля нов. ст. 1859 года.«

«Хіого, въ бухтѣ Сессіу, съ 1 января н. с. 1863 года.»

«Кромѣ сихъ двухъ портовъ японское правительство откроетъ еще съ 1 января н. с. 1860 года одинъ удобный портъ на западномъ берегу острова Нипона и извѣститъ о томъ россійское правительство прежде означеннаго времени, какъ только портъ будетъ избранъ.»

«Портъ Симода закроется черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ открытія Канагавы.»

Ст. 4-я. «Правительство россійское можетъ имѣть консуловъ или консульскихъ агентовъ во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ изъ открытыхъ для русской торговли портовъ Японіи.»

«Японское правительство, смотря по надобности, отведетъ приличныя мѣста какъ для домовъ консула и лицъ, состоящихъ при немъ, такъ и для школъ, больницъ и т. п.»

Ст. 5-я. «Въ вышеупомянутыхъ пяти портахъ русскіе могутъ жить временно и постоянно; они имѣютъ право нанимать земли и покупать или нанимать находящіеся на этихъ земляхъ дома и другія зданія, также строить свои церкви, дома и магазины. Подъ видомъ жилища и иныхъ построекъ не должны быть воздвигаемы какія-либо военныя укрѣпленія, и для сего японскія власти могутъ имѣть наблюденіе за постройкою и передѣлкою зданій.»

«Мѣсто, гдѣ русскіе могутъ строиться, и частныя правила для соблюденія въ каждомъ портѣ будутъ опредѣлены русскимъ консуломъ сообща съ мѣстнымъ японскимъ начальствомъ. Въ случаѣ разногласія ихъ дѣло разрѣшается русскимъ дипломатическимъ агентомъ и правительствомъ японскимъ.»

Ст. 6-я. «Въ городахъ Іеддо и Осака русскіе могутъ жить только для производства торговли; въ первомъ — съ 1 января н. с. 1862 года, а въ послѣднемъ съ 1 же января 1863 года.»

«Въ каждомъ изъ сихъ двухъ городовъ, по соглашенію россійскаго дипломатическаго агента съ правительствомъ японскимъ отведено будетъ приличное мѣсто, гдѣ русскимъ

можно будетъ нанимать дома, и опредѣлится пространство, за черту котораго они не должны будутъ удаляться.»

Ст. 7-я. «Русскіе, пребывающіе въ Японіи постоянно или временно, могутъ жить тамъ съ своими семействами и слѣдуя своимъ законамъ и обычаямъ. Они пользуются правомъ свободнаго и открытаго вѣроисповѣданія, и правительство японское прекращаетъ попираніе предметовъ, служащихъ знаками ихъ религіи.*)»

Ст. 8 я. «Въ открытыхъ портахъ Японіи русскіе могутъ ходить, куда пожелаютъ, въ слѣдующихъ предѣлахъ:»

«Въ Хакодате — по всѣмъ вообще направленіямъ на десять ри.»

«Въ Нагасаки — по всѣмъ прилегающимъ къ оному землямъ Верховнаго Повелителя Японіи.»

«Въ Канагавѣ — къ сторонѣ Іеддо до рѣки Локго, впадающей въ заливъ Іеддо между Кавасаки и Синогавою, а по всѣмъ другимъ направленіямъ на десять ри.»

«Въ Хіого — тоже на десять ри по всѣмъ направленіямъ, не подходя только къ городу Кіото на разстояніе меньше десяти ри. Экипажи судовъ, приходящихъ въ Хіого, не должны проникать за рѣку Иногаву, впадающую въ бухту Сессіу между городами Хіого и Осака.»

«Городовыя думы въ каждомъ портѣ будутъ служить исходными пунктами всѣхъ показанныхъ разстояній, долженствующихъ быть измѣренными по землѣ, считая одну ри равною 3 верстамъ 332 саженямъ, или 14.175 русскимъ футамъ.»

«Границы въ портѣ, который будетъ открытъ на западномъ берегу острова Нипона, опредѣлятся по взаимному соглашенію русскаго дипломатическаго агента въ Японіи съ правительствомъ японскимъ,»

«Правомъ удаляться изъ портовъ на вышеозначенныя разстоянія не могутъ пользоваться тѣ изъ русскихъ, которые подвергались суду за преступленіе или два раза за проступки

Они не должны отходить отъ мѣста ихъ жительства внутрь края далѣе одной ри. Японское начальство можетъ требовать высылки такихъ лицъ изъ страны*): но при этомъ русскій консулъ имѣетъ право назначать, для окончанія имъ дѣлъ приличный срокъ, который не долженъ превышать одного года»

«Форты, правительственные дома и всѣ мѣста, обнесенныя оградами, могутъ быть посѣщаемы не иначе, какъ по приглашенію*); храмы же, гостинницы и т. п. открыты для всѣхъ.»

Ст. 9-я «Торговля русскихъ съ японцами будетъ производиться свободно, по взаимнымъ соглашеніямъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны властей обоихъ государствъ.»

«Русскіе могутъ нанимать японцевъ по торговымъ дѣламъ въ услуженіе и для другихъ занятій.»

«Японцы всѣхъ сословій безпрепятственно могутъ покупать, перепродовать, имѣть у себя и употреблять предметы, привозимые русскими.»

«Постановленія сіи будутъ обнародованы правительствомъ японскимъ по всему государству въ то самое время, когда насоящій трактакъ получитъ свою обязательную силу».

«Прилагаемыя къ трактату сему торговыя правила должны имѣть ту же силу и дѣйствіе, какъ если бы онѣ включены были въ самый трактатъ».

Ст. 10-я «Таможенные сборы съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ будутъ взиматься въ пользу японскаго правительства по прилагаемому къ настоящему трактату тарифу, основанному на процентной пошлинѣ съ цѣны товаровъ».

«Если бы японскіе таможенные чиновники были несоглас-

---

*) Условій этихъ нѣтъ въ англійскомъ трактатѣ $^{14}/_{26}$ августа 1858 года; въ замѣнъ того тамъ есть лишнія, напр. статья 21-я, по силѣ которой для дипломатической переписки между Японіею и Англіею принимается исключительно англійскій языкъ.

ны съ владѣльцемъ относительно объявленной имъ стоимости товаровъ, то они могутъ назначить товарамъ свою цѣну и предложить владѣльцу уступить за оную товаръ свой. Если владѣлецъ не соглашается на это предлосеніе, то вноситъ пошлину по таможенной оцѣнкѣ товара; если же принимаетъ оное, то получаетъ всю сумму сполна и немедленно.»

«Товары русскихъ, оплаченные пошлкнами въ открытыхъ портахъ и городахъ Японіи, могутъ перевозиться оттуда японцами во всѣ другія мѣста страны уже безъ всякихъ новыхъ на оные, какого бы то ни было рода, налоговъ.»

«Если опредѣленныя въ тарифѣ пошлины будутъ понижены японскимъ правительствомъ для судовъ японскихъ или другихъ націй, то преимущество это распостраняется въ то же время и на русскія суда.»

«Пошлинъ не взыскивается съ морскихъ запасовъ россійскаго правительства, которое можетъ имѣть склады оныхъ въ портахъ Хакодате, Канагава и Нагасаки. Запасы эти должны храниться въ особыхъ магазинахъ подъ надзоромъ довѣреннаго отъ русскаго правительства лица, и если бы изъ нихъ что-либо было продано, то установленная пошлина уплачивается японскому правительсмву покупателемъ.»

Ст. 11-я. «Ввозъ въ Японію опіума воспрещается, и если бы на какомъ-либо изъ русскихъ судовъ, пришедшихъ туда для торговли, оказалось опіуму больше трехъ катти или 4 фун. 36 зол., то японскія власти все излишнее количество могутъ отобрать и уничтожить.»

«Если бы русскіе оказались виновными въ торговлѣ опіумомъ, то сверхъ конфискаціи онаго и уплаты японскому правительству пени въ 20 руб. сер. съ каждаго катти, они подвергаются наказанію и по силѣ русскихъ законовъ, строго преслѣдующихъ этотъ вредный товаръ.»

Ст. 12-я. «Оружіе всякаго рода можетъ быть продаваемо въ Японіи только правительству и иностранцамъ».

«Вывозъ изъ Японіи грузовъ риса и пшеницы не дозво-

ляется, но оные могутъ быть продаваемы въ достаточномъ количествѣ какъ русскимъ, находящимся въ Японіи для ихъ употребленія, такъ и на приходящія туда русскія суда, для надобностей ихъ командъ и пассажировъ».

«Въ случаяхъ, когда японское правительство по количеству добытой мѣди признаетъ продажу оной возможною, продажа эта будетъ производиться съ публичнаго торга».

Ст. 13-я. «Всякая иностранная монета можетъ обращаться въ Японіи по сравнительному вѣсу и достоинству оной съ японскою монетою того же рода».

«Всѣ уплаты между русскими и японцами могутъ производиться безразлично иностранными или японскими деньгами.»

«Въ теченіи года послѣ открытія каждаго изъ вышеозначенныхъ портовъ правительство японское будетъ выдавать русскимъ японскую монету въ промѣнъ на иностранную безъ какихъ-либо вычетовъ.»

«Монета всякаго рода, за исключеніемъ японской мѣдной, также иностранное золото или серебро могутъ быть вывозимы изъ Японіи.»

Ст. 14-я. «Разбирательство всякихъ дѣло между русскими и японцами производится русскимъ консуломъ вмѣстѣ съ японскими властями, и въ случаѣ обвиненія русскихъ, съ нихъ взыскивается по рускимъ законамъ, а виновные японцы подвергаются наказаніямъ по законамъ ихъ страны, какъ это поставлено въ трактатѣ, заключенномъ въ Симодѣ.»

«По требованію русскаго консула японскія власти будутъ оказывать ему всякое содѣйствіе относительно русскихъ, учинившихъ какое-либо преступленіе. Издержки, которыя могутъ быть при этомъ сдѣланы, уплачиваются консуломъ».

«Въ тѣхъ портахъ, гдѣ нѣтъ русскаго консула, виновный русскій можетъ быть задержанъ самими японскими властями, но объ этомъ долженъ быть извѣщенъ немедленно русскій консулъ ближайшаго изъ другихъ портовъ, для зависящихъ отъ него распоряженій».

«Всѣ требованія по конфискаціямъ и уплатѣ пеней за нарушеніе постановленій сего трактата или приложенныхъ къ оному торговыхъ правилъ, предъявляются въ консульствѣ, и все, что такимъ образомъ будетъ взыскано, передается японскому начальству».

Ст. 15-я. «Если въ послѣдствіи окажется нужнымъ измѣнить или дополнить существующіе между государствами трактаты, то каждое изъ правительствъ можетъ требовать пересмотра оныхъ, но не прежде 1 іюля н. ст. 1862 года и по извѣщеніи о томъ за годъ впередъ».

Ст 16-я. «Всѣ права и преимущества, которыя могутъ быть даны въ послѣдствіи другимъ націямъ, распространяются въ въ же время и на русскихъ, безъ дальнѣшихъ переговоровъ».

«Въ Россіи японцы имѣютъ тѣ же права и преимущества, какія дарованы въ ней всѣмъ другимъ иностранцамъ».

Ст. 17-я. «Трактатъ сей получитъ силу и дѣйствіе, съ 1 іюля н. с. 1859 года.»

«Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ со стороны Россіи собственноручною подписью его величества Императора и контрасигнированъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ приложеніемъ государственной печати; а со стороны Японіи — именемъ и печатью его величества Тайкуна и контрасигнированъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ».

Къ трактату этому приложены шесть правилъ о торговлѣ и тарифѣ, и все это вмѣстѣ ратификовано со стороны Россіи 17 февраля 1859 года.

III. Изъ конвенціи 11 декабря 1867 года.

Ст. 1-я. «Прилагаемый къ настоящей конвенціи тарифъ таможенныхъ пошлинъ съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, получитъ свою обязательную силу со дня подписанія настоящей конвенціи.»

«Тарифъ, приложенный къ трактату, заключенному въ 1858 году, и всѣ измѣненія и дополненія, сдѣланныя въ оном послѣдствіи, отмѣняются.»

Ст. 2-я. «Новый тарифъ будетъ имѣть ту же силу и дѣйствіе, какъ если бы онъ былъ включенъ въ самый трактатъ, заключенный въ 1858 году и будетъ подлежать пересмотру съ 1 Іюля 1872 года. Впрочемъ каждой изъ договаривающихся сторонъ предоставляется, спустя шесть мѣсяцевъ по подписаніи настоящей конвенціи, требовать измѣненія пошлинъ съ чая и шелка, принявъ въ основаніе пять процентовъ средней стоимости этихъ товаровъ въ теченіи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ.»

Ст. 3-я. «Опредѣленные въ шестой статьѣ правилъ, приложенныхъ къ трактату, заключенному въ 1858 году, взносы за выдаваемыя таможнями разрѣшенія, симъ отмѣняются. Дозволенія на выгрузку и погрузку товаровъ будутъ выдаваться по прежнему, но безплатно.»

Ст. 4-я. «Японское правительство обязуется устроить въ каждомъ изъ открытыхъ портовъ Японіи склады, въ которые по просьбѣ купцовъ будутъ приниматься на храненіе ввозные товары безъ взиманія съ нихъ пошлинъ. Японское правительство будетъ ручаться за сохранность товаровъ во все время нахожденія ихъ въ складахъ, но на немъ не будетъ лежать отвѣтственности въ случаѣ истребленія опыхъ огнемъ; склады будутъ впрочемъ построены такимъ образомъ, чтобы они могли быть застрахованы иностранными страховыми отъ огня обществами.»

«Когда купецъ, привезшій товары, или владѣлецъ оныхъ, пожелаетъ взять товары изъ складовъ, онъ обязанъ внести опредѣленныя тарифомъ пошлины; но онъ будетъ имѣть право вывезти товары обратно изъ порта безъ платежа ввозныхъ пошлинъ за оные. Въ томъ и другомъ случаѣ за храненіе товаровъ будетъ взиматься при отпускѣ ихъ изъ складовъ плата, размѣръ которой, равно какъ и порядокъ

пріема, храненія и отпуска товаровъ, будутъ опредѣлены по взаимному соглашенію договаривающихся сторонъ.»

Ст. 5-я. «Всякія японскія произведенія могутъ быть перевозимы изъ всѣхъ частей Японіи въ открытые порты, не подвергаясь платежу какихъ либо транзитныхъ или другихъ пошлинъ, кромѣ обыкновенныхъ дорожныхъ сборовъ, взимаемыхъ одинаково со всѣхъ торговцевъ на содержаніе дорогъ и водяныхъ путей.»

Ст. 6-я. «Японское правительство, желая устранить существовавшія до сего времени препятствія къ свободному обращенію въ Японіи иностранныхъ монетъ на основаніи 13-й статьи трактата, заключеннаго между Россіею и Японіею въ 1858-мъ году, безотлагательно введетъ необходимыя измѣненія и улучшенія въ производствѣ японской монеты, послѣ чего на японскомъ монетномъ дворѣ и въ особыхъ мѣстахъ, которыя будутъ назначены въ каждомъ изъ открытыхъ портовъ и городовъ Японіи, отъ иностранцевъ и японцевъ всѣхъ сословій будетъ приниматься всякая иностранная монета, а также и золотые и серебрянные слитки, для промѣна на японскую монету одинаковаго рода, по сравнительному вѣсу и достоинству, за удержаніемъ лишь извѣстной платы за перечеканку; размѣръ этой платы будетъ опредѣленъ по взаимному соглашенію между обоими правительствами. Японское правительство приведетъ эту мѣру въ исполненіе не позже одного года по подписаніи настоящей конвенціи, или раньше, если обстоятельства позволятъ, и своевременно объявитъ о ней повсемѣстно въ Японіи.»

Ст. 7-я. «Въ виду необходимости устранить существующія въ открытыхъ портахъ злоупотребленія и стѣсненія относительно производства дѣлъ въ таможняхъ, нагрузки и выгрузки товаровъ, найма гребныхъ судовъ, чернорабочихъ, слугъ и проч., губернаторамъ открытыхъ портовъ будетъ поручено безотлагательно условиться съ консулами о мѣрахъ, необходимыхъ для прекращенія этихъ злоупотребленій и

стѣсненій, и для доставленія желаемыхъ удобствъ и безопасности торговымъ и частнымъ сношеніямъ между иностранцами и японцами.»

«Въ правила, которыя будутъ составлены съ этою цѣлью, будетъ также включено постановленіе о постройкѣ на пристаняхъ въ каждомъ изъ открытыхъ портовъ, одного или нѣсколькихъ навѣсовъ для предохраненія товаровъ отъ поврежденій при свозѣ ихъ на суда или на берегъ.»

Ст. 8-я. «Японскимъ подданнымъ разрѣшается покупать въ открытыхъ портахъ Японіи и въ чужихъ краяхъ всякаго рода суда, парусныя или паровыя, транспортныя или пассажирскія, за исключеніемъ военныхъ, которыя могутъ быть пріобрѣтаемы ими лишь съ дозволенія правительства.»

«Патенты на поднятіе японскаго флага на русскихъ судахъ, купленныхъ японскими подданными, будутъ выдаваться за уплатою пошлины въ три бу съ тонны для паровыхъ судовъ, и въ одинъ бу съ тонны для парусныхъ судовъ. Число тоннъ купленнаго судна будетъ опредѣляться на основаніи русскихъ судовыхъ документовъ, которые по просьбѣ японскихъ властей будутъ доставляться имъ консуломъ съ засвидѣтельствованіемъ ихъ подлинности.»

Ст. 9-я. «Японскіе купцы всѣхъ классовъ могутъ торговать непосредственно съ русскими купцами безъ вмѣшательства какихъ либо чиновниковъ правительства, не только въ открытыхъ портахъ Японіи, но и въ Россіи, по полученіи необходимаго разрѣшенія на выѣздъ изъ Японіи, согласно постановленному по сему предмету въ 10-й статьѣ настоящей конвенціи. Японцы въ торговыхъ сношеніяхъ своихъ съ русскими подданными не будутъ подвергаться платежу налоговъ высшихъ противъ тѣхъ, которыми они облагаются при обыкновенныхъ своихъ сдѣлкахъ между собою.»

«Равнымъ образомъ и японскіе князья и находящіяся въ ихъ услуженіи лица могутъ, подъ тѣмъ же условіемъ, отправляться въ Россію, а также и въ открытые порта Японіи,

и торговать тамъ съ русскими свободно и безъ вмѣшательства японскихъ властей, съ тѣмъ однако, чтобы они подчинялись существующимъ полицейскимъ правиламъ и платежу установленныхъ пошлинъ.»

Ст. 10-я. «Японскіе подданные могутъ отправлять свои товары изъ открытыхъ японскихъ портовъ, или изъ русскихъ портовъ, на всякомъ суднѣ, принадлежащемъ японцу или русскому подданному.»

«Кромѣ того имъ разрѣшается отправляться въ Россію для научныхъ или торговыхъ цѣлей, по полученіи паспорта отъ надлежащихъ властей, согласно тому, что опредѣлено по сему предмету въ объявленіи японскаго правительства отъ 11 мая 1866 года. Они могутъ также наниматься на русскія суда для всякаго рода занятій.»

«Японцы, находящіеся въ услуженіи у русскихъ, могутъ получать паспорты на выѣздъ за границу отъ губернатора всякаго открытаго порта.»

Ст. 11-я. «Для безопасности плаванія по близости къ открытымъ портамъ Японіи, японскимъ правительствомъ будутъ поставлены необходимые для этого маяки, буи и вѣхи.

Ст. 12-я. «Настоящая конвенція получитъ силу и дѣйствіе со дня ея подписанія. По утвержденіи ея обоими правительствами, договаривающіяся стороны письменно увѣдомятъ объ этомъ другъ друга; письменнымъ обмѣномъ этимъ будетъ замѣненъ формальный размѣнъ ратификацій.»

Къ конвенціи этой, подписанной русскимъ консуломъ въ Хакодате, Бюцовымъ, и японскимъ уполномоченнымъ, Эдзуре-Кагано-ками, приложены тарифы, вывозный и ввозный, и пояснительныя къ нимъ правила. Товары въ тарифахъ раздѣляются на четыре категоріи; платящіе опредѣленную пошлину, безъ различія стоимости самаго товара, безпошлинные, запрещенные и платящіе пятипроцентную пошлину. Къ запрещеннымъ отнесены только по ввозу опіумъ, а по вывозу рисъ, рожь, пшеница, мука изъ нихъ и селитра.

Б. Отрывки изъ опущенной главы: о правительственномъ устройствѣ Японіи.

. . . . . Мѣстная администрація въ княжескихъ провинціяхъ зависитъ отъ самихъ князей, а въ императорскихъ городахъ ее составляютъ губернаторы, *буніо*, которыхъ всегда бываетъ два. Одинъ, по очереди, живетъ въ городѣ и управляетъ, а другой находится при дворѣ и дѣлаетъ доклады по дѣламъ, относящимся до города. На слѣдующій годъ губернаторы мѣняются ролями, что служитъ для взаимнаго контроля и для того, чтобы одинъ губернаторъ не пріобрѣлъ перевѣса надъ другимъ или не сдѣлался опаснымъ правительству Въ важныхъ случаяхъ оба губернатора проживаютъ вмѣстѣ въ своемъ городѣ и дѣйствуютъ съобща. Губернаторамъ подчинена полиція, состоящая изъ квартальныхъ, (оттоно) и городовыхъ (кахсировъ). Имъ также подвѣдомственны казначеи и вообще весь составъ мѣстной администраціи.

Въ Японіи издавна введены почты, но впрочемъ только легкія, т. е. для пересылки писемъ и для ѣзды чиновниковъ. Съ этою цѣлью устроены въ городахъ почтовыя конторы, а на дорогахъ станціи, гдѣ впрочемъ содержатся не лошади, а люди. Японскій почтарь есть обыкновенно молодой человѣкъ изъ бѣднаго класса, проживающій на станціи почти безотлучно. Какъ только до него доходитъ очередь отправлять службу, онъ долженъ быть готовымъ каждую минуту. Приходитъ почта, т. е. прибѣгаетъ съ нею такой же почталіонъ съ сосѣдней станціи, почтарь принимаетъ отъ него упакованные ящички, вмѣстѣ съ накладною, помѣщаетъ ихъ на концы небольшаго коромысла, которое перекладываетъ, по мѣрѣ надобности, съ одного плеча на другое, и отправляется въ путь. Если погода хороша, т. е. негрязно и не очень жарко или холодно, онъ бѣжитъ съ такою скоростью, что почта дѣлаетъ отъ 120 до 200 верстъ въ сутки. Лѣтомъ почтарь почти нагъ и имѣетъ только сандаліи и поясъ; зи-

мой и въ дождь надѣваетъ онъ соломенный плащъ и шляпу. На большихъ дорогахъ нерѣдко содержится по нѣскольку десятковъ подобныхъ почтарей на каждой станціи Въ случаѣ прибытія какого-либо чиновника, ѣдущаго по службѣ, они же несутъ его норимонъ, получая за то особую поверстную плату. Станціи находятся одна отъ другой въ 7, 10 иногда и болѣе верстахъ. Важнѣшіе приморскія мѣста теперь связаны и пароходными сообщеніями; но только иностранцы не пользуются выгодами отъ этого, а должны бываютъ ждать отхода собственныхъ пароходовъ, для которыхъ станціями служатъ Іокогама, Осака и Нагасаки.

Пути сообщенія въ Японіи, говоря вообще, содержатся въ большой исправности, и если нѣтъ шоссе, то существующія натуральныя дороги мало оставляютъ желать. Онѣ довольно широки и всегда гладки, потому что по нимъ почти нѣтъ экипажной ѣзды. Конныя или воловыя подводы, если и ѣдутъ по дорогѣ, то должны бываютъ держаться окраинъ ея, оставляя средину для пѣшеходовъ, совершенно противно тому какъ у насъ. Гостиницы, или, точнѣе, чайные дома, находятся въ каждомъ селеніи; но нѣкоторыя изъ нихъ пользуются особою извѣстностью и потому чаще другихъ посѣщаются. Когда по дорогѣ слѣдуетъ князь съ большимъ конвоемъ, то ему приготовляются особые ночлеги въ болѣе обширныхъ домахъ, причемъ обычная плата хозяину за постой есть кобангъ. Для бѣдныхъ людей есть постоялые дворы, гдѣ за плату менѣе одной копѣйки можно напиться чаю; усталый бѣднякъ можетъ кромѣ того отдохнуть въ одной изъ бесѣдокъ встрѣчающихся во множествѣ у дорогъ, или просто подъ деревомъ. На японскихъ дорогахъ почти нельзя сбиться, зная языкъ: вездѣ надписи, обозначающія направленіи путей и растояніе мѣстъ отъ Іеддо.

. . . . . Говоря объ военномъ классѣ японскаго общества, мы представили нѣкоторыя указанія о возможной числительности японскихъ вооруженныхъ силъ. Здѣсь еще замѣтимъ,

что до послѣдняго времени японскіе князья обязаны были, въ случаѣ войны, выставлять въ распоряженіе центральнаго правительства вооруженныхъ людей по слѣдующему расчету. На каждыя $9^1/_2$ тысячъ рублей ср. дохода нужно было вооружить 20 пѣхотинцевъ и 2 всадниковъ. Но впрочемъ это предѣльная норма; обыкновенно же для службы употреблялось людей гораздо менѣе. Только тайкуны при этомъ деньги, слѣдовавшія на содержаніе освобожденыхъ отъ службы воиновъ, брали въ свою казну. Пока все занятіе военныхъ людей состояло въ содержаніи наблюдательныхъ постовъ по берегамъ и въ отправленіи полицейскихъ обязанностей, — ежегодные наряды солдатъ и офицеровъ очевидно долженствовали быть незначительными, и потому классъ *лониновъ* былъ весьма многочисленъ. Конечно, офицеры, по крайней-мѣрѣ способнѣйшіе изъ нихъ, находили еще занятія по гражданской службѣ; но положеніе простыхъ ратниковъ было незавидно. Съ началомъ междуусобій и послѣ заведенія регулярныхъ войскъ число лониновъ уменьшилось; но они появятся тотчасъ, какъ только война окончится. Тогда японскому правительству придется подумать о новомъ устройствѣ своихъ вооруженныхъ силъ, при чемъ немаловажную трудность будетъ представлять согласованіе *единства* въ управленіи арміею съ *правомъ* отдѣльныхъ князей содержать свои войска.

Введеніе правильнаго устройства военныхъ силъ и снаряженіе арміи на европейскій манеръ дорого обходится Японіи особенно въ виду того, что одновременно нужно вооружить и важнѣйшіе пункты береговъ страны. Вотъ почему нужно думать, что микадо и его совѣтники прійдутъ къ системѣ ландвера или поголовной милиціи, съ назначеніемъ на дѣйствительную службу въ мирное время только самыхъ малочисленныхъ кадровъ. Но и тутъ предстоитъ не малая трудность. При существующемъ соціальномъ устройствѣ придется на первое время ограничиться поголовнымъ обученіемъ

не всего населенія страны, а только высшаго класса людей и, быть можетъ, волонтеровъ изъ прочихъ сословій. Такое условіе очевидно ограничитъ числительность японской арміи очень небольшою цифрою даже при крайнемъ напряженіи силъ государства. Дать же оружіе *всему* взрослому населенію, безъ различія сословій, японское правительство, по всей вѣроятности, не рѣшится. Причиною вопервыхъ будетъ боязнь самаго правительства, т. е. микадо и князей, имѣть дѣло съ народомъ, въ цѣлой массѣ обученнымъ военному дѣлу, а во вторыхъ вѣроятная оппозиція дворянства и теперешнихъ солдатъ, которые будутъ видѣть въ правѣ каждаго японца носить оружіе нарушеніе своихъ привелегій. Кто знаетъ какъ въ Китаѣ, въ Турціи и даже въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ правительства побаиваются народныхъ ополченій и какъ ревнивы обыкновенно бываютъ къ своимъ преимуществамъ высшіе классы общества: тотъ пойметъ безъ труда, что вопросъ о военной реорганизаціи конечно грозитъ Японіи не менѣе важными затрудненіями, чѣмъ и теперешняя борьба одной партіи дайміосовъ съ другою. Только горячій патріотизмъ народа подаетъ надежду, что переходъ отъ старыхъ военныхъ порядковъ къ новымъ пройдетъ безъ большихъ раздоровъ. Въ этомъ отношеніи поучительно вспомнить непріязнь, съ которою встрѣчены были японскими меченосцами первые ихъ соратники, обучившіеся европейскимъ уставамъ и мѣткой стрѣльбѣ издали: послѣ нѣсколькихъ стычекъ, вызванныхъ обоюдными насмѣшками, мирныя отношенія водворились по прежнему, и меченосцы взялись за изученіе европейской тактики и уставовъ, хорошо сознавая ихъ превосходство.....

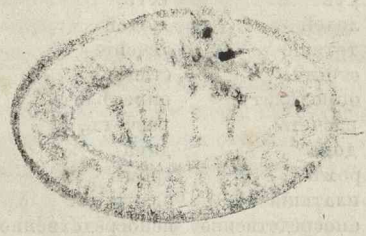
Примѣчаніе. Ни въ настоящихъ «Очеркахъ», ни въ статьѣ г-на Е. Ъ., о которой упомянуто въ «пояснительной замѣткѣ», нѣтъ ничего о государственномъ устройствѣ принятомъ Японіею съ марта мѣсяца 1868 года. Это потому, что свѣдѣнія относящихся сюда, сбичивы, да и самое устройство не уста-

новилось. Впрочемъ сущность дѣла состоитъ въ возстановленіи непосредственнаго владычества микадо, раздѣляющаго власть съ собраніемъ князей. Другая совершившаяся важная перемѣна въ устройствѣ государства состоитъ въ отобраніи отъ фамиліи бывшихъ тайкуновъ тѣхъ земель, которыя составляли непосредственную ея принадлежность; земли эти розданы новымъ лицамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
О средствахъ къ ознакомленію съ Японіей	1
Математическое положеніе и пространство	31
Строеніе почвы; вулканы, землетрясенія	38
Моря, окружающія Японію. Озера, рѣки	53
Климатъ и произведенія Японіи	66
Этнографія Японіи. Аины. Ликейцы	83
Важнѣйшіе населенные пункты	104
Промышленость въ Японіи	144
Различные классы японскаго общества	172
Домашній и общественный бытъ японцевъ	193
Черты нравственности и права	237
Японское язычество и теоріи праведной жизни	250
Письменность и научныя свѣдѣнія	270
О сношеніяхъ Японіи съ иностранцами	283
I. Прежнія сношенія	285
II. Послѣднее девятилѣтіе	327
Хронологія японской исторіи	405
Дополненія: A. Договоры Россіи съ Японіей	424
B. Отрывки изъ пропущенной главы	437

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стрц.	Стрк.	Гдѣ	*Напечатано.*	*Должно быть.*
17		въ сноскѣ.	Ошибка въ нумераціи отдѣловъ, начиная съ V. Религія, съ рисунками божествъ, храмовъ, жрецовъ и пр. Потомъ слѣдуютъ: VI. Промышленность, VII, VIII и IX.	
35	16	сверху	ему	еще
42	13	»	Сикокорѣ	Сикокфѣ
47	2	»	напримѣръ:	напримѣръ на Кіусіу:
57	1	»	$^1/_3$	$^1/_4$
60	4	»	2^0 05 Р.	— 2^0 05 Р.
90	5	»	сдѣлана	сдѣлала
108	15	»	раскрашенными	раскрашенные
119	11	снизу	сть	есть
114	12	»	лодей	дюдей
120	6	»	тетеніе	теченіе
137	3	сверху	стоятъ	стоитъ
145	11	»	опредѣлитъ	опредѣлить
157	1	»	расчеть	расчетъ,
158	7	»	дома	дама
161	1	снизу	ромѣ	кромѣ
171	11	сверху	платацій	плантацій
178	1	снизу	епосредственно	непосредственно
191	14	сверху	Фиценъ	Физенъ
	18	»	Ицуми	Идзумо
206	5	»	Іяснъ	Іеясъ
227	7	снизу	картирѣ	кортежѣ
238	1	»	нутри	внутри
239	7	сверху	представляя	предоставляя
341	6	»	означеннемъ	назначенномъ
253	13	снизу	списіу	синсіу
355	5	»	лишался	лишился
261	4	сверху	изображеніи	изображенія
	10	»	сопвождаемые	сопровождаемые
264	1	»	такъ какъ	такъ же какъ
267	5	снизу	воздержанной	воздержной
294	15	»	капиталъ	капитанъ

Стрц.	Стрк.	Гдѣ	*Напечатано*	*Должно быть*
294	13	снизу	подаетъ	подастъ
	12	»	повинованіи	повиновеніи
	5	»	Симаборы	Симабары
296	10	сверху	религіознаѣо	религіознаго
303	1	»	зараженныя	зараженны
308	1	снизу	здѣлаъ	задѣлъ
314	12	сверху	или	и его
315	5	снизу	вестн	вести
317	4	»	Итурунѣ	Итурупѣ
330	1	»	сей	всей
335	6	»	дутой	душой
355	6	сверху	обходимыя	необходиеые
362	12	снизу	сопротивленія	сопротивленіе
382	15	сверху	обѣщало	обѣщано.